

Адвокат А. Л. Мове

The background of the cover features a stylized illustration of a window with curtains. The curtains are drawn back, revealing a dark silhouette of three skyscrapers against a lighter background. The overall aesthetic is graphic and high-contrast.

ЗА КУЛИСАМИ ЗАЩИТЫ

Памятные страницы

Адвокат А. Л. Мове

ЗА КУЛИСАМИ ЗАЩИТЫ

Памятные страницы

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ (СОДРУЖЕСТВО) АДВОКАТОВ
INTERNATIONAL UNION (COMMONWEALTH) OF ADVOCATES**

**Международный фонд социально-экономических и
политологических исследований (Горбачев — Фонд)
International Foundation for Socio-Economic and Political Studies
GORBACHEV FOUNDATION**

Москва — 1994

Мове А. Л.

За кулисами защиты (Памятные страницы) — М.: “Международный Союз (содружество) адвокатов”, 1994. — 368 стр.

Абрам Львович Мове — один из ведущих адвокатов страны. Родился в 1922 г. в Запорожье на Украине. В 17 лет, по окончании средней школы, добровольцем ушел служить в Красную Армию. Пройдя всю войну, был дважды ранен. Заслуженный участник и инвалид Отечественной войны. Награжден боевыми орденами и медалями.

После войны, в 1949 году, окончил Московский юридический институт и с тех пор, вот уже около 45 лет, работает в адвокатуре.

Профессиональную деятельность А. Л. Мове совмещает с большой общественной работой. Являясь председателем секции уголовного права и процесса Московской областной коллегии адвокатов, А. Л. Мове отдал много сил и энергии созданию в нашей стране Союза адвокатов СССР.

Острые, злободневные выступления в центральной печати, очерки о его работе в газетах “Правда”, “Известия”, “Советская культура”, “Комсомольская правда”, “Неделя”, в журналах “Огонек”, “Журналист”, “Советское государство и право” снискали А. Л. Мове широкую популярность и авторитет среди читателей.

“Памятные страницы” — одна из 5-ти книг автора, публикуемых под рубрикой “За кулисами защиты”.

Представление и предисловие к циклу опубликованы в книге № 1 — “Заметки адвоката”.

© Мове А. Л.

ISBN 5-900566-07-2

Памятные страницы

Начисления % %
 Приходный ордер № 1174
 Счет № 13/111 Удмурт. Р. С. Р.
 Предъявитель
 Прошу ПРИНЯТЬ ВНАД
 Руб. ~~10000~~

Зачислено по платежному поручению
 № 1174 (после вычета) % %
 Проверено бухгалтер

11179 10099-787
 201-84
 Приходный ордер № 1178
 Счет № 13/111 Удмурт. Р. С. Р.
 Предъявитель
 Прошу ПРИНЯТЬ ВНАД
 Руб. ~~10000~~ Коп. ~~10000~~

Принято ОСТАТКИ (после вычета) % %
 10-000 10-000 № 1178
 Сверившись № 1178
 1/86 10294-62
 265-88

Проверено: бухгалтер

Начисления % %
 Приходный ордер № 1174
 Счет № 13/111 Удмурт. Р. С. Р.
 Предъявитель
 Прошу ПРИНЯТЬ ВНАД
 Руб. ~~10000~~ Коп. ~~10000~~

Принято ОСТАТКИ (после вычета) % %
 В В С

Сверившись № _____ Контролер Кассир

Дело Тины Клементьевны Комахидзе. Вклад на предъявителя

13 июля 1978 года бывшая преподавательница Батумского музыкального училища Т. К. Комахидзе оформила в центральной сберкассе г. Тбилиси вклад на предъявителя на сумму 10.000 руб. Сберегательную книжку, — как объяснила позже Комахидзе, — она положила в шкаф, где хранилось белье. А примерно через 1,5 года, когда понадобились деньги (в это время тяжело заболел ее муж — директор Батумской обувной фабрики), Тина Клементьевна решила снять деньги с предъявительского вклада, но к своему ужасу сберкнижку в шкафу не обнаружила. Она, как в воду канула.

Вконец расстроенная Комахидзе побежала в сберкассу, рассказала о пропаже, но там ее успокоили. Оказывается, все это можно просто решить, обратившись в Нарсуд с иском о признании потерянной книжки недействительной и признании за ней права на денежный вклад. Так она и сделала: обратилась к адвокату, тот составил надлежащее исковое заявление в Нарсуд Калининского р-на г. Тбилиси, который этот иск удовлетворил и 14 февраля 1980 г. вынес определение о возврате ей денежного вклада. Правда, до вынесения Определения судом было дано соответствующее объявление в газете и проведена почерковедческая экспертиза, которая 20 января 1980 года дала категорическое заключение о том, что рукописные записи в приходном ордере № П-22486 от 13/VII-78 г., хранящемся в сберкассе, выполнены гр. Комахидзе Т. К.

Прошло почти 5 лет... И вот однажды, это было осенью, а точнее — 24 сентября 1984 г., в ту же сберкассу обратился очень почтенный и солидный человек с весьма импозантной внешностью и, предъявив сберкнижку на предъявителя № П-22486, попросил выдать ему денежный вклад — 10.000 руб. и прилагающиеся по вкладу проценты. Как выяснилось позже, это был Келбакиани Владимир Нестерович — бывший проректор по вечернему и заочному обучению Кутаисского педагогического института.

Последовала, как вы понимаете, немая пауза, после которой возбужденному Владимиру Нестеровичу, который неустанно повторял, что “никакого Комахидзе он знать не знает и никогда не знал”, порекомендовали обратиться в следственные органы, что он и сделал.

Повторно проведенная почерковедческая экспертиза дала заключение, что вышеуказанные тексты в приходном ордере выполнены не Комахидзе, а Келбакиани. Так возникло дело по обвинению Т. К. Комахидзе по ст. 96-1 УК Грузинской ССР, в хищении из сберкассы, путем мошенничества, гос. денежных средств в особо крупном размере.

Комахидзе, конечно, не признавала себя виновной, в подтверждение внесения вклада ссылалась на свидетеля — свою сестру, в присутствии которой она оформляла внесение денег в сберкассу. Свидетель Ламара Комахидзе показания Т. Комахидзе подтвердила. Но и Келбакиани не отступался от своего и доказывал, что деньги внес в сберкассу в присутствии тестя, Чинчаладзе Михаила Ивановича, доцента одного из тбилисских институтов, который, разумеется, тоже это подтверждал.

Но самым поразительным, самым загадочным и непостижимым во всем этом деле были те приходные кассовые ордера, которые в качестве образцов для проведения почерковедческой экспертизы, многократно заполняли Комахидзе и Келбакиани. Необыкновенное сходство почерка, манера письма и даже ошибки, абсолютно нетипичные и несвойственные высокообразованным и грамотным людям — могли сбить с толку кого угодно. А в данном случае, как мне кажется, это вконец запутало те многочисленные почерковедческие экспертизы, которые многократно проводились не только в Тбилиси, но и в Москве и Вильнюсе.

Позволю себе продемонстрировать *подлинник* приходного кассового ордера и два *экспериментальных* образца того же приходного ордера, один из которых заполнен Комахидзе, а другой — Келбакиани. Мыслимо ли здесь что-нибудь понять?

Документ

1 11/79 10099-787
901-24

Приходный ордер
счет № 51 20 186

13/11/1986 г.

Пред. свидетелем 13

Прошу ПРИНЯТЬ вклад

Руб 247 200

ОСТАТКИ (после внесения)
10500
10-000 1982

Сберкасса 3576
1/186 10294-62
245-88

Копия
Проверка:
Бухгалтер

060404
№ 25-88

Приходный кассовый ордер (подлинник)

Образец

Ф. № 51/36

Начислены % к _____ р. _____ к.	Приходный ордер Счет № _____	
19/11/1978 г.		
<u>Трещевителс</u>		
(фамилия, имя и отчество вкладчика)		
Прошу ПРИНЯТЬ вклад		
_____ руб. _____ коп.		
Руб. _____ Коп. _____		
(подпись лица принимающего вклад)		
Принято	ОСТАТКИ (после взноса) Вклада	% %
Сберкасса № _____	Контролер _____	Кассир _____
		Проверен: Бухгалтер _____

Экспериментальный образец приходного кассового ордера, исполненный Комахидзе

Образец

Ф. № 51/36

Начислены % к _____ р. _____ к.	Приходный ордер Счет № _____	
19/11/1978 г.		
<u>Трещевителс</u>		
(фамилия, имя и отчество вкладчика)		
Прошу ПРИНЯТЬ вклад		
_____ руб. _____ коп.		
Руб. _____ Коп. _____		
В Н Е С:		
Принято	ОСТАТКИ (после взноса) Вклада	% %
Сберкасса № _____	Контролер _____	Кассир _____

Экспериментальный образец приходного кассового ордера, исполненный Келбакиани.

Что творилось в судебном заседании в Тбилиси во время рассмотрения дела, передать словами трудно. Подогревалось же все еще и публикациями, появившимися незадолго до возбуждения дела, в газете "Заря Востока". Вот одна из этих публикаций.

"Строго наказаны"

19 марта с. г. в газете "Заря Востока" было опубликована статья "Маска", в которой шла речь о преступной деятельности бывшего доцента Кутаисского педагогического института Б. Пхакадзе, систематически вымогавшего взятки со студентов, а также атмосфере попустительства, неэффективном руководстве со стороны ректората, просчетах в работе партийной организации вуза. Факты, приведенные в статье, подтвердились. Данный случай был обсужден на открытом партийном собрании, в работе которого принял участие члены бюро Кутаисского ГК КП Грузии во главе с первым секретарем М. Асланикашвили.

21 мая с. г. бюро Кутаисского ГК КП Грузии рассмотрело вопрос о факте взяточничества, выявленного в Кутаисском пединституте, и признало неудовлетворительной работу его ректората и парткома по созданию в институте атмосферы непримиримости к негативным явлениям и укреплению дисциплины. Бюро Кутаисского ГК КП Грузии объявило ректору института О. Бакурадзе и секретарю парткома К. Сванадзе строгий выговор, строгий выговор с занесением в учетную карточку — проректору по учебно-воспитательной работе З. Габричидзе. Выговоры были объявлены проректору по вечернему и заочному обучению В. Келбакиани и проректору по идейно-воспитательной работе В. Суладзе. Было принято к сведению, что они оба освобождены от занимаемых должностей согласно личным

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЗАРИ ВОСТОКА»

СТРОГО НАКАЗАНЫ

19 марта с. г. в газете «Заря Востока» была опубликована статья «Маска», в которой шла речь о преступной деятельности бывшего доцента Кутаисского педагогического института Б. Пхакадзе, систематически вымогавшего взятки со студентов, а также атмосфере попустительства, неэффективного руководства со стороны ректората, просчетах в работе партийной организации вуза. Факты, приведенные в статье, подтвердились. Данный

случай был обсужден на открытом партийном собрании, в работе которого принял участие члены бюро Кутаисского ГК КП Грузии во главе с первым секретарем М. Асланикашвили.

21 мая с. г. бюро Кутаисского ГК КП Грузии рассмотрело вопрос о факте взяточничества, выявленного в Кутаисском пединституте, и признало неудовлетворительной работу его ректората и парткома по созданию в институте атмосферы

непримиримости к негативным явлениям и укреплению дисциплины. Бюро Кутаисского ГК КП Грузии объявило ректору института О. Бакурадзе и секретарю парткома К. Сванадзе строгий выговор, строгий выговор с занесением в учетную карточку — проректору по учебно-воспитательной работе З. Габричидзе. Выговоры были объявлены проректору по вечернему и заочному обучению В. Келбакиани и проректору по идейно-воспитательной ра-

боте В. Суладзе. Было принято к сведению, что они оба освобождены от занимаемых должностей согласно личным

Назвал ЕКАКУРМАЗЕ
секретарь Кутаисского ГК
КП Грузии.

заявлениям. Выговор объявлен бывшему декану филологического факультета И. Адвешвили. Было принято к сведению, что она переизбрана с должности декана. Секретарю партбюро филологического факультета Л. Тандилашвили объявлен выговор. Строгий выговор объявлен заведующей кафедрой русского языка А. Курцхалия.

Нанули Какауридзе, секретарь
Кутаисского ГК КП Грузии.

Не стану подробно описывать все перипетии дела, скажу лишь, что закончилось оно в то время очень грустно: Приговором коллегии Тбилисского городского суда от 17 марта 1986 г. Комахидзе была осуждена по статье 96-1 УК Грузинской ССР к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества, и прямо в зале суда взята под стражу.

Можно только представить себе состояние этой несчастной женщины, состояние ее родных и близких. А что касается меня, то скажу без преувеличения, что более тяжких переживаний, чем в подобных ситуациях, когда твоего подзащитного прямо из зала судебного заседания берут под стражу, в своей адвокатской жизни мне переносить не доводилось.

С таким жестоким приговором защита, естественно, согласиться не могла, и на него были поданы сразу две кассационные жалобы (основная и дополнительная). Одну из них, содержащую наиболее исчерпывающий перечень доводов адвоката, позволю себе привести.

Из досье адвоката

**С судебную коллегию по уголовным делам
Верховного суда Грузинской ССР**

Адвоката А. Л. Мове 123242, г.
Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная юридиче-
ская консультация

По делу

Комахидзе Тины Клементьевны,
осужд. приговором коллегии
Тбилисского городского суда от
17/III-86 г. по ст. 96-1 УК ГССР
на 10 лет лишения свободы с
конфискацией имущества

Кассационная жалоба

Речь идет не просто о судебной ошибке, а о грубом нарушении закона, требующем безотлагательного вмешательства и исправления.

I.

1. В нарушение требований ст. 317 УПК ГССР и п. 6 Руководящего постановления Пленума Верховного суда ССР № 4 от 30/VI-69 г. "О судебном приговоре" квалификацию действий Комахидзе ст. 96-1 УК суд в приговоре ничем не мотивировал. Очевидно, что только по одним этим соображениям данный приговор не может быть оставлен в силе. Тем более, что из Постановления о предъявлении Комахидзе обвинения, Обвинительного заключения и судебного приговора вытекает, что Комахидзе похитила не государственное, а личное имущество — денежный вклад гр. Келбакиани, находящийся на хранении в сберегательной кассе.

По этому поводу суд в приговоре записал (дословно):

"Обвиняемая Комахидзе Т. К. неустановленным следствием путем и средствами узнала, что в сберкассе Калининского р-на № 3525 на вышеуказанном счете (№ 22486 от 13/VII-78 г.) находится вклад на предъявителя на сумму 10.000 руб. и решила путем мошенничества похитить его. С этой целью 10/IV-79 г. она обратилась в Калининский райнарсуд с иском заявлением..."

И далее:

"14/II-80 г. Народный суд Калининского р-на своим решением удовлетворил иск, на основании чего 10/III-80 г. Комахидзе получила в сберкассе внесенный Келбакиани вклад в сумме 10.334 руб. с начислением процентов, которые присвоила" (копия приговора, л. д. 1, 2).

Аналогичная ссылка содержится и в Обвинительном заключении.

При оценке действий Комахидзе нельзя не учитывать и следующего:

Общеизвестно, что сберегательные кассы не во всех случаях несут материальную ответственность перед лицами, сдавшими им деньги на хранение.

В тех случаях, когда сберкассы не несут такой ответственности, действия лиц, виновных в получении денег в сберкассах (по аккредитивам, сберкнижкам и т. п. документам) должны квалифицироваться как хищение *личного*, а не государственного имущества.

.Такой точки зрения придерживается судебная практика, *строго охраняя при этом интересы государства* и не допуская *повторной* выдачи сберкассами денежных средств. (Перечень судебной практики приложен к основной кассационной жалобе).

В данном конкретном случае, как это усматривается из приговора суда, Комахидзе получила деньги в сберкассе согласно Решению народного суда Калининского района г. Тбилиси от 14/II-80 г., которому предшествовала *публикация в газете*.

Законодательством предусмотрено, что в том случае, если в течение 3 месяцев *держатель* документа (сберкнижки) не заявит в суд о своих правах, сберегательная касса снимает с себя всякую материальную ответственность за выдачу денежного вклада (т. н. *вызывное производство*),

“Держатель документа, не заявивший по каким-либо причинам своевременно о своих правах на этот документ, — гласит ст. 282 ГПК ГССР, — после вступления в законную силу решения суда о признании документа недействительным, может предъявить к лицу, за которым признано право на получение нового документа взамен утраченного, иск о неосновательном приобретении или сбережении имущества”.

Это же вытекает из сообщения Грузинского Управления Гострудсберкасс (т. 1 л. д. 55-56).

О том, что после публикации сберкасса снимает с себя ответственность за выдачу вклада, Комахидзе была предупреждена (см. ее показания в суде). Таким образом, даже если исходить из того, что при предъявлении иска об утере сберегательной книжки Комахидзе ввела суд в *заблуждение*, сославшись на то, что именно она, а не другое лицо, внесла 13/VII-78 г. в сберкассу деньги в сумме 10.000 руб. (вклад на предъявителя), эти ее действия надлежало квалифицировать не ст. 96-1, а ст. 153 ч. III УК, как завладение путем мошенничества *личным*, а не государственным имуществом.

Квалифицировав действия Комахидзе ст. 96-1 УК, суд тем самым не только допустил грубую правовую ошибку, но и признал за Келбакиани право на *повторное* получение в сберегательной кассе крупной суммы денег, которая с учетом начисления процентов за 8 лет (1978-1986 г.) составит 14-15 тыс. руб.

Представляется, что подобное решение суда не только наносит ущерб интересам Комахидзе, но и вряд ли *сообразуется с задачей суда по охране государственного имущества, ведет к прямой растрате гос. денежных средств.*

2. Правовая неосведомленность, проявившаяся в явно необоснованной квалификации действий Комахидзе ст. 96-1 УК ГССР (вместо ч. III ст. 153 УК), в данном конкретном случае привела к *противозаконному возбуждению уголовного дела и аресту Комахидзе* (в 1982 г. ей уже было 55 лет), вопреки требованиям ст. 5 п. 4 УПК ГССР и п. 1, 2 и 9 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27/XII-82 г. "Об амнистии в связи с 60-летием СССР", а в настоящее время — к *противозаконному осуждению ее к 10 годам лишения свободы и многомесячному содержанию под стражей в условиях тюремного режима*, вопреки требованиям п. 1, 2 и 9 Указа "Об амнистии" от 27/XII-82 г. и п. 4 и 8 Указа президиума Верховного Совета СССР от 26/IV-85 г. "Об амнистии в связи с 40-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов".

Таким образом, допущенную следственными органами грубую правовую ошибку, связанную с *незаконным возбуждением дела и арестом Комахидзе*, суд своим приговором не только *не устранил*, а, наоборот, *серьезно усугубил*.

II

Обвинение Комахидзе построено на *единственном доказательстве* — *заключении почерковедческой экспертизы.*

В нарушение требований ст. 63 УПК ГССР и п. 14 руководящего Постановления Пленума Верховного суда СССР № 1 от 16/III-71 г. "О судебной экспертизе по уголовным делам", к заключению указанной экспертизы следственные органы и суд отнеслись *некритически.*

В частности:

1. Допрошенная в процессе следствия *эксперт Подунай Н. Г.* заявила:

"Почерковедческая экспертиза полна субъективизма" (т. 1 л. д. 251)

Несложно убедиться, что это не личное мнение эксперта Подунай, а мнение многих ученых и практиков-специалистов в области почерковедческой экспертизы.

Так, Р. М. Ланцман в своей монографии *"Кибернетика и криминалистическая экспертиза почерка"* пишет:

"Несмотря на то, что за последние годы усилиями экспертов-практиков и научных работников сделано немало для уточнения общей методики экспертизы почерка, последняя, как и много лет назад, проводится каждым экспертом на основании собственного зрительного восприятия ("видения")..."

И далее:

"Ясно, что для решения сложных задач криминалистической идентификации человека по почерку отмеченных критериев недостаточно" (Издательство "Наука" Академии Наук СССР, Москва, 1968 г., стр. 4-5).

Истории известно немало случаев, когда на международные аукционы представлялись (и продавались по баснословным ценам) *рукописи* различных знаменитых писателей, поэтов, ученых и пр., прошедшие не одну высокоавторитетную почерковедческую экспертизу и оказавшиеся впоследствии искусными *подделками*.

Именно поэтому в настоящее время и применяется кибернетический метод (с помощью ЭВМ) идентификации почерка.

Представляется, что, только по одним этим соображениям, строить обвинение на единственном доказательстве — заключении почерковедческой экспертизы — *недопустимо*.

2. Как на следствии, так и в судебном заседании подс. Комахидзе объяснила, что заполняла она приходный ордер простой *перьевой* ручкой и чернилами, находившимися в сберкассе. При этом Комахидзе уточнила, что

"перо плохо писало, кончик был испорчен". (Протокол суд. заседания, т. 2 л. д. 54-об., 94)

Что касается Келбакиани, то последний на всем протяжении следствия и в судебном заседании *категорически* настаивал на том, что в приходном ордере он учинил записи собственной *авторучкой*.

В частности, в своем заявлении в прокуратуру Калининского р-на 12/Х-84 г. Келбакиани писал (*собственноручно*):

“Я сказал зав. сберкассой, что приходный ордер заполнен мною *авторучкой* с чернилами и т. д.” (т. 1 л. д. 2).

Аналогичные показания дал Келбакиани на допросе 26/Х1-84 г., где он пояснил (показания написаны *собственноручно*):

“Контролер сберкассы дал мне соответствующую форму, которую я заполнил *своей авторучкой* с чернилами...” (т. 1 л. д. 104).

Эти свои показания Келбакиани подтвердил в судебном заседании 16/Х-85 г., где он объяснил:

“Я собственной *автоматической* ручкой заполнил ордер на предъявителя и отдал контролеру...” (Протокол суд. заседания — т. 2 л. д. 82)

И далее:

“Я сам заполнил ордер *собственной* ручкой, в которой были чернила светлого цвета”. (там же, л. д. 84).

В связи с вышеуказанными показаниями Комахидзе и Келбакиани, защитой было заявлено в суде ходатайство о проведении повторной *комплексной экспертизы* для установления не только того, кем был исполнен текст исследуемого приходного ордера, но и того, *какой ручкой* (перьевой или автоматической) был выполнен этот текст (см. ходатайство — т. 2 л. д. 105-108).

Данное ходатайство, с учетом *категорического* характера показаний Комахидзе и Келбакиани, суд удовлетворил, и в своем *Определении* о назначении комплексной *экспертизы* записал (дословно):

“Во всех своих показаниях на следствии и в суде Комахидзе поясняла, что бланк приходного ордера она заполняла с помощью *перьевой* ручки и чернил, имевшихся в сберкассе. В то же время Келбакиани, как на следствии, так и в суде,

заявлял, что он заполнил приходный ордер своей *автоматической ручкой...*" (т. 2 л. д. 129)

После того, как дело поступило для проведения экспертизы во ВНИИСЭ, оно было возвращено в суд с *ходатайством* экспертов о представлении на экспертизу авторучки Келбакиани и перьевой ручки, которой был выполнен текст Комахидзе (см. ходатайство экспертов Даниловича и Честновой — т. 2 л. д. 147-148).

На запрос суда Келбакиани вновь *подтвердил*, что заполнял приходный ордер своей авторучкой, которая, однако, у него не сохранилась, в связи с чем суд удовлетворил ходатайство экспертов частично и своим сообщением от 20/1-86 г. уведомил их о том, что

"представить авторучку Келбакиани, так же как и документы, заполненные этой ручкой в 1978 г., нет возможности, ибо они у гр. Келбакиани не сохранились". (см. т. 2 л. д. 149)

Проведенная по делу *судебно-техническая экспертиза* полностью подтвердила показания Комахидзе и *категорически опровергла* показания Келбакиани, дав заключение о том, что рукописные записи в приходном ордере выполнены *перьевой ручкой с пером первого класса (острый пишущий конец)*, а не *автоматической перьевой ручкой*. (т. 2 л. д. 158-160, 161-162)

А проведенная по делу *почерковедческая экспертиза* подтвердила показания Комахидзе о неисправности пера ручки и отметила в тексте исследуемого ордера признаки *снижения координации движений первой группы*, которые, в частности, могли быть связаны с *"плохими расписывающими свойствами пишущего прибора"*. (См. Раздел II "Исследования" — т. 2 л. д. 151-154).

Только после того, как Келбакиани стало известно заключение вышеуказанных экспертиз, он *изменил* свои многократные показания и заявления и в суд. заседании 13/III-86 г. показал, что он "не исключает того, что мог заполнить ордер перьевой ручкой".

Эти предположительные показания Келбакиани, противоречащие всем ранее данным им категорическим показаниям и заявлениям на протяжении 1,5 лет в процессе следствия, в суде, по запросу суда в связи с ходатайством экспертов, суд положил в основу обвинения Комахидзе,

искусственно отстранив тем самым серьезные противоречия, возникшие между заключениями почерковедческой и судебно-технической экспертизами.

Комментарии, думается, излишни.

3. В связи с серьезными противоречиями, возникшими между заключениями почерковедческой и судебно-технической экспертизами, защитой в судебном заседании 13/III-86 г. было заявлено ходатайство об истребовании из сберкассы г. Кутаиси, где по объяснениям Келбакиани у него имеется денежный вклад, всех заполненных им приходных и расходных ордеров и проведении повторной почерковедческой экспертизы в одной из НИЛСЭ г. Ленинграда или прибалтийских республик, где применяется кибернетический метод идентификации почерка с помощью ЭВМ.

Данное ходатайство защиты суд безмотивно отклонил. При этом не было учтено следующее:

а) При проведении повторной почерковедческой экспертизы эксперты ВНИИСЭ игнорировали и не исследовали все те экспериментальные образцы почерка Комахидзе и Келбакиани, которые были отобраны 17/X-85 г. в суде (40 образцов почерка на приходных кассовых ордерах — т. 2 л. д. 137, 138, 139, 140).

Свое заключение эксперты построили только на исследовании экспериментальных образцов почерка Комахидзе и Келбакиани, отобранных у них на следствии следователем Кобахидзе (образцы № 1-10, т. 2 л. д. 143 и 145), сославшись при этом на то, что

“при исследовании почерков, которыми выполнены исследуемые тексты приходных ордеров № 1-10 выявлены две индивидуальные совокупности общих и частных признаков, достаточные для того, чтобы сделать вывод о выполнении приходных ордеров № 1-6 одним лицом и № 7-10 — другим лицом”. (См. Заключение экспертизы, раздел “Исследование”, п. 1 “а” и “б”).

О каких двух индивидуальных совокупностях общих и частных признаков, идет речь в экспертном заключении — понять из заключения экспертов невозможно, свой вывод в этой части эксперты надлежащими фото-таблицами не проиллюстрировали.

И все это при том, что в Определении Горсуда от 18/Х-85 г. о назначении комплексной экспертизы, прямо указывалось на то, что "в материалах дела *отсутствуют протоколы изъятия экспериментальных образцов почерка Комахидзе и Келбакиани*", что "по утверждению Комахидзе, все 6 приходных ордеров, фигурирующих в деле в качестве образцов почерка Келбакиани и подписанных им (на оборотной стороне), *в действительности исполнены ею*" (л. 3 Определения).

Все эти важные указания суда, равно как и предписание суда произвести экспертизу не на основании *образцов почерка*, отобранных на следствии с нарушением ст. 96 и 186 УПК ГССР, а на основании образцов почерка, отобранных *в судебном заседании*, Яблоковой и Володиной были игнорированы.

б) Игнорировали эксперты и другое важное предписание суда об учете, при даче экспертного заключения, *грамотности исполнителей текста* (знание русского языка и правописания) — вопрос № 6.

Отвечая на этот вопрос, эксперты сослались на *идентичность уровня орфографических навыков (грамотности) автора подлинника приходного ордера с грамотностью автора экспериментальных образцов почерка (Келбакиани)* — раздел II Заключения.

Данное заключение дано с грубым нарушением *методических указаний* по производству почерковедческих экспертиз, согласно которым эксперты, при даче заключения о грамотности исполнителя текста, должны, прежде всего, принимать во внимание не экспериментальные образцы почерка (в которых подозреваемое лицо может намеренно *искажать* уровень своей грамотности (что и имело место со стороны Келбакиани — т. 2 л. д. 142), а *свободные* образцы почерка предполагаемого исполнителя текста.

Если бы эксперты придерживались этого непреложного требования Методических указаний, они без всякого труда убедились бы в том, что Келбакиани отлично владеет русским языком, пишет по-русски *исключительно* грамотно (см. т. 1 л. д. 124, 140-141, 142 и др.), в то время как Комахидзе очень плохо владеет русским языком, пишет по-русски безграмотно (см. свободные образцы ее почерка — т. 1 л. д. 29, 38, 39).

Таким образом, вывод экспертов о том, что безграмотный текст приходного ордера выполнен Келбакиани, *противоречит*

имеющимся в деле *свободным образцам* почерка Келбакиани, свидетельствующим о высокой грамотности Келбакиани, отличном знании им правил правописания *русского языка*.

Ссылка Келбакиани на то, что *часть* указанных свободных образцов, *изъятых из института*, он переписал после исправления ошибок в черновиках специалистом русского языка, является абсолютно *голословной*, т. к. в этом случае (при переписке с черновиков) в тексте неизбежно бы появились признаки рисовки, снижения координации движения.

Помимо этого, данное утверждение Келбакиани опровергается имеющимися в деле *свободными образцами* документов, которые, по утверждению Келбакиани, выполнены им *без посторонней помощи* (т. 1 л. д. 140-141) и *экспериментальным образцом* почерка (*автобиография*), отобранным у него в процессе следствия, 24 ноября 1984 г., следователем (т. 1 л. д. 130), которые исполнены очень *грамотно*.

в) Келбакиани по профессии *математик*.

Из имеющейся в деле его *автобиографии* (написана собственноручно) усматривается, что по окончании средней школы Келбакиани в 1956 г. *с отличием* окончил *математический* факультет Кутаисского пединститута, после чего в течение 3 лет работал преподавателем *математики* в средней школе. В дальнейшем он читал лекции и проводил практические занятия на *математическом* отделении пединститута, в 1962-64 гг. сдал кандидатские экзамены по *методике* преподавания *математики*, в 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени *кандидата математических наук*, является *проректором* института, преподавал в институте *математику* (см. Автобиографию — т. 1 л. д. 130).

И при всем этом, Келбакиани пытается убедить следственные органы и суд, что он как *математик* не знает, как пишется по-русски прописью *цифра "10"*, как пишется прописью по-русски *цифра "1.000"*.

В написании по-русски цифры "*десять*", Келбакиани (если верить почерковедческой экспертизе) в *подлинном* приходном ордере допустил две орфографические ошибки ("*десит*"), а в написании цифры "*тысяча*" — *одну* орфографическую ошибку ("*тисяча*") — т. 2 л. д. 161. Эти же ошибки Келбакиани упорно продолжает допускать и во всех экспериментальных образцах своего почерка (т. 2 л. д. 139-140, 142, 143; т. 1 л. д. 123 и т. д.).

Думается, что комментировать все это нет никакой необходимости.

г) Отвечая на вопрос о том, почему заключение данной экспертизы расходится с заключением экспертизы № 1, проведенной в НИЛСЭ при Министерстве юстиции ГССР 28/1-80 г. и давшей категорическое заключение о том, что текст в исследуемом приходном ордере выполнен гр. Комахидзе (т. 1 л. д. 42-43), эксперты Яблокова и Володина сослались на то, что в том случае исследование было проведено на недостаточном сравнительном материале, в связи с чем

"Признаки, характерные для группы близких по строению и сходных почерков, были оценены как совпадающие признаки" (см. раздел III "Исследования" экспертизы — т. 2 л. д. 151-154).

Ошибка первоначальной экспертизы, таким образом, объясняется экспертами Яблоковой и Володиной *сходством почерков* Комахидзе и Келбакиани.

В действительности же, все обстоит абсолютно не так. Экспериментальные образцы почерков Комахидзе и Келбакиани действительно очень похожи (см. т. 2 л. д. 137-138, 139-140, 141 и 142 и т. д.).

Но главное, однако, состоит не в этом, а в том, что оба лица, как Комахидзе, так и Келбакиани, во всех экспериментальных образцах *допускают одни и те же четыре грамматические ошибки*, и даже дату заполнения ордера проставляют *своеобразно*: "13/VII июля 78 г." (см. те же образцы).

Дело, таким образом, не в сходстве почерков, а в том, что один из авторов вышеуказанных образцов (Комахидзе или Келбакиани) *подделывает* почерк другого, *подделывает* почерк, которым заполнен *подлинный* приходный кассовый ордер.

Между тем, ни одна из *трех* почерковедческих экспертиз, пришедших к выводу о том, что текст приходного ордера выполнен Келбакиани, не утверждает, что в экспериментальных образцах почерка Комахидзе имеются следы *рисовки*, искусственного подражания почерку Келбакиани и т. п. (см. акты экспертиз).

Данное обстоятельство внушает самое серьезное сомнение в достоверности проведенных экспертиз, исключает возможность строить обвинение на этом *единственном* доказательстве, противоречащем заключению судебно-тех-

нической экспертизы и не подтвержденном никакими другими доказательствами.

д) При оценке заключения почерковедческой экспертизы нельзя не учитывать и личности Комахидзе, которая в прошлом себя ничем *не запятнала*.

Почти 40 лет, с 1947 г. Т. Г. Комахидзе является *членом КПСС*. В 1966 г. она окончила исторический факультет Батумского педагогического института и в течение 15 лет работала в качестве *преподавателя* музыкального училища. В настоящее время Комахидзе Т. Г. 60 лет, она пенсионерка, страдает рядом тяжелых заболеваний. Муж Комахидзе (ныне умерший гр. Долидзе В.) в прошлом директор Батумской ф-ки, гл. инженер "Дома моделей". У Комахидзе имеется сын, Долидзе Л. В. — врач-уролог и двое малолетних внуков.

В прошлом Комахидзе Т. К. *не судима*.

е) В заключение нельзя не обратить внимание на то, что гр. Келбакиани обратился в сберкасса за получением денег только в сентябре 1984 г., т. е. через 6 лет после открытия лицевого счета, и именно тогда, когда в г. Кутаиси было возбуждено дело о поступлении в Кутаисский пед. институт за *взятки*, в связи с чем Келбакиани (постоянный член *приемной комиссии*) был освобожден от должности проректора института (см. статью "Строго наказаны", газета "Заря Востока" от 31/VII-85 г. — т. 2 л. д. -87).

О других доказательствах, положенных в основу приговора.

1. Несостоятельна ссылка суда на подтверждение объяснений Келбакиани показаниями его *знакомого* — Михаила Ивановича Чинчаладзе (копия приговора, стр. 5).

Как выяснилось Чинчаладзе вовсе не знакомый Келбакиани, как он это пытался представить, а его *тесть* (см. показания Чинчаладзе и Келбакиани — т. 1 л. д. 93, 104, т. 2 л. д. 82 и др.), и к его показаниям надлежит относиться так же критически, как это сделал суд и в отношении показаний *сестры* Комахидзе — Л. К. Комахидзе (копия приговора, стр. 10).

2. Ссылка суда на то, что в процессе следствия Комахидзе давала *противоречивые* показания, что якобы на допросе 6/XI-84 г. она утверждала, что 10 тыс. руб. являлись "семейным сбережениями", что на допросе 21/II-85 г.

она изменила эти показания, что она утверждала, что после обнаружения пропажи сберкнижки в 1978 г. она обратилась к зав. сберкассой, который

"был женского рода, а по материалам дела установлено, что в этот период зав. сберкассой работало не лицо женского рода, а Ш. М. Рамишвили" (копия приговора, стр. 9-10)

на материалах дела не основана.

На допросе 6/XI-84 г. Комахидзе не утверждала, что 10.000 руб. являлись семейными сбережениями, а объясняла, что деньги эти ей передал для внесения в сберкассу муж, что деньги были от продажи дома (т. 1 л. д. 64-73).

В показаниях, на которые ссылается суд в приговоре, Комахидзе не говорила, что она обратилась к зав. сберкассой — женщине.

"Я обратилась в кабинет заведующего, — показала на этом допросе Комахидзе, — он позвал женщину и попросил принести карточку, на которой наложил резолюцию и т. д.". (т. 1 л. д. 316-317).

Аналогичные показания дала Комахидзе и на других допросах (т. 1 л. д. 341 и др.).

3. Необоснованно утверждение суда о том, что якобы на каких-то "последующих допросах Комахидзе отрицала то обстоятельство, что в сберкассу ее сопровождала сестра Ламара Комахидзе" (копия приговора, стр. 10).

По изложенным соображениям прошу коллегия Верховного Суда ГССР приговор коллегии Тбилисского Городского суда отменить и дело в отношении Комахидзе Т. К. в уголовном порядке производством прекратить за недоказанностью предъявленного ей обвинения.

Адвокат
"27" марта 1986 г.

 А. Л. Мове

Дело по кассационным жалобам защиты рассматривалось коллегией по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР под председательством исключительно грамотного, многоопытного и толкового члена Верховного суда О. Джигладзе. Это во много предопределило исход дела в этой инстанции. Мое выступление, и без того довольно не

краткое (сократить его до минимума я так и не смог), неоднократно прерывалось очень острыми и тонкими вопросами председательствующего, ответы на которые во многом способствовали фиксации наиболее слабых мест судебного приговора.

Определение коллегии Верховного Суда СССР от 11.04.86 г. приговор был отменен и дело обращено на дополнительное расследование.

Обо всем том, что происходило далее расскажет нижеприведенная моя жалоба.

Из досье адвоката

Генеральному Прокурору Союза ССР

№ 16/2614-85

Адвоката А. Л. Мове
123242, г. Москва,
ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная
юридическая консультация

По делу

Комахидзе Тины Клементьевны,
обв. по ст. 96-1 УК Грузинской
ССР

Жалоба

Обстоятельства заставляют меня обратиться лично к Вам и просить Вашего личного вмешательства, с целью пресечения беззакония, поскольку все предыдущие заявления неизменно направлялись в Прокуратуру СССР, что в конечном итоге привело к беспрецедентной волоките и незаконному содержанию под стражей свыше года пенсионерки Комахидзе Т. К.

11.04.86 г. кассационная инстанция — коллегия Верховного суда СССР отменила незаконный приговор Тбилисского Городского суда, которым Комахидзе была осуждена к 10 годам лишения свободы, и возвратила указанное дело на дополнительное расследование.

После этого мною было получено сообщение за подписью Нач. следственного Управления Прокуратуры СССР т. З. М. Квирквелия от 22/V-86 г. № 02-Н-86 о том, что дело Комахидзе 15/V-86 г. направлено на доследование в Прокуратуру г. Тбилиси (копия прилагается).

Однако 12/VI-86 г., через месяц после возвращения дела в прокуратуру г. Тбилиси (15/V-86 г.), в мой адрес поступило сообщение Первого заместителя прокурора г. Тбилиси т. Т. С. Тугуши) № 02/706-86) о том, что прокуратурой г. Тбилиси внесено представление в прокуратуру ГССР о внесении по данному делу протеста в Президиум Верховного суда ГССР на предмет отмены вышеуказанного Определения коллегии Верховсуда ГССР.

Такой протест прокуратурой ГССР действительно был принесен в Президиум Верховного суда ГССР, но 26/VIII с/г этот протест Прокурором ГССР был снят и дело возвращено в прокуратуру г. Тбилиси.

В результате всей этой волокиты в течение 6 месяцев после отмены судебного приговора (11/IV с/г) никаких следственных действий по делу Комахидзе не проводилось, дело заволокичено, а Кимахидзе, 60-летняя пенсионерка, серьезно больная женщина, продолжает находиться под стражей, и в общей сложности в тяжелых условиях тюремного заключения находится более года (фактически без санкции Прокурора ГССР).

Нельзя не обратить внимание и на следующее:

На всем протяжении следствия и в судебном заседании Комахидзе неизменно объясняла, что 13/VII-78 г. она внесла в сберегательную кассу 10.000 руб. (на предъявителя), а затем, в связи с утерей сберкнижки, вынуждена была обратиться в народный суд с заявлением о признании за ней права на указанный вклад.

В точном соответствии с законом, по предложению суда, в газете г. Тбилиси была помещена соответствующая публикация, после чего суд, проведя графическую экспертизу, которая признала, что приходный ордер сберкассы заполнен Комахидзе, 14/VII-80 г. вынес решение, которым удовлетворил иск Комахидзе, выдал ей надлежащий исполнительный лист, по которому Комахидзе получила в сберкассе 10.300 руб.

Комахидзе одновременно объясняла, что тогда, когда ей в суде предложили дать публикацию в газете, то объяснили, что это необходимо для того, чтобы сберкасса сняла с себя ответственность за выдачу вклада (см. Протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 21).

И действительно, законодательством предусмотрено, что в том случае, если в течение 3 месяцев *держатель документа* (сберкнижки) не заявит в суд о своих правах, сберегательная касса снимает с себя всякую материальную ответственность за выдачу денежного вклада (т. н. *вызывное производство*).

Это же *вытекает из сообщения Грузинского Управления Гострудсберкасс* (т. 1 л. д. 55-56).

Невзирая на все это, 17/X-84 г., т. е. через 6 лет после выдачи Комахидзе денежного вклада, прокуратурой Калининского р-на г. Тбилиси против нее было возбуждено уголовное дело по признакам ст. 96 УК ГССР только на том основании, что 28/IX-84 г. в сберкассе обратился гр. Келбакиани, предъявил сберкнижку и заявил, что деньги в сберкассе в 1978 г. внес он, а не Комахидзе.

Характерно, что явился Келбакиани в сберкассе за получением 10.000 руб. в сентябре 1984 г., в то время, когда в Кутаисском Пед. институте, где он работал проректором, возникло уголовное дело о поступлении в ВУЗ за *взятки*, в связи с чем Келбакиани был объявлен выговор и он был освобожден от занимаемой должности (см. публикацию в газете "Заря Востока" от 31/VII-85 г. "Строго наказаны" — копия прилагается).

Оставляя в стороне заключения почерковедческих экспертиз, то *единственное* доказательство, на котором строится обвинение Комахидзе, нельзя не отметить, что в отличие от Комахидзе, которая плохо знает русский язык и плохо пишет по-русски, Келбакиани в совершенстве владеет русским языком и пишет по-русски исключительно грамотно.

Мало того.

Келбакиани по профессии *математик*.

Из имеющейся в деле его *автобиографии* (написана собственноручно) усматривается, что *по окончании* средней школы Келбакиани в 1956 г. с *отличием* окончил *математический факультет* Кутаисского пединститута, после чего в течение 3 лет работал преподавателем *математики* в средней школе. В дальнейшем он читал лекции и проводил практические занятия на *математической* отделении пединститута, в 1962-64 гг. сдал кандидатские экзамены по *методике преподавания математики*, в 1972 г. защитил

кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата математических наук, является проректором института, преподавал в институте математику (см. Автобиографию — т. 1 л. д. 130).

И при всем этом, Келбакиани пытается убедить следственные органы и суд, что он как математик не знает, как пишется по-русски прописью цифра "10", как пишется прописью по-русски цифра "1.000".

В написании по-русски цифры "десять" Келбакиани (если верить почерковедческой экспертизе) в подлинном приходном ордере допустил две орфографические ошибки ("десит"), а в написании цифра "тысяча" — одну орфографическую ошибку ("тисьяча") — т. 2 т. д. 161. Эти же ошибки Келбакиани упорно продолжает допускать и во всех экспериментальных образцах своего почерка (т. 2 л. д. 139-140, 142, 143; т. 1 л. д. 123 и т. д.).

Противоречит заключение почерковедческих экспертиз и заключению судебно-технической экспертизы, которая полностью подтвердила объяснения Комахидзе о том, что рукописные записи в приходном ордере выполнены перьевой ручкой (как утверждала Комахидзе), а не автоматической ручкой (как неоднократно утверждал Келбакиани). (т. 2 л. д. 158-160, 161-162 и др.)

Но главное даже не в этом, не в явной сомнительности обвинения Комахидзе, а в том, что уголовное дело в отношении Комахидзе было возбуждено противозаконно, что свыше года пожилая, тяжело больная 60-летняя женщина, пенсионерка — Т. К. Комахидзе содержится под стражей НЕЗАКОННО, в результате явно искусственной квалификации ее действий ст. 96-1 УК ГССР (санкцию на арест Комахидзе дал б. прокурор Калининского района г. Тбилиси Схиртладзе Г. А., ныне снятый с работы за неблаговидные дела — см. фельетон в газете "Коммунисти" от 08.02.86 г.).

Правовая безграмотность, выразившаяся в очевидно необоснованном возбуждении дела по признакам совершения преступления, предусмотренного ст. 96-1 УК ГССР (вместо части 3 ст. 153 УК ГССР), в данном конкретном случае привела к незаконному аресту Комахидзе (в 1982 г. ей уже было 55 лет), вопреки требованиям ст. 5 п. 4 УПК ГССР и п. 1. 2 и 9 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27.2.82 г. "Об амнистии в связи с 60-летием СССР" и многомесячному противозаконному содержанию ее под

стражей в условиях *тюремного* режима. Арест и содержание Комахидзе под стражей противоречит также и п. 4 и 8 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26.04.85 г. "Об амнистии в связи с 40-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-45 годов" (более подробно все это описано в кассационной жалобе защиты — стр. 1-4, к которой приложен и перечень судебной практики).

Довод защиты о неправильной квалификации действий Комахидзе Т. К. ст. 96-1 УК ГССР нашел отражение и в Определении коллегии Верховного суда ГССР от 11/IV-86 г.

Только упорным нежеланием признать допущенную ошибку, защитой чести мундира может быть объясним тот факт, что до сего времени Комахидзе не освобождена из-под стражи, уже свыше года незаконно продолжает содержаться в тяжелых условиях тюремного режима.

Подобная мера пресечения не соответствует и личности Комахидзе.

Комахидзе Т. К. вышла из простой трудовой семьи. Отец ее — Комахидзе К. Н. является *ветераном* партии, член КПСС с 1932 г., инвалид Великой Отечественной войны 2 группы (справки прилагаются).

Муж Комахидзе — Б. В. Долидзе (скончался в 1980 г.) являлся видным работником легкой промышленности Грузинской ССР, членом КПСС, многие годы работал в качестве главного инженера Республиканского дома моделей (г. Тбилиси), был награжден орденом "Знак Почета" и медалями.

Сама Комахидзе Т. К. окончила исторический факультет Батумского Пединститута и длительное время работала в качестве педагога Батумского музучилища. Член КПСС с 1947 г., являлась заместителем секретаря парторганизации училища (характеристика прилагается).

Сын Комахидзе — Долидзе Л. Б. работает в качестве хирурга-уролога в Республиканской онкологической больнице г. Батуми.

У Комахидзе Т. К. имеется двое малолетних *внуков* в возрасте 2 лет и 9 месяцев.

Комахидзе Тина Клементьевна тяжело больна, состоит на диспансерном учете (гипертоническая болезнь 2 ст. — справка прилагается).

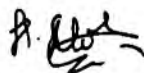
По изложенным соображениям и учитывая, что Кома-хидзе арестована и в течение многих месяцев содержится под стражей незаконно, прошу дать указание о пресечении беззакония и немедленном освобождении ее из-под стражи, об изменении ей меры пресечения на подписку о невыезде.

Приложение:

1. Сообщение Следственного управления прокуратуры ГССР от 22.05.86 г. (копия).
2. Сообщение Прокуратуры г. Тбилиси от 12.06.86 г. (копия)
3. Газета "Заря Востока" от 31.07.85 г. (копия)
4. Ордер юрконсультации.
5. Определение коллегии Верховного Суда РСФСР от 20-21/III-69 г. (копия).

Справка: Все документы, на которые содержится ссылка в настоящем заявлении, приложены к жалобе, поданной в ЦК КПГ Грузии, и в настоящее время вместе с указанной жалобой находятся в Прокуратуре г. Тбилиси, (см. ответ З. М. Квиркелия от 22/V-86 г.)

Адвокат
"3" сентября 1986 г.

А. Л. Мове

Обо всем том, что последовало вслед за жалобами в Прокуратуру СССР и в ЦК КП Грузии, рассказывают следующие сообщения.

Из досье адвоката
Документ

სადასამართლო საბჭოს
სამსახურის საბჭოს
380010, ქ. თბილისი-10, ათაბაგის
ქ. № 32
ტელეფონი № — — — — — ციფრული № 277

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
ПРОКУРАТУРА ГРУЗИНСКОЙ ССР
380010, г. Тбилиси-10, ул. Атабагова
№ 32
Телефон № — — — — — Телетайп № 277

29.05.86 № 02-И-86
от _____
И.И. № _____

Прокурору города Тбилиси
старшему советнику юстиции
Наинташвили С.С.

Копия: Члену Московской областной коллегии адвокатов Мове А.Д.,
г. Москва, 123242, ул. Баррикадная, № 8
Моссоптроинспекция

В дополнение нашего письма от 15.05.86г. при этом направляем заявление члена Московской областной коллегии адвокатов Мове А.Д., поступившее из ЦК КП Грузии по делу по обвинению Команданте Тимы Константинолли, обвинение предусмотренное ст.96¹ УК Грузинской ССР, возвращенное судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР на дополнительное расследование.

Прошу в ходе дополнительного следствия обеспечить проверку доводов, указанных в заявлении и принять соответствующее решение.

О результатах проверки и принятых мерах сообщите автору заявления и следственному управлению прокуратуры Грузинской ССР.

Приложение: заявление и равные справки - всего
на 12 листах.

Начальник следственного управления
государственный советник юстиции
3 класса

С.М.Капрывали

სსსპ საქართველო
სსსპ საქართველო
380010, ქ. თბილისი-10, ატარბიკოვა
ქ. № 22
ცხელის № — ცხელის № 277

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
ПРОКУРАТУРА ГРУЗИНСКОЙ ССР
380010, г. Тбилиси-10, ул. Атарбикова
№ 22
Телефон № — Телетайп № 277

15.10.86г. № 02-449-85

№ 3091
на № _____

Адвокату А.И.Мозе
г.Москва, ул.Баррикадная, 8
(Московская областная юридическая
консультация)

Заявления об изменении меры пресечения в отношении Комахидзе Т.К. и жалоба о необъективном ведении следствия в отношении нее рассмотрены.

Сообщаем, что уголовное дело по обвинению Комахидзе Т.К., возвращенное на дополнительное расследование коллегией по уголовным делам Верховного суда Гр.ССР поступило и 26.09.86 г. принято к производству следователем следственного отделения Калининского РОВД, постановлением которого от 29.09.86 года в отношении Комахидзе Т.К. мера пресечения изменена и она из-под стражи освобождена.

Приняты меры, обеспечивающие полное, объективное и всестороннее следствие.

Следствие по делу продолжается и взято нами на контроль.

Заместитель начальника следственного управления, младший советник юстиции Н.Д.Кересалидзе

Итак, после целого года содержания под стражей в Тбилисском следственном изоляторе, в условиях тюремного режима, Т. К. Комахидзе наконец обрела свободу. Согласитесь, что это уже была победа, и прежде всего, конечно, для нее, этой пожилой и больной женщины.

Чтобы не утомлять читателя, скажу, что следствие затем продолжалось достаточно долго, после чего дело было вновь передано для рассмотрения в Тбилисский городской суд, который, однако, в Распорядительном заседании Определением от 19 февраля 1987 г. вновь возвратил его на дополнительное расследование. Через несколько месяцев дело поступило опять в Городской суд, который своим Определением от 20 июля 1987 г. прекратил его производством на основании Указа "Об амнистии" от 18. 06. 87 г.

В течение двух лет защита упорно доказывала неправомерность этого Определения и необходимость прекращения дела за недоказанностью предъявленного Комахидзе обвинения. В связи с жалобой защиты Заместителем Генерального прокурора СССР В. И. Кравцевым был принесен протест. Только через два года Президиум Верховного суда ГССР (это было 27 октября 1989 г.) рассмотрел это дело по принесенному протесту и своим Определением от 27 октября 1989 г. отменил Определение Тбилисского Горсуда от 20. 07. 87 г. и возвратил дело вновь на дополнительное расследование.

В дальнейшем, в 1991 году, дело завершилось новым прекращением дела по Указу "Об амнистии", обжаловать которое в связи с ликвидацией Прокуратуры СССР, увы, уже было некуда. Еще одна надломленная судьба, еще одна саднящая беловежская рана...

Дело пенсионера Лейкина Израиля Абрамовича, осужденного за незаконное получение пенсии

Видно, такова уже была моя адвокатская доля, что до того, как дело попадало ко мне, оно уже успевало порядком обрасти всякими и разными отказами в его пересмотре.

Так было и на этот раз, когда вместе с копиями судебных документов, жена осужденного, Лейкина Г. М., передала мне и целый букет сообщений об отказе в удовлетворении жалоб.

Может быть, повторюсь, но скажу сразу, что число и объем подобных отказов меня никогда не отпугивали, хотя и серьезно осложняли предстоящую работу. Но здесь отрицательные ответы были достаточно серьезные, к тому же некоторые из них являлись результатами жалоб не только в судебные инстанции, а в советские и партийные органы, вплоть до съездов КПСС. И все же...

И все же не все мне казалось в судебном приговоре правильным и обоснованным, и поэтому дело я к защите принял и выехал в Киев для детального с ним ознакомления.

Но сначала о тех отрицательных ответах, которые еще до меня поступили из судебно-прокурорских инстанций.

Хочу сразу же оговориться. У различных юристов конечно же могут быть самые разные мнения о том или ином деле. Однако, есть дела, в которых нет спора о фактических обстоятельствах происшедшего, нет спора о доказательствах и их оценке, а имеются принципиальные разногласия о юридической, правовой квалификации содеянного.

В таких делах мы справе и должны говорить не о заблуждении, не об ошибке лица, осуществляющего надзор за законностью приговора, а о верхоглядстве, безответственности, нежелании вникнуть в суть вопроса, а вернее всего о беспечности при подписании текста ответа, заготовленного консультантом. Именно таким представляется мне это дело. Впрочем, судите сами.

Из досье адвоката
Документ

ПРОКУРАТУРА СРСР

Прокуратура

г. Киева

202001, м. Киев-11, Ринчицкая 13-18

ПРОКУРАТУРА СССР

Прокуратура

г. Киева

202001, г. Киев-11, Ринчицкая 13-18

8.01.1981 г. № 4/4168-80

№ 20 _____ от _____

Гр-ня Лейкина Г.М.

г. Киев-58, ул. Обсерваторная,
12-а, кв. 52

Сообщил, что прокуратурой города Киева рассмотрена Вина жалобы на несоборнованность осуждения Валого мужа - Лейкина И.А., адресованная в Президиум Верховного Совета УССР.

Изучением уголовного дела установлено, что вина Лейкина И.А. в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст.84 ч.3, 16 ч.2, 172, 19, 16 ч.2 УК УССР, доказана показаниями свидетелей, документами, приобщенными к материалам дела, заключением судебно-медицинской экспертизы о том, что квартира по ул. Обсерваторной в г. Киеве предоставлена Лейкину И.А. незаконно.

Народный суд, оценив в совокупности все собранные по делу доказательства, обоснованно признал Лейкина И.А. виновным в совершении преступлений, избрав ему меру наказания с учетом характера и степени общественной опасности содеянного, его личности, возраста и состояния здоровья.

Осужденный к опротестованно в порядке надзора приговором Печерского районного народного суда г. Киева от 11 августа 1980 года в определенная судебной коллегии по уголовным делам Киевского городского суда от 20 сентября 1980 года в отношении Лейкина И.А. прокуратура г. Киева не уполномочивает.

Вина жалобы оставлена без удовлетворения.

Приложение : на 13-ти листах.

Начальник отдела по надзору за
рассмотрением уголовных дел в судах
прокуратуры города Киева
старший советник юстиции

И.И. Попенко

ПРОКУРАТУРА СССР

ПРОКУРАТУРА

г. КИЕВА

28.01.1981 г. № 4/4166-80

г. Киев

Гр-ке Лейкиной Г.М.
г.Киев, ул.Обсерваторная, 12-а,
кв.52

Сообщая, что Вами жалоба о необоснованности осуждения мужа - Лейкина И.А., адри-соминия в Комитет Партийного Контроля при ЦК КПСС, рассмотрена прокуратурой города Киева.

Изучением уголовного дела установлено, что оснований к опрх тестованию в порядке надзора судебных решений, состоявшихся по делу по обвинению Лейкина И.А. не имеется, о чем Вам сообщено 8.01.1981 г.

Ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

Приложение : на 18-ти листах.

Заместитель прокурора города Киева
старший советник юстиции

Г.М.Серода

Документ

27.02.81

Адвокату Шафранскому Н. А.

г. Киев-34, ул. Ярославов вал, № 6,
Юридическая консультация Ленинского района

Сообщаю, что Верховным Судом УССР истребовано и проверено в порядке надзора уголовное дело, по которому приговором народного суда Печерского района г. Киева от 11 августа 1980 года Лейкин И. А. осужден по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 84 ч. III, 165 ч. II, 19-165 ч. II и 172 УК УССР к 7 годам лишения свободы, с конфискацией всего принадлежащего ему имущества.

При изучении дела установлено, что постановленный в отношении Лейкина приговор является законным и обоснованным.

Вина Лейкина в хищении гос. денежных средств в сумме 3760 руб., за счет незаконного получения пенсии, подтверждена показаниями свидетелей Лукьяненко, Гончаровой, Котова, Артеменко, Бельченко и других, а также материалами проверки правильности выплаты Лейкину пенсии.

Приведенными доказательствами установлено, что Лейкину, работавшему заведующим лабораторией треста "Оргсовхоз" Министерства совхозов УССР, с 27 ноября 1975 года назначена пенсия по старости в размере 111 руб. 53 коп.

После назначения пенсии Лейкин был оформлен в той же лаборатории в качестве рабочего, хотя фактически продолжал работать заведующим лабораторией и незаконно получал пенсию до сентября 1978 года.

С учетом изложенного Лейкин обоснованно осужден за хищение гос. средств в крупных размерах.

По делу установлено, что Лейкин в период с апреля 1975 г. по август 1978 г. оформлял фиктивные наряды на рабочего Белименко, указывая в нарядах, что последний занимался резкой брошюр. Фактически эту работу выполняли Гончарова и другие рабочие лаборатории, которым причинен существенный вред в результате недоплаты причитающихся им денег на общую сумму 2832 руб. 42 коп. Деньги в названной сумме были незаконно выплачены Белименко.

За эти действия Лейкин обоснованно осужден по ст. ст. 165 ч. II и 172 УК УССР.

Кроме того, показаниями Лейкина, Васильченко, Котова, Салюка и других установлено, что Лейкин, желая улучшить свои жилищные условия, с помощью Васильченко, работавшего начальником административно-хозяйственного управления Министерства совхозов УССР, незаконно получил однокомнатную квартиру площадью 18,4 кв. м по ул. Обсерваторной в г. Киеве. В данном случае Лейкин склонил Васильченко к злоупотреблению служебным положением и обоснованно осужден по ст. ст. 19-165 ч. II УК УССР.

Собранные по делу доказательства оценены в их совокупности и вывод суда о доказанности вины Лейкина является обоснованным.

Преступные действия Лейкина квалифицированы правильно, а наказание ему назначено с учетом характера и общественной опасности совершенных преступлений и данных о личности.

Оснований для опротестования приговора в отношении Лейкина не имеется, в связи с чем ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

Приложение — 56 листов.

Заместитель Председателя Верховного Суда УССР
П. Г. Цупренко

Копия верна:

(А. Мове)

Документ

гор. Киев-53, ул. Обсерваторная,
дом 12-а, кв. 82

гр-ке Лейкиной Г.М.

ПРОКУРАТУРА СССР

103783, Москва, К-9, Пушкинская, 15-а

.. 4.02.81. № 12/83-81.

На №

Ваша жалоба по делу мужа — Лейкина Н.А., адресованная XVI съезду КПСС, рассмотрена.

Обуздан он за хищение и другие преступления обоснованно.

Доводы жалобы аналогичны тем, которые привел Лейкин при рассмотрении дела в народном суде и кассационной инстанции. Они проверены и признаны необоснованными.

Лейкин учитывается показаниями Котова, Гончарова, Дикаровой, Дукаленко, Григорьева и других, а также приобщенными к делу документами — книгами заказов, нарядами, накладными, актами на описание материалов и иным данным.

То обстоятельство, что Лейкин согласно приказам формально численое работчим, не освобождает его от ответственности.

Преступления квалифицированы правильно и наказание виновному назначено в соответствии с законом.

Оснований для пересмотра судебных решений не имеется.

Начальник управления по надзору за
рассмотрением уголовных дел в судах
государственный советник
второй 2 класса

Р.Г.Тихомирнов

гор.Киев - 53,
ул.Обсерваторная, д.12-а,
кв. 52

гр-ке Лейкиной Г.М.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

103783, Москва, К-8, Пушкинская, 15-а

13.04.81 № 12/93-81

Ваши повторные жалобы по делу мужа - Лейкина И.А., адресованные XXVI съезду КПСС, рассмотрены.

Обсужден Лейкин за хищение и другие преступления обоснованно.

Вывод суда о его виновности основан на имеющихся в деле доказательствах - показаниях Котова, Гончарова, Джгаревой, Лукьяненко, Григорьева и других, а также приобщенных к делу документах и иных данных.

Доводы жалоб о невиновности Лейкина проверялись и не нашли подтверждения.

Оснований для опротестования судебных решений не имеется.

Жалобы оставлены без удовлетворения.

Заместитель Генерального
прокурора СССР
государственный советник
высшей I класса

В.А.Аболентцев

Прокуратура СРСР

Прокуратура СССР

ПРОКУРАТУРА

ПРОКУРАТУРА

УКРАЇНСЬКОЇ РАДЯНСЬКОЇ
СОЦІАЛІСТИЧНОЇ РЕСПУБЛІКИ

УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Индкс 252001, м. Київ-11, Різничава, 13/18

Индкс 252001, г. Киев-11, Резничава, 13/18

26.11.81 № 39 - 11241-81
Пп М от

Г.Киев - 34,
Ярославов вал ,6
БК № I Ленинского района,
адвокату т.Нафралокому Н.И.

Ваша надворная жалоба в интересах осужденного Лейкина Н.А. рассмотрена.

Проверкой уголовного дела установлена обоснованность осуждения Лейкина по ст. 84 ч. 3 , 165 ч. 2, 19 ,165 ч. 2 и 172 УК УССР и правильность юридической квалификации действий осужденного.

Вина Лейкина по всем эпизодам обвинения подтверждается совокупностью материалов предварительного и судебного следствия.

При определении меры наказания Лейкину суд учел степень общественной опасности осужденного и данные, характеризующие личность осужденного.

Заместитель Прокурора УССР не усматривает оснований к опротестованию судебных решений по делу.

Приложение : на 2 листах.

Прокурор управления по надзору за
рассмотрением уголовных дел в судах

И.Ф.Себик.

гор. Киев-53, ул. Обсерваторная,
д. 12а, кв. 52
гр-ке Лейкиной Г.М.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

103703, Москва, К-9, Пушкинская, 16-я
15.06.81 12/93-81
м.

Поданная Вами на приеме жалоба по делу мужа - Лейкина И.А.
рассмотрена.

Осужден Лейкин обоснованно.

Доводы жалобы аналогичны тем, которые Вы и Лейкин приводили
ранее. Они проверены и не дали подтверждения.

✓ Заместителем Генерального прокурора СССР в опротестовании
судебных решений отказано.

Оснований для постановки вопроса о пересмотре ранее
принятого решения не имеется.

Приложение: ис 14 и.

Прокурор управления по надзору за
рассмотрением уголовных дел в судах

старший советник юстиции

В.П. Дергачев - В.П. Дергачев

В связи с тем, что все судебные-прокурорские инстанции еще до
меня, как говорится, были пройдены, свою жалобу я адресовал непосредственно
в Прокуратуру СССР. И вот на что я обратил в ней особое внимание.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СОЮЗА ССР

Адвоката А. Л. Мове
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная
юридическая консультация

По делу

Лейкина Израиля Абрамовича,
осужд. приговором Печерского
райнарсуда г. Киева от 11/VIII-80 г.
по ст. 84 ч. III, 165 ч. II, 19-165 ч. II,
172 УК УССР на 7 лет л/свободы
с конфискацией имущества.

Определением коллегии Киев-
ского Горсуда от 20/XI-80 г. при-
говор оставлен без изменения.

Жалоба в порядке надзора

Приговор Народного суда, которым *пенсионер* Лейкин И. А., *инвалид II группы*, признан виновным и осужден за незаконное *получение пенсии* по ст. 84 ч. III УК УССР на длительный срок лишения свободы с *конфискацией* имущества, представляется *явно* неправильным и подлежащим отмене по следующим соображениям:

I.

1. Известно, что за необоснованное получение пенсии *пенсионер* может быть привлечен к *уголовной* ответственности лишь в случае представления *подложных документов*, т. е. совершения *мошеннических действий*.

При этом, как указал Пленум Верховного Суда СССР, подобные действия влекут уголовную ответственность не по ст. 84, а по ст. 83 УК УССР, как хищение гос. имущества путем *мошенничества* (см. п. 5 Руководящего Постановления Пленума Верховного суда СССР № 4 от 11/VII г. "О судебной практике по делам о хищении государственного и общественного имущества").

Очевидно, что только по одному этому приговор суда, которым Лейкин осужден за незаконное получение пенсии не по ст. 83, а по ст. 84 УК, как за хищение гос. имущества

путем злоупотребления служебным положением, не может быть признан правильным.

2. Ссылка суда, в обоснование квалификации действий Лейкина ст. 84 УК, на то, что он "принял участие в хищении совместно с должностными лицами" (копия приговора, стр. 10), является несостоятельной, так как:

а) Вышеуказанное Постановление Пленума Верховного суда СССР предусматривает, что и в подобных случаях частное лицо (пенсионер) должно нести ответственность по ст. 83 УК УССР, а должностные лица должны нести ответственность за пособничество в мошенничестве и должностной подлог (п. 5 Постановления).

б) Никаких данных об участии в хищении должностных лиц в материалах дела не имеется (кстати, не указывает фамилии этих должностных лиц и суд в приговоре).

Из Постановления о выделении в отдельное производство материалов на некоторых должностных лиц треста "Оргсовхоз" усматривается, что указанные должностные лица, вопреки утверждению суда в приговоре (стр. 1, 10), не состояли в преступном сговоре с Лейкиным, а халатно относились к своим служебным обязанностям, в связи с чем следователь прямо записал в указанном Постановлении, что в их действиях

"имеется состав преступления, предусмотренный ст. 167 УК УССР". (т. 33 л. д. 72-73).

Никаких иных данных в материалах дела нет.

Защита особо обращает внимание на явную необоснованность квалификации действий Лейкина ст. 84 УК не только потому, что ст. 83 УК предусматривает менее суровое наказание, но и потому, что ст. 83 УК УССР не предусматривает конфискации имущества, которая, таким образом, применена к Лейкину незаконно.

II.

Следственные органы и суд далеко не случайно не пошли по пути обвинения Лейкина по ст. 83 УК, т. к. в этом случае необходимо было представить доказательства совершения Лейкиным мошеннических действий.

Между тем, бесспорно установлено, что никаких подложных документов для получения пенсии Лейкин не представлял, никаких мошеннических действий не совершал.

Так:

1. 24/XI-75 г., в связи с уходом на пенсию, Лейкин был уволен с работы (т. 1 л. д. 47). В соответствии с общепринятым положением, имея право временно работать в течение 2 месяцев в году, пенсионер Лейкин с 27/XI-75 г. был принят временно на работу в трест "Оргсовхоз" (зав. лабораторией), где он проработал в 1975 и 1976 гг. 3 месяца, получив за это время, наряду с зарплатой, пенсию в размере 334 руб. 59 коп. (по 111 руб. 53 коп. ежемесячно).

Получение указанной пенсии суд счел хищением, сославшись на то, что Лейкин не имел права на получение пенсии, поскольку перерыв в работе после увольнения и принятия на работу составлял менее недели (Копия приговора, стр. 9).

Однако:

1) Факт поступления на временную работу Лейкин ни от кого не скрывал, и об этом администрация треста "Оргсовхоза" официально поставила в известность Райсобес, направив туда выписку из приказа о принятии на работу Лейкина и возвратив в Райсобес поручение на выплату Лейкину пенсии (см. документы — т. 1 л. д. 150, 151).

Очевидно, что при таких обстоятельствах, даже при признании необоснованности выплаты пенсии Лейкину, ответственность за это должны нести работники Райсобеса, а не пенсионер.

И уж, конечно, здесь не может быть никакой речи о хищении гос. имущества путем мошенничества.

2) Из прилагаемого разъяснения Министерства соц. обеспечения УССР от 14/X-80 г. усматривается, что управление соц. обеспечения Госкомтруда СССР в письме от 5/III-80 г. № 387-9 сообщило, что в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 24/IX-74 г. "Об условиях труда временных рабочих и служащих" не содержится указания на то, что пенсионер может поступить на временную работу только по истечении определенного срока со дня увольнения с постоянной работы.

Очевидно, что и по этим основаниям Лейкин не мог быть признан виновным в хищении гос. имущества путем мошенничества.

2. а) Бесспорно установлено, что к тому времени (5/III-76 г.), когда Лейкин был оформлен на работу в качестве *рабочего* с возложением на него одновременно обязанностей *руководителя* лаборатории, с доплатой за это 30 руб. (см. Приказ № 24-к от 9/III-76 г. — т. 1 л. д. 52, 137), *должность* нач. лаборатории была *упразднена*, и *штатное расписание* на 1976, 1977 и на 1978 гг. такой должности *не содержит* (см. т. 1 л. д. 255, 256).

Именно поэтому Лейкин никак *не мог быть принят* на работу в качестве нач. лаборатории, и согласно поданному им официально заявлению был зачислен на работу в качестве *рабочего*, с возложением на него обязанностей *руководителя* лаборатории (бригадира).

В свете изложенного становится очевидной полная несостоятельность утверждения суда о том, что Лейкин *скрыл* от органов соц. обеспечения тот факт, что он фактически работает служащим (приговор, стр. 2).

Лейкин не мог скрыть данный факт не только по изложенным выше соображениям, но и потому, что не пенсионер, а *администрация* и ФЗМК треста "Оргсовхоз" *обязаны* были *ставить* органы соц. обеспечения в *известность* о том, в качестве кого работает Лейкин. Они же, как известно, несут полную ответственность за *правильность* выплаты пенсии работающему пенсионеру (см. по этому поводу письмо Министерства Финансов СССР от 24/VI-80 г. № 05/64-6 — прилагается, и Акт документальной ревизии — т. 1 л. д. 162).

В данном конкретном случае не только Лейкин, но и *администрация* и ФЗМК треста *не скрывали* от Райсобеса, что Лейкин работает руководителем лаборатории, о чем свидетельствует отметка в *поручении* № 184174 на выплату пенсии о том, что Лейкин работает *зав. лабораторией* (корешок этого поручения был направлен в Райсобес) — т. 1 л. д. 149.

В процессе следствия директор треста "Оргсовхоз" Гончаров В. И. признал, что после упразднения должности начальника лаборатории, Лейкин, по его заявлению, был принят на работу в качестве *рабочего* (с возложением на

него одновременно обязанностей бригадира — руководителя лаборатории) потому, что

“мы хотели сохранить Лейкина на работе... чтобы он не уходил” (т. 1 л. д. 227).

Представляется, что при таких обстоятельствах, когда бесспорно установлено, что получение Лейкиным пенсии *не было связано с представлением им подложных документов, с мошенническим обманом*, у суда не было решительно никаких оснований для признания его виновным в хищении гос. средств.

При установлении факта необоснованной выплаты пенсии вопрос этот следовало решать в *общегражданском* порядке, в точном соответствии с предписаниями Постановления Пленума Верховного суда СССР № 10 от 3/VII “О судебной практике по гражданским делам о взыскании излишне выплаченных сумм гос. пенсии”.

б) Обосновывая свой вывод о признании Лейкина виновным в хищении гос. средств, суд в приговоре ссылается на то, что

“штатное расписание было изменено после назначения Лейкину пенсии под его воздействием с целью незаконного получения пенсии” (копия приговора, стр. 8).

Между тем:

1. Признание данного факта никак не может влиять на правовую оценку действий Лейкина, который, как установлено, никаких подложных документов для получения пенсии не представлял.

2. Штатное расписание, как известно, разрабатывается в Министерстве и утверждается директором треста. Никаких конкретных данных о воздействии Лейкина на работников Министерства и директора треста Гончарова В. П. с целью упразднения в штатном расписании должности нач. лаборатории в материалах дела нет, не ссылаются на них и суд в приговоре.

3. Имеющиеся в деле документы свидетельствуют о том, что задолго до ухода на пенсию, тогда, когда Лейкин еще работал зав. лабораторией, Госкомиздатом УССР и Облиздатом неоднократно ставился вопрос об упразднении в лаборатории треста должности нач. лаборатории.

Так, в полученном по запросу суда *письме* Госкомиздата УССР № 07. г. 539 от 1/III-80 г. отмечается, — что в соответствии с циркулярным письмом Госкомиздата СССР № 21-У от 5/II-75 г. в типографиях и множительных участках с наличием полиграфического оборудования, с численностью рабочих 6-10 чел. *освобожденный заведующий не положен.*

“В этом случае разрешается иметь бригадира с доплатой к тарифной ставке 30 руб. в месяц за заведывание типографией, участком”. (т. 35 л. д. 102)

В этом письме, далее, отмечается, что *количество рабочих* устанавливается в зависимости от наличия *оборудования* и объема печатных работ, и что, таким образом, с учетом этих показателей, общий штат рабочих лаборатории Министерства совхозов УССР должен был состоять из 8 рабочих.

“О нарушениях штатной и финансовой дисциплины множительного участка, — значитса далее в указанном письме, — Госкомиздат УССР неоднократно обращал внимание руководства Министерства совхозов УССР и ставил вопрос о необходимости приведения штата рабочих и ИТР участка, как *по количеству должностей*, так и по оплате труда, в соответствии с действующим положением”. (т. 35 л. д. 102).

К этому же сводились указания Госкомиздата УССР, содержащиеся в письме от 4/III-75 г., от 24/III-75 г., предписания Облкомиздата в письме от 17/II-75 г. (т. 35 л. д. 100, 107, 113).

Невзирая на все это, невзирая на то, что суд *не вправе* обсуждать вопрос о *целесообразности сокращения штатов* (см. Комментарий к ст. 33 КЗоТ, № 10), суд в приговоре записал:

“Таким образом суд считает, что при наличии в штатном расписании 11 человек должность зав. лаборатории *была положена (?),* а поэтому *сокращение* указанной должности проведено *необоснованно (?),* под воздействием подсудимого” (копия приговора, стр. 8).

Комментарии, думается, излишни.

III.

Исходя из того, что Лейкин являлся материально-ответственным лицом и выполнял ряд организационно-распорядительных функций, суд в приговоре сделал вывод о том, что Лейкин фактически продолжал работать зав. лабораторией, т. е. являлся служащим и не имел права на получение пенсии (стр. 1, 8-10 Приговора).

Однако:

1. Установлено, что на Лейкина официально, по приказу было возложено руководство лабораторией с доплатой за эту работу 30 руб. (т. 1 л. д. 52, 137 и др.).

Таким образом, тот факт, что Лейкин, являясь руководителем (бригадиром) лаборатории, принимал и выдавал заказы, вел их учет, контролировал правильность использования печатного оборудования и пр., т. е. выполнял определенные организационно-распорядительные функции, ничего не доказывает и не опровергает объяснений Лейкина о том, что наряду с руководством лабораторией он работал в ней в качестве рабочего на машинах.

2. Указанные объяснения Лейкина подтвердили допрошенные на следствии и в суде свидетели Лукьяненко Т. А., Григорьев В. В., Хубежева Л. Н., Тороп Н. Д., Дюкарева В. С., Гончарова Р. К. и другие.

Из их объяснений явствует, что работа в лаборатории велась *бригадным методом*, что Лейкин, являясь *бригадиром*, одновременно работал на машине "Ксерокс", на проволочешвейной машине, занимался фальцовкой, обрезкой, брошюровкой и пр. (см. их показания — т. 1 л. д. 189, 192, 195, 206, 209, 210, Протокол суд. заседания, т. 35 л. д. 139-об., 142, 143, 145-146, 150-151, 154-об., 158-об., 159, 161, 171 и др.).

Данный факт вынужден был признать и суд, который вместе с этим в приговоре записал (*дословно*):

"То обстоятельство, что подсудимый *работал на машине "Ксерокс"*, носило эпизодический характер, не на протяжении всего рабочего дня, и было вызвано необходимостью выполнения указания Васильченко П. П. об экономном использовании указанной машины только для выполнения срочных и важных заказов, а также секретной документа-

ции, т. к. только Лейкин И. А. до 1978 г. имел к ним допуск". (Копия приговора, стр. 10)

Признала установленным данный факт и коллегия Киевского Горсуда (см. Определение, стр. 6).

3. Наконец, тот неопровержимый факт, что Лейкин в полном объеме выполнял возложенные на него обязанности рабочего фотолaborатории, подтвержден находящимися в деле документами.

Установлено, что в 1975-78 гг. в фотолaborатории "Оргсовхоз" имелась одна машина "Ксерокс" (т. 35 л. д. 100), на которой, как признал суд, работал только Лейкин.

Объем работы Лейкина легко установить, т. к. количество изготовленных копий учитывалось в книгах учета выполненных заказов и отражалось в калькуляциях.

При этом номер каждой калькуляции соответствует номеру заказа в книге учета (см. книги учета заказов, т. 20, 21 и калькуляции — т. 27, 28).

Из указанных документов усматривается, что Лейкиным было изготовлено ксерокопий:

В январе 1977 г.	— 3.684 (т. 20 л. д. 207-220)
в феврале 1977 г.	— 5.993 (т. 20 л. д. 220-234)
в марте 1977 г.	— 5.491 (т. 20 л. д. 234-251)
в январе 1978 г.	— 8.295 (т. 21 л. д. 3-23)
в феврале 1978 г.	— 2.841 (т. 21 л. д. 23-38).

(Ведомости выборки заказов прилагаются)

Примерно такое же количество ксерокопий, в чем не сложно убедиться, было изготовлено Лейкиным на машине "Ксерокс" и во все остальные месяцы 1977 и 1978 г. (Журнал учета работ, выполненных на "Ксероксе" в 1976 г., в деле отсутствует).

Если учесть, что по калькуляции стоимость одной ксерокопии оценивается в 3 коп., а зарплата за ее изготовление начисляется в размере 1 р. 89 к. (см. прилагаемые нормы временно и расценки), не сложно подсчитать, что Лейкиным выполнялся полный объем работы электрофотографа и он заработал:

В январе 1977 г.	— 69 р. 63 к.
в феврале 1977 г.	— 113 р. 27 к.
в марте 1977 г.	— 103 р. 78 к.

в январе 1978 г.
в феврале 1978 г.

— 156 р. 78 к.
— 53 р. 69 к.

(Дополнительно к этой зарплате Лейкину начислялась премия и 30 руб. за руководство лабораторией)

Размер этой зарплаты соответствует той зарплате, которая была начислена Лейкину за означенные месяцы работы в 1977-78 г. (см. данные о зарплате Лейкина — Акт ревизии, т. 1 л. д. 159-161 и Прилагаемые справки о зарплате Лейкина.)

К сожалению, и следственные органы, и суд устранились от исследования указанной документации, хотя она бесспорно свидетельствует о том, что Лейкин работал на машине "Ксерокс" не эпизодически и выполнение им срочных и важных заказов (что признано и судом) носило систематический характер, в связи с чем он *в полном объеме* выполнял все возложенные на него обязанности электрофотографа, да помимо этого, как указывалось, выполнял еще работу на других машинах.

Представляется, что при таких обстоятельствах у суда не было решительно никаких оснований для обвинения Лейкина в хищении гос. имущества.

— " —

Лейкину И. А. сейчас 66 лет. В 1938 г. он окончил Коммунистический институт журналистики и в течение многих лет работал журналистом (см. документы — т. 1 л. д. 37, 44).

С 1939 по 1946 г. служил в Советской армии, являлся участником войны с белофинами и Великой Отечественной войны. За боевые заслуги награжден правительственными наградами.

С 1972 по 1978 г. работал в тресте "Оргсовхоз", где зарекомендовал себя как исключительно добросовестный, хорошо знающий свое дело специалист (см. характеристики — выписку из трудовой книжки — т. 1 л. д. 45, 64-76).

Является ветераном труда и ветераном Великой Отечественной войны.

Лейкин — человек тяжело больной, инвалид II группы, страдает рядом серьезных заболеваний (ишемическая болезнь сердца, сахарный диабет, атеросклеротический кар-

диосклероз, гипертоническая болезнь II ст. и др.) — см. справку — т. 35 л. д. 14.

В прошлом не судим.

— “ ” —

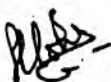
По изложенным соображениям прошу Вас *истребовать* настоящее дело и внести *протест* на предмет отмены приговора суда в части признания Лейкина И. А. виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 84 ч. III УК УССР, и прекращения в этой части дела производством за отсутствием в его действиях состава преступления.

Приложение:

1. Копия приговора суда на 20 л.
2. Копия Определения Горсуда на 8 л.
3. Ответ Министерства соц. обеспечения УССР от 14/X-80 г.
4. Письмо Министерства финансов СССР от 24/VI-80 г.
5. Нормы времени и расценки.
6. Справки о зарплате Лейкина за 1977-78 гг. на 2 л.
7. Ведомости выборки из книг учета заказов на 17 л.
8. Удостоверение к медали “Ветеран труда”.
9. Удостоверение ветерана Великой Отечественной войны.
10. Штатное расписание на 2 л.
11. Выписки из приказов на 2 л.

Справка: Лейкин И. А. отбывает наказание по адресу:
г. Дрогобыч, Львовской обл., Учреждение ВЛ-315-40-25.

Адвокат
“2” января 1982 г.

 А. Л. Мове

Так как именно с этой жалобой я решил идти на личный прием к начальнику Управления Прокуратуры СССР Р. Г. Тихомирнову, то счел необходимым предпослать ей еще одну, краткую жалобу, содержащую квинтэссенцию моих доводов.

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ ПО НАДЗОРУ ЗА
РАССМОТРЕНИЕМ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДАХ

тов. Р. Г. Тихомирнову

№ 12/98-81

Адвоката А. Л. Мове,
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная
юрконсультация

По делу

Лейкина И. А., осужд. Печерским
Райнарсудом г. Киева 11/VIII-80 г.
по ст. 84 ч. III УК УССР

Жалоба

Речь идет о 67-летнем пенсионере, инвалиде II группы, ветеране труда и Великой Отечественной войны, который совершенно необоснованно осужден за незаконное получение пенсии на 7 лет лишения свободы.

Между тем, никаких мошеннических действий Лейкин не совершал, никаких подложных документов для получения пенсии не представлял. Будучи пенсионером, он был оформлен на работу в качестве рабочего с доплатой 30 руб. за руководство фотолабораторией. Указанные работники относятся к категории рабочих и имеют право на получение пенсии (см. прилагаемое разъяснение Госкомтруда СССР от 27/X-81 г. № 19-23943).

Ссылка суда на то, что Лейкин фактически работал начальником лаборатории является несостоятельной, поскольку ко времени поступления Лейкина на работу должность начальника лаборатории была сокращена.

В нарушение предписаний КЗоТ, суд незаконно вошел в обсуждение вопроса о целесообразности сокращения штатов (см. Комментарий к ст. 33 КЗоТ, № 10).

Помимо этого, задолго до ухода Лейкина на пенсию, Госкомиздатом УССР и Облиздатом неоднократно ставился вопрос об упразднении должности нач. лаборатории (см. т. 32 л. д. 100, 102, 107, 113).

Суд в приговоре признал, что Лейкин работал в качестве рабочего на машине "Ксерокс", но указал, что работа эта носила эпизодический характер (стр. 10).

Однако имеющиеся в деле документы бесспорно свидетельствуют о том, что Лейкин работал не эпизодически, а выполнение им срочных и важных заказов носило систематический характер, и он *в полном объеме* выполнял возложенные на него обязанности *электрофотографа* (см. прилагаемый к жалобе расчет и ведомости выборки).

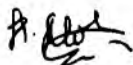
Более подробно мотивы необоснованного осуждения Лейкина изложены в прилагаемой жалобе.

Убедительно прошу Вас *истребовать* дело и самым тщательным образом проверить обоснованность судебного приговора.

Приложение:

1. Жалоба на 12 л.
2. Разъяснение Госкомтруда СССР от 27/Х-81 г.

Адвокат
"2" января 1982 г.

А. Л. Мове

Именно эти жалобы сыграли решающую роль в судьбе Лейкина. В связи с этими жалобами Заместитель Генерального прокурора В. А. Аболенцев, который до этого отклонял поступавшие жалобы, внес протест в Президиум Киевского Горсуда, где дело и было благополучно разрешено.

Документ

Постановление № 443-80

Президиума Киевского городского суда

г. Киев

от 12 августа 1982 года

Президиум Киевского городского суда в составе:

председательствующего —
председателя Киевского
городского суда

Бутенко Г. А.

членов президиума:

Зубца Г. И., Болгова Е. П.,
Малиновской Л. Ф.,
Куринской С. А.

с участием прокурора

Середы Г. М.

рассмотрел протест заместителя Генерального прокурора СССР на приговор Печерского районного суда г. Киева от 11 августа 1980 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Киевского городского суда от 20 ноября 1980 г.

Лейкин Израиль Абрамович, 21 ноября 1915 года рождения, уроженец г. Чегорска Гомельской области БССР, еврей, беспартийный, образование высшее, пенсионер, ранее не судим, проживает г. Киев, ул. Обсерваторная № 12 "а", кв. 52.

осужден по ч. 3 ст. 84 УК УССР к 6 годам лишения свободы, с конфискацией имущества, являющегося его личной собственностью; по ч. 2 ст. 165 УК УССР — к 3 годам лишения свободы; по ст. 19 ч. 2 165 УК УССР — к 3 годам лишения свободы, по ст. 172 УК УССР — к 1 году лишения свободы, в соответствии со ст. 42 УК УССР по совокупности совершенных преступлений — к 7 годам лишения свободы с конфискацией имущества, являющегося его личной собственностью.

С Лейкина И. А. взыскано в доход государства 3760 р. 44 к. незаконно полученной пенсии и 40 руб. судебных издержек.

Приговор Печерского районного народного суда г. Киева от 11 августа 1980 года определением судебной коллегии по уголовным делам Киевского городского суда от 20 ноября 1980 года оставлен без изменения.

Суд признал, что преступления осужденным совершены при следующих обстоятельствах.

Лейкин работал заведующим фотоофсетной лабораторией треста "Оргсовхоз" Министерства совхозов УССР. По достижении 60-летнего возраста 27 ноября 1975 г. ему была назначена пенсия по старости в размере 111 руб. 53 коп. ежемесячно. Получая пенсию, Лейкин продолжал работать. С ноября 1975 г. по март 1976 г. он был оформлен временно на должность заведующего лабораторией, затем по приказам значился рабочим, совмещая профессии печатника, электрофотографа и фальцовщика. Фактически Лейкин выполнял прежнюю работу заведующего лабораторией и как служащий получал пенсию, скрыв это от органов соц. обеспечения.

С ноября 1975 года по сентябрь 1978 года Лейкин поговору с должностными лицами треста похитил таким образом 3760 руб. 44 коп. государственных средств.

Злоупотребляя служебным положением Лейкин учинял подлоги, включал в наряды на имя Балименко работы, которые выполнялись другими лицами. В результате этого с апреля 1975 года по август 1978 г. Белименко незаконно выплачено за счет других рабочих 2832 руб., чем причинен охраняемым законом правам граждан существенный вред.

Лейкин подстрекал также к злоупотреблению служебным положением бывшего начальника административно-хозяйственного управления Министерства совхозов УССР Васильченко, который содействовал ему в незаконном получении квартиры.

В протесте ставится вопрос об изменении постановленных по делу судебных решений ввиду назначения осужденному слишком суровой меры наказания, без учета всех смягчающих вину обстоятельств и учитывая, что Лейкин в местах лишения свободы находится более 3 лет, заменить ему неотбытый срок наказания условным осуждением.

Заслушав доклад члена суда Ковальчук Т. А., прокурора Середу Г. М., поддержавшего протест, рассмотрев материалы дела, обсудив доводы, приведенные в протесте, президиум находит, что протест подлежит частичному удовлетворению по следующим основаниям.

Фактические обстоятельства дела судом установлены правильно и не оспариваются в протесте. Однако наказание Лейкину назначено слишком суровое, без учета всех смягчающих его вину обстоятельств. Лейкин ранее не судим, является участником Великой Отечественной войны, ветераном труда, по месту работы, жительства, а также местах лишения свободы характеризуется положительно. Имея преклонный возраст (67 лет), страдает сахарным диабетом, ишемической болезнью сердца, стенокардией, гипертонией, эмфиземой легких и другими заболеваниями, в связи с чем признан инвалидом II группы.

Эти обстоятельства являются исключительными, и поэтому президиум находит возможным применить в отношении Лейкина ст. 44 УК УССР и снизить ему меру наказания до отбытого срока.

Исходя из изложенного, руководствуясь ст. ст. 393, 394
УПК УССР, президиум

Постановил:

протест заместителя Генерального Прокурора удовлетворить частично. Приговор Печерского районного народного суда г. Киева от 11 августа 1980 года и определение Киевского городского суда от 20 ноября 1980 года в отношении Лейкина И. А. изменить.

Снизить меру основного наказания Лейкину И. А. по ч. 3 ст. 84 УК УССР с применением ст. 44 УК УССР до 3 лет, 1 месяца и 3 дней лишения свободы, с конфискацией имущества, являющегося его личной собственностью, и в соответствии со ст. 42 УК УССР по совокупности совершенных преступлений определить меру наказания Лейкину И. А. в виде 3 лет, 1 месяца и 3 дней лишения свободы с конфискацией имущества, являющегося его личной собственностью.

Из мест лишения свободы Лейкина Израиля Абрамовича, 21.XI.1915 года рождения, по данному делу освободить.

Председательствующий

Г. А. Бутенко

Копия верна:

(А. Мове)

Таким образом суд, не без помощи прокуратуры, как говорится, "спустил дело на тормозах".

Собственно, на этом можно было бы поставить в этом деле точку, если бы не одно курьезное обстоятельство.

Желая помочь адвокату, разуверившаяся во всем жена Лейкина, параллельно с моей жалобой обратилась с просьбой о помощи в журнал "Человек и закон".

Оттуда жалобу, естественно, переслали в Верховный суд Украины, откуда в конце августа 1982 г., т. е. уже после того, как в июле 1982 г., вопрос был разрешен в Киевском Горсуде, пришел следующий ответ за подписью П. Г. Цупренко.

Украинская
Рабочая Советская Республика

ВЕРХОВНИЙ СУД

Киев, м. Кня. 24, ГСП
ул. Чехова, 4

Украинская
Советская Социалистическая Республика

ВЕРХОВНИЙ СУД

Киев, м. Кня. 24, ГСП
ул. Чехова, 4

127 августа 82 № 5-2449 от 81

На № _____ от _____

Гр. Лейкиной Г.Ф.

г.Гомель,
ул.Педченко, 7

Сообщая, что ваша жалоба, поступившая из редакции журнала "Человек и Закон" на приговор Щетровского районного народного суда г.Киева от 11 августа 1980 года, которым Лейкин И.А. осужден по ст.ст.84 ч.3, 165 ч.2, 18-185 ч.2 и 172 УК УССР на 7 лет лишения свободы, рассмотрена в Верховном Суде УССР.

Ранее по аналогичной жалобе адвоката Верховным Судом УССР проверено уголовное дело в отношении Лейкина.

Проверкой дела установлено, что Лейкин осужден обоснованно, с чем особенно адвокату Шафранскому о приведении доказательств.

Назначенное Лейкину наказание соответствует тяжести содеянного и данным о его личности.

✓ Оснований к его смягчению нет.

Ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

Первый
Заместитель Председателя
Верховного Суда УССР

П.Г.Цупренко

гк26

Поскольку к этому времени Лейкин уже был освобожден из-под стражи и две недели находился дома, пришлось мне успокаивать и его, и его жену в том, что поворота не будет и в лагерь Лейкина сейчас уже никто не этапирует.

И вновь возвращаюсь к своему: что было бы с этим делом более или менее справедливо разрешенным только благодаря вмешательству Прокуратуры СССР, что было бы с конкретным человеком — с Лейкиным И. А., если бы дело его решалось не тогда, а сейчас, после злосчастной беловежской сходки, после развала Державы и ликвидации высших союзных судебно-прокурорских структур?

Думается, что ответить на все эти вопросы более точно, чем это сделал П. Г. Цупренко, вряд ли возможно.

Дело врача Кошулиева К. Х.

По приговору суда врач Кошулиев К. Х. был признан виновным и осужден за неоднократное получение взяток по ст. 194 ч. II УК Туркменской ССР (статья 173 ч. II УК РСФСР) к 12 годам лишения свободы.

Приговором Кошулиев был признан виновным в получении от Камилова двух взяток — 950 руб. и 12 руб.

Конечно, можно было оспаривать и то, и другое обвинение. Однако было ясно, что опровержение обвинения, связанного с получением взятки в сумме 950 руб., сопряжено с серьезными трудностями, в то время как обвинение в получении взятки в сумме 12 руб. — было достаточно шатким.

И тогда был взят на вооружение старый испытанный прием: оставив в стороне обвинение в получении взятки в сумме 950 руб., все внимание защита сосредоточила на критике необоснованности обвинения в получении взятки в сумме 12 руб.

**Из досье адвоката
Копия**

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА ТУРКМЕНСКОЙ ССР

Адвоката А. Л. Мове
Москва, ул. Баррикадная, д. 8 Московская
областная юридическая консультация

В защиту

Кошулиева Какабая Хакбердиевича, осужд. приговором коллегии Ашхабадского облсуда от 5/VIII-85 г. по ст. 194 ч. II и 197 УК ТССР на 12 лет лишения свободы.

Определением коллегии Верховсуда ТССР от 30/X-85 г. наказание снижено до 9 лет лишения свободы.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Не касаясь обвинения Кошулиева, связанного с получением от Камилова взятки в сумме 950 руб., считаю необходимым обратить внимание на явно необоснованное призна-

ние Кошулиева виновным в получении от Камилова взятки в сумме 12 руб. во второй половине июля 1984 г.

I.

1. Бесспорно установлено, что *направление* на госпитализацию Камилова в Ашхабадский областной Кожно-венерологический диспансер было дано Камилову не Кошулиевым, а врачом *Ждановой Г. М.*

Это подтверждено:

1) Амбулаторной картой больного Камилова (т. 1 л. д. 66-70), в которой имеется собственноручная запись врача Ждановой от 2/VII-84 г. о направлении Камилова в кожное отделение больницы с диагнозом: "кератодермия ладоней и кистей рук" (т. 1 л. д. 70).

2) Показаниями *Ждановой Г. М.* на следствии и в суде о том, что именно она 2/VII-84 г. выдала Камилову направление на госпитализацию и что записи в амбулаторной карте Камилова (т. 1 л. д. 70) и в истории болезни Камилова (стр. 70-110) учинены лично ею (т. 2 л. д. 275 и протокол суд. засед. № 1 — т. 2 л. д. 60-61).

3) Показаниями *Камилова*, который признал, что 29/VI-84 г. он прийти в диспансер не мог и явился туда только 2/VII-84 г.

"Когда я пришел 2/VII-84 г. в диспансер, там находилась Жданова. Она осмотрела мою руку, сказала, что этой рукой тебе штукатурить нельзя, — объяснил Камилов на допросе 25/V-85 г. (т. 2 л. д. 223-об.).

И далее:

"Жданова мне дала направление..." (т. 2 л. д. 232-об. — протокол допроса с применением магнитофонной записи).

4) Признано данное обстоятельство и *Обвинительным заключением*, в котором (со ссылкой на показания Камилова) имеется запись о том, что 2/VII-84 г. Камилову выдала направление на госпитализацию врач Жданова, которая (*дословно*):

"осмотрев его, дала направление, чтобы положили в больницу". (стр. 4).

5) Признал установленным данный факт и суд, который в *приговоре* зафиксировал:

“2/VII-84 г. Камилов пришел в диспансер, взял направление у *врача-девушки* и решил лечь в диспансер...” (см. прилагаемую копию приговора в переводе — стр. 3).

II. Бесспорно установлено, и это, собственно, не опровергается ни следственными органами, ни судом (см. Обвинительное заключение и приговор), что 2/VII-84 г. Камилов был госпитализирован на законных основаниях, т. к. он *действительно был болен*.

Таким образом, в тех действиях, которые после осмотра больного 28/VI-84 г. учинил Кошулиев (он проставил в амбулаторной карте Камилова диагноз: “кератодермия”), ничего криминального нет.

III. Как в процессе следствия, так и в судебном заседании врач Жданова подтвердила, что дала она направление на госпитализацию Камилову без чьего-либо воздействия, только лишь потому, что последний был действительно болен и нуждался в стационарном лечении в условиях больницы.

“Направление на госпитализацию Камилова я дала сама, — пояснила в суде № 1 Жданова. Никто меня об этом не просил, в том числе *не просил меня об этом и Кошулиев*. Я лечила его 2-3 недели, у него были больны ладони обеих рук”.

И далее:

“Направление дала я. *Основанием для помещения Камилова в больницу явилось мое направление*. (См. протокол суд. засед. — т. 2 л. д. 60-61 и Определение коллегии Ашхабадского облсуда от 18/I-85 г. о возвращении дела на дополнительное расследование — перевод — стр. 5).

Очевидно, что при таких условиях, когда бесспорно установлено, что *врач Кошулиев не давал Камилову направление на госпитализацию*, ему просто не за что было получать от Камилова взятку (12 руб.) — благодарность за госпитализацию. И если, невзирая на все это, он и получил от Камилова 12 руб. (об этом см. ниже), то подобные действия никак не могли и не должны были расцениваться, как взятка, поскольку никаких действий в интересах Камилова, связанных с использованием своего служебного положения, Кошулиев не совершил.

IV. Хотя дачу Кошулиеву 12 руб. Камиллов именуует взяткой, однако из его показаний на следствии и в суде вытекает, что он взятку в сумме 12 руб. Кошулиеву не давал, а лишь *покушался* на передачу взятки, и не Кошулиеву, а тому лицу (или лицам), которые дали ему *направление* на госпитализацию.

"30/VII-84 г. (через месяц после госпитализации — А. М.), — значитса в одном из первоначальных протоколов допроса Камиллова, — я передал Кошулиеву 12 руб. Когда я подошел к нему, Кошулиев сказал, что *передаст* эти деньги *русским девушкам*" (т. 1 л. д. 45).

Аналогичные показания дал Камиллов и на допросе 25/V-85 г.:

"В это время пришел Кошулиев, который сказал, что я говорил этой *женщине* (Ждановой), чтобы *направили* тебя в больницу". (т. 2 л. д. 223-об.)

И далее:

"После того как меня выписали за нарушение режима из больницы, Кошулиев увидел меня и спросил: "Когда ты принесешь обещанный коньяк? Я *девушкам* обещал дать коньяк... С какими девушками он разговаривал или разговаривал с Ждановой — об этом я не знаю..." (там же, л. д. 223-об.).

Затем:

"В конце июля 1984 г. ...Кошулиев встретил меня и сказал, что я *девушкам* обещал поставить коньяк, когда ты выполнишь обещанное? Куда он дел 12 руб. — сам израсходовал, или отдал *девушкам* — я об этом не знаю". (там же, л. д. 223-об., 224, 224-об.)

К этому же сводились показания Камиллова и на допросе 26/V-85 г., где он объяснил (показания зафиксированы на магнитофонной пленке):

"Кошулиев мне сказал, что он предупредил *женщину* (Жданову), чтобы она дала мне *направление*". (т. 2 л. д. 232-об.)

И далее:

"После этого Кошулиев, как увидит меня, спрашивает: "Когда ты поставишь коньяк? Я же обещал девушкам, им же надо дать коньяк. С какими девушками договорился Кошулиев или с Ждановой договорился, я точно не знаю". (Там же, л. д. 232-об. 233)

Затем:

"После того как меня выгнали из больницы, Кошулиев остановил меня и сказал: "За то, что я устроил тебя в стационар, ты обещал коньяк. Я же коньяк должен передать русским девушкам" (там же, л. д. 233).

Свои показания на следствии Камиллов подтвердил в суде:

"2/VII-84 г. я пришел к врачу, взял направление от русской девушки, и когда хотел лечь в больницу, ко мне подошел Кошулиев и сказал, что я сказал девушкам, чтобы тебя приняли в больницу, ты только принеси обещанные две бутылки коньяка, так как я коньяк должен отдать девушкам, в связи с тем, что я им обещал". (Протокол суд. заседания — т. 3 л. д. 5-6)

Нашел отражение данный факт и в Обвинительном заключении, где значится:

"В этот день, когда Камиллов собирался лечь в больницу, его встретил Кошулиев и сказал: "Я подсказал девочкам и уговорил их, чтобы они тебя положили в больницу. Обещанный коньяк принеси, я его отдам девочкам". (стр. 4)

Это же обозначено и в судебном приговоре:

"Камиллов пояснил, что, подойдя к нему, Кошулиев сказал: "Он сделал, чтобы девушки приняли его в больницу, если принесешь обещанный литр коньяка, то он коньяк отдаст девушкам". (см. копию приговора в переводе, стр. 3)

Очевидно, что при таких обстоятельствах и с учетом того, что, судя по приговору, полученные от Камиллова 12 руб. Кошулиев Ждановой или другим "русским девушкам" не передавал, а присвоил, действия его надлежало квалифицировать не как получение взятки, а как подстрекательство

к даче взятки, т. е. ст. 17 — ч. 1 ст. 196 УК ТССР (Основание: п. 8 Руководящего постановления пленума Верховного суда СССР № 16 от 23/IX-1977 г. "О судебной практике по делам о взяточничестве").

Правильная квалификация действий Кошулиева, связанных с получением от Камилова 12 руб. якобы для передачи должностному лицу (Ждановой), имеет важное значение для определения квалификации действий Кошулиева в части получения взятки от Камилова в сумме 950 руб. По приговору суда действия Кошулиева в этой части квалифицированы ч. II ст. 194 УК ТССР только по признаку *неоднократного* получения взятки, хотя, как это видно, в действительности (при доказанности обвинения) имело место *однократное* получение взятки, которое надлежало квалифицировать не ч. II, а ч. I ст. 194 ТССР (в старой редакции).

При этом надлежит учитывать, что ч. II ст. 194 УК ТССР в новой редакции Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23/V-86 г., предусматривающая *усиление* наказания за получение взятки *группой* лиц (Кошулиевым совместно с Кадыровым), к данному преступлению, совершенному в 1984 г., *неприменима*, поскольку уголовный закон, усиливающий наказания, *обратной силы не имеет* (ст. 6 УК ТССР).

II.

Обвинение Кошулиева в получении от Камилова 12 руб. не только *явно* ошибочно квалифицировано, но вообще *не доказано*.

Указанное обвинение зиждется на *единственном* доказательстве — крайне *путанных и противоречивых* показаниях Камилова.

При оценке показаний Камилова следственные органы и суд не учли следующего:

1. Показания Камилова в части передачи Кошулиеву 12 руб. абсолютно *голословны* и никакими другими доказательствами *не подтверждены*.

2. В своих первоначальных показаниях на следствии Камилов настаивал на том, что передал Кошулиеву 12 руб. после выписки из больницы 30/VII-84 г. (т. 1 л. д. 45).

С учетом этих показаний Камилова Кошулиеву и было предъявлено обвинение в получении от Камилова взятки в

сумме 12 руб. 30/VII-84 г. (см. Обвинительное заключение № 1, формула обвинения Кошулиева — т. 1 л. д. 490-491).

В дальнейшем однако, было установлено, что с 9 по 31 июля 1984 г. Кошулиев находился в отпуске и приступил к работе только 1 августа 1984 г. (см. справку — т. 2 л. д. 9 и больничный лист — т. 2 л. д. 112).

На данное несоответствие показаний Камилова имеющимся в деле документам особо обратила внимание коллегия Ашхабадского облсуда в своем Определении от 18/I-85 г., что и послужило одной из причин обращения дела на дополнительное расследование (стр. 5-6 копия Определения в переводе на русский язык).

3. В своем первоначальном заявлении в ОВД г. Безмеина от 2/X-84 г. Камилов ни словом не обмолвился о передаче Кошулиеву 12 руб. (т. 1 л. д. 7 З).

Ничего не говорил об этом Камилов и в своем первоначальном объяснении в ОВД г. Безмеина (т. 1 л. д. 4-5). Именно поэтому, с учетом заявления и объяснения Камилова, было вынесено Постановление о возбуждении уголовного дела, в котором отсутствует ссылка на дачу Камиловым 12 руб. Кошулиеву. (т. 1 л. д. 1)

4. Не зная о том, что Кошулиев во второй половине июля 1984 г. находился в отпуске, Камилов на очной ставке с Кошулиевым показал, что вручил ему 12 руб. в больнице, на его рабочем месте:

“После того как меня за нарушение выписали из больницы, — пояснил на очной ставке Камилов, — я пришел к Кошулиеву, он попросил коньяк, но у меня было только 12 руб., и я их отдал Кошулиеву”. (т. 1 л. д. 126-об.)

Именно поэтому, с учетом данных показаний Камилова, в Обвинительном заключении № 1 содержалась ссылка на то, что

“Камилов показал, что 30/VII-84 г. передал Кошулиеву 12 руб. в рабочем кабинете Кошулиева” (см. Обвинительное заключение № 1 — т. 1 л. д. 481-494).

Только после того как Камилов узнал о нахождении Кошулиева в отпуске, при дополнительном расследовании и в судебном заседании № 2 он резко изменил свои показания и объяснил:

“Когда меня выгнали из больницы, Кошулиев был в отпуске. После этого в конце июля 1984 г., вечером, около вендиспансера Кошулиев встретил меня. Он был на машине и сказал, чтоб я дал коньяк. Я отдал ему 12 руб....” (т. 2 л. д. 224, 233 и Протокол суд. заседания № 2 — т. 3 л. д. 3)

— Допустимо ли на подобных разноречивых и абсолютно голословных показаниях Камилова строить обвинение Кошулиева?

5. Еще в процессе следствия Кошулиев, оспаривая свою виновность, утверждал, что во время отпуска, в конце июля 1984 г., его в г. Ашхабаде не было, т. к. в это время он совместно с односельчанами уезжал на рынок в г. Небит-Даг, т. е. находился за много километров от Ашхабада.

Эти показания Кошулиева подтвердили многочисленные свидетели: Чопанов К. (т. 2 л. д. 185), Овулякулиев М. (т. 2 л. д. 181-184), Кошулиев Алаверды (т. 2 л. д. 189), Нурмурадов О. (т. 2 л. д. 196), Кошулиева О. (т. 2 л. д. 204), Курбанбердыев А. (т. 2 л. д. 244), Нурмурадов А. (т. 2 л. д. 256-257).

В нарушение требований ст. 318 УПК ТССР и п. 4 Руководящего Постановления Пленума Верховного суда СССР № 4 от 30/VI-69 г. “О судебном приговоре”, никакой оценки показаниям всех вышеуказанных свидетелей, подтверждающих алиби Кошулиева, суд в приговоре не дал.

6. Не учел суд при оценке показаний Камилова и его личности.

Из материалов дела усматривается, что Камилов в прошлом был судим и освобожден из мест лишения свободы условно-досрочно на 1 год и 7 месяцев с направлением на стройки народного хозяйства (т. 1 л. д. 254).

Об работы на стройке, куда он был направлен, Камилов уклонился, скрылся и в процессе следствия был вторично осужден по ст. 15-88 ч. II УК Каз. ССР на 6 лет лишения свободы. (т. 2 л. д. 220)

Постоянный пациент кожно-венерологического диспансера. Последний раз находился на излечении в вендиспансере с 11/X по 1/XI-84 г. с диагнозом: “Свежий передний гонорейный уретит. Привентивное лечение сифилиса” (т. 2 л. д. 10).

— Допустимо ли оказывать беспредельное доверие любому голословному заявлению подобного человека?

— “ ” —

Кошулиев К. Х. 1958 г. рождения. С 1976 по 1982 г. учился в Туркменском государственном Мед. институте, по окончании которого с 1/VIII-83 г. был направлен на работу в качестве дермато-венеролога в Ашхабадский кож. вен. диспансер. Член ВЛКСМ. По службе характеризуется положительно (т. 1 л. д. 306, 307).

На иждивении Кошулиева находится жена и двое малолетних детей — 1981 и 1982 года рождения (см. справку — т. 1 л. д. 252).

В прошлом не судим.

— “ ” —

По изложенным соображениям прошу Вас *истребовать* настоящее дело и внести *протест* на предмет внесения в приговор суда *следующих изменений*.

1. Отмены приговора суда в части признания Кошулиева виновным в получении от Камилова взятки в сумме 12 руб. и прекращения дела производством за *недоказанностью* предъявленного обвинения.

2. Переквалификации действий Кошулиева (по эпизоду получения взятки в сумме 950 руб.) с ч. II на ч. I ст. 194 УК ТССР *старой* редакции.

3. Определения Кошулиеву по ч. I ст. 194 и 197 УК ТССР *минимального* наказания, предусмотренного законом, с учетом того, что в настоящее время наказание по ч. I ст. 194 УК ТССР *смягчено* и, следовательно, в данной части этот закон на основании ст. 6 УК ТССР *имеет обратную силу*.

Приложение:

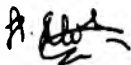
1. Копия приговора коллегии Ашхабадского облсуда на 7 л.
2. Копия Определения коллегии Верховного суда ТССР на 5 л.
3. Копия приговора в переводе на русский язык на 8 л.
4. Копия Определения коллегии Верхсуда ТССР в переводе на русский язык на 5 л.

5. Копия Определения коллегии Ашхабадского облсуда от 18.01.85 г. (в переводе на русский язык) на 8 л.

6. Копия Обвинительного заключения № 2 (в переводе на русский язык) на 11 л.

Справка: Кошулиев К. Х. отбывает наказание по адресу: Туркменская ССР, г. Безмеин, Учреждение ЯХ 55/5.

Адвокат

А. Л. Мове

г. Москва "14" сентября 1986 г.

И на этот раз старый испытанный прием меня не подвел. По этой жалобе Заместитель Председателя Верховного суда ТССР внес протест в Президиум Верховного суда ТССР.

Своим определением от 26 января 1987 г. Президиум Верховсуда ТССР принесенный протест удовлетворил.

Документ

Копия

ПОСТАНОВЛЕНИЕ президиума Верховного суда Туркменской ССР

от 26 января 1987 г.

Президиум Верховного суда Туркменской ССР

В составе: председателя Мухамедкулиева Б.

членов: Кистович А. А.
Галактионовой Н.И.
Розенштейна Г. Б.
Оразкулиева Б.

С участием зам. прокурора
Туркменской ССР

Бродницкого Н. Н.

Рассмотрел протест зам. Председателя Верховного суда Туркменской ССР в отношении Кошулиева К. Х.

Приговором судебной коллегии по уголовным делам Ашхабадского областного суда от 5 августа 1985 года

Кошулиев Какабай Хакбердыевич, 1958 года рождения, уроженец п. Келеджер, Геок-Тепинского района, туркмен, семейный, член ВЛКСМ, военнообязанный, образование высшее, ранее не судим, работал в Ашхабадском областном кожвендиспансере в должности врача, проживал по адресу: колхоз "Мир" Геок-Тепинского района

— признан виновным и осужден по ст. 194 ч. 2 УК ТССР к 12 годам лишения свободы, с конфискацией имущества, без ссылки, по ст. 197 УК ТССР к 3 годам лишения свободы, на основании ст. 40 УК ТССР по совокупности определено 12 лет лишения свободы с конфискацией имущества, без ссылки, с отбыванием наказания в ИТК усиленного режима.

Приговором также постановлено: взыскать с Кошулиева 470 руб. в доход государства, как неосновательное обогащение.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда ТССР от 30 октября 1985 года приговор в отношении Кошулиева К. изменен и мера наказания снижена до 9 лет лишения свободы.

Этим же приговором осужден Кадыров Меретгулы по ст. 194 ч. II, 197 УК ТССР к 12 годам лишения свободы, со снижением наказания до 10 лет лишения свободы выше названным определением, в отношении которого протест не принесен.

Заслушав доклад члена Верховного суда Туркменской ССР Нурмузамедова Б. К. и заключение зам. прокурора Туркменской ССР Бродницкого Н. Н., полагавшего протест удовлетворить, президиум Верховного суда ТССР

Установил:

По приговору суда Кошулиев К. признан виновным в том, что он, работая врачом Ашхабадского Областного кожвендиспансера, являясь должностным лицом и злоупотребляя своим служебным положением, во второй половине июля месяца 1984 года встретив возле диспансера Камилова Г., который ранее проходил курс лечения в диспансере, намекнул последнему о том, что он — Камилов обещал дать ему за госпитализацию 2 бутылки коньяка и получил от него в качестве взятки 12 рублей.

Кошулиев, продолжая свои преступные действия вместе с зав. отделением № 2 названного диспансера Кадыровым М., оформив подложные документы на Камилова, разместили последнего на стационарное лечение в диспансер, за что 9 августа 1984 года получили от Камилова взятку в сумме 950 руб., которую разделили между собой.

В протесте не оспаривается правильность осуждения Кошулиева за получение взятки 950 руб., ставится вопрос о прекращении уголовного дела в отношении его по эпизоду получения взятки 12 руб. за отсутствием состава преступления.

Обсудив доводы протеста и проверив материалы дела в полном объеме, президиум считает протест подлежащим удовлетворению по следующим основаниям.

Как видно из материалов дела, Камилов был госпитализирован в кожвендиспансер по направлению врача Ждановой Г. М., к которой он с этой целью и обратился, о чем ее никто, в том числе и Кошулиев, не просил.

Этот факт подтверждается показаниями потерпевшего Камилова и свидетеля Ждановой, а также направлением на стационар, выданным Камилову.

В день, назначенный Кошулиевым, он к нему не пришел и не обратился к Кошулиеву с просьбой о содействии в госпитализации через врача Жданову. Таким образом Кошулиев для госпитализации Камилова каких-либо действий не совершил и оказать помощь в решении этого вопроса через других лиц Камилову не обещал.

Дача же взятки предполагает совершение должностным лицом какого-либо действия, либо бездействия в пользу взяткодателя, что по данному делу отсутствует.

При таких обстоятельствах 12 руб. не могут быть признаны предметом взятки, а Кошулиев взяткополучателем.

В связи с изложенным Президиум считает, что уголовное дело по этому эпизоду следует прекратить за отсутствием состава преступления, в связи с чем действия Кошулиева следует переqualифицировать с ч. 2 ст. 194 УК ТССР на ч. 1 этой же статьи, за отсутствием признака неоднократности получения взятки.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 384, 387 и 388 УПК ТССР Президиум Верховного суда Туркменской ССР

Постановил:

Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Ашхабадского областного суда от 5 августа 1985 г. и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда ТССР от 30 октября 1985 г. в отношении Кошулиева Какабая Хакбердыевича в части по эпизоду получения взятки 12 руб. отменить и дело в этой части прекратить производством за отсутствием состава преступления. Действия его со ст. 194 ч. 2 УК ТССР переqualифицировать на ст. 194 ч. 1 УК ТССР, по которой назначить 6 лет лишения свободы и на основании ст. 40 УК ТССР по совокупности (ст. 197 УК ТССР 3 года лишения свободы) окончательно определить 6 лет лишения свободы, в остальной части приговор оставить без изменения.

Протест зам. Председателя Верховного суда Туркменской ССР — удовлетворить.

Председатель президиума Верховного суда Туркменской ССР Б. Мухамедкулиев

Верно: Член Верховного суда ТССР Б. К. Нурмухамедов

Копия верна:

(А. Мове)

Дело заключалось не только в снижении меры наказания до 6 лет, но и в переqualификации действий Кошулиева на часть 1 ст. 194 УК ТССР, режим условно-досрочного освобождения по которой существенно отличается от режима освобождения по ч. 2 ст. 194 УК.

В данном конкретном случае, с учетом того, что к моменту разрешения дела в Президиуме Верховного суда ТССР Кошулиев уже отбыл почти 2,5 года лишения свободы, он мог рассчитывать на достаточно скорое облегчение своей судьбы.

Дело Бориса Колбая. Трагедия в парке на берегу Черного моря

Это дело для ведения в порядке надзора я принял по личной просьбе своего близкого друга далеких студенческих лет, с которым совместно когда-то проживал в нашем студенческом общежитии, а затем — адвоката Сухумской юрконсультации — Давида Парцвания. С ним мы очень часто встречались во время моих многочисленных командировок в Абхазию, очень тепло дружили, давали клятву друг другу, что обязательно доживем до 2.000 года. Почему именно до 2-х тысячного года? — Не знаю, но нам этот срок в ту пору казался очень далеким и недосягаемым. Но вот пронеслась страшная Грузино-абхазская война, и где теперь Давид, где его любимая жена Русико, его прекрасные сыновья, живы ли они, а главное — где их сыскать, как помочь беде? Давид был изумительным человеком и прекрасным, исключительно добросовестным адвокатом. Кроме того он обладал одним редким качеством: хорошо знал и оценивал свои силы, старался никогда не переоценивать их. “Ты знаешь, Абрам, — говорил он иногда мне, — это дело выше моих сил, не справиться мне с ним. Это способен сделать ты, и только ты, больше никто с этим не справится. Очень прошу, помоги...”

Так было с делом Ткебучава, обвиняемым в хищении гос. имущества в особо крупном размере, со сложнейшим многотомным хозяйственным делом Чокорая Бухути Герасимовича, которому я посвятил несколько лет своей жизни, с делом студента Гагуа, обвиняемым в убийстве, с делом Вахтанга Джапаридзе и рядом других дел.

Так случилось и с делом Бориса Колбая, которое оказалось, пожалуй, одним из интереснейших и сложнейших дел, встречавшихся на моем пути в Абхазии.

Свое повествование об этом деле позволю себе начать прямо с публикации жалобы на имя Прокурора Грузинской ССР, которую я написал после тщательного ознакомления с делом, и с которой я был на личном приеме в Прокуратуре ГССР, у Начальника отдела по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел В. Шушанашвили. Человек сравнительно молодой, но очень грамотный и опытный, Шушанашвили (впоследствии Министр юстиции Грузии) буквально сразу же ухватил суть дела, его главные пробелы, убедительность доводов

защиты и принял решение истребовать дело для проверки в Прокуратуру Грузии.

А в своей жалобе я обращал внимание вот на что:

Документ

ПРОКУРОРУ ГРУЗИНСКОЙ ССР

Адвоката МОВЕ А. Л., г. Москва,
ул. Баррикадная, д. 8 Мособл-
консультация

По делу

КОЛБАЯ Бориса Ермолаевича,
осужд. Приговором коллегии
Верхсуда Абхазской АССР от
3/XI-70 г. по ст. 117 ч. III УК на
12-ть лет лишения свободы. Оп-
ределением коллегии Верхсуда
Гр.ССР от 29/III-71 г. приговор
оставлен без изменения.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

То, что случилось в настоящем деле, не может не привлечь к себе внимания.

11-го мая 1969 г. в с. Агудзера, в парке на берегу моря, повесилась 14-тилетняя школьница Наташа Колесникова.

— *Что послужило причиной самоубийства?*

— *Почему, в связи с чем так трагически оборвалась жизнь девочки?*

На все эти первостепенной важности вопросы ни *Обвинительное заключение*, ни *судебный приговор ответа не дают*, хотя именно по поводу этого трагического случая и было возбуждено данное дело, в связи с ним, буквально на следующий день после случившегося, был арестован *слесарь Колбая Б. Е.* (т. 1 л. д. 1 и 77).

Уже одно это, само по себе, внушает серьезные сомнения в правильности осуждения Колбая, в обоснованности судебного приговора.

Вольно или невольно создается впечатление, что *надуманное и искусственное обвинение Колбая* явилось следствием *бессилия раскрыть преступление, послужившее по-*

водом к возбуждению дела, вызвано одним — стремлением любым путем оправдать неосновательный его арест.

Прежде чем перейти к критике доказательств, положенных в основу приговора, считаю необходимым обратить внимание на следующее:

I. МАТЕРИАЛАМИ ДЕЛА НЕ УСТАНОВЛЕН ФАКТ ИЗНАСИЛОВАНИЯ НАТАШИ КОЛЕСНИКОВОЙ

По приговору суда Колбая Б. Е. признан виновным в том, что он "18/IV-68 г., воспользовавшись беспомощным состоянием 14-тилетней Колесниковой, находящейся в состоянии опьянения, у нее дома в с. Гульрипши, изнасиловал ее, вступив в половое сношение *через задний проход*" (Приговор, стр. 2).

Нетрудно убедиться в том, что в деле не только нет доказательств, подтверждающих причастность Колбая к этому преступлению, но и нет никаких объективных данных, подтверждающих сам *факт изнасилования* Наташи Колесниковой:

1) Известно, что сама Колесникова никогда и никому *не говорила* о том, что Колбая ее изнасиловал через задний проход.

Никогда и никому *не жаловалась* Наташа на боли в заднем проходе, которые неизбежны при подобного рода сношениях.

Допрошенная по этому поводу родная сестра Наташи, свид. *Наконечная Любовь*, в судебном заседании в декабре м-це 1969 г. показала:

"Задний проход Наташи врач не осматривал, и девочка на боли заднего прохода не жаловалась" (Протокол суд. заседания, т. 2 л. д. 71- об.).

Это же подтвердила свид. *Наконечная Л.* и при слушании дела в октябре м-це 1970 г.:

"На счет боли потом, в следующие дни, Наташа не говорила" (Протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 295-об.)

Между тем, *по заключению судебно-медицинского эксперта*, потерпевшая, если бы она была изнасилована через задний проход, не могла бы не чувствовать боли.

"Имеющиеся разрывы в заднем проходе, — пояснил в суде эксперт, — очень болезненны" (т. 2 л. д. 128).

И далее:

"Такое сношение очень болезненно, и боль ощущается в пределах недели, когда ходишь, садишься". (т. 3 л. д. 309).

Все изложенное неминуемо приводит к выводу о том, что обнаруженные в заднем проходе потерпевшей *"рубцы белесоватого цвета"*, давность возникновения которых эксперт не мог установить, *не имеют никакого отношения к событиям, имевшим место 18/IV-69 г.*, ни в кой мере с ними не связаны.

В этой части нельзя не согласиться с утверждением *Зам. прокурора Гр.ССР тов. Бицадзе, который отклоняя представление Прокурора Абх.АССР, совершенно справедливо подчеркнул:*

"Ни один свидетель не говорит о том, что потерпевшая им сказала, будто Колбая ее изнасиловал через задний проход, как он в этом обвиняется.

И далее:

"Если потерпевшая была изнасилована именно таким способом, в результате чего у нее по истечении нескольких недель сохранились рубцы, обнаруженные при исследовании ее трупа после самоубийства, является маловероятным, чтобы потерпевшая не чувствовала боли в области заднего прохода и об этом не сказала бы ни свидетелям, ни врачу Ткебучава" (т. 3 л. д. 2).

2) Установлено, что после того как Наташа высказала *предположение* об изнасиловании, сестра ее, *Наконечная Л.*, совместно с другими лицами тщательно проверили ее *белье, постельные принадлежности и никаких следов крови на них не обнаружили.*

"Я спросила у Наташи, — пояснила Наконечная Л. в суде, — была ли кровь на простыне. Она ответила, что крови не было" (т. 2 л. д. 70).

И далее:

"Мы вместе с Колбая Николаем осмотрели простынь и одежду Наташи. Следов крови мы не обнаружили" (там же, л. д. 74-об.).

Подтвердил эти обстоятельства и свид. *Колбая Николай*:

"Люба сказала, что Наташу изнасиловали, и показала на кровать.

Там никаких следов не было, и я сказал, что никаких следов нет" (т. 3 л. д. 259-об.).

И далее:

"Когда возвратились из Сухуми, мы все опять просмотрели постель, но никаких следов не было" (там же, т. 3 л. д. 261).

Говорил об этом и брат погибшей, *Колесников Виктор*:

"Никаких следов на постели я не видел...

Когда я пришел домой, заметил, что одеяло с постели снято, простынь чистая, и я застелил постель..." (т. 2 л. д. 92-об.).

Таким образом, никаких следов крови на одежде и постельном белье Наташи обнаружено не было, хотя, как утверждает суд. мед. эксперт:

"На простыне и одежде должны были остаться следы крови" (т. 2 л. д. 127).

Очевидно, что и данное обстоятельство — отсутствие на одежде и постельном белье потерпевшей следов крови — объективно проверяет вывод суда об имевшем месте изнасиловании.

3) *Наташа Колесникова никогда категорически не утверждала, что Колбая ее изнасиловал.*

Никому и никогда Наташа не говорила о том, что Колбая вводил или пытался ввести свой половой член в ее половые органы или задний проход, что он совершил с ней половой акт и пр. и пр.

Смысл всех объяснений Колесниковой сводился к тому, что она *подозревала* Колбая в том, что он, воспользовавшись ее сильным опьянением, изнасиловал ее. И эти ее подозрения были основаны на том, что якобы она *"проснулась от боли* (в какой области? — А. М.) и увидела себя голый, в одной кровати с Борисом Колбая, который так же

был оголен" (см. показания Наконечной Л., Колбая Н., Насонова Д и др.).

Об этом заявлении потерпевшей речь пойдет позже. Сейчас же необходимо лишь подчеркнуть, что из этого ее рассказа не только *невозможно делать вывод* об имевшем место *изнасиловании через задний проход*, но и о попытке изнасилования, о *покушении на изнасилование*.

Правда, допрошенная на *ранней* стадии следствия врач Ткебучава Н. М. показала, что, хотя девственная плева Колесниковой нарушена не была, но на ней имелись какие-то надрывы (?!) (т. 1 л. д. 109). Однако при оценке ее показаний нельзя не учитывать следующего:

а) Врач Ткебучава освидетельствовала потерпевшую *неофициально*. Никакого акта освидетельствования она *не оформляла*, и в деле его нет.

б) Допрос Ткебучава был произведен на следствии очень *поверхностно*, в процессе допроса не был выяснен ряд существенных обстоятельств.

Это, собственно, признал и Зам.прокурора Гр.ССР Бицадзе, который, настаивая на проведении по делу дополнительного расследования, в частности указал:

"Допрос свид. Ткебучава произведен *поверхностно*, не выяснено, что потерпевшая сказала свидетелю — *какие именно следы* попытки изнасилования *имелись* у потерпевшей в области полового органа" (т. 3 л. д. 2).

К сожалению, восполнить все эти пробелы впоследствии не представилось возможным, в связи *со смертью* Ткебучава (т. 3 л. д. 138).

Очевидно, что, уже по одному этому, данные показания свид. Ткебучава, *не проверенные в суде*, не могли быть положены в основу обвинения.

в) При оценке показаний свид. *Ткебучава* следовало также иметь в виду и следующее:

В судебном заседании подс. *Колбая Б.* пояснил, что после случившегося свид. Наконечная Л. сказала ему:

"Знаешь, Боря, дело прошлое, *тогда я врача попросила, чтобы она подтвердила, что якобы была попытка*, а это на самом деле неправда.

Я потому ее уговорила, чтобы ты нас не ругал".
(т. 3 л. д. 301- об.)

Эти показания подсудимого подтвердил свид. *Колбая Николай*:

"Врач сказала, что Наташа девственница, — пояснил он суду, — но была попытка. После этого Люба сказала, что она хотела попугать Бориса"
(т. 2 л. д. 106).

И далее:

"Наконечная Люба сказала Борису: "Мы с врачом договорились, чтобы тот сказал, что якобы была попытка изнасилования, но это неправда, потому, чтобы ты нас не избил" (т. 3 л. д. 263)

И далее:

"Наконечная Люба говорила, что девочка девственница, но просто хотела напугать Бориса, чтобы он их не поругал." (т. 3 л. д. 264).

Вынуждена была подтвердить эти показания Колбая Б. и свид. Наконечная Л.

В судебном заседании она говорила:

"Когда Наташа была мертвая, я просто так Борису сказала: "Дело прошлое, Борис, Наташа была девственница, но мы с врачом договорились тебя попугать. Я не хотела пугать Бориса, я не знаю, почему об этом сказала Борису" (т. 2 л. д. 75-75-об.).

Не вызывает никакого сомнения, что при таких обстоятельствах у следственных органов и суда не было никаких оснований к тому, чтобы, ориентируясь на *голословные, не проверенные в суде*, показания свид. Ткебучава, вести речь о *покушении* на изнасилование Колесниковой, и этим *косвенно* подтверждать факт изнасилования ее через задний проход (см. Приговор суда и Определение коллегии Верховного суда Гр.ССР от 29/III-71 г.).

4) *Об отсутствии изнасилования свидетельствует и все последующее поведение Наташи Колесниковой.*

Установлено, что после того как врач Ткебучава 19/IV-71 г. освидетельствовала Наташу и подтвердила, что она девственна (а этот вывод подтвердил впоследствии, после смер-

ти Наташи, и эксперт Качарава — т. 1 л. д. 20), Наташа Колесникова и ее родственники успокоились и никаких претензий к Колбая больше не предъявляли.

"Наташа была всегда веселая, разговорчивая, дома было все хорошо, — пояснила Наконечная Л. следователю после смерти Наташи (т. 1 л. д. 6).

Говорил об этом и брат Наташи, Колесников Виктор:

"Сестра была всегда веселая. Причину самоубийства объяснить не могу (т. 1 л. д. 5).

Подтверждала это и мать Наташи, свид. Колесникова А. Л.:

"Я за ней не замечала грусти.

О причинах самоубийства дочери я ничего не знаю и никого не подозреваю" (т. 1 л. д. 9).

Таким образом, после случившегося Наташа была веселая, разговорчива, без тени грусти. И все это, невзирая на то, что, как пояснил эксперт "разрывы заднего прохода очень болезненны, боль ощущается в пределах недели, когда ходишь, садишься" (т. 3, л. д. 309).

Очевидно, что все это никак не вяжется с версией об изнасиловании.

Мало того.

За два дня до самоубийства Наташа ходила в кино (л. д. 14), а за день до случившегося, 10/V-69 г., она была на дне рождения у своей подруги, Мухановой.

"Наташа была в очень хорошем настроении, — объяснила впоследствии свид. Муханова. — Она учила танцевать девочек. Они играли и веселились". (т. 1 л. д. 82)

А 11/V-69 г., буквально за несколько часов до самоубийства, *"настроение у Наташи было нормальное, она шутила, смеялась"* (см. показания свид. Королевой, Степанян и др., т. 1 л. д. 8, 13, 65).

Наконец, и из содержания предсмертных записок Наташи усматривается, что покончила она с собой не потому, что была изнасилована, а по другой причине. Она так прямо и пишет подруге:

"Я умираю, умираю от любви".

И далее:

“Дима, я тебя люблю и принадлежу только тебе...”

Дима, любовь моя” (т. 1 л. д. 156).

Суммируя изложенное, следует признать, что в деле не только нет никаких доказательств причастности Колбая Б. к совершению преступления, но и нет буквально никаких доказательств, подтверждающих сам факт преступления — изнасилования Колесниковой Наташи.

Естественен вопрос: если все это так, то почему, на каком основании утверждают следственные органы и суд об изнасиловании Колесниковой, на чем, на каких доказательствах построен этот вывод?

Нетрудно убедиться в том, что вывод этот, по сути, основан на единственном доказательстве — заключении суд. мед. экспертизы, том самом, которое, по глубокому убеждению защиты, было не критически воспринято следствием и судом.

II. ЗАКЛЮЧЕНИЕМ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НЕ ПОДТВЕРЖДЕН ФАКТ ИЗНАСИЛОВАНИЯ КОЛЕСНИКОВОЙ.

С самого начала необходимо подчеркнуть, что, вопреки утверждению Приговора, факт изнасилования Наташи Колесниковой суд. мед. экспертиза никогда не подтверждала.

Еще на следствии суд. мед. экспертом было дано заключение о том, что “разрывы слизистой заднего прохода потерпевшей вызваны воздействием тупого твердого предмета”. Что касается старых рубцов “белесоватого цвета”, тех самых, давность возникновения которых эксперт не мог установить, то о причине их возникновения эксперт в своем заключении ничего сказать не мог (т. 1 л. д. 20).

— Можно ли было на основании этого заключения эксперта делать вывод о том, что Наташа Колесникова была дважды изнасилована? Что она была изнасилована 19/IV и 9-10/V-69 г.?

Очевидно, что такого вывода делать нельзя было:

1) Прежде всего, как указывалось, эксперт вообще ничего не говорил о причине возникновения “рубцов белесоватого цвета”, с которыми следственные органы и суд увязывают изнасилование Колесниковой 18/IV-69 г.

2) В своем заключении эксперт не только *не подтверждает наличие* на теле потерпевшей, и в частности в области *половых органов, вокруг заднего прохода, следов насилия*, а наоборот, свидетельствует об отсутствии этих следов (ссадин, кровоподтеков и пр.). Таким образом экспертизой не опровергается возможность появления разрывов заднего прохода в результате добровольного полового акта.

3) Утверждение эксперта о том, что разрывы *слизистой заднего прохода* могли явиться следствием воздействия тупого предмета (к сожалению, в акте экспертизы не отмечены количество и размеры разрывов и рубцов, их локализация и пр.), является *предположительным* и не исключает возможности появления подобных повреждений в результате какого-либо *заболевания*.

В частности, в *судебном заседании* эксперт признал, что:

"Хотя при вскрытии Колесникова была здорова, но всякая болезнь проходит по разному. Некоторые болезни проходят и не оставляют следов, а некоторые оставляют рубцы, осложнения и пр.

И далее:

"Она могла болеть колитом не ранее, чем год, и прошла болезнь, оставив за собой рубцы".

И далее:

"Если эти разрывы от заболевания, то процесс заживания шел медленно" и т. д. (т. 3 л. д. 309-об.).

4) Вывод эксперта о возможности образования разрывов *слизистой заднего прохода* в результате *заболевания*, является *научно-обоснованным*, находит подтверждение в *медицинской практике и теории*.

Вот некоторые выдержки из работы В. Р. Брайцева *"Заболевания прямой кишки"*:

"Трещины заднего прохода наблюдаются довольно часто.

Они могут возникнуть в результате ранения поверхности заднего прохода проходящими с калом инородными телами, на почве проктита (воспаление слизистой оболочки прямой кишки) паропроктита (воспаление околопрямокишечной

клетчатки)" и т. д. (Гос. изд-во "Медицинская литература", Медгиз, 1952 г., стр. 140).

А вот выдержки из другой работы:

"Трещины заднего прохода могут появляться на почве различных заболеваний этой области, вышележащего отдела толстого кишечника и всего организма".

И далее:

"Одним из главных условий появления трещины нужно считать хотя бы кратковременный запор...

Не только запоры, но и поносы могут быть причиной трещин.

Колиты, чаще всего дизентерийного происхождения, ведут к образованию трещин.

И далее:

"Многие общие заболевания, ослабляющие организм, иногда сопровождаются зудом заднего прохода — глисты, авитаминоз, малярия и пр., что ведет к расчесыванию больным заднего прохода и нарушению целостности кожного эпителия, иногда до появления крови". (См. Аминев, "Амбулаторная проктология", изд. "Медицина", 1964 г., Москва, стр. 158-159, 193).

К сожалению, все эти обстоятельства, связанные с прошлыми заболеваниями Наташи Колесниковой (а это можно было установить и путем опроса свидетелей, и путем истребования соответствующих документов из медицинских учреждений, путем привлечения для разрешения этого вопроса эксперта-проктолога), следствием абсолютно не были исследованы.

Суммируя изложенное следует признать, что у следственных органов и суда не было решительно никаких оснований к тому, чтобы на заключении судебно-медицинского эксперта строить вывод об изнасиловании Колесниковой.

Нельзя было при этом не учитывать и еще одного весьма важного обстоятельства.

III. ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ РАЗРЫВОВ СЛИЗИСТОЙ ЗАДНЕГО ПРОХОДА ПОТЕРПЕВШЕЙ.

В связи с обнаружением в заднем проходе погибшей *свежих разрывов и рубцов — следов старых разрывов*, давность которых установить не представилось возможным, следственные органы с самого начала пришли к абсолютно *верному и обоснованному* выводу о вероятности образования тех и других *разрывов идентичным способом*.

В этом отношении нельзя не согласиться с позицией Зам. прокурора Гр.ССР т. Бицадзе, который, настаивая на проведении по делу дополнительного расследования, *особо подчеркнул*:

"Следует провести всестороннее расследование по факту изнасилования и самоубийства потерпевшей, по которому материалы преждевременно были выделены в отдельное производство, т. к. способ изнасилования идентичен с тем способом, который, по утверждению предварительного следствия, был применен обв. Колбая, что создает предположение не были ли совершены оба эти преступления одним и тем же лицом, и Колбая, как во втором, так и в первом случае не причастен к этому делу" (т. 3 л. д. 1-2).

На это обстоятельство обратила внимание и коллегия Верхсуда Гр.ССР, которая, возвращая дело к доследованию, в своем Определении от 27/X-69 г. отметила:

"С учетом этого и принимая во внимание одинаковость характера насилия, совершенного над потерпевшей, как 18/IV-69 г., так и в мае 1969 г., т. е. за два дня до ее самоубийства — раздельное ведение следствия по обоим этим фактам следует считать неоправданным..." (см. Определение Верхсуда ГССР, т. 2 л. д. 212).

Таким образом, повторяем, вывод следствия (а впоследствии — и суда) *об идентичности способов образования свежих и давних разрывов прямой кишки потерпевшей* являлся вполне обоснованным.

Но, сделав совершенно правильный вывод *об идентичности способов образования свежих и давних разрывов*, следственные органы вместе с тем с самого начала пришли

к совершенно неправильному и ошибочному заключению о том, что таким способом могло быть только изнасилование потерпевшей через задний проход.

Это нашло выражение в том, что еще 12/V-69 г., на следующий день после самоубийства, когда практически еще не было никаких сведений об изнасиловании, следователь в протоколе осмотра места происшествия уже указал, что Наташа Колесникова *"была изнасилована Борисом Колбая"* (т. 1 л. д. 4а).

Нашло это выражение и в том, что спустя некоторое время Колбая было предъявлено обвинение в изнасиловании Колесниковой 18/IV-69 г., и (повторно) в мае м-це 1969 г. (т. 1 л. д. 131).

Наконец, нашло это отражение и в том, что, убедившись в беспочвенности обвинения Колбая в изнасиловании Наташи в мае м-це 1969 г., следователь выделил материалы по этому факту в особое производство, и при этом вновь повторил:

"Имело место и вторичное изнасилование Колесниковой, о чем свидетельствуют разрывы, в связи с чем она покончила самоубийством". (т. 1 л. д. 212).

— *Но кто сказал, что Наташа Колесникова была изнасилована в мае м-це 1969 г.?*

— *Какими доказательствами подтверждено, что она покончила самоубийством в связи с изнасилованием?*

Нетрудно убедиться в том, что никаких сведений об этом в деле нет, что материалами дела не только не подтвержден факт изнасилования Колесниковой в мае м-це 1969 г., а, наоборот, доказано, что *покончила она с собой не в связи с изнасилованием.*

И дело здесь не только и не столько в экспертном заключении, которое, как указывалось выше, не исключает возможности появления разрывов в результате заболевания или добровольного полового сношения, сколько в поведении потерпевшей накануне самоубийства, в ее предсмертных записках.

Установлено, что Наташа Колесникова довольно хладнокровно и заблаговременно готовилась к самоубийству.

"Последнюю неделю, — показала подруга Наташи, свид. *Перкова*, — она ходила какая-то странная, вела речи, что ей надоело жить..." (т. 1 л. д. 7, 14; т. 2 л. д. 27-28).

11-го мая, в день самоубийства, Наташа зашла к свид. *Королевой Зое*, попросила ее передать своей подруге, *Перковой*, *предсмертное* письмо:

"В руках у нее был бинт (на нем она затем повесилась — А. М.). Настроение у нее было нормальное, она шутила, смеялась". (т. 1 л. д. 8, 13; т. 2 л. д. 48-об., 49; т. 3 л. д. 253-об.).

В течение нескольких часов 11/V Наташа сидела на скамейке в парке с *Софой Степанян* и при этом, как показала свидетельница:

"Наташа была веселая. Мы писали в тетрадке игру — кто корабль раньше построит" (т. 1 л. д. 65; т. 2 л. д. 33-36).

И никому, ни одной из своих подруг не жаловалась Наташа в это время на какое-то насилие, учиненное над ней в мае месяце, буквально за 2-3 дня до самоубийства.

Она не только не жаловалась на это, а, наоборот, вечером 9-го мая ходила с подругой, *Перковой*, в кино (по версии следствия, это уже после изнасилования!) и при этом:

"Настроение у нее было нормальное" (См. показания *Перковой* — т. 1 л. д. 14)

А 10-го мая (опять-таки, как считает следствие, после изнасилования!) Наташа идет на день *Рождения* к *Мухановым*, где она:

"была в очень хорошем настроении, учила танцевать девочек, они играли и веселились" (см. показания *Мухановой*, т. 1 л. д. 81).

— Разве вяжется все это с изнасилованием?

— А предсмертные письма Наташи? Разве в них идет речь об изнасиловании, о самоубийстве на этой почве?

Ничего подобного.

Совершенно недвусмысленно в своих предсмертных записках Наташа пишет, почему она уходит из жизни:

"Я умираю от любви..."

И далее:

"Дима, я тебя люблю и принадлежу тебе... Дима, любовь моя". (т. 1 л. д. 156).

Комментарии, думается, излишни!

Однако вопреки всем этим очевидным фактам, невзирая на все и вся, следствие упорно, как мы видим, настаивает на том, что Наташа Колесникова была в мае месяце изнасилована, что она покончила самоубийством не "от любви", а потому, что была изнасилована.

— Чем вызвано такое, на первый взгляд, непонятное упорство в отстаивании своей позиции?

— Почему так ухватился следователь за версию об изнасиловании Наташи в мае м-це?

Ответ на все эти вопросы предельно прост:

Если не была Колесникова изнасилована в мае м-це, если свежие разрывы появились у нее не в результате насилия, а в результате какого-то *заболевания* или *добровольного* полового сношения (а речь может идти только об этом!), то не была она изнасилована и в апреле м-це.

Отрицание этого факта, таким образом, разрушает версию об изнасиловании, имевшем место в апреле м-це, приводит к выводу, что и давние разрывы, судя по идентичности способа образования, появились не в результате насилия, а вследствие воздействия тех же факторов, которые обусловили появление свежих разрывов в мае месяце.

Повторяем, все это предельно ясно, а именно этим объясняется то необыкновенное упорство, с которым с самого начала и до конца отстаивается версия об изнасиловании Колесниковой в мае м-це, о том, что она покончила самоубийством в результате этого насилия.

Если следовать судебному приговору и при этом исходить не из произвольных домыслов, а из фактов бесспорно установленных, получается, что 18/IV Колесникова была изнасилована (в результате чего у нее возникли разрывы заднего прохода), а через *три недели*, в мае м-це, у нее появились вновь *такие же* разрывы, но уже не в результате изнасилования.

Нелогичность и надуманность подобного обвинения очевидны.

Из сказанного неизбежен вывод:

Утверждение следствия и суда об изнасиловании Колесниковой в апреле м-це 1969 г. не только не основано на материалах дела, не только не нашло своего объективного подтверждения, но и находится в противоречии с другим неопровержимым фактом — с тем, что Колесникова покончила жизнь самоубийством не в связи с изнасилованием, что обнаруженные свежие разрывы заднего прохода появились у нее не в результате изнасилования.

IV. О ПРИЧИНЕ САМОУБИЙСТВА КОЛЕСНИКОВОЙ

Не считая возможным в рамках жалобы подробно рассматривать этот вопрос, считаю тем не менее необходимым обратить внимание на следующее:

Из предсмертных записок Наташи следует, что она находилась в близких отношениях с каким-то Димой ("Я принадлежу тебе"), что причиной самоубийства является не изнасилование, а неудачная любовь ("Я умираю от любви").

Эта версия, несмотря на указание коллегии Верхсуда ГССР, несмотря на прямое предписание Зам.прокурора ГССР т. Бицадзе, надлежащим образом в процессе следствия проверена не была.

Более того. Следователь, вопреки этим указаниям, выделил в особое производство материалы, касающиеся самоубийства Наташи, счел возможным вести *раздельное* следствие по двум этим, органически связанным между собою делам.

Между тем:

1) Из материалов дела усматривается, что незадолго до случившегося, в феврале — марте м-це 1969 г. в доме Колесниковых жил приехавший из Армении 27-милетний квартирант, гр. Салорцоцян Владимир.

Этот молодой человек разошелся в то время со своей женой и жил у Колесниковых вместе со своим товарищем.

"Квартирант этот, — показала на следствии свид. Наконечная, — был в очень близких отношениях с Наташей.

Наташа ухаживала за ним, жарила картошку, стирала”

И далее:

“В феврале м-це у мужа был день рождения и Наташа была с этим армянином.

Они танцевали вместе, он всегда приглашал только Наташу, и Наташа была согласна. Было заметно, что она этим была довольна.”

И далее:

“Однажды мама сказала, что этот армянин как-то в присутствии мамы сказал Наташе, что жаль, что он женат, иначе подождал бы Наташу” (т. 1 л. д. 117-об., 118).

Об этом же говорила свид. *Наконечная Л.* и в суде:

“Он с Наташей приходил к нам на вечер. День рождения мужа был 13-го февраля 1969 г.” (т. 2 л. д. 72).

Об определенной близости, существовавшей между Наташей и гр. *Салорцоцян*, говорил и свид. *Насонов Дмитрий*:

“Со слов матери я знал, что якобы Владимир собирался жениться на Наташе, когда она подрастет. Он был в разводе со своей женой” (т. 2 л. д. 97).

И далее:

“Однажды Наташа в магазине купила две четвертинки и пришла с квартирантом к нам в дом, эту водку принесла.

Я с женой спешил в кино, выпили по 100 гр. и ушли, а они остались дома смотреть телевизор”. (т. 3 л. д. 286-об.)

Не отрицал по сути всех этих фактов и гр. *Салорцоцян*:

“Однажды мать в шутку сказала, что такого зятя нужно иметь, в присутствии Наташи.

На это я в шутку сказал, что тогда я подожду Наташу”.

И далее:

"Наташа стирала мне сорочки, жарила картошку... Был случай, что я с Наташей приходил в дом Любы" (за 1,5 километра!) — т. 1 л. д. 144.

Подтвердил свои показания свид. *Салорцоцян* и в суде:

"Мать Наташи однажды сказала: Неплохо, чтобы Наташе попал такой муж как ты".

Я сказал: *"Неплохо, только пусть Наташа подрастет". (т. 2 л. д. 57-об.)*

И далее:

"Был случай, что я взял водку, и с Наташей пошли к Любе. Наташа сказала, что пойдет впереди, а я чтоб шел сзади, чтобы не было лишних разговоров" (?!) (т. 2 л. д. 78-об.)

Очевидно, что проходить мимо всех этих объяснений свидетелей только потому, что *Салорцоцян* зовут не Дима, а *Владимир* никак нельзя, тем более, что следствием, по сути, обстоятельно не выяснялся вопрос о том, как звала его Наташа (*Колбая Б.*, например, знал, что зовут его *Димой* — т. 1 л. д. 130-об.)

Нельзя было проходить мимо всего этого и в связи с тем заявлением, которое было сделано в суде свид. *Колесниковой Валентиной*:

"После смерти сестры мой брат Виктор рассказывал, что однажды квартирант Владимир и Наташа взяли бутылку водки, две стопки и пошли к Любе."

И далее:

"Когда брат Виктор ночью пришел домой за спичками, Наташа открыла ему дверь, была взлохмаченная, измятая, юбка поднятая.

Виктор ее упрекнул, а Наташа сказала, что в любое время могу доказать, что я девственница.

Брат просил меня об этом никому не говорить". (т. 2 л. д. 78-об.)

Эти показания *Колесниковой В.* вынужден был подтвердить *Колесников Виктор*, тот самый, который никак не был заинтересован в реабилитации *Колбая*, который оговаривал *Колбая* (об этом см. ниже).

В суде Колесников Виктор показал:

“Я пришел домой с работы за спичками. Дверь мне открыла Наташа, у нее были взлохмачены волосы, юбка была поднята. Я упрекнул ее, а она ответила, что принесет справку, что она честная. Об этом после смерти Наташи я рассказал сестре Вале. (т. 2 л. д. 84-об.)

И далее:

“Я пришел домой вечером до 17/IV, мама была на дежурстве, дверь была закрыта. Наташа долго мне не открывала дверь. Когда открыла дверь, юбка была поднята, взлохмачены волосы” (т. 2 л. д. 87).

И далее:

“Квартирант Володя жил у нас в феврале — марте 1969 г. Когда я их застал с Наташей, я упрекнул ее, она сказала, что всегда может представить справку от врача, что она честная” (т. 2 л. д. 92-об.).

Свои показания подтвердил Колесников Виктор и в последнем судебном заседании (т. 3 л. д. 282-об.).

Если к сказанному добавить, что, судя по объяснениям свид. Наконечной Л., гр. Салорцоцян был человеком морально нечистоплотным (он, будучи в нетрезвом состоянии, однажды в ее квартире пытался вступить в половую связь с женщиной), что он возвратился к своей жене незадолго до случившегося и, вопреки его показаниям, перед праздниками был дома, никуда не уезжал (“я с мужем перед праздниками была в совхозе, видела его” — т. 1 л. д. 118), станет понятным, что все это нуждалось в самой тщательной и глубокой проверке.

2) Не была надлежащим образом проверена в процессе следствия и другая версия, о возможной причастности к случившемуся Насонова Дмитрия, того самого, который на ранней стадии следствия был задержан и в течение нескольких дней находился под стражей по подозрению в доведении Колесниковой до самоубийства, того самого, который характеризуется также, как человек крайне морально нечистоплотный (пытался вступить в половую связь с родной сестрой, домогался близости с родственницей, Колесниковой Валентиной — т. 1 л. д. 107-об., 117; т. 3 л. д. 290).

Версия эта, повторяем, не была надлежащим образом проверена, хотя и по этому поводу *имелись соответствующие указания* коллегии Верховного Суда ГССР и Прокуратуры ГССР (см. Определение от 27/X-69 г. и Отношение Зам.прокурора ГССР — т. 2 л. д. 209, т. 3 л. д. 1-3).

Все это, конечно, версии, предположения, но они имеют под собой *реальную* почву и оставлять их без проверки недопустимо. Тем более, что версии эти, судя по всему, могут быть тесно связаны с тем обвинением, которое впоследствии было предъявлено Колбая.

Изложенное является еще одним подтверждением того, что материалами дела *не доказан сам факт изнасилования Колесниковой в апреле м-це*, что абсолютно *не исключено*, что обнаруженные у нее *давние* разрывы заднего прохода, явились результатом не ее изнасилования, а следствием тех же причин, которые повлекли образование у нее таких же *свежих* разрывов в мае месяце.

Очевидно, что при таких обстоятельствах, когда *не был доказан сам факт совершения преступления*, недопустимо было заниматься поиском того, кто его совершил.

Этим, однако, следствие занялось.

V. ОБВИНЕНИЕ КОЛБАЯ В ИЗНАСИЛОВАНИИ ОСНОВАНО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НА ПРИЗНАНИИ ИМ СВОЕЙ ВИНЫ НА РАННЕЙ СТАДИИ СЛЕДСТВИЯ, НЕ ПОДТВЕРЖДЕННОМ НИКАКИМИ ДРУГИМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ.

Не располагая абсолютно никакими сведениями об изнасиловании Колесниковой, о совершении с ней полового акта через задний проход с применением *физического* насилия, полностью исключив возможность появления обнаруженных у нее повреждений в результате *заболевания* или *добровольного* полового сношения, следовательно, с самого начала следствия, проникся убеждением в том, что погибшая была *изнасилована*.

Но если совершено преступление, если налицо изнасилование — должен быть и преступник, должен быть насильник.

Это свое убеждение уже на следующий день после случившегося, 12/V- 69 г., совершенно недвусмысленно следователь выразил в протоколе осмотра места происшествия:

“Дом Колесниковой Натальи, где она была изнасилована со стороны Колбая Бориса, расположен и т. д.” (т. 1 л. д. 4а).

Это абсолютно ни на чем не основанное убеждение следователя в изнасиловании Колесниковой нашло выражение и в том, что с самого начала он стал домогаться признания Колбая своей вины, признания, которое в конечном итоге, в результате применения недозволенных методов ведения следствия, было от него получено и на которое теперь суд ссылается как на главное доказательство вины Колбая, невзирая на то, что еще на следствии он категорически от него отказался (об этом см. ниже).

Известно однако, что признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь в том случае, если это признание объективно подтверждено другими доказательствами (см. ст. 77 УПК РСФСР).

— Какими же доказательствами, помимо признания Колбая, подтверждена его вина?

— Чем, помимо признания, подтверждено, что Колбая изнасиловал потерпевшую через задний проход?

В своем приговоре суд ссылается на следующие доказательства:

1. Свидетели Наконечная Л., Насонов Д., Насонов П., Колбая Н., Колесников Виктор подтвердили, что в их присутствии Наташа заявила, что *“проснувшись ночью от боли, увидела лежащего с ней в постели голого Бориса Колбая”*. (Приговор, стр. 3).

2. *“Виновность Колбая подтверждена его последующими действиями, тем, что он с целью своей реабилитации, зная, что в половое сношение он вступил через задний проход, предложил Наташу Колесникову повести к врачу, утверждая, что она является девственницей”*. (Там же, стр. 3-4)

3. *“Обоснованность признательных показаний Колбая объективно подтверждается заключением суд. мед. экспертизы”* (там же, стр. 6).

4. *“Виновность Колбая подтверждена показаниями Колесникова Виктора о том, что он, проснувшись ночью, застал Колбая и Наташу, лежащими на одной кровати, под одним одеялом”* (там же, стр. 6).

5. *“Признательные показания Колбая совпадают с показаниями Колесниковой Наташи на семейном совете”* (там же, стр. 5).

Не составляет большого труда убедиться в том, что все эти доводы суда являются *несостоятельными*.

1. О ПОКАЗАНИЯХ НАТАШИ КОЛЕСНИКОВОЙ НА СЕМЕЙНОМ СОВЕТЕ И ПРОИЗВОДНЫХ ПОКАЗАНИЯХ НАКОНЕЧНОЙ Л., НАСОНОВА Д., НАСОНОВА П. И ДРУГИХ.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что *ни сама Наташа, ни другие лица, на которых ссылается суд и которые описывают происшедшее со слов Наташи, не говорили о том, что Колбая совершил изнасилование Колесниковой через задний проход.*

Все это подробно описано в разделе 1 настоящей жалобы, признало данный факт и руководство Прокуратуры ГССР (т. 2 л. д. 2).

Очевидно, что уже по одному этому следует признать, что *утверждение суда о том, что “признательные показания Колбая совпадают с показаниями Колесниковой”, что свидетели Наконечная Л., Насонов Д. и др. уличают Колбая в изнасиловании — является в корне неправильным.*

Все указанные лица не только не уличают Колбая в изнасиловании, но и *не подтверждают самого факта изнасилования.*

Помимо этого, при оценке объяснений всех указанных лиц нельзя не учитывать следующего:

а) Ночью 18/IV-69 г. Наташа Колесникова находилась в состоянии *сильного алкогольного опьянения*, что не могло не сказаться на правильности восприятия ею происходящего.

Характерно, что не только ночью, но даже *утром 18/IV Наташа практически еще была пьяна:*

“18/IV утром, — объяснила в суде свид. Наконечная Л., — я зашла к маме домой, хотела поговорить с Наташей. Наташа лежала, она вырвала, около нее стоял таз. Постель была в рвотной массе. Я не спросила ничего у Наташи, т. к. она была пьяная и ей было плохо”. (т. 2 л. д. 151-об., 152).

Об этом же говорил и свид. *Колесников Виктор*:

“В 11 час. утра я пришел с работы, Наташа встала, ей опять стало плохо, и она опять легла в постель” (т. 1 л. д. 59-об.).

Не учитывать всего этого при оценке объяснений Наташи нельзя. *Многое* из того, о чем она рассказала сестре, могло быть навеяно *алкогольным опьянением*, тем состоянием, в котором она находилась.

б) Свидетели *Наконечная Л.*, ее муж — *Насонов Д.*, родной брат — *Колесников В.*, свекор — *Насонов П.* — близкие родственники погибшей.

Все они на следствии и в суде были заинтересованы в усугублении вины *Колбая*, поскольку им стало известно об обнаруженных на теле потерпевшей следах насилия, которые сам следователь увязывал с преступными действиями *Колбая*.

Было и еще одно обстоятельство, которое не могло не сказаться на объективности показаний свид. *Наконечной Л.*, *Колесникова В.* и *Насонова П.* Известно, что вместе с *Колбая* был задержан по подозрению в изнасиловании Наташи муж свид. *Наконечной Л.* — *Насонов Дмитрий* (об этом ниже).

Очевидно, что и это обстоятельство, стремление снять подозрение с *Насонова Д.*, не могло не сказаться на объективности показаний его жены — *Наконечной Л.* и ее родного брата — *Колесникова В.* Этим, в частности, объясняется их стремление уличить *Колбая* в том, что он якобы “и ранее целовал Наташу”, что он во время выпивки 17/IV “посадил, или хотел ее посадить на колени” и пр. и пр.

Этим в определенной мере объясняется и резкое изменение своих показаний свид. *Колесниковым В.* (об этом см. ниже).

Очевидно, что все это нельзя было не учитывать при оценке показаний вышеназванных лиц.

2. О ПОСЛЕДУЮЩИХ ДЕЙСТВИЯХ КОЛБАЯ.

После того как *Колбая* узнал, что его подозревают в изнасиловании Наташи он, не чувствуя за собой вины, возмущившись возведенным на него клеветой, действительно предложил направить ее к врачу на обследование.

Колбая не только настаивал на этом обследовании, но даже передал сестре Наташи — Наконечной Л. деньги на оплату врачу (см. показания Колбая Б., Наконечной Л., Колбая Н. — т. 3 л. д. 299-об., и др.).

Все эти действия Колбая, вопреки утверждению суда, не только не уличают Колбая в изнасиловании, а наоборот, свидетельствуют о его невиновности. Если бы Колбая был повинен в изнасиловании, вряд ли настаивал бы он на обследовании потерпевшей, на том, чтобы ее посылали к врачу. Ведь потерпевшая могла сказать врачу о болях в заднем проходе и пр. и пр., что неминуемо привело бы к обследованию и заднего прохода, а следовательно, к изобличению Колбая.

Все это, повторяем, совершенно очевидно, как очевидно и то, что простой *инстинкт самосохранения* удержал бы Колбая от подобных действий.

Таким образом, и этот довод суда является несостоятельным.

3. О ЗАКЛЮЧЕНИИ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.

Анализу этого экспертного заключения посвящен специальный раздел жалобы, где подчеркивается, что суд. мед. экспертизой не исключается возможность образования разрывов слизистой заднего прохода в результате *прошлого заболевания или добровольного полового акта.*

С учетом этого следует признать несостоятельность ссылки суда и на это доказательство.

4. О ПОКАЗАНИЯХ КОЛЕСНИКОВА ВИКТОРА.

Показания этого несовершеннолетнего свидетеля — родного брата погибшей — следственные органы и суд восприняли без должной критики.

Между тем:

а) Колесников В. ни на следствии, ни в суде *не уличал Колбая в изнасиловании Наташи через задний проход.*

Показания Колесникова о том, что "якобы он, проснувшись ночью, застал Колбая и Наташу лежащими на одной кровати", по сути лишь повторяют то, о чем говорила сама Наташа, призваны подкрепить ее рассказ.

б) Следственные органы и суд прошли мимо тех *серьезных противоречий*, которые имеются в показаниях этого свидетеля и которые могут быть объяснимы только одним — его *неискренностью*.

В частности, в своих *первичных объяснениях* Виктор Колесников ничего *не говорил о том, что он застал Наташу в одной кровати с Колбая* (т. 1 л. д. 55).

В дальнейшем Колесников изменил эти свои показания и пояснил, что он присутствовал на семейном совете, где *Наташа рассказывала об этом случае*.

При этом Колесников следователю заявил, что *сам он ничего не видел*:

"Мы пришли домой в 3 ч. ночи. Я сразу уснул, а утром, часов в 9-ть меня разбудил бригадир.

Я не помню, с какой кровати и в какой комнате я встал, т. к. еще был пьян" (т. 1 л. д. 59-об.).

И только в *судебном заседании* Колесников *вдруг* (и видимо не без постороннего влияния) *заявил*:

"Ночью я проснулся по естественной надобности, зашел во вторую комнату и увидел, что Наташа одетая лежит на одной кровати с Колбая. Я разбудил ее и положил на другую кровать" (т. 2 л. д. 82-об.).

И далее:

"Наташа была в платье, а Борис раздет" (т. 2 л. д. 91).

А в *последнем судебном заседании* Колесников *вновь* изменил свои показания:

"Когда я потушил свет, услышал шуршание, встал (уже не по естественной надобности — А. М.), увидел Наташу в кровати с Борисом. (т. 3 л. д. 279)

И далее:

"Наташа была в ночной рубашке (уже не в платье), а Борис был одет или раздет — не знаю". (т. 3 л. д. 281).

На вопрос о том, почему он на следствии ничего не говорил об этом, свид. Колесников *вразумительного ответа* дать не мог:

"У прокурора я не говорил, что в ту ночь разогнал Наташу с Борисом, т. к. он вопроса этого не задавал, и настроения не было на это" (т. 3 л. д. 281-об.)

в) Известно, что на семейном совете Колбая категорически возражал против заявления Наташи, не соглашался с ним. Естественен вопрос: почему же Виктор Колесников, который здесь присутствовал, и который, как он теперь показывает, лично что-то видел, не уличил Колбая в неправде, не поддержал здесь свою сестру?

На этот вопрос в суде Колесников ответил:

"На семейном совете я говорил, что с кровати Бориса снял Наташу, но Борис стал возражать" (т. 3 л. д. 286).

Однако эти показания Колесникова не подтвердили ни Колбая Б., ни Наконечная Л., ни Колбая Николай.

Даже свид. Насонов Д. и тот заявил суду:

"Я не слышал разговора Виктора, а Наташа говорила". (т. 3 л. д. 286).

Таким образом, дело не только в противоречивости показаний Колесникова, но и в том, что показания его не соответствуют показаниям других свидетелей.

Очевидно, что и эту ссылку суда на показания свид. Колесникова следует признать так же несостоятельной.

Общий вывод: Обвинение Колбая основано на признании им своей вины в процессе следствия, не подтвержденном другими объективными доказательствами.

VI. О НАРУШЕНИЯХ ЗАКОННОСТИ И НЕОБЪЕКТИВНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ

В своих многочисленных жалобах и заявлениях в процессе следствия и в суде обв. Колбая ссылался на применение к нему *недозволенных методов*, на то, что только в результате этого он *вынужден* был на следствии себя *оговорить*.

Именно поэтому, отменяя первоначальный приговор, коллегия Верховного суда ГССР обратила особое внимание на необходимость тщательной проверки заявлений обвиняемого (см. Определение, стр. 5-6).

Это указание Коллегии Верховного суда ГССР следственными органами выполнено не было.

Ограничившись допросом следователя и работников милиции, явно заинтересованных в том, чтобы опровергнуть заявления Колбая, следственные органы (а вслед за ними и суд) пришли к выводу, что "допрос Колбая производился в обычной, непринужденной обстановке", что заявления его не нашли подтверждения (см. Обвинительное заключение и Приговор, стр. 5).

Этот вывод следственных органов и суда является неосновательным, противоречит материала дела.

1. Допросы обвиняемого производились работниками, никем на то не уполномоченными.

Известно, что сразу же после возбуждения уголовного дела, 11/V-69 г., оно было принято к производству следователем прокуратуры Гульрипшского р-на Руруа (т. 1 л. д. 2).

Не вызывает сомнения, что в случае необходимости следователю могли оказывать содействие другие работники. Однако в соответствии с законом, в этом случае должно было быть вынесено специальное постановление Прокурора и подозреваемому (обвиняемому) разъяснено его право на отвод всего состава следователей.

Ничего подобного в данном случае сделано не было. Невзирая на это, в расследовании настоящего дела приняла участие целая группа работников милиции и прокуратуры, никем на то не уполномоченных.

В частности, из материалов дела усматривается, что первоначальные допросы Колбая производились следователем Руруа. На этих допросах Колбая свою вину категорически отрицал (т. 1 л. д. 88, 102).

Затем, на 8-й день после задержания, Колбая был неожиданно переведен из КПЗ Гульрипшского р-на в КПЗ г. Сухуми.

Перевод этот никакими документами оформлен не был (см. показ. свид. Руруа — т. 3 л. д. 249-об.).

— Для чего понадобилось переводить Колбая из КПЗ одного города в КПЗ другого города?

Внятного ответа на этот вопрос следователь Руруа дать не мог. Его объяснение о том, что перевод этот был вызван необходимостью взять у обвиняемого кровь для анализа, вряд ли может быть признано серьезным, т. к. в непосред-

ственной близости от КПЗ Гульрипшского р-на находится Райбольница.

Более близкими к истине являются, видимо, не эти показания Руруа, а показания работника уголовного розыска МВД Абхазской АССР *Гиорбелидзе*, который объяснил:

“К нам поступили сведения, что Колбая изнасиловал Колесникову(?!). Колбая вначале отрицал совершение преступления, и с ним необходимо было проводить *активные оперативные* и следственные действия. Однако в КПЗ Гульрипшского р-на согласно инструкции нельзя было содержать заключенного больше недели и поэтому для проведения дальнейших следственно-оперативных действий он был *этапирован (без документов — А. М.)* в КПЗ МВД Абх. АССР”. (т. 3 л. д. 68-69)

— К чему же свелись эти *активные оперативные* и следственные действия, во имя проведения которых Колбая *незаконно* был *этапирован* в г. Сухуми?

Об этом рассказывает на допросах и в своих многочисленных жалобах обв. Колбая:

“Когда меня привезли в КПЗ г. Сухуми, меня там *заставили написать ложные показания на себя* (т. 1 л. д. 220-об.).

И далее:

“В КПЗ 20/V меня взял на допрос лейтенант милиции. Я ему дал показания, на которые он очень разгневался. *Он бил меня, ругался нецензурно...* После этого зашел в кабинет майор Джобава, который *уговаривал меня подписать*, говорил, что если *возьмешь на себя*, поможем получить маленький срок и т. д.”

“*В камере со мной сидел молодой человек, который тоже убеждал* взять дело на себя, говорил, что *иначе они все равно силой вырвут* и т. д.” (т. 3 л. д. 12-15, 135)

Об этом же говорил Колбая на допросе 1/IV-70 г. (т. 3 л. д. 20), 27/IV-70 г. (т. 3 л. д. 121), в судебных заседаниях (т. 2 л. д. 121-122, т. 3 л. д. 302-303).

— *Как же отнеслись ко всем этим заявлениям Колбая работники уголовного розыска?*

— *Может быть они начисто их отрицали?*

— Нет.

Еще на следствии участковый уполномоченный уголовного розыска *Гиорбелидзе* вынужден был признать:

“На другой день я его вывел для беседы(?)

Во время беседы я объяснил ему, что для него будет лучше, если он признается (?!), т. к. биологическая экспертиза точно может доказать, чья кровь у него на одежде”.

И далее:

“Кроме того я сказал, что против него собраны веские доказательства (?!) и его признание только облегчит ему меру наказания”.

И далее:

“После таких бесед я предложил ему вернуться в камеру и хорошенько подумать о своей дальнейшей судьбе” (т. 3 л. д. 69-70)

Возникают, естественно, вопросы:

— Кто дал право *Гиорбелидзе*, работнику уголовного розыска, выводить из КПЗ обвиняемого, который числится за Прокуратурой Гульрипшского р-на?

— Кто предоставил ему право допрашивать его?

— Кто дал право уговаривать обвиняемого, убеждать его признаться, говорить ему, что “вина его доказана”, что “так будет лучше” и пр. и пр.?

— Наконец, как теперь проверить все то, что происходило на этой *беседе*, если беседа эта (а по сути, допрос) не была оформлена соответствующим протоколом допроса?

На все эти вопросы нет ответа в приговоре суда.

Мало того, установлено, что после этой *беседы*, *Колбая*, в тот же день, вторично был выведен из КПЗ на допрос к тому же сотруднику уголовного розыска *Гиорбелидзе*.

По рассказу самого *Гиорбелидзе*, выглядело все это следующим образом:

“Во второй половине дня Колбая через сотрудников КПЗ сообщил, что хочет с нами погово-

ритель. *Поднял его к нам в кабинет сам начальник КПЗ Лапсандзия.*

И далее:

“В беседе со мной Колбая признался, что совершил изнасилование Колесниковой и желает в этом признаться.

Тогда я предложил написать ему собственноручное заявление, и Колбая тут же написал такое заявление. Я тут же позвонил Барамия, чтобы он оценил это заявление и немедленно составил протокол допроса” (т. 3 л. д. 70).

А ведь именно на это сейчас ссылается Колбая, об этом он пишет во всех своих заявлениях, утверждая, что свое т. н. собственноручное заявление он написал под диктовку сотрудника уголовного розыска.

— Но может быть, Гиорбелидзе кто-нибудь поручал допрашивать обвиняемого?

— Может быть, поручали ему отбирать у него какие-то заявления?

По этому поводу следователь Руруа в суде показал:

“Еще раз объясняю, что на отправку в Сухумское КПЗ никакой процессуальный документ мною не составлялся. Я никакого указания не давал работнику уголовного розыска Гиорбелидзе, и без меня никто не мог допрашивать подсудимого”. (т. 3 л. д. 294-об.).

Так обстоит дело с появлением т. н. собственноручного заявления Колбая, того самого, которое, как считает суд, писалось в *“обычной, непринужденной обстановке”*.

Установлено также, что и первый официальный допрос, на котором Колбая признал свою вину, был также произведен не следователем, в производстве которого находилось дело, а никем на то не уполномоченным работником — нач. следственного отдела Прокуратуры Абх. АССР Барамия. (т. 1 л. д. 125).

Не спорим, по долгу своей службы т. Барамия мог бы присутствовать при допросе, производимом следователем.

— Но кто дал ему право самому производить допрос?

— Какое отношение имел он, работник *республиканской* прокуратуры, к арестованному, числящемуся за прокуратурой района, к делу, которое не только не находилось в его производстве, но даже не находилось в производстве прокуратуры Республики?

Очевидно, что и в данном случае следует признать, что допрос этот был произведен с грубым нарушением закона.

В заключение нельзя не остановиться и на том допросе Колбая, который через два дня после "признания" производил следователь Руруа и который фиксировался на магнитофонной пленке.

Не считая необходимым вновь обращаться к объяснениям Колбая, который заявил, что на этом допросе он подтвердил свои признания, т. к. ему накануне угрожал тот же сотрудник уголовного розыска, позволим себе процитировать то, что сказал об этом допросе свид. *Лопхадзе*, тот самый, который записывал показания обвиняемого на магнитную пленку:

"Магнитофон при записи включался и выключался, когда вопрос шлифовался и он отвечал. Когда включали он ответ опять повторял". (т. 3 л. д. 307).

Изложенное свидетельствует, что приобщенная к делу магнитофонная пленка, та самая, которая призвана подтвердить непринужденность допроса, условия, при которых давались показания — всего этого подтвердить не может, поскольку установлено, что в процессе допроса вопросы и ответы предварительно *шлифовались*.

Очевидно, что при таких обстоятельствах у следственных органов и суда не было никаких оснований к тому, чтобы начисто отметать объяснения Колбая о том, что его признание являлось вынужденным.

Очевидно вместе с тем и другое: на подобных показаниях обвиняемого, от которых он отказался на следствии и в двух судебных заседаниях, строить обвинение нельзя.

2. О других нарушениях закона

1) В связи с тем, что следствие по делу велось неправильно, обв. Колбая 12/VIII-69 г. был заявлен отвод следователю Руруа (т. 1 л. д. 214).

Отвод этот в надлежащем порядке разрешен не был, хотя, судя по тому, что на следующий день, 13/VIII, дело

принял к своему производству прокурор Арзиани (т. 1 л. д. 217) *отвод заявлен был основательно.*

В дальнейшем, в связи с *необъективностью расследования*, Колбая вновь был заявлен отвод работникам прокуратуры Абх. АССР.

В своем заявлении от 27/III-70 г. Колбая, в частности, писал:

"Я заявляю отвод следственным органам и Прокуратуре Абх. АССР. Согласен, чтобы следствие по делу велось в любой автономной Республике ГССР, кроме Абх. АССР" (т. 3 л. д. 19).

Такой отвод заявил Колбая и на допросе у следователя, 28/IV-70 г.:

"Следствие велось неправильно, и я заявляю отвод всей Прокуратуре Абх. АССР". (т. 3 л. д. 128)

Об этом заявил Колбая и на следующем допросе:

"Показания давать не буду, т. к. считаю, что в Прокуратуре Абх. АССР следствие против меня ведется неправильно" (т. 3 л. д. 132).

— Как же реагировал следователь на заявления Колбая?

Известно, что заявление об отводе следователь в соответствии со ст. 130 УПК РСФСР (и соответствующей статьей УПК ГССР) обязан был в течение 24-х часов передать прокурору, а тот, в свою очередь, в течение 3-х суток обязан был принять по нему свое решение.

Ничего этого сделано не было. Следователь, по сути, оставил без разрешения это *важное* заявление обвиняемого, ограничившись устным *разъяснением* ему на допросе:

"Ваш отвод необоснован, и поэтому вам в ходатайстве отказано, о чем вам объявляется". (т. 3 л. д. 128)

— Кто, какой прокурор, уполномочил следователя таким образом разрешать ходатайство обвиняемого?

— Кто предоставил ему право самостоятельно решать подобные вопросы?

Нетрудно понять, что все это в конечном итоге привело к *существенному нарушению* прав, предоставленных Законом обвиняемому.

2) И на следствии, и в суде Колбая Б. утверждал, что свид. Наконечная Л., Насонов Д., Колесников В. во многом оговаривают его, и объясняется это их стремлением снять подозрение с Насонова Д., который вскоре после случившегося был задержан по подозрению в доведении Колесниковой до самоубийства.

“Насонов находился со мной в КПЗ несколько дней”, — пояснил Колбая Б. (т. 3 л. д. 302).

Эти показания подсудимого подтвердил и свид. *Насонов Д.*:

“Меня задержали по подозрению, держали 5-ть суток” (т. 3 л. д. 286).

Вынужден был признать данное обстоятельство и следователь *Руруа*:

“По подозрению задерживался и Насонов...” (т. 3 л. д. 294-об.).

Однако никакими документами этот арест Насонова оформлен не был, и таковых в деле не имеется (см. показания *Руруа*, т. 3 л. д. 294-об.).

Этот факт, стремление скрыть арест Насонова, также свидетельствует о *необъективности* расследования.

Суммируя изложенное, следует признать, что следствие по настоящему делу велось *необъективно*, с серьезным нарушением норм уголовно процессуального кодекса.

На доказательствах, собранных в подобных условиях, строить обвинение нельзя.

— “ —

Колбая Б. Е. 1933 г. рождения. Работал слесарем в Сухумском физико-техническом институте.

По работе характеризуется положительно (т. 1 л. д. 182).

В прошлом не судим.

— “ —

В силу изложенного прошу Вас истребовать настоящее дело и внести протест на предмет отмены Приговора Верховного Суда Абх. АССР и Определения Верховного Суда ГССР и прекращения в отношении Колбая Б. Е. в уголовном порядке дела производством за недоказанностью предъявленного ему обвинения.

Приложение:

1. Копия Приговора суда на 7-ми листах.
2. Копия Определения Верховного Суда СССР на 3-х листах.

Адвокат
"2" IX 1971 г.

Мове А. Л.

Прошло достаточно много времени, прежде чем я получил ответ.
Он гласил:

Документ

სსსკ საქართვები
საქართველოს საბჭოთა სოციალისტური
რესპუბლიკის
სამართლებრივი
სამსახური

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
ГРУЗИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ინფორმაციის მისაღებად გთხოვთ
თბილისი, ულ. ათაბაგოვი № 32

28 - ქვეყნი
№ 07-9843-69
სსსკ საქართვები რესპუბლიკის
პირი უწყებანი სსსკ-ს მიმართ
1971

АДВОКАТУ тов. МОВЕ А.Л.
гор. Москва, ул. Баррикадная, № 8,
Моссобщирконсультации

На Вашу жалобу по доху Колбая Юриса Ермолаевича сообщая,
что заместителем прокурора СССР - Государственным советником
вотации 3 класса тов. Ешцадзе Г.С. в Президиум Верховного су-
да СССР внесен протест в порядке надзора в котором поставлен
вопрос об отмене состоявшихся по доху судебных решений а вы-
правлении его на новое рассмотрение со стадии предварительного
следствия.

П Р И Л О Ж Е Н И Е : копии приговора и касс. определения
на " 10 " листах.

ЗАМ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ПО НАДВОРУ ЗА
РАСМОТРЕНИЕМ В СУДАХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
Старший советник вотации - *Маша 31*

/ В. РАЗМАДСЕ /

Исп. ДМИТРИЕВ Н.В.
ВС 28/1-

А еще через некоторое время я получил извещение и от А. Шушанашивили.

Документ

სსსკ კანცელარია
საქართველოს სსრ-ის სოციალისტური
რესპუბლიკის
სამსახურბუღალტრო

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
ГРУЗИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

მისამართი, სადაც უნდა მივა
თქვამის, ულ. ათურგისა

დღის თარიღი 1972 გ.
№ 7-2843-69
საქმის შესახებ აღწერილი საკმის მიმართ
შეგი შეგიძლიათ მოხსენიების მიმართ

Адвокату тов. МОШЕ А.И.
гор. Москва, ул. Баррикадная, № 8
Моссоветскоульцая

В дополнение нашего № 07-2843-69 от 28/1-1972 года сообщая, что 31 января с/г Президиумом Верховного СССР удовлетворен протест вам.прокуратуры СССР по делу Колбад Бориса Ермолаевича: судебные решения отменены с направлением дела Колбад Б.Е. на исследование.

Начальник отдела по надзору за
рассмотрением в судах уголовных дел
Старший советник юстиции

A. Shushanashvili
А. ШУШАНАШИВИЛИ

Только в марте м-це 1972 г. я получил полный текст Постановления Президиума Верховного совета СССР, который публикуется ниже.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 23

Президиум Верховного Суда
Грузинской Советской Социалистической Республики

31 января 1972 года.

Президиум Верховного Суда ГССР

под председательством	С. Каджая
с участием членов Президиума:	Т. Шавгулидзе, Г. Иосава, Д. Лория, Г. Габуня, Н. Еркомашвили, О. Гвелесиани, А. Гугнишвили.
прокурора Груз.ССР	Г. Бицадзе
при секретаре	М. Гвелесиани

рассмотрела протест в порядке надзора по делу Колбая Б. Е.

Приговором судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Абхазской АССР от 3 ноября 1970 года Колбая Борис Ермолаевич, 1933 года рождения, грузин, уроженец с. Адзюбжа Очамчирского района, житель с. Варче Гульрипшского района Абхазской АССР, с 7 классным образованием, б/п, семейный, работал слесарем в Сухумском физико-техническом институте, ранее не судимый, признан виновным по ст. 117 ч. 3 УК ГССР и осужден к 12 (двенадцати) годам лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Протест принесен на предмет отмены указанного приговора и обращения дела на доследование.

Заслушав доклад председателя судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда ГССР тов. Габуня и заключение зам. прокурора Грузинской ССР тов. Бицадзе, поддержавшего протест, Президиум считает, что таковой подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Колбая Б. Е. признан виновным в том, что он в ночь на 18 апреля 1969 года после принятия спиртных напитков, воспользовавшись беспомощным состоянием четырнадца-

тилетней Наташи Колесниковой, находящейся в состоянии опьянения, у нее дома — в селе Гульрипши изнасиловал ее, вступив с ней в половое сношение через задний проход.

Настоящее дело было возбуждено 11 мая 1969 года прокуратурой Гульрипшского района "по факту доведения до самоубийства несовершеннолетней Колесниковой Наталии Петровны, имевшему место 11 мая 1969 года в с. Гульрипши".

Произведенным 12 мая 1969 года судебно-медицинским исследованием трупа Наташи Колесниковой установлено, что причиной смерти девочки явилась асфиксия в результате повешения.

Экспертизой установлено, что у Наташи Колесниковой девственность не нарушена, но имелись разрывы слизистой заднего прохода от воздействия тупого предмета, каковым мог быть мужской половой член, палец и прочее. Давность разрыва около двух суток до вскрытия.

Экспертизой также установлено наличие на слизистой заднего прохода старых разрывов с кровоизлиянием вокруг на фоне рубцов белесоватого цвета, давность возникновения которых экспертиза установить не могла (т. 1 л. д. 20-22).

Следствием было признано установленным, что перед самоубийством Наташа Колесникова была изнасилована, но в виду неустановления лица, совершившего это второе изнасилование, материал об этом 11-го августа 1969 года выделен в особое производство (т. 1 л. д. 212-213, т. 3 л. д. 145-146).

Материалами дела установлено, что Колбая Б. Е., находясь в родственных отношениях с семьей Колесниковых (его родной брат Колбая Н. Е. женат на сестре Колесниковой Наташи — Валентине), часто бывал у них в доме и иногда ночевал там.

Вечером 17 апреля 1969 года Колбая Б. Е. с братом Наташи — Колесниковым В. П. (1952 года рождения) и с пекарем Чиковани Д. Е. выпили несколько литров вина в пекарне (где работал Колесников В. П.) и находились в состоянии опьянения. Наташа Колесникова с указанными лицами выпила некоторое количество вина и сильно опьянела, до дома сама дойти не смогла и была занесена туда Колбая Б. Е. в присутствии брата Виктора и уложена спать.

Колбая Б. Е. остался ночевать у Колесниковых и, как признано приговором, ночью изнасиловал Наташу Колесникову.

В приговоре указано, что виновность Колбая Б. Е. подтверждена следующими доказательствами:

— показаниями Наконечной Л. И. — старшей сестры Колесниковой Наташи, которой Наташа рассказала, что когда она проснулась ночью 18 апреля 1969 года у себя дома, то обнаружила себя и лежащего в этой же постели Колбая Б. Е. голым и последний, лежал на ней, причинил ей боль.

Участники семейного совета — Насонов Д. П., Насонов П. И. Колесников В. П. подтвердили показания Наконечной, что Наташа тогда избличала Колбая Б. Е. в ее изнасиловании.

— последующее после 17 апреля 1969 года поведение Колбая Б. Е., как указано в приговоре, также свидетельствует о виновности осужденного в инкриминируемом ему преступлении: при обсуждении родственниками Наташи вопроса о происшедшем, в котором принимали участие Наконечная Л. И., ее муж Насонов Д. П., отец последнего — Насонов П. И., Колесников В. П., Колбая Б. Е. и его брат Колбая Н. Е. осужденный, отрицая на этом семейном совете изнасилование им Наташи, настаивал на том, чтобы она была освидетельствована врачом, который мог бы установить, что Наташа не лишена девственности. Он же и договорился с врачом-геникологом Ткебучава Н. М. о неофициальном освидетельствовании Наташи.

— во время предварительного следствия Колбая признал себя виновным в изнасиловании Наташи через задний проход в ночь на 18 апреля 1969 года. Это показание Колбая суд признал достоверным, а последующий его отказ от этих показаний еще во время предварительного следствия — как не соответствующий фактическим данным дела.

— Правильность признательных показаний Колбая Б. Е., как указано в приговоре, подтверждена заключением судебно-медицинской экспертизы установившей у Наташи Колесниковой в заднем проходе наличие рубцов белесоватого цвета, как результат старого разрыва, имевшего место не менее чем за 15 суток до самоубийства.

— Приговор признал как доказательство виновности Колбая Б. Е. — показание Колесникова В. П., сославшись на то, что он, проснувшись ночью на 18 апреля 1969 года,

застал Колбая Б. Е. и сестру Наташу лежащими на одной кровати под одним одеялом.

Судебные решения по делу Колбая Б. Е. подлежат отмене по следующим основаниям:

В основу обвинительного приговора в отношении Колбая Б. Е. положено признание им своей вины во время предварительного следствия 21 и 23 мая 1969 года. От этих показаний Колбая отказался еще во время предварительного следствия и пояснил, что эти показания были вынужденными и он их дал после психического и физического воздействия на него со стороны работников МВД Абхазской АССР, после того как из КПЗ Гульрипшского РОВД его перевели в КПЗ МВД Абх. АССР 20 мая 1969 года.

О применении к нему недозволённых методов во время следствия Колбая Б. Е. показал и во время судебных процессов.

Отвергая те показания Колбая Б. Е., в которых он утверждал, что он признал себя виновным вынуждено, вследствие применения к нему недозволённых методов, авторы приговора ссылаются на показания следователя Руруа, работника МВД Бресс и Попхадзе о том, что те допросы Колбая Б. Е., на которых он признал себя виновным, производились в обычной непринужденной обстановке.

Однако в деле имеются непроверенные судом показания оперуполномоченного МВД Абхазской АССР Гиорбелидзе Б. А., из которых усматривается, что к ним в МВД Абхазской АССР поступили сведения об изнасиловании Колбая Б. Е. Колесниковой Н.П. Подозреваемый отрицал изнасилование и с ним необходимо было проводить активные оперативные и следственные мероприятия. Для проведения этих мероприятий, а также потому, что в КПЗ Гульрипшского РОВД согласно инструкции, задержанного нельзя было содержать более недели, Колбая и был этапирован в КПЗ МВД Абхазской АССР 20 мая 1969 года.

Далее Гиорбелидзе показал, что на другой день он вывел Колбая из КПЗ для беседы, во время которой объяснил ему, что для него будет лучше, если он признается, и кроме того сказал, что против него собраны веские доказательства и его признание облегчит ему меру наказания. После этого Гиорбелидзе предложил Колбая хорошенько подумать в камере о своей дальнейшей судьбе.

Как пояснил Гиорбелидзе, во второй половине дня Колбая через сотрудников КПЗ сообщил о своем желании поговорить с работниками МВД. Во время состоявшейся в тот же день второй беседы Гиорбелидзе с Колбая последний признался в изнасиловании Колесниковой, после чего ему было предложено написать собственноручное заявление и Колбая тут же такое заявление написал. Начальник уголовного розыска Министерства — Джобава позвонил по телефону начальнику следственного отдела прокуратуры Абхазской АССР Барамия, чтобы тот оценил поступившее от Колбая заявление (т. 3 л. д. 68-71, заявление Колбая — т. 1 л. д. 124).

Начальник следственного отдела прокуратуры Абхазской АССР Барамия в тот же день — 21.5.69 года допросил Колбая Б. Е., который признал совершение им изнасилования Колесниковой Наташи в ночь на 18 апреля 1969 года (т. 1 л. д. 125-130).

Таким образом, признанию Колбая своей виновности в изнасиловании Колесниковой Наташи предшествовало психологическое давление на подозреваемого со стороны работника МВД Гиорбелидзе, который, видимо, и склонил его к даче признательного показания, убеждая, что признание облегчит его участь. Поэтому не исключено, что на допросе, 21 мая 1969 года, проведенном Барамия, который производился в нормальной непринудительной обстановке, Колбая Б. Е. мог дать признательное показание, находясь под влиянием воздействия, оказанного на него перед этим Георбелидзе.

По утверждению Колобая Б. Е., с ним в одной камере КПЗ МВД Абхазской АССР, перед его признанием, содержался один молодой человек, который убеждал его взять дело на себя, говорил ему, что "они" все равно его заставят (т. 3 л. д. 12-16, 135).

Следует отметить и то, что первое признание в виде собственноручного заявления у Колбая Б. Е. получило лицо, не уполномоченное на ведение следствия, из числа работников МВД, которые не вправе были вмешиваться в расследование дела, в том числе и вести нефиксируемые допросы задержанного, подозреваемого, под видом которых фактически оказывали противозаконное воздействие на Колбая Б. Е., чтобы склонить его к признанию своей вины. Полученные от Колбая Б. Е. при указанных условиях признательные

показания не могут быть признаны достоверным доказательством виновности осужденного.

По делу не выяснено, на каком основании работник МВД Гиорбелидзе вмешался в расследование дела, причем расследовавший дело следователь Руруа Б. В. показал, что он не давал никакого указания Гиорбелидзе, а подозреваемого без него не могли допрашивать — т. 3 л. д. 293.

Ссылка приговора на то, что на семейном совете в присутствии Наконечной Л. И., ее мужа Насонова Д. П., отца последнего — Насонова П. И., Колесникова В. П., Колбая Б. Е. и его брата Колбая Н. Е. Наташа Колесникова изобличала Колбая Бориса в ее изнасиловании, является не совсем точной.

Наташа Колесникова не знала, что Колбая ее изнасиловал в обычной форме или через задний проход, она категорически не утверждала, что она была изнасилована, а только высказывала об этом предположения, не жаловалась на боли в заднем проходе.

По показаниям Наконечной Л. И., Наташа тогда говорила, что Колбая Б. Е. в ночь на 18 апреля 1969 года голый лежал с ней в кровати (т. 3 л. д. 272-об.).

Насонов Д. П. подтвердил показания жены — Наконечной (т. 3 л. д. 283-287).

Что касается Насонова Н. П., то он показал, что во время коллективного обсуждения он часто выходил из комнаты и всю эту историю знает со слов Наконечной Л. И. (т. 3 л. д. 287-289).

При этом следует отметить, что Насонов Д. П. также подозревался в изнасиловании Наташи в мае 1969 года — перед ее самоубийством, поскольку в предсмертной записке Наташи указывалось, что она умирает от любви к "Диме", в связи с чем Насонов Д. П. в мае 1969 года на несколько суток задерживался.

Что касается Колбая Н. Е., он показал, что Наташа на семейном совете почти ничего не рассказывала, а вместо нее "доказывала" вину Колбая Б. Е. Наконечная Л. И. (т. 3 л. д. 159-265 об. 273- об.-286).

Колбая Б. Е. на семейном совете отрицал изнасилование Наташи и предложил освидетельствовать ее врачом. Это предложение было принято, Наташа была освидетель-

ствована врачом-гинекологом Ткебучава Н. М. в присутствии Наконечной Л. И. По показанию Наконечной Л. И., Ткебучава Н. М., осмотрев Наташу, заявила, что Наташа девственница, но была попытка ее изнасилования, что на половом органе имеется покраснение (т. 3 л. д. 275).

Допрошенная во время следствия Ткебучава Н. М. показала, что хотя у Наташи девственность не была нарушена и не имелось следов насилия в виде синяков, но на половом органе имелись надрывы, давность которых она установить не могла (т. 1 л. д. 109-110), в суде свидетельница не допрошена, т. к. до этого она скончалась).

По показанию в суде Колбая Н. Е. и Колбая Б. Е., им Наконечная Л. И. призналась, что никакой попытки изнасилования Наташи в ночь на 18 апреля 1969 года не было, но она уговорила врача Ткебучава Н. М. так сказать, чтобы поугасть Колбая Б. Е. (т. 3 л. д. 263, 301 и об.).

На первом судебном процессе Наконечная Л. И. подтвердила, что говорила это, но почему говорила об этом Колбая Борису, объяснить не смогла (т. 2 л. д. 75-76-об.)

При этих обстоятельствах следует выяснить: если у Наташи Колесниковой были надрывы на половом органе после 17/IV-1969 года, то почему эксперты Качарава и Дарцмелия не заметили этого при вскрытии трупа Наташи, и могли ли остаться какие-либо следы надрывов, если последние были на самом деле.

Из показаний Наконечной Л. И. и Колесникова В. П. известно, что на постели, на которой спала Наташа Колесникова в ночь 18 апреля 1969 года, следов крови они не видели.

В приговоре сделана ссылка на показание Колесникова который "проснувшись ночью, застал Колбая Бориса и Наташу лежащими на одной кровати, под одним одеялом".

Показания Колесникова В. П., данные им на предварительном следствии и на двух судебных процессах, противоречивые. Так, на допросе 12 мая 1969 года Колесников В. П. показал, что когда он с Колбая Б. Е. пришел домой ночью на 18 апреля 1969 года, то лег спать и сразу уснул, а утром, часов в 9, его разбудил бригадир, но не мог вспомнить, на какой кровати и в какой комнате спал, т. к. был еще пьян (т. 1 л. д. 58-об.).

На первом судебном процессе Колесников В. П. показал, что когда он ночью проснулся по естественной надобности, то зашел во вторую комнату, где увидел, что Наташа одетая в платье лежала на одной кровати с раздетым Колбая, он разбудил ее и положил на другую кровать (т. 2 л. д. 82 и 91-об.).

На втором судебном процессе Колесников В. П. показал, что когда он ночью потушил свет, то услышал шуршание, встал увидел Наташу в кровати с Колбая Борисом. Наташа была в ночной рубашке, а Колбая был одет или раздет — не знает. Он предложил Наташе перейти на свою койку и она перешла (т. 3 л. д. 279, 281).

При наличии таких противоречий показания Колесникова В. П. вызывают сомнения.

По свидетельству Колбая Н. Е., когда он с братом Борисом, Наконечной Л. И. и Наташей шли от врача Ткебучава Н. М., то Наташа сказала, что ей показалось, что Колбая Б. Е. изнасиловал ее (т. 3 л. д. 262). Это показание не лишено основания, т. к. из дела известно, что Наташа находилась в состоянии опьянения и утром 18 апреля, что не могло не сказаться на правильности восприятия происходившего с нею.

Это подтверждено показаниями Наконечной Л. И. и Колесникова В. П. (т. 1 л. д. 59-об., т. 2 л. д. 151-об. 152).

В приговоре указано, что виновность Колбая в совершении изнасилования подтверждается его последующими действиями: Колбая Б. Е. настаивал на освидетельствовании Наташи, чтобы реабилитировать себя и доказать, что Наташа не лишена девственности. Это соображение приговора не убедительно и не может служить доказательством вины осужденного.

И вовсе не вина Колбая Б. Е. в том, что освидетельствуя Наташу врач Ткебучава не осмотрела ее задний проход. Тем более, что сама Колесникова Наташа не просила этого.

2. В приговоре указывается, что обоснованность признательных показаний Колбая Б. Е. объективно подтверждается заключением судебно-медицинской экспертизы, согласно которому при вскрытии трупа девочки 12 мая 1969 года наряду со свежими разрывами слизистой заднего прохода были обнаружены и старые рубцы белесоватого

цвета, которые возникают по истечении не менее 15 суток после повреждения.

Из заключений судебно-медицинских экспертиз, проведенных во время следствия и судебного процесса, и показаний судебно-медицинского эксперта Качарава Б. А. следует, что обнаруженные в заднем проходе у Наташи Колесниковой старые рубцы белесоватого цвета могли образоваться от воздействия тупого твердого предмета, каковыми могли быть мужской половой член, палец и прочее.

Повреждения, в результате которых могли образоваться указанные рубцы, могли быть причинены не ранее чем за 20 дней до смерти Наташи Колесниковой.

Причиной образования старых белесых рубцов могла быть и имевшая место ранее болезнь колитом т. 1 л. д. 20-22, т. 3 л. д. 307-311.

В суде эксперт Качарава Б. А. в частности показал: "старые рубцы какого происхождения и давность их происхождения мы не можем установить. Хотя при вскрытии Колесникова была здорова, но всякая болезнь проходит по-разному, некоторые болезни проходят и не оставляют за собой никаких следов, а некоторые — рубцы, осложнения и т. д., она могла болеть колитом, допустим, не раньше чем год, и прошла болезнь, оставив за собой рубцы, и если эти разрывы от заболевания, то процесс заживания шел медленно..." (т. 3 л. д. 309).

Вопрос о перенесенных Наташей Колесниковой заболеваниях, о возможности образования у нее в заднем проходе белесоватых рубцов в результате перенесенных заболеваний, не был исследован во время предварительного следствия и судом. В акте экспертизы (т. 1 л. д. 20-22) не отмечено количество и размеры разрывов и рубцов, не отражена их локализация.

Заключения экспертиз в той части, что старые рубцы белесоватого цвета образовались в результате разрывов, причиненных мужским половым членом, являются предположительными.

Президиум также считает необходимым в ходе дополнительного расследования установить, какие меры были приняты для установления лица, совершившего изнасилование Наташи Колесниковой 9 или 10 мая 1969 года, повлекшего самоубийство последней, т. к. не исключена оп-

ределенная связь между этими фактами и обвинением, предъявленным осужденному по данному делу Колбая Б. Е.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что после отмены состоявшегося по данному делу первого приговора следствием и судом не были выполнены все указания судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Грузинской ССР, изложенные в определении от 17 декабря 1969 года..

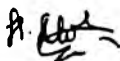
Исходя из вышеизложенного, Президиум Постановил:

Приговор судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Абхазской АССР от 3 ноября 1970 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР от 29 марта 1971 года по делу Колбая Бориса Ермолаевича — отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Председатель Верховного Суда
Грузинской ССР

Каджая.

Копия верна:

(А. Мове)

...

В процессе дополнительного расследования в августе м-це 1972 г. дело в отношении Колбая Б. Е. прокуратурой Абхазской ССР было производством прекращено и он был полностью реабилитирован.

Дело Владимира Ильинова. Причастность к убийству в Княжпогостском лагере

Тот приговор, который вынес суд в отношении Ильинова, отбывающего наказание в одном из Княжпогостских лагерей строгого режима, по сути ломал всю его жизнь и надежду на скорое освобождение, поскольку те долгие годы, которые он тянул эту лямку, по сути перечеркивались, и все надо было начинать сначала, да еще и с увеличением срока наказания и без права на условно-досрочное освобождение. Не только от самого лагеря, но и от того поселка, в котором он находится в далекой и промерзлой республике Коми (хотя и был я там в позднюю летнюю пору) у меня остались самые тягостные впечатления. Увы, такие же впечатления остались у меня и от той несправедливости, которая была проявлена к Ильинову, от совершенно неверного разрешения его дела, что я и высказал на страницах своей жалобы.

Из досье адвоката

ПРОКУРОРУ КОМИ АССР

Адвоката Мове А. Л.
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Мособлюрконсультация

По делу

Ильинова Владимира Ивановича, осужд. приговором Княжпогостского Райнарсуда Коми АССР от 30/V-75 г.

по ст. 108 ч. 1 УК на 4 года лишения свободы и окончательно, в силу ст. 41 УК, на 10 лет лишения свободы.

Определением коллегии Верховсуда Коми АССР от 1/VIII-75 г. действия Ильинова переквалифицированы на ст. 206 ч. II УК.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Приговор Народного суда и Определение коллегии Верховсуда Коми АССР по указанному делу представляются неправильными по следующим основаниям:

1. Бесспорно установлено, что конфликт между Дардыкиным (с одной стороны) и Малиновским, Сухоруковым, Горшковым, Тереховым и примкнувшим к ним Ильиновым (с другой стороны) возник не на почве хулиганства, а в связи с теми *личными неприязненными отношениями*, которые сложились между этими лицами.

Именно этим (а не хулиганскими побуждениями) объясняется то, что Малиновский *склонил* подс. Сухорукова, Горшкова и Терехова избить Дардыкина.

Этим же объясняется то, что указанные лица 27/II-75 г., по просьбе Малиновского, прибыли на рабочий объект ИТК-3, с тем, чтобы найти Дардыкина и избить его.

Все эти обстоятельства нашли полное подтверждение в материалах дела, правильно отражены они и в *Обвинительном заключении и Приговоре* Народного суда (см. л. д. 212-231, Приговор, стр. 3-4).

Именно поэтому действия Малиновского были квалифицированы следственными органами ст. 17-108 ч. 1 УК, а действия Горшкова, Терехова и Ильинова ст. 108 ч. 1 УК (см. Постановление о предъявлении обвинения, л. д. 153, 173, 196 и Обвинительное заключение).

При этом, разумеется, следственные органы учитывали, что избиение Дардыкина и причинение ему тяжких телесных повреждений было совершено *не из хулиганских побуждений*, т. к. в противном случае в соответствии с требованиями п. 26 ч. 2 Руководящего Постановления Пленума Верховного суда СССР № 9 от 16/X-72 г. "О судебной практике по делам о хулиганстве" действия всех обвиняемых (в связи с отсутствием в УК РСФСР статьи, предусматривающей ответственность за причинение тяжких телесных повреждений из хулиганских побуждений), надлежало квалифицировать по *совокупности* с хулиганством, т. е. ст. 108 ч. 1 и 206 ч. 2 УК.

По этому поводу в указанном постановлении значится (дословно):

п. 26. "В тех же случаях, когда такая ответственность не предусмотрена законом (нанесение тяжких телесных повреждений из хулиганских побуждений)... такие преступления должны квалифицироваться по *совокупности* с хулиганством"

вом". (См. Сборник Постановлений Пленума Верховного суда СССР, 1974 г., стр. 543)

Тот факт, что в данном случае избиение Дардыкина и нанесение ему тяжких телесных повреждений было совершено не из хулиганских побуждений, признала и коллегия Верховного суда Коми АССР, которая согласилась с тем, что действия Малиновского и Горшкова следует квалифицировать ст. 108 ч. 1 УК, а не по совокупности ст. 108 и 206 ч. II УК. (См. Определение коллегии Верховного суда Коми АССР от 1/VIII-75 г.)

Очевидно, что по одному этому решение коллегии Верховного суда Коми АССР о переквалификации действий Ильинова и Терехова со ст. 108 ч. 1 на ст. 206 ч. II УК, следует признать неправильным и нелогичным, поскольку, повторяем, и Народным судом, и коллегией Верховного суда Коми АССР признано, что избиение Дардыкина, в котором принимал участие и Горшков, было совершено не из хулиганских побуждений.

2. В процессе следствия Ильинову никогда не предъявлялось обвинение в учинении злостных хулиганских действий, т. е. по ст. 206 ч. II УК.

Он был привлечен к ответственности по ст. 108 ч. I УК, за причинение тяжких телесных повреждений (см. Постановление о предъявлении обвинения, л. д. 153 и Обвинительное заключение).

По этой же статье закона он был предан суду.

Представляется, что при таких обстоятельствах, в том случае, если кассационная инстанция усматривала в действиях Ильинова признаки хулиганства, надлежало, учитывая, что это обвинение существенно отличается от обвинения, по которому он был предан суду, в соответствии с требованиями ст. 254 УПК, обратиться на дополнительное расследование для предъявления ему обвинения по ст. 206 УК.

Тем более, что в кассационном определении идет речь о злостном хулиганстве, в отношении которого в Руководящем Постановлении Пленума Верховного суда СССР № 9 от 16/X-72 г. прямо указано:

"п. 15. При квалификации хулиганских действий по ч. II ст. 206 УК... в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, Обвинительном заключении должно быть обязательно отражено, по какому

именно квалифицирующему признаку деяние виновного признается злостным хулиганством”.

И далее:

“п. 23. Суд не вправе без направления дела на дополнительное расследование указывать в приговоре (а тем более в кассационном определении — А. М.) квалифицирующие признаки хулиганства, которые не были вменены лицу органами расследования”.

Переквалифицировав без направления дела на дополнительное расследование действия Ильинова со ст. 108 ч. I на ст. 206 ч. II УК, коллегия Верховного суда Коми АССР допустила серьезное нарушение требований ст. 254 УПК и указаний Руководящего постановления Пленума Верховного суда СССР № 9 от 16/X-72 г., что в свою очередь привело к существенному ущемлению права на защиту, т. е. нарушению требований ст. 46, 51, 144-148, 273 УПК.

От подобного обвинения ни в процессе следствия, ни в суде Ильинов не защищался.

Представляется, что и по этим соображениям приговор Народного суда и Определение кассационной инстанции не могут быть оставлены в силе.

3. Из материалов дела усматривается, что помимо того тяжкого телесного повреждения, которое нанес потерпевшему Горшков, ему были причинены и другие повреждения, отнесенные суд. мед. экспертизой к разряду *легких* телесных повреждений (без расстройства здоровья) — л. д. 59.

Очевидно, что при таких обстоятельствах, признав, что Ильинов не причастен к причинению Дардыкину тяжких телесных повреждений и повинен лишь в причинении ему *легких* телесных повреждений, кассационная инстанция, установив, что потерпевший был избит не из хулиганских побуждений, в силу чего действия Горшкова и Малиновского были квалифицированы ст. 108 ч. I УК, обязана была переквалифицировать действия Ильинова не на ст. 206 ч. II, а на ст. 112 ч. II УК. (причинение легких телесных повреждений).

Вопрос об отмене приговора в части квалификации действий Горшкова и Малиновского ст. 108 ч. I УК и обращении дела на дополнительное расследование для предъявления им обвинения по совокупности ст. 108 ч. I и 206 ч. II УК кассационной инстанцией поставлен не был.

В соответствии с требованиями ст. 373 УПК, учитывая, что с момента вступления приговора в законную силу *прошло свыше года*, не может быть поставлен этот вопрос и в настоящее время.

4. Установлено, что Дардыкин был избит в связи с тем, что он совершил *убийство Сухорукова*.

Избит он был в цеху, где никого, за исключением *случайно* оказавшихся здесь двух мастеров (Жукова и Балашонкова), не было — См. Определение коллегии Верховного Суда Коми АССР, л. 4.

Представляется, что при таких обстоятельствах следственные органы и суд абсолютно правильно квалифицировали действия обвиняемых, как совершенные не из хулиганских побуждений, а на почве личных неприязненных взаимоотношений.

Таким образом, и по этим соображениям у кассационной инстанции не было решительно никаких оснований для квалификации действий Ильинова ст. 206 ч. II УК.

5. Признав, что Ильинов не наносил потерпевшему тяжкого телесного повреждения и что, следовательно, его действия охватываются признаками ст. 112 ч. II УК, кассационная инстанция, с учетом того, что преступления, предусмотренные ст. 112 ч. II УК относятся к делам *частного обвинения*, должна была на основании ст. 27 УПК приговор суда *отменить* и дело в отношении Ильинова *прекратить*, т. к. в деле *отсутствует жалоба потерпевшего*, а в судебном заседании Дардыкин не только не настаивал на осуждении Ильинова, а, наоборот, утверждал, что Ильинов не принимал участие в его избииении (см. приговор, стр. 4).

6. Наконец, еще одно соображение.

Из материалов дела усматривается, и это признано следственными органами и судом, что Ильинов не знал ранее ни потерпевшего — Дардыкина, ни осужденных Малиновского, Горшкова и Терехова, ни погибшего Сухорукова (см. Обвинительное заключение и приговор).

Все это свидетельствует о том, что в случившемся Ильинов был человеком *случайным*.

По просьбе Терехова, Горшкова и Сухорукова шофер Ильинов повез их на машине в ИТК-3.

Только в пути следования, из разговоров этих лиц в кабине автомашины, Ильинов понял, что едут они в ИТК-3 сводить с кем-то личные счета. Но с кем и за что — он не знал (см. показания Ильинова и приговор, стр. 3).

Оставив Ильинова у автомашины, Сухоруков, Терехов и Горшков отправились на территорию ИТК-3 искать Дардыкина.

Что у них происходило с Дардыкиным, из-за чего и как — ни о чем этом Ильинов не знал и знать не мог, так как, повторяем, он остался у автомашины.

“Через некоторое время, — показал на следствии Ильинов, — я увидел, что один (Дардыкин) бежит, а за ним бегут двое — Терехов и Горшков. При этом Терехов мне крикнул, что тот, который от них убегает, зарезал Сухорукова и что у него нож”. Я побежал за ними”. (л. д. 154-об.)

И далее:

“Терехов крикнул, что Сережу зарезали и что у этого осужденного нож. С целью отобрать у него нож, чтобы он кого-нибудь не ударил ножом, я побежал за ним”. (л. д. 149-об.)

Аналогичные показания дал Ильинов и в суде:

“Я побежал за ним, чтобы обезвредить и отобрать нож. Палку взял, так как услышал слово “нож”. (Протокол суд. засед., л. д. 281-об.)

И далее:

“Терехов предупреждал, что у него нож. Я хотел отобрать нож”. (Там же. л. д. 281)

И далее:

“Вдруг кто-то пробежал мимо и закричал: “Зарезали Сережку!” и я побежал”. (там же, л. д. 283)

Известно, что все то, о чем сообщили Ильинову, не было вымыслом. Это была правда: у Дардыкина действительно был нож, и этим ножом он действительно убил Сухорукова (см. приговор). Как и при каких обстоятельствах (в состоянии обороны, в драке и пр.) было совершено убийство, Ильинов не знал.

Но если это так, если Ильинов преследовал цель задержать и обезоружить преступника, если именно для этого он

подобрал палку, если с этой целью нанес преступнику *легкое* телесное повреждение (ударил по руке), то может ли и должен ли он нести за это уголовную ответственность?

Представляется, что нет.

В своем Руководящем Постановлении № 11 от 4/XII-69 г. "О практике применения судами законодательства о *необходимой обороне*" Пленум Верховного суда СССР в п. 5 прямо указал, что

"... действия граждан по *задержанию* преступника, в целях *пресечения* его преступного посягательства... должны рассматриваться, как совершенные в состоянии *необходимой обороны*". (Сборник Постановлений Пленума Верховного суда СССР, стр. 361-362)

Это обстоятельство, собственно, признал и суд, который хотя и осудил Ильинова, но как на одно из смягчающих вину обстоятельств сослался в приговоре на то, что

"Ильинов ... совершил преступление, *будучи возбужден действиями самого потерпевшего Дардыкина, а не из цели отомстить за содействие администрации*" (приговор, стр. 7).

Очевидно, что и по этим соображениям, в связи с тем, что Ильинов нанес потерпевшему легкие телесные повреждения в состоянии *необходимой обороны*, не превысив ее пределов, он не может нести ответственность по ч. II ст. 112 УК.

— " —

Ильинов Владимир Иванович, 19/III-44 г. рождения. Уроженец г. Москвы. В местах лишения свободы содержится свыше 4 лет.

По работе и поведению в колонии характеризуется положительно.

На иждивении Ильинова находится малолетний ребенок, 1971 г. рождения.

— " —

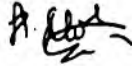
В силу изложенного прошу Вас *истребовать* настоящее дело и внести *протест* на предмет *отмены* приговора Нарсуда и Определения коллегии Верховного суда Коми АССР в части осуждения Ильинова В. И. по ст. 206 ч. II УК и *прекращения* в отношении него в уголовном порядке дела производством за отсутствием в его действиях состава преступления.

Приложение:

1. Копия приговора Нарсуда на 8 л.
2. Копия Определения коллегии Верховсуда Коми АССР на 5 л.

Справка: Ильинов В. И. отбывает наказание по адресу:
Коми АССР, п. Княжеский погост, п/я АН-234/8-2.

Адвокат
г. Москва
5 августа 1977 г.

Мове А. Л.

...

На эту жалобу вскоре поступил отрицательный ответ за подписью
Прокурора Управления Г. А. Улановой

Документ

РСФСР

ПРОКУРАТУРА
Коми АССР
14.09.1977 г.
№ 2-2548/77

г. Москва,
ул. Баррикадная, 8
юрконсультация
т. Мове А.Л.

Ваша жалоба на приговор Княжепогостского райнарсу-
да от 30 мая 1975 года и определение Верховсуда Коми АССР
от 1 августа 1975 года в отношении Ильинова Владимира
Ивановича рассмотрена.

Уголовное дело по обвинению Ильинова и других про-
куратурой проверилось.

При установленных судом фактических обстоятельствах
содеянного Ильиновым, правильность которых не оспари-
вается Вами, прокуратура не может согласиться с довода-
ми Вашей жалобы о неправильной юридической оценке
действий Ильинова Верховным судом Коми АССР по ст. 206
ч. II УК и нарушении требований ст. 254 УПК.

Признавая отсутствие причинной связи между действи-
ями Ильинова и причинением тяжких телесных поврежде-
ний Дардыкину, судебная коллегия обоснованно переква-
лифицировала преступление на ч. II ст. 206 УК по признаку
особой дерзости, выразившейся в причинении потерпев-
шему легких телесных повреждений.

Это не может рассматриваться как нарушение прав
Ильинова на защиту, поскольку фактические обстоятельст-
ва предъявленного обвинения не изменились, а юридиче-
ская оценка дана по менее тяжкому составу обвинения.

Правильность такой оценки сомнений не вызывает.

Ильинов действовал из хулиганских побуждений, что подтверждается объяснениями последнего о том, что ему было известно о намерениях Горшкова, Терехова и Сухорукова избить ему ранее незнакомого Дардыкина.

Такие обстоятельства исключают состояние необходимой обороны как у Ильинова, так и у других осужденных по делу.

Оснований к постановке вопроса о пересмотре принятых в отношении Ильинова судебных решений не усматривается.

Ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

Копии судебных решений возвращаются.

Приложение: на 3 л.

Прокурор отдела по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел младший советник юстиции —
Копия верна:

Г. А. Уланова
(А. Мове)

Через некоторое время поступило сообщение, подкрепляющее прежнее решение.

ПРОКУРАТУРА СССР

ПРОКУРАТУРА КОМИ АССР

167610, г. Сиктевикер, ул. Пушкина, 28

Документ

г. Москва,
ул. Баррикадная, д. 8.
Московская областная прокон-
сультация
тов. МОВЕ А.Л.

№ 14 п. 10.77. № 2-2548/77

На № _____

На Вашу жалобу в отношении Ильинова В.И. Вам дан мотивированный ответ 14 сентября 1977 года.

Повторной жалобой о указании непроверенных доводов в отношении Ильинова не поступило и давать на одну жалобу несколько ответов, к тому же за подписью руководства прокуратуры Коми АССР законодательством не предусмотрено.

Прокурор отдела по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел
брист I класса —

С.Г. Луцкий

Эти ответы были мною обжалованы Прокурору Коми АССР.

Из адвокатского досье

ПРОКУРОРУ КОМИ АССР
(лично)

Адвоката Мове А. Л.,
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Мособлюроконсультация

По делу

Ильинова Владимира Ивановича,
осужд. Княжпогостским Райнарсу-
дом 30/V-75 г. по ст. 206 ч. II УК.

Жалоба

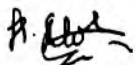
На жалобы, направленные в Ваш адрес, мною получены отрицательные ответы за подписью прокуроров отдела т.т. Улановой Г. А. и Лущикова /№ 2-2548/77/.

По их вине дело *заволокичено*, поскольку отсутствие ответа за подписью руководства прокуратуры Коми АССР лишает защиту возможности обратиться с жалобой в Прокуратуру РСФСР.

Между тем, речь идет о явно необоснованном Определении коллегии Верховсуда Коми АССР, постановленном с нарушением требований ст. 254 УПК и п. п. 15 и 23 Руководящего Постановления Пленума Верховного суда СССР № 9 от 16/X-72 г. (см. более подробно об этом жалобу в порядке надзора).

В связи с изложенным прошу Вас *лично* пересмотреть принятые решения.

Адвокат

 А. Мове

...

К сожалению, и на эту жалобу поступил отрицательный ответ.

гор. Москва, ул. Баррикадная,
дом 8
Московская областная проконсульта-
ция
тов. Мове А.Л.

14.II.77. № 2-2548/77

г. Сыктывкар

Ваша жалоба в отношении осужденного Ильинова В.И. рассмотрена. Уголовное дело по обвинению Ильинова и других истребовано и изучено.

Приговором Княжпогостского райнарсуда от 30 мая 1975 года Ильинов осужден по ст. 108 ч. 1 УК РСФСР за нанесение тяжких телесных повреждений осужденному Дардыкину совместно с Тереховым Горшковым.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Коми АССР от 1 августа 1975 года действия Ильинова обоим на переквалифицированы со ст. 108 ч. 1 на ст. 206 ч. 2 УК РСФСР, что не может рассматриваться как нарушение ст. 254 УПК РСФСР.

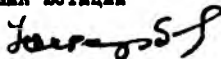
Фактические обстоятельства предъявленного обвинения остались без изменения, но им дана правильная юридическая квалификация по ст. 206 ч. 2 УК РСФСР, что является менее тяжким составом преступления.

Материалами дела установлено, что Ильинов был осведомлен о мерении набить Дардыкина, не знал потерпевшего ранее, доставил в автомашине осужденных на место преступления и принял участие в избивании Дардыкина, т.е. действовал из хулиганских побуждений.

Оснований к пересмотру состоявшегося в отношении Ильинова судебных решений в порядке судебного надзора не имеется.

Ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

Государственный советник юстиции
3 класса -

П.Н.Царбаков.

Этот ответ Прокурора Коми АССР я обжаловал Прокурору РСФСР.

ПРОКУРОРУ РСФСР

Адвоката Мове А. Л., г. Москва, ул. Баррикадная, 8
Мособлюрконсультация

По делу

Ильинова Владимира Ивановича,
осужд. по ст. 206 ч. II УК.

Жалоба

В связи с отклонением жалобы защиты прокурором Коми АССР т. Щербаковым (№ 2-2548/77 от 14/XI-77 г.), считаю необходимым обратить внимание на следующее:

1. Автор ответа, в подтверждение правильности квалификации действий Ильинова ст. 206 УК, ссылается на то, что Ильинов *не знал ранее* потерпевшего. Между тем, другой осужденный, Терехов Н. Д., *знал ранее* потерпевшего, однако его действия так же квалифицированы ст. 206 ч. II УК (см. Определение Верховсуда Коми АССР).

Следовательно, дело здесь не в том, знал или не знал ранее обвиняемый потерпевшего, а в тех *мотивах*, которыми он руководствовался в своих действиях.

Бесспорно установлено, что Ильинов и Терехов, так же как и Горшков, избивали потерпевшего не из хулиганских побуждений, в связи с чем их действия и были квалифицированы следственными органами ст. 108 ч. I УК, а не ст. 108 ч. I и 206 ч. II УК.

Именно поэтому и коллегия Верховсуда Коми АССР признала правильной квалификацию действий Горшкова ст. 108 ч. I УК.

2. Несостоятельна ссылка на то, что суд вправе без обращения дела к рассмотрению переqualифицировать действия обвиняемых со ст. 108 ч. I на ст. 206 ч. II УК.

Дело здесь не в том, что ст. 206 ч. II УК является менее тяжкой, а в том, что указанное обвинение по фактическим обстоятельствам существенно отличается от обвинения по ст. 108 ч. I УК.

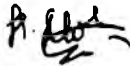
Именно поэтому в своем Руководящем Постановлении № 9 от 16/X-72 г. Пленум Верховного суда СССР указал, что недопустима не только переqualификация ст. 108 ч. I (или любой другой статьи УК) на ст. 206 ч. II УК, но даже переqualификация, *без обращения дела к рассмотрению*, одних квалифицирующих признаков хулиганства (вмененных обвиняемому) на другие (п. п. 5 и 23 Постановления).

В данном же случае без обращения дела на дополнительное расследование коллегия Верховсуда Коми АССР признала Ильнинова виновным в учинении злого хулиганства, носившего особо дерзкий характер, т. е. вменила ему в вину обвинение, которое не предъявлялось ему в процессе следствия и по которому он не был предан суду.

Более подробно все это изложено в прилагаемой жалобе.

Приложение: Жалоба на 9 л.

Адвокат

Мове А. Л.

...

На эту жалобу ответ я получил из Коми АССР.

ПРОКУРАТУРА СССР

ПРОКУРАТУРА КОМИ АССР

гор. Москва, ул. Баррикадная, 8
Московская областная юридическая
консультация

тов. Мова А.Л.

187810, г. Салтыковский, ул. Пушкина, 28

21.02.78. № 2-2548/77

На № _____

Г _____ Г

Документ

Ваша повторная жалоба на необоснованность осуждения Ильнинова В.И. рассмотрена.

Прокурором Коми АССР Шарбаковым Д.Н. внесен надзорный протест в Президиум Верховного суда Коми АССР на предмет переквалификации действий осужденного на ст. 112 ч. 2 УК РСФСР и прекращения в этой части производства за отсутствием жалобы потерпевшего.

О результатах рассмотрения протеста Вам будет сообщено дополнительно.

Копия судебных решений на 13 листах возвращается.

Приложение: на 13 л.

Начальник отдела по надзору за
рассмотрением в судах уголовных дел
старший советник юстиции -

В.Н. Лашаков.

Но радость моя, увы, была преждевременна. 15 марта 1978 г. Президиум Коми АССР рассмотрел протест прокурора и отклонил его, о чем я получил соответствующее извещение.

Документ

ПРОКУРАТУРА СССР

ПРОКУРАТУРА КОМИ АССР

467010, г. Сыктывкар, ул. Пушкина, 23

17 03.78. № 2-2548/77

На № 2/4103-78 от 01.02.78.

Прокуратура РСФСР

Заместителю начальника отдела
по надзору за рассмотрением в
судах уголовных дел

старшему советнику юстиции

тов. Галушко В.И.

гор. Москва, ул. Баррикадная, 8

Московская областная юридическая
консультация

адвокату тов. Мозе А.Л.

Сообщается для сведения, что постановлением Президиума Верховного суда Коми АССР от 15 марта 1978 года протест прокурора Коми АССР по делу Ильниова В.И. отклонен как необоснованный.

Начальник отдела по надзору за
рассмотрением в судах уголовных дел
старший советник юстиции

В.И. Ланшаков

Пришлось снова писать жалобу, на сей раз на необоснованность Постановления Президиума Верховного суда Коми АССР.

На эту мою жалобу через некоторое время поступил следующий ответ.

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
Российской Советской
Федеративной Социалистической
Республики

Москва, ул. Баррикадная, 8
областная юридическая консультация
адвокату Мове А.Л.

103710 ГСП Москва, К-31
Кузнецкий мост, 13

10048 № 2/4103-12

На №

В связи с Вашей жалобой проверено в порядке надзора уголовное дело Ильинова В.И.

Заместителем Прокурора РСФСР принесен протест в судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, в котором поставлен вопрос об перекалфикации действия осужденного на ст.112 ч.2 УК РСФСР.

Зам. начальника отдела по надзору за
рассмотрением в судах уголовных дел
старший советник юстиции

Дюковлева

ак 2 06-06 05 78

А еще через некоторое время я получил копию Определения коллегии Верховного Суда РСФСР.

Из досье адвоката

Дело № 3-Д78 яр-6

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР в составе:

Председательствующего — Изина В. Е.

Членов суда — Лобановского И. С. и
Буренковой И. Г.

Рассмотрев в судебном заседании от 23 июня 1978 г. дело по протесту Заместителя Прокурора РСФСР на приговор Княжпогостского районного народного суда Коми АССР от 30 мая 1975 г., по которому, —

Ильинов Владимир Иванович, 19 марта 1944 г. рождения, уроженец г. Москвы, русский, образование 8 классов, семейный, ранее судимый; 4 марта 1962 года по ст. ст. 206 ч. 2, УК РСФСР к 3 годам лишения свободы, освобожден 29 апреля 1963 г. условно-досрочно; 11 декабря 1973 года по ст. ст. 117 ч. 2, 200 ч. 2, 191-1 ч. 2 УК РСФСР по совокупности преступлений к 9 годам лишения свободы, отбывая наказание в учреждении АН-243/8 Коми АССР, — осужден по ст. 108 ч. 1 к 4 (четырем) годам лишения свободы, с частичным присоединением отбытого наказания по предыдущему приговору, и окончательно назначено Ильинову 10 (десять) лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Коми АССР от 1 августа 1975 года приговор в отношении Ильинова изменен, его действия переквалифицированы на ст. 206 ч. 2 УК РСФСР, и по ней назначено четыре года лишения свободы, а с частичным присоединением отбытого наказания по предыдущему приговору — 10 (десять) лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Постановлением президиума Верховного суда Коми АССР от 15 марта 1978 года протест прокурора Коми АССР о переквалификации действий Ильинова на ст. 112 ч. 2 УК РСФСР и за отсутствием жалобы потерпевшего, на основании ст. 5 п. 7 УПК РСФСР прекращении дела производством, оставлен без удовлетворения.

По настоящему делу также осуждены Малиновский Е. В. по ст. 17 и 108 ч. 1 УК РСФСР, Горшков В. Д. по ст. 108 ч. 1 УК РСФСР, Терехов Н. Д. по ст. 206 ч. 2 УК РСФСР и Дардыкин по ст. 105 УК РСФСР, в отношении которых протест не внесен.

Заслушав доклад члена суда Лобановского И. С. и заключение прокурора Маркаевой Н. Ф., поддержавшей протест, судебная коллегия

установила:

Ильинов осужден за совершение злостного хулиганства.

Преступление совершено при следующих обстоятельствах.

Между осужденными Малиновским и Дардыкиным сложились конфликтные отношения из-за того, что Малиновский был снят с должности бригадира, а бригадиром был

назначен Дардыкин. Малиновский стал преследовать Дардыкина и склонил группу осужденных избить Дардыкина. С этой целью вечером 27 февраля 1975 года после употребления спиртных напитков, Горшков, Терехов и Сухоруков на автомашине, управляемой Ильиновым, приехали на рабочий объект и розыскали Дардыкина. Последний, увидев их, стал убегать к деревообрабатывающему цеху. На спуске с эстакады Сухоруков догнал Дардыкина, но последний нанес Сухорукову смертельный удар ножом в грудь.

Терехов, Горшков, а также присоединившийся к ним Ильинов, продолжали преследовать Дардыкина, при этом они вооружились рейками. Когда Дардыкин забежал в цех, его догнали и стали избивать палками. Удары наносили Ильинов и Терехов по различным частям тела потерпевшего. В результате нанесенного удара Горшковым потерпевшему, ему было причинено тяжелое телесное повреждение, опасное для жизни в момент нанесения.

В протесте поставлен вопрос об изменении приговора и определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Коми АССР в отношении Ильинова, пере-квалификации его действий со ст. 206 ч. 2 РСФСР на ст. 112 ч. 2 УК РСФСР и за отсутствием жалобы потерпевшего производство по уголовному делу прекратить, отменив постановление того же суда. Доводы протеста обоснованы тем, что нанесение ударов Ильинова потерпевшему Дардыкину не продиктовано хулиганскими побуждениями.

Рассмотрев материалы дела, обсудив приведенные в протесте доводы, судебная коллегия находит, что протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, и это установлено приговором, что тяжкие телесные повреждения Дардыкину причинил Горшков. Действия Ильинова, выразившиеся в нанесении нескольких ударов потерпевшему Дардыкину палкой, квалифицированы как злостное хулиганство без достаточных к тому оснований.

Ильинов последовательно утверждал, что он подвез на закрепленной автомашине Горшкова, Сухорукова и Терехова к тарному цеху, где находился Дардыкин. Дардыкин нанес смертельное ранение Сухорукову. Лишь после этого и в связи с этим он присоединился к Горшкову и Терехову, преследовавшим потерпевшего Дардыкина. Утверждение Ильинова, приведенное выше, материалами дела не опровергнуто.

Таким образом Ильинов принял участие в избиение Дардыкина не из хулиганских побуждений, а в связи с тем, что потерпевший нанес удар ножом Сухорукову.

Отклоняя протест, президиум Верховного суда Коми АССР указал, что Ильинов знал о цели поездки осужденных, а позже и сам принял участие в избиении Дардыкина из хулиганских побуждений. Однако в материалах дела не имеется объяснения данных, подтверждающих тот факт, что Ильинов, доставляя на автомашине Горшкова, Терехова и Сухорукова на рабочий объект, достоверно знал, что они будут избивать потерпевшего. Поэтому действия Ильинова, который умышленно нанес Дардыкину легкое телесное повреждение, не повлекшее за собой кратковременного расстройства здоровья, подлежат квалификации по ст. 112 ч. 2 УК РСФСР. За отсутствием заявления от потерпевшего Дардыкина о привлечении Ильинова к уголовной ответственности за нанесение побоев, дело в отношении его подлежит прекращению. Ильинов должен отбывать наказание по предыдущему приговору.

Соглашаясь с протестом, руководствуясь ст. 378 УПК РСФСР, судебная коллегия

определила:

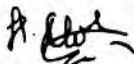
Приговор Княжпогостского районного народного суда Коми АССР от 30 мая 1975 г. и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Коми АССР от 1 августа 1975 года в отношении Ильинова Владимира Ивановича изменить, действия его переквалифицировать со ст. 206 ч. 2 УК РСФСР на ст. 112 ч. 2 УК РСФСР и за отсутствием жалобы потерпевшего на основании ст. 5 п. 7 УПК РСФСР дело производством прекратить.

Постановление Президиума Верховного суда Коми АССР от 15 марта 1978 года по данному делу отменить.

Председательствующий — Изина
Члены суда — Лобановского, Буровина
Верно: Член Верховного
суда РСФСР Лобановский

Копия верна:

...

 (А. Мове)

Вот так, полной реабилитацией Ильинова завершилось это дело.

Дело Виталия Николаевича Середы, обвиняемого во взяточничестве

Дело директора Черниговской спецавтобазы "Укрмясомолтранса", обвиненного, а затем и осужденного за неоднократное получение взяток по ст. 168 ч. II УК Украинской ССР на 5 лет лишения свободы, представляло несомненный интерес своеобразностью тех доказательств, которые были положены в основу его обвинения. Из публикуемой ниже жалобы это будет, надеюсь, очевидным. Хочу лишь оговориться, что до подачи мною жалобы в Прокуратуру СССР, женой и отцом осужденного уже было направлено несколько жалоб в Прокуратуру Черниговской области и Украинской ССР, в Верховный суд УССР, откуда поступили соответствующие отрицательные ответы.

Это, естественно, осложняло мою задачу.

Документ

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА
Черниговской области
6.02.84
19... год
г. Чернигов, Митчанка, 1

Середы Николай Акимовичу

г. Чернигов, ул. Красное, 45

№15-386-83

Ваше заявление о назначенном расследовании уголовного дела возбужденного против Вашего сына - Середы В.Н., адресованная в Черниговский областной комитет Компартии Украины, рассмотрена Черниговской облпрокуратурой.

Уточню, что Ваш сын, работая директором спецавтобазы № "Укрмясомолтранса", неоднократно получал взятки откупными с вымогательством.

Каких либо данных о вымогательствах о том, что его оговаривают Бештан А.С. и Викторядов В.Д. не получено.

Обстоятельства, изложенные в Вашей жалобе, были проверены в ходе расследования уголовного дела и подтверждения не нашли.

Ваше дело удовлетворению не подлежит.

Прокурор следственного отдела
второй I класса

А.В. Антун

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
ЧЕРНИГОВСКОЙ ОБЛАСТИ

г.Чернигов-20, ул. Кривоноса, 45

Гр. Середы Н.А.

В-05-84 № 12/886-88

г. Чернигов

С сообщая, что по вашему кассовому, поступившим из Обкома Компартии Украины и от депутата Верховного Совета СССР тов.Федорова А.Ф. прокуратурой области проверено уголовное дело, по которому приговором судебной коллегии по уголовным делам облсуда взы сын Середы В.Н. осужден на пять лет лишения свободы.

Проверкой дела установлено, что Середы В.Н. на неоднократное получение взяток лицом, занимающим ответственное должностное положение осужден обоснованно.

Винность осужденного Середы В.Н. подтверждается показаниями свидетелей Болотина, Виноградова, Мехе, Коряченко и др., приобщенными к делу документами.

Сомнка в кассе на то обстоятельство, что осужденного Середу оговорили свидетели Болотин и Виноградов неосостоятельна.

Суд полно и всесторонне исследовал обстоятельства дела, правильно оценил доказательства в их совокупности и обоснованно применил виновным Середу В.Н. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 168 ч.2 УК УССР.

Мера наказания ему назначена с учетом тяжести и общественной опасности совершаемых преступлений, данных о его личности.

Приговор по делу законный и обоснованный.

Что касается других фактов, приведенных в кассовых, то они в процессе проверки не нашли своего подтверждения.

Прокурор Черниговской области
Государственный советник юстиции
3-го класса

А.А.Кривченко

Прокуратура СРСР
ПРОКУРАТУРА
УКРАЇНСЬКОЇ РАДІНСЬКОЇ
СОЦІАЛІСТИЧНОЇ РЕСПУБЛІКИ
752001, м. Київ-11, Радничка, 13/18

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА
УКРАИНСКОГО СОВЕТСКОГО
ФИНАНСИСТИЧЕСКОГО РЕСПУБЛИКИ
752001, г. Киев-11, Радничкая, 13/18

13 09 84 № 12 18349-84

На №

от

Г. Чернышова
ул. Чернышова д. 45
Киево
гг. Середи п.д.

Ваша жалоба по делу Середи В.И. рассмотрена.

Установлено, что он за валютничество осужден обоснованно.

Его вина доказана собранными следствием и проверенными в суде доказательствами.

Сомнка на оговор осужденного в содеянном несостоятельна и при проверке не подтвердилась.

Преступные действия его квалифицированы правильно.

Наказание назначено с учетом общественной опасности совершенного преступления и данных характеризующих личность осужденного.

Оснований для оспротестования приговора не имеется.

Прокурор управления по надзору за
рассмотрением уголовных дел в судах

Г.М.Накивайло

Українська
Радянська Соціалістична Республіка

ВЕРХОВНИЙ СУД

252001, м. Київ, 24, ГСП
вул. Чернігів, 4Українська
Соціалістична Радянська Республіка

ВЕРХОВНЫЙ СУД

252001, г. Киев, 24, ГСП
ул. Чернигов, 4

20 септембрия 84 № 5-362к14

На № _____ от _____

Гр-ну Середу Н.А.

г. Чернигов 20, ул. Кривоноса 45.

Сообщая, что ваша жалоба поступившая из ЦК КП Украины, на приговор судебной коллегии по уголовным делам Черниговского областного суда от 14 марта 1984 года, которым Середя Виталий Николаевич осужден по ст.168 ч.2 УК УССР с применением ст.44 УК УССР на 5 лет лишения свободы, рассмотрена.

Доводы жалобы о том, что свидетели Болотин и Виноградов оговаривают Середу В.Н. в получении взятки проверились как органами предварительного следствия, так и судебными инстанциями, в том числе при рассмотрении дела в кассационном порядке в Верховном Суде УССР.

Установлено, что у названных выше лиц не было причин для оговора осужденных Середы и Бальцера, их показания заслуживают доверия и косвенно подтверждены другими данными, собранными по делу. Поэтому считать, что Середя осужден на основании ложных показаний оснований нет. Его действия по ст.168 ч.2 УК УССР квалифицированы правильно, а мера наказания назначена с учетом всех смягчающих ответственность обстоятельств.

Ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

Первый заместитель Председателя
Верховного Суда УССР

П.Г.Шупренко

кв 19

В этом состоянии дело было принято мною и после изучения его материалов в Черниговском облсуде составлена жалоба в Прокуратуру СССР. При этом, в связи с тем что на определенном этапе ведения этого дела ко мне поступила просьба о защите интересов не только Середы В. Н., но и Бальцера Николая Петровича (гл. инженера той же автобазы), интересы которых тесно переплетались, жалоба была составлена в защиту обоих осужденных.

Генеральному прокурору Союза ССР

**Адвоката А. Л. Мове
123242, Москва,
ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная
юридическая консультация**

По делу

**Середы Виталия Николаевича
и
Бальцера Николая Петровича,
осужд. Приговором коллегии
Черниговского Облсуда от 13/III-
84 г. по ст. 168 ч. II УК УССР на
5 лет лишения свободы.**

**Определением коллегии Верховного
Суда УССР от 17/IV-84 г. приговор ос-
тавлен без изменения**

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

**С самого начала считаю необходимым особо обратить
внимание на следующее.**

**Настоящее дело было возбуждено 14/XII-83 г. (т. 1 л. д. 1)
на основании представления, поступившего в адрес Проку-
рора Черниговской области, в котором указывалось, что
якобы в течение 1982-1983 гг. целый ряд водителей спе-
цавтобазы "Укрмясомолтранса" вынуждены были давать
взятки директору и гл. инженеру базы "за получение более
высокооплачиваемой работы и запчастей", что "водитель
Сенченко Л. Н. в течение нескольких лет ежемесячно до-
ставлял гл. инженеру Бальцеру без оплаты мясные изделия
на 30-35 руб", что "директор базы Середя, используя слу-
жебное положение, приобрел в личное пользование авто-
машину УАЗ-469 и произвел ее капитальный ремонт за счет
предприятия и т. д.**

**"Сложившаяся неблагоприятная обстановка на
спецбазе, — указывалось далее в представле-
нии, — оказывает негативное влияние на мораль-
но-психологический климат в коллективе и тре-**

бует решительных мер по наведению должного порядка в коллективе". (т. 1 л. д. 4)

Подавляющая часть всех этих обвинений в процессе расследования дела *не подтвердилась*.

Вместе с тем выяснилась другое:

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ ВОЗБУЖДЕНИЮ ДЕЛА

На самом первом допросе, 14/XII-83 г., директор спецавтобазы Середа В. Н. объяснил, что *всего* за время его работы (с марта 1980 г.) базой был получен для машины "Шкода" *один* задний мост, *один* двигатель и *одна* коробка передач.

"Никаких взяток за выдачу этих агрегатов водителям ни я, ни Бальцер не получали".

И далее:

"Болотин действительно один раз заходил ко мне домой и просил, чтобы я дал ему двигатель для автомашины "Шкода"... Я ему сказал, что такие вещи дома не решаю". Через некоторое время Болотин зашел ко мне в кабинет и предложил дать мне за двигатель *дубленку*, но я его *выгнал* из кабинета... Почему он меня оговаривает, я не знаю, по-видимому, хочет мне отомстить, что я его *выгнал* из кабинета" (т. 1 л. д. 131-об.).

К этому же сводились показания Середы и на другом допросе (т. 1 л. д. 150).

Об этом же говорил Середа В. В. и на допросе в качестве обвиняемого 23/XII-83 г.:

"Он меня оговаривает, т. к. я ему *не дал* *двигатель*, за который он предлагал *дубленку*. Это было в начале ноября 1983 г. Он просил *двигатель*. Я сказал, как я могу дать тебе *двигатель*, если у тебя *двигатель* нормальный. Он подошел и сказал: "Виталий Николаевич, я дам вам за *двигатель* *дубленку*, надо быть глупым человеком, чтобы не соглашаться." Я сказал: "Вон отсюда!" Он сказал: "Я тебе сделаю!" (т. 2 л. д. 18).

Эти показания Середа подтвердил на *очных ставках* с Болотиным (т. 1 л. д. 136, 138).

Такие же показания дал Середа В. Н. и в суде, где он, в частности, пояснил:

“В октябре, когда я находился в кабинете гл. инженера, зашел Болотин и начал разговор за двигатель... Я ему сказал, что у него есть двигатель и я ему не дам. Тогда он сказал, что за двигатель даст мне дублинку. Я его выгнал, он ушел, выражаясь нецензурной бранью”. (Протокол суд. засед., т. 3 л. д. 55-56-об.)

Затем:

“Я не знаю какой смысл Болотину оговаривать меня, наверное из-за того, что я не дал ему двигатель”. (там же, л. д. 59-об.)

И далее:

“После того, как я выгнал Болотина, я пригласил Бальцера и рассказал ему об этом. Мне Бальцер рассказал, что к нему приходил Виноградов и вел разговор о двигателе”. (см. Замечания на протокол суд. заседания, утвержденные председательствующим — т. 3 л. д. 276-278)

Середа, кроме того, на следствии и в суде объяснял, что ранее им на Болотина и Виноградова накладывались взыскания, что Болотин вообще был недоволен им, поскольку он издал приказ о закреплении за машиной не одного, а двух водителей, что серьезно сказывалось на заработке Болотина, что Болотин в связи с этим ходил жаловаться на него. (т. 3 л. д. 65-об.)

Аналогичные показания по этому вопросу дал и подс. Бальцер Н. П., который пояснил:

“Они меня оговаривают, т. к. я им не дал коробку передач. Я не видел в этом необходимости, т. к. их машина была в технически исправном состоянии. Виноградов просил новый двигатель. Я ему ответил, что один двигатель нужен для автомашины Химиченко и Питель, у которых вышел из строя двигатель, а второй двигатель нам не принадлежит”.

И далее:

“Мне стало известно со слов директора базы Середы, что одновременно к нему заходил Боло-

тин и предлагал ему 900 руб. с целью заполнения двигателя, за что Середа выставил его из кабинета. Середа рассказал мне об этом и дополнил, что Болотин произнес: "Запомни, будет плохо". Я пришел к выводу, что это послужило поводом для оговаривания". (т. 2 л. д. 23-об.)

К этому же сводились показания Бальцера на очной ставке с Виноградовым и на допросе 16/XII-83 г., где кроме того Бальцер объяснил, что Болотин и Виноградов оговаривают его в связи с тем, что он подписал приказ *о запрещении переадресовки мясопродуктов в конечных пунктах поездов*, что лишало их возможности хищения (сигналы об этом поступали) — т. 1 л. д. 186-об., 189.

Свои показания Бальцер подтвердил в судебном заседании, где он показал:

"Виноградов просил коробку передач. Я ему ответил, что на машину Химиченко она нужнее. После этого он перестал со мной здороваться. Затем Виноградов просил двигатель для своей машины. Я отказал, и он сказал, что к нему приходил Болотин и предлагал ему за двигатель дублинку стоимостью где-то 900 руб. Он сказал, что выгнал его, т. к. тот себя грубо вел. (Протокол суд. заседания — т. 3 л. д. 72-72-об.)

И далее:

"Болотин и Виноградов меня оклеветали, т. к. я подписал приказ о запрещении переадресовок груза". (там же, л. д. 78)

Указанные показания Бальцера и Середы нашли полное подтверждение в материалах дела.

Допрошенная на следствии и в суде свид. Гниленко А. И. (секретарь) подтвердила, что примерно в октябре 1983 г. в кабинет гл. инженера, где находился Середа, зашел Болотин.

"Разговор у них длился 3-4 минуты, — объяснила свид. Гниленко, — затем дверь открылась и в приемную вышел из кабинета Болотин и я услышала такие слова директора: "Иди ты отсюда". Эти слова директор сопровождал нецензурной бранью. Болотин ему ответил: "Я и пошел отсюда" и тоже ругался матом... В приемной тогда

был Палеха Г. И." (т. 2 л. д. 30 и Протокол суд. заседания, л. д. 142-144).

Подтвердил данный факт и свид. *Палеха Г. И.*, пояснивший, что он находился в приемной, когда в кабинет к Серее зашел Болотин.

"Болотин выходил из кабинета в возбужденном состоянии, — показал суду свид. Палеха. — В приемной я слышал разговор Болотина с Сереей. Болотин предлагал Серее дубленку... Я знал, что Болотин пошел к директору говорить за двигатель. Серее выругался в адрес Болотина нецензурно. Серее был возбужден, сказал, что Болотин нахал и берет прямо за горло". (Протокол суд. заседания — т. 3 л. д. 133, 133-об., 134-об.)

Подтвердил данное обстоятельство и свид. *Булко В. И.*, который показал, что Серее ему говорил о том, что Болотин предлагал дубленку за двигатель (т. 3 л. д. 118-об.).

"Директор сел в машину и сказал мне, что я не против бы поменять двигатель за дубленку? Я ему ответил, что не плохо было бы. Директор был в это время взволнован, — пояснил свид. Булко (см. Замечания на протокол суд. заседания, утвержденные председательствующим — т. 3 л. д. 276-278).

Тот факт, что накануне обращения с заявлением в Управление КГБ у него был *серьезный конфликт* с директором базы — Сереей В. Н., свид. *Болотин*, по существу, признал, хотя и несколько по-иному объяснил случившееся.

"В конце октября или начале ноября 1983 г. я заходил в кабинет Серее по вопросу получения двигателя, — показал на допросе у следователя Болотин, — но он отказал в моей просьбе и между нами произошел скандал. Он меня выгнал из кабинета и выругался в мой адрес нецензурными словами. В ответ на его ругань я так же заругался в его адрес нецензурной бранью и вышел из кабинета. Никакого разговора о дубленке не было. Когда я вышел из кабинета, то в приемной сидела секретарь Гниленко и водитель Палеха. Они видели, что я вышел из кабинета в возбужденном состоянии" (т. 1 л. д. 28-28-об.).

Вынужден был признать этот факт Болотин и на очных ставках с Середой, где он прямо заявил:

“Середа меня обругал нецензурной бранью и выставил из кабинета. В приемной были Гниленко и Палеха. Я так же заругался в его адрес нецензурно и вышел из кабинета” (т. 1 л. д. 136, 138).

Эти свои показания Болотин подтвердил и в судебном заседании, где помимо этого он уточнил:

“Я не выдержал и повысил голос, он меня обозвал нецензурно. Этот разговор я передал Виноградову. (Протокол суд. засед. — т. 3 л. д. 81)

И далее:

“С Середой я поругался из-за двигателя”. (там же, л. д. 88-об.)

“Я не знаю, пошел бы я заявлять в КГБ, если бы мне дали двигатель”. (там же, л. д. 26)

Признал Болотин и тот факт, что он и Виноградов были *крайне недовольны* теми порядками, которые ввели на автобазе Середа и Бальцер, и, в частности тем, что они закрепили за машинами не одного, а двух водителей.

По этому поводу в своем заявлении в Управление КГБ Болотин написал:

“Два года тому назад начальником базы был назначен Середа, который принял на должность Бальцера. С появлением этих руководителей и начались те вопиющие безобразия, о которых я собираюсь писать. Так, они ввели работу водителей-дальников по два человека на одну машину. Мне предложили работать с Виноградовым”. (т. 1 л. д. 6)

Это же подтвердил Болотин и на допросе 14/XI-83 г., где он объяснил:

“Мы зарабатываем хорошо, примерно 600 руб. в месяц, поэтому держимся за свое место. В 1981 г. пришел новый директор Середа. Он ввел новые порядки. Ранее мы работали на автомашине по одному, а он ввел двоих...” (т. 1 л. д. 3)

Об этом же говорил Болотин и на допросе 14/XII-83 г.

"До 1981 г. мы работали по одному водителю на машину. В 1981 г. директором был назначен Середа. Сразу же возникла *конфликтная ситуация*, т. к. он изменил порядок и мы стали работать не по одному водителю на машину, а по два, *по распоряжению директора*. Ну и, конечно, *водители стали терять в заработке*. При Серее возвратился Бальцер. (т. 1 л. д. 14).

Говорил об этом Болотин и в *судебном заседании*, где он признал:

"Раньше на машине я работал один. *С приходом нового директора начались новые порядки*. Администрация нашла нужным посадить на машины по два водителя. Мы все *возмущались*, ездили к Генеральному директору, т. к. у нас *резко упал заработок*". (Протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 91-об.)

Затем:

"На собрании, где обсуждалось постановление народного контроля, я не присутствовал". (там же, л. д. 93-об.)

Вынужден был признать эти факты и свид. Виноградов В. Д., который подтвердил, что у них с Болотиным был *конфликт с Бальцером*, что "*Болотин поспорил с Бальцером за то, что тот продал коробку передач другим*" (факт продажи не подтвердился) — т. 1 л. д. 39, 43-об.-44.

Очевидно, что при таких обстоятельствах и с учетом крайне отрицательных характеристик Болотина и Виноградова, следственным органам и суду надлежало очень критически, осторожно относиться к их заявлениям о передаче взяток Серее и Бальцеру, тем более что Болотин и Виноградов не только сами обратились с таким заявлением, но и путем угроз и запугиваний *понуждали* многих других работников писать *клеветнические* заявления на руководителей автобазы.

Допрошенный по этому вопросу свид. *Шарый М. Н.* в суде показал:

"Водителям было невыгодно работать по два водителя на машине, т. к. у них упал заработок. Болотин и Виноградов тоже были недовольны. Они пошли в КГБ и написали заявление на Се-

реду и Бальцера. Они предлагали и другим водителям, которые недовольны Середой и Бальцером, пойти в КГБ”.

И далее:

“Я слышал, как Болотин оскорблял Гуськову. Он предлагал ей пойти и заявить на Бальцера, что он торгует запчастями... Болотин и Виноградов подходили к Торопенко, Сенченко, Гуськовой, запугивали их и предлагали пойти в КГБ”. (Протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 143-143-об.)

Показания свид. Шарый подтвердила свид. *Гуськова Г. Г.*

“Ко мне на работу приходил Виноградов и уговаривал написать заявление на Середу и Бальцера, или меня заберут с работы или снимут с развозки”. (Протокол суд. засед. — т. 3 л. д. 161-об.)

“Виноградов подходил и уговаривал пойти и заявить на Середу и Бальцера два раза. Промежуток был один-два дня. Он сказал, что уже идет следствие и их все равно заберут”. “Болотин мне тоже предлагал пойти и заявить на Середу и Бальцера”. (там же, л. д. 162-об.)

“Виноградов говорил, чтобы я пошла и заявила на Середу и Бальцера. Он сказал, что меня заберут”. (там же, л. д. 165).

И далее:

“Я все время сидела и дрожала. Меня звонок в дверь или по телефону приводил в ужас, я думала, что за мной уже приехали из КГБ”. (См. Замечания на протокол суд. заседания, утвержденные судом, п. 29 — т. 3 л. д. 276-278).

Об этом же говорил и свид. *Палеха Т. И.:*

“Виноградов неоднократно уговаривал меня написать на Середу и Бальцера клевету. Это происходило в присутствии слесаря Кулаги Михаила”. (см. Утвержденные судом замечания на протокол суд. заседания — т. 3 л. д. 286 и Протокол суд. заседания — т. 3 л. д. 133-об.-134).

Подтвердил данный факт и свид. *Бычек Н. В.:*

"Болотин и Виноградов *велели* говорить, что я давал деньги за запчасти". (Протокол суд. заседания — т. 3 л. д. 111)

К этому же сводились показания свид. *Сенченко Л. Н.*, который объяснил:

"Виноградов подходил ко мне и просил пойти в КГБ и заявить, что я возил колбасу Бальцеру". (Протокол суд. засед., т. 3 л. д. 127)

"В приемной КГБ у Виноградова работает знакомый, поэтому он запугал Середу" (там же, л. д. 129-об.)

Говорила об этом и свид. *Торопенко В. П.*:

"Ко мне подходил Виноградов и просил заявить на директора и гл. инженера. Виноградов мне говорил, что директор и гл. инженер *два трупа*" (Протокол суд. засед. — т. 3 л. д. 151-об.)

Затем:

"Виноградов говорил, что в КГБ у него есть знакомый, так что иди и не бойся. Он сказал, что в КГБ все известно, мне надо будет только подписаться" (там же, л. д. 153).

Невзирая на все эти очевидные факты, бесспорно свидетельствующие о явно *враждебных* отношениях, сложившихся между Болотиным и Виноградовым (с одной стороны) и Середой и Бальцером (с другой стороны), суд счел возможным положить в основу обвинения Середы и Бальцера по ч. II ст. 168 УК абсолютно *голословные* и крайне *противоречивые* показания Болотина и Виноградова, прямо заинтересованных в исходе дела.

Конкретно:

1. О ПОЛУЧЕНИИ СЕРЕДОЙ В. В. ВЗЯТОК ОТ БОЛОТИНА В СУММЕ 190 РУБ.

1. О передаче Болотиным взятки Серёде на сумму 70 руб. в августе 1983 г.

Как указано выше, накануне обращения с заявлением в Управление КГБ, в сентябре — ноябре 1983 г., Болотин обратился к Серёде с просьбой о выделении ему и Виноградову нового двигателя. Будучи не в состоянии опроверг-

нуть показания Середы и других свидетелей (Гниленко, Палеха, Булко) о том, что за этот двигатель он предлагал Серее взятку (дубленку), что на этой почве между ним и Сереей "произошел скандал", в результате которого директор *выгнал* его из кабинета, Болотин выдвинул версию о том, что якобы летом 1983 г. Середа *обещал* ему дать новый двигатель, за что он в *августе 1983 г. передал ему бутылку коньяка и продукты на общую сумму 70 руб.*

"В конце октября или начале ноября 1983 г., — показал далее Болотин, — я заходил в кабинет Середы по вопросу получения двигателя, который он мне *ранее обещал*, но он отказал мне, выгнал меня из кабинета и т. д.". (т. 1 л. д. 28)

Эти голословные показания Болотина, *уличенного* в попытке получения двигателя за взятку (дубленку), суд положил в основу приговора.

Между тем:

а) В своем *заявлении* в Управление КГБ, поданном тогда же, после конфликта с Сереей (см. показания Болотина), Болотин ни словом не обмолвился о передаче Серее взятки в *августе 1983 г.* за обещание выделить новый двигатель (т. 1 л. д. 6), хотя, казалось бы, после происшедшего скандала с Сереей на почве невыполнения последним своего обещания именно с этого факта должен был начинаться Болотин описание преступных действий Середы.

б) Ничего не сказал Болотин об этом факте и на допросе 14/XI-83 г. в Управлении КГБ (т. 1 л. д. 8-13).

в) "Забыл" сообщить об этом факте и об обещании Середы выделить новый двигатель за врученную ему в августе 1983 г. взятку Болотин и на допросе в прокуратуре области 14/XII-83 г., т. е. *через месяц* после подачи заявления в КГБ. (т. 1 л. д. 14-19)

г) Сразу же после допроса в прокуратуре, 14/XII-83 г. была проведена *очная ставка* между Болотиным и Сереей, на которой Середа уличал Болотина и подробно рассказывал о причинах возникновения конфликта. Однако и здесь, на очной ставке с Сереей, Болотин ничего не говорил о передаче Серее взятки в августе 1983 г. и вел речь лишь о *двух* случаях вручения взяток (т. 1 л. д. 136). Аналогичные показания дал Болотин и на допросе 20/XII-83 г. (т. 1 л. д. 21-25).

д) Ничего не сказал Болотин о передаче Серее взятки в августе 1983 г. и на *повторной* очной ставке с Сереей 17/1-84 г. И здесь по-прежнему Болотин вел речь о двух, а не трех случаях передачи взяток (т. 1 л. д. 138).

е) Только 18/1-84 г., на следующий день после повторной очной ставки с Сереей и через *два месяца* после обращения с заявлением в КГБ, уличенный в покушении на дачу взятки Серее (дубленки), Болотин впервые сообщил о том, что он якобы в августе 1983 г. передал Серее бутылку коньяка и продукты на сумму 70 руб.

При этом Болотин пояснил:

“Я все продумал и хочу заявить, что *дважды* (а не один раз — А. М.) завозил Серее по его требованию коньяк и продукты” (т. 1 л. д. 28-28-об.).

— Допустимо ли на подобных голословных показаниях Болотина, появившихся в деле после неоднократных допросов и очных ставок с Сереей, через два месяца после подачи заявления в КГБ, устроить обвинение Серее в получении взятки?

— Допустимо ли при этом игнорировать, обходить молчанием показания обвиняемого и свидетелей, опровергнувших показания Болотина и уличивших его в покушении на дачу взятки?

2. О передаче Болотиным взятки Серее в сумме 60 руб. в возмещение денежного начета.

Идя на поводу голословных показаний Болотина, суд в *приговоре* утверждает, что якобы

“С 3 по 9 октября 1981 г. Серее совместно с водителями базы Болотиным и Саксоновым на машине “Шкода” ездил за зап. частями в Симферополь. За использование автомобиля не по назначению... Постановлением Черниговского гор. народного контроля на Серее был произведен денежный начет в сумме 69 руб. Получив постановление народного контроля, Серее вызвал Болотина и потребовал от него 60 руб. для *оплаты* произведенного на него *денежного начета*” (копия приговора, л. 1).

Однако:

а) Если все обстояло так, как это обозначено в приговоре, действия Середы необоснованно квалифицированы, как получение взятки, поскольку получение от Болотина 60 руб. не было обусловлено совершением Середой каких-либо должностных действий *в интересах* Болотина (см. диспозицию ст. 168 УК УССР).

Подобные действия Середы (при их доказанности) надлежало квалифицировать ст. 165 ч. 1 УК УССР, как корыстное злоупотребление служебным положением. Тем более что сам Болотин суду пояснил:

“Я ему дал 60 руб., как уплату штрафа. Я считал, что нахожусь в более благоприятных условиях, чем другие водители”. (Протокол суд. заседания — т. 3 л. д. 86-об.)

б) Утверждение Болотина (а вслед за ним и судебного приговора) о том, что с 3 по 9 октября 1981 г. Середа ездил с ним и Саксоновым в г. Симферополь, противоречит имеющимся в деле документам (путевым листам), из которых усматривается, что Середа ездил в г. Симферополь с Болотиным и Саксоновым не в октябре, а 18 августа 1981 г. (т. 2 л. д. 10), за что народным контролем никакого денежного штрафа на Середу наложено не было. Денежный начет был наложен на Середу за поездку в г. Симферополь в октябре 1981 г. с водителем Саксоновым (без Болотина) — см. путевой лист (т. 2 л. д. 9) и Постановление комитета Народного контроля (т. 2 л. д. 11-12).

Очевидно, что при таких обстоятельствах Середа никак не мог предъявлять Болотину претензий о возмещении денежного начета и знакомить его с Постановлением комитета Народного контроля, как об этом заявляет Болотин, поскольку из Постановления этого видно, что начет на Середу был произведен за поездку, к которой Болотин никакого отношения не имел.

в) Свид. Саксонов М. Б., на которого сослался в своих показаниях Болотин, как на человека, с которого Середа так же требовал возмещения денежного начета, показаний Болотина не подтвердил (см. показания Болотина — т. 1 л. д. 9, 15 и др. и показания Саксонова — т. 1 л. д. 112, 114).

Ссылка суда на показания свид. Болотиной Г. В. (жены Болотина) является несостоятельной не только потому, что последняя явно заинтересована в подтверждении показаний своего мужа, но и потому, что *в процессе следствия*

Болотина Г. В. *допрошена не была* и впервые была допрошена только в суде, на 5 день слушания дела, когда ей уже хорошо были известны и обстоятельства дела, и показания мужа (см. протокол суд. заседания).

Представляется, что при таких обстоятельствах у суда не было решительно никаких оснований для признания Середы виновным в получении от Болотина взятки в сумме 60 руб. весной 1982 г.

3. О даче Болотиным Серее взятки на сумму 60 руб. в апреле 1983 г.

Судя по приговору, данная взятка (коньяк и продукты) была передана Болотиным Серее на квартире его тещи по адресу: г. Чернигов, ул. К. Маркса, 5, кв. 1 (копия приговора, л. 2).

Указанное обвинение основано на голословном утверждении Болотина, который на допросе 18/1-84 г. и в суде показал, что *после окончания ремонта машины*, в апреле 1983 г., Середа попросил его привезти из Москвы коньяк и продукты за то, что он ремонтировал всю зиму машину в боксе.

“В Москве я купил коньяк и продукты, — пояснил далее Болотин, — и, приехав в Чернигов, завез все на машине “Шкода” к дому № 5 по ул. К. Маркса, где проживают родители жены Середы В. Н. и где в то время также проживал Середа с семьей”.

Затем:

“Я позвонил, вышла жена Середы, позвала его, он вышел, взял дипломат, потом вынес пустой. Он приглашал меня зайти, но я не зашел, т. к. *был на машине*”. (т. 1 л. д. 28, Протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 80-об.)

При оценке этих показаний Болотина суд не учел следующего:

До 18/1-84 г. и до судебного заседания Болотин неоднократно давал показания на допросах и очных ставках с Середой. На всех этих допросах Болотин совершенно по иному описывал обстоятельства передачи взятки Серее в *апреле 1983 г.* по окончании ремонта машины.

“После ремонта автомашины, — показал Болотин на допросе 14/XI-83 г., — поближе к весне я выехал в первый рейс на Москву, и Середа сделал мне заказ, чтобы я привез ему коньяк и продукты... Я все это купил и завез Середе *домой*, он живет на ул. Ленина. Приехал я к нему на *троллейбусе*. Дома был он, жена и какой-то мужчина. Я отдал ему дипломат, где находились все покупки. Середа *пригласил меня в комнату*, там мы выпили водки и я ушел. *Больше я Бальцеру и Середе ничего не передавал.* (т. 1 л. д. 11-12)

Через месяц, на допросе 14/XII-83 г., Болотин эти свои показания подтвердил и вновь объяснил, что *после ремонта машины он по просьбе Середы купил ему в Москве коньяк и продукты.*

“Я приехал в Чернигов, — показал далее Болотин, — и сразу заехал к Середе. Дома у него никого не оказалось. Тогда я *отогнал машину в автобазу* и с дипломатом приехал к Середе *домой*. Середа пригласил меня к столу, мы выпили водки и т. д.” (т. 1 л. д. 19).

Аналогичные показания дал Болотин и на *очной* ставке с Середой 14/XII-83 г. (т. 1 л. д. 136).

К этому же сводились показания Болотина и на допросе 20/XII-83 г., где он уточнил:

“Возвратился я с рейса в гараж, судя по отметке в путевом листе, 12/IV-83 г. До этого я *завезал домой и купленные в Москве продукты оставил дома*. Оставив машину в гараже, я *возвратился домой, забрал продукты и отвез их на троллейбусе к Середе домой*”. (т. 1 л. д. 23-об.)

В подтверждение этих своих показаний Болотин *нарисовал схему* квартиры Середы, которая приобщена к делу. (т. 1 л. д. 27)

В квартиру Середы накануне подачи заявления в КГБ, осенью 1983 г., Болотин, как известно, заходил (см. показания Середы и Болотина).

Очевидно, что на подобных показаниях Болотина, абсолютно голословных, путанных и противоречивых, строить обвинение недопустимо.

Несостоятельна ссылка суда и на показания свид. Болотиной Г. В. (жены Болотина), которая *впервые* была допрошена только в судебном заседании и показала, что якобы она *вместе с мужем* отвозила продукты Серее и его *теще* на ул. К. Маркса (Протокол суд. засед. — т. 3 л. д. 173-об.).

а) Указанные показания свид. Болотиной *противоречат* показаниям Болотина А. С., который никогда (ни на следствии, ни в суде) не говорил, что он отвозил Серее коньяк и продукты *совместно* со своей женой (см. его показания).

б) Вопреки показаниям Болотина А. С., который пояснил, что продукты он возил на ул. К. Маркса *в дипломате*, жена Болотина показала в суде, что продукты на ул. К. Маркса они отвозили *в портфеле*. (Протокол суд. заседания т. 3 л. д. 174).

Суммируя изложенное, нельзя не признать, что у суда не было решительно никаких оснований для признания Серее В. Н. виновным в получении от Болотина взяток на сумму 190 руб.

II. О ПЕРЕДАЧЕ БОЛОТИНЫМ И ВИНОГРАДОВЫМ ВЗЯТОК БАЛЬЦЕРУ В СУММЕ 350 РУБ.

1. О передаче Бальцеру взятки в сумме 200 руб. в январе 1983 г.

При оценке показаний Болотина и Виноградова, положенных в основу данного обвинения, суд не учел следующего:

а) Как указано выше, незадолго до подачи заявления в органы КГБ между Болотиным и Виноградовым (с одной стороны) и Бальцером и Сереей (с другой стороны) возник *конфликт* из-за отказа выдачи им коробки передач и двигателя.

б) Показания Болотина и Виноградова об обстоятельствах передачи взятки крайне *разноречивы*. В процессе следствия они утверждали, что передали 200 руб. Бальцеру в его *рабочем кабинете*.

В частности, *Болотин* на допросе 14/ХІ-83 г. показал:

“Бальцер потребовал за задний мост 200 руб.... Мы с Виноградовым пошли вдвоем к Бальцеру. Там, в *кабинете*, я и отдал Бальцеру 200 руб. Нас

в приемной видела секретарь Наташа". (т. 1 л. д. 9-об.)

Об этом же говорил Болотин и на допросе 14/XII-83 г.:

"Мы с Виноградовым зашли в приемную. Тут были посетители. Мы подождали, пока он освобождается. Наконец *он нас позвал*. Все получилось очень просто. Я зашел первым, а Виноградов за мной. Деньги были у меня... Я передал деньги в присутствии Виноградова, и мы *вышли из кабинета*" (т. 1 л. д. 17).

Эти свои показания Болотин подтвердил и на очной ставке с Бальцером, где он заявил:

"Когда мы зашли в кабинет, то я передал Бальцеру 200 руб." (т. 1 л. д. 167).

Аналогичные показания дал по этому вопросу на следствии и Виноградов:

"Мы вместе с Болотиным *пошли в кабинет*, где я передал Анатолию 200 руб., а тот вручил их Бальцеру". (т. 1 л. д. 37).

И далее:

"Мы с Болотиным *зашли в кабинет* к Бальцеру, где я передал 200 руб. Болотину, а тот Бальцеру". (т. 1 л. д. 42)

Эти свои показания Виноградов подтвердил и на очной ставке с Бальцером, где он заявил:

"Вдвоем мы *пошли в кабинет* Бальцера, где я отдал Болотину 200 руб., а он их вручил Бальцеру". (т. 1 л. д. 171-об.)

На основании указанных показаний Болотина и Виноградова в *Обвинительном заключении*, и, в частности, в формуле обвинения Бальцера, появилась ссылка на то, что 11/I-83 г. Болотиным и Виноградовым была вручена Бальцеру взятка

"в рабочем кабинете Бальцера". (см. *Обвинительное заключение*, л. 3, 9)

В судебном заседании, однако, Болотин и Виноградов изменили свои показания и заявили, что в кабинет Бальцера они не заходили, что дали взятку Бальцеру не в его

рабочем кабинете, а в "приемной, у кабинета Бальцера", что и отразил суд в своем приговоре (л. 2). Таким образом, в результате серьезных противоречий в показаниях Болотина и Середы возникли существенные противоречия о месте передачи взятки между Обвинительным заключением и судебным приговором.

в) Установлено, что кроме Болотина и Виноградова никто из других водителей в данный период времени в получении заднего моста не нуждался. Это вынужден был признать свид. *Болотин*, пояснивший суду:

"Кроме нашей машины никому больше задний мост не нужен был" (Протокол суд. заседания — т. 3 л. д. 90).

Это же подтвердила и свид. *Гуськова Г. Г.* (зав. складом):

"На ремонте по замене заднего моста больше машин не было (там же, л. д. 110).

Об этом же говорил и свид. *Мищенко Е. А.*:

"Разговоров не было, что на этот задний мост были другие претенденты" (там же, л. д. 120-об.)

Подтвердил это и свид. *Коряченко В. Д.*:

"В то время только машине Болотина нужен был задний мост" (там же, л. д. 156).

Очевидно, что при таких обстоятельствах, у Болотина и Виноградова не было никакой необходимости давать Бальцеру взятку за выделение на их машину заднего моста.

г) По утверждению Болотина и Виноградова, задний мост, по его доставке на базу, был *выгружен на склад*, а затем, после того как они дали взятку Бальцеру, последний "дал указание выдать им со склада задний мост и подписал расходную накладную на выдачу со склада указанного агрегата" (см. их показания и копию приговора, л. 2).

Указанные показания Болотина и Виноградова, положенные в основу приговора, *прямо противоречат* показаниям свид. *Коряченко В. Д.*, который в суде объяснил:

"Из Симферополя с Борщом я привез задний мост. Его с машины сразу забрал себе Болотин". (Протокол суд. засед., т. 3 л. д. 154-об.)

И далее:

“Мост был разгружен прямо к машине Болотина”
(там же, л. д. 158)

Это же подтвердил и свид. *Шарый М. Н.:*

“Болотин и Виноградов меняли мост, и им дали место напротив подъемника. Мост сразу подвезли погрузчиком для ремонта”. (там же, л. д. 147-об.)

д) Объяснение Виноградова о том, что он в январе 1983 г. одолжил у своего племянника — Мех С. Н. 450 руб. для дачи Бальцеру взятки в сумме 200 руб., противоречит элементарной логике и ни коим образом не может подтвердить факт передачи взятки.

В судебном заседании Виноградов признал, что в это время у него *была при смерти мать* и деньги ему нужны были (Протокол суд. заседания — т. 3 л. д. 100-об.).

е) Ссылка суда на то, что показания Болотина и Виноградова в этой части подтверждаются объяснениями свид. Болотиной Г. В., несостоятельна, поскольку указанная свидетельница (жена Болотина) суду заявила, что якобы

“муж просил у меня деньги, 250 руб. (а не 200) летом 1983 г. (а не зимой — А. М.)” — см. утвержденные судом замечания на протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 287.

ж) Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что свидетелю Коряченко Болотин говорил, что уплатил он за задний мост Бальцеру не 200 руб., а 450 руб. (Протокол суд. заседания — т. 3 л. д. 154-об.).

По этому поводу Коряченко суду заявил:

“Я этому не поверил, т. к. я не слышал, что кто-то платит за зап. части деньги...” (там же, л. д. 155)
Раньше с Болотиным мы были друзьями. Я не верю, что Болотин давал взятку Бальцеру... Я считаю, что Болотин *нечестный* человек. (там же, л. д. 155-157).

Представляется, что на подобных показаниях Болотина и Виноградова, абсолютно голословных и противоречащих бесспорно установленным фактам, строить обвинение

Бальцера в получении взятки от них в сумме 200 руб., недопустимо.

2. О передаче Бальцеру взятки в сумме 150 руб. в феврале 1983 г.

На всем протяжении следствия и в судебном заседании подс. Бальцер свою вину в получении от Болотина взятки в сумме 150 руб. категорически отрицал.

В подтверждение его вины суд в приговоре сослался на показания свид. Виноградова, Коряченко, Гуськовой и Мех (копия приговора, л. 5).

Между тем:

а) Свид. *Виноградов* не являлся очевидцем передачи денег Бальцеру и знает об этом лишь со слов Болотина (см. его показания).

б) Свид. *Коряченко В. Л.* не только не подтвердил показаний Болотина о наличии у него сговора с Бальцером сгрузить запчасти, привезенные из Симферополя, "у себя дома, для того чтобы другие водители не знали об этом" (копия приговора, л. д. 3), а, наоборот, опроверг эти показания и суду пояснил:

"Бальцер с Болотиным *ругались* из-за запчастей, которые Болотин разгрузил себе в сарай..." (Протокол суд. засед., т. 3 л. д. 155).

в) Не подтвердила показаний Болотина и свид. *Гуськова*, которая объяснила, что в связи с недовозом Болотиным на склад запчастей, она доложила об этом Бальцеру, который *после этого* разрешил выписать эти запчасти Болотину. (Протокол суд. засед. — т. 3 л. д. 108).

Эти показания Гуськовой Г. Г. полностью соответствуют показаниям Бальцера, который суду показал:

"Зав. складом Гуськова мне сказала, что Болотин привез бумаги, а запчасти не привез. Я вызвал Болотина, он сказал, что понес большие расходы и оставил часть запчастей себе". (там же, л. д. 70-об.)

г) Что касается показаний свид. Мех С. Н., то, как указывалось, никакого отношения к данному случаю он не имеет и тот факт, что в *январе 1983 г.* Мех одолжил Виноградову 450 руб., ни в коей мере не подтверждает и

не может подтверждать передачу Бальцеру взятки Болотиным в сумме 150 руб. в феврале 1983 г.

В заключение нельзя не обратить внимание на следующее:

В своих заявлениях в Управление КГБ и в показаниях на следствии и в суде Болотин и Виноградов утверждали, что якобы в спецавтобазе существует целая система поборов, что не только они, но и *многие другие водители* (Бычек, Златковский, Карынский, Сенченко, Химченко, Питель) вынуждены были давать взятки Серее и Бальцеру за выделение зап. частей, получение более высокооплачиваемой работы, что в спецавтобазе даже был установлен твердый тариф оплаты за различные запчасти: стартер — 25 руб., шатуны — 50 руб., крестовина — 5 руб. и т. д. (см. заявления и показания Виноградова и Болотина).

Все эти показания опровергли допрошенные на следствии и в суде многочисленные свидетели, в том числе и секретарь парторганизации Жабин, председатель профкома Олейник, начальник мастерских Шарый А. Н. и многие другие и квалифицировали их, как грязную клевету, а показания Болотина и Виноградова в части передачи ими взяток Серее и Бальцеру — как вымышленные, как *“сговор и явную клевету”* (см. прилагаемые протокол общего собрания и заявление в Прокуратуру СССР).

Таково было и мнение *общественного обвинителя*, который просил суд вынести Серее и Бальцеру *оправдательный приговор*, ссылаясь на то, что

“в ходе судебного следствия выяснилось, что против Середы и Бальцера был *заговор* двух человек — Болотина и Виноградова”. (т. 3 л. д. 179-об.-180)

Всего этого не учел суд при вынесении приговора. Не учла этого и коллегия Верховного Суда УССР, оставившая без изменения *явно необоснованный приговор* суда.

— “ —

Серее В. Н. 1937 г. рождения. По окончании в 1970 г. Педагогического института работал учителем начальных классов средней школы, а затем, после службы в Советской армии (1971-72 гг.) — на комсомольской работе в качестве инструктора РК ЛКСМ, 2-го секретаря Райкома ЛКСМ, инструктора орготдела Обкома ЛКСМ. С 1976 по 1981 г.

работал начальником отдела сбыта Черниговского ремонтно-механического завода, где зарекомендовал себя исключительно положительно (см. характеристику — т. 2 л. д. 56).

Жена осужденного, Середа С. Д. — преподаватель средней школы, добросовестный, исполнительный, высокоавторитетный педагог (см. характеристику — прилагается).

На иждивении Середы находится двое несовершеннолетних детей и престарелые родители — пенсионеры.

В прошлом Середа В. Н. не судим.

Бальцер Н. П. 1937 г. рождения. По окончании средней школы учился на курсах шоферов, а затем работал водителем. С 1956 по 1959 г. служил в Советской армии, после демобилизации вновь работал водителем, совмещая работу с заочной учебой в Киевском авто-дорожном институте, который окончил в 1970 г. С 1972 по 1977 г. работал в качестве Главного инженера подсобного хозяйства Областного управления торговли, где зарекомендовал себя исключительно положительно.

Как добросовестный, требовательный, авторитетный работник зарекомендовал себя Бальцер и по работе в Черниговской областной больнице (1961-1969 гг.) и в Черниговском областном управлении автотранспорта (1980-1981 гг.) — см. характеристики — т. 2 л. д. 69, 76. Положительно характеризуется Бальцер и по месту жительства (см. заявление жителей совхоза "Равнополье" — т. 21 л. д. 293-298).

Жена осужденного — Бальцер Н. И. работает санитаркой в Черниговской областной психоневрологической больнице, по работе характеризуется как честный и добросовестный работник (характеристика прилагается).

На иждивении Бальцера Н. И. находится двое несовершеннолетних детей. В прошлом Бальцер не судим.

Из имеющихся в деле характеристик (т. 2 л. д. 58, 66), показаний многочисленных свидетелей и прилагаемых документов усматривается, что за короткое время работы в Черниговской спецавтобазе № 2 "Укрмясомолтранса" Середа В. Н. и Бальцер Н. П. проявили себя, как исключительно энергичные, знающие свое дело, честные и добросовестные руководители.

"За время работы на автобазе Середы и Бальцера, — отмечается в решении общего собрания работников авто-

базы и заявлении коллектива рабочих спецавтобазы, — предприятие стало *неузнаваемым*, много сделано для улучшения труда работников и служащих, из пустыря, который достался в наследство вновь созданной автобазе, возродилось предприятие, способное решать те вопросы, о которых не могло быть и речи до прихода этих руководителей” — (см. документы — прилагаются).

— “ —

По изложенным соображениям прошу Вас *истребовать* настоящее дело и внести *протест* на предмет отмены вышеуказанных Приговора Коллегии Черниговского облсуда и Определения коллегии Верховного суда УССР и *прекращения* в отношении Середы В. Н. и Бальцера Н. П. в уголовном порядке дела производством за *недоказанностью* предъявленного им обвинения.

Приложение:

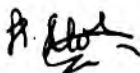
1. Копия приговора суда — на 3 л.
2. Копия Определения Верховного суда УССР — на 3 л.
3. Заявление коллектива рабочих спецавтобазы — на 4 л.
4. Протокол общего собрания работников автобазы — на 4 л.
5. Характеристика Бальцера Н. И.
6. Характеристика Середы В. Н.
7. Справка о семейном положении Бальцера Н. П.
8. Справка о семейном положении Середы В. Н.
9. Характеристики водителей базы Болотина А. С. и Виноградова В. Д. — на 2 л.
10. Копия приказов директора базы Середы В. Н. о наложении дисциплинарных взысканий на водителей Болотина и Виноградова.
11. Приказ Бальцера Н. П. от 14/XI-81 г. о запрещении переадресовки грузов — на 1 л.
12. Другие документы.

Справка:

Середы В. Н. отбывает наказание по адресу:
УССР, г. Шостка, Учреждение УС 319/66, отряд 4.

Бальцера Н. П. отбывает наказание по адресу:
УССР, г. Кривой рог, Учреждение ЯЕ 308/80, отряд 160.

Адвокат
28 августа 1985 г.
г. Москва

А. Л. Мова

...

На эту, как мне казалось, достаточно обоснованную и пространную жалобу, поступил абсолютно безмотивный отрицательный ответ за подписью прокурора Управления Прокуратуры СССР Н. А. Масленниковой, у которой до этого я был на личном приеме.

Документ

ПРОКУРАТУРА СОВОЗА ССР

103763, Москва, К-9, Пушкинская, 15-а

В/2 09.85 № 12/1970-85

123242, г. Москва
ул. Варшавская 8,
бридеческая консультация
адвоката Мозе А.Л.

Ваша жалоба по делу Середы В.Н. и Бальцера Н.П., поступившая на личном приеме, рассмотрена.

За получение взяток они осуждены обоснованно.

Винность Середы и Бальцера установлена показаниями свидетелей Болотина, Виноградова, Гуськовой, Рахмана и другими доказательствами.

Действия осужденных квалифицированы правильно. Наказание назначено с учетом содеянного, данных о личности ниже низшего предела, предусмотренного санкцией закона.

Оснований для опротестования приговора не имеется.

Приложение: на 25 л.

Прокурор управления по надзору
за рассмотрением уголовных дел
в судах

брист I класса

Н.А.Масленникова

По следующей моей жалобе в Прокуратуру СССР дело было истребовано в Москву для проверки, но результат оказался тот же: отказ.

123242, г. Москва, ул. Баррикадная, 8
Юридическая консультация
адвокату Мове А. И.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

103783, Москва, К-9, Пушкинская, 15-а

11.12.85 № 12/1970-85

Ваша жалоба, по делу Середы В. Н. и Бальцера Н. П. рассмотрена. Дело проверено в Прокуратуре Союза ССР в порядке надзора.

За получение выток они осуждены обоснованно.

Виновность Середы и Бальцера установлена показаниями свидетелей Болотина, Виноградова, Гуськовой и других.

Доводы о том, что Болотин и Виноградов оговорили осужденных, поскольку были недовольны наданными ими приказами о запрещении выезда автомобилей "Шкода" на линии с одним водителем, не подтвердились.

Из показаний осужденных, свидетеля Рахмана, документов приобщенных к делу, усматривается, что издание этих приказов произошло не по инициативе руководства спецавтобазы, а явилось следствием прямого указания комитета народного контроля, о чем было сообщено водителям на собраниях. Приказами были недовольны все водители без исключения.

Кроме того, из материалов дела усматривается, что отношения между осужденными и лицами, их изобличившими, были нормальные.

Более того, Середя по случаю дня рождения Болотина распивал о нем опертые напитки.

Все доказательства по делу судом проверены и в совокупности оценены правильно.

Оснований для опротестования приговора не имеется.

Приложение: на 18 л.

И. о. заместителя начальника
управления по надзору за рас-
смотрением уголовных дел в судах
отарший советник юстиции

В. М. Лебедев

Здесь нельзя не обратить внимание на следующее: по некоторым сугубо личным причинам Бальцер Н. П. на данной стадии процесса от дальнейшего обжалования Приговора отказался, и поэтому свою очередную жалобу я подал исключительно в защиту Середы В. Н.

Это изменение прошло мимо внимания В. Л. Лебедева. На что я, естественно, не мог не отреагировать.

Из досье адвоката

Генеральному Прокурору Союза ССР

Адвоката А. Л. Мове
123242, Москва,
ул. Баррикадная, д. 8
Московская Областная
юридическая консультация

По делу

Середы Виталия Николаевича
осужд. по ст. 168 ч. II УК УССР
Черниговским облсудом 14/III-84 г.

ЖАЛОБА

23/IX-85 г. на личном приеме в Прокуратуре СССР мною была подана жалоба на необоснованное осуждение по ст. 168 ч. II УК УССР Середы В. Н.

Никакой жалобы, связанной с опровержением доводов обвинения Бальцера Н. П., я при этом *не подавал* (см. жалобу на 18 л. от 23/IX-85 г.).

Вместо проверки обоснованности поданной жалобы в части обвинения Середы В. Н. и ответа на доводы этой жалобы, мною был получен ответ по существу обоснованности всего приговора, как в части обвинения Середы В. Н., так и в части обвинения Бальцера Н. П. (см. ответ и. о. Зам. Нач. Управления т. В. М. Лебедева от 12/XII-85 г.).

Сделано это было далеко не случайно, а с единственной целью — *использования доказательств обвинения Бальцера для обоснования вины Середы В. Н.*

Именно в результате подобного "метода" проверки жалобы в ответе т. Лебедева появились ссылки на подтверждение вины Середы, показаниями свид. Рахмана, "приказами о запрещении выезда на линию автомобилей "Шкода" с одним водителем и т. п., т. е. на все те обстоятельства, которые, по сути, *не оспаривались* в жалобе.

В то же время в сообщении т. Лебедева никак не оспариваются доводы, содержащиеся в разделе 1 жалобы (стр. 1-10), бесспорно свидетельствующие о явно враждебных отношениях, сложившихся между Болотиным и Середой накануне обращения Болотина с заявлением в органы следствия (это обстоятельство признал Болотин — см. там же).

Обойдены молчанием в полученном ответе и все те серьезные противоречия, имеющиеся в показаниях Болотина, по фактам передачи Середе взятки в виде коньяка, продуктов и денег на сумму 190 руб. (стр. 10-17 жалобы).

Практически, все доводы жалобы, поданной на личном приеме, полностью в полученном ответе игнорированы и никак не опровергаются.

По изложенным соображениям прошу Вас вторично истребовать настоящее дело и самым тщательным образом проверить обоснованность осуждения Середы В. Н. с учетом всех доводов жалобы (на 18 л.), поданной в его защиту.

Адвокат

А. Л. Мове

"18" мая 1986 г.

Получив ответ не по существу поданной жалобы и учитывая, что в прошлом Середя В. Н. являлся руководящим комсомольским работником, решил я на сей раз обратиться за содействием в правильном разрешении дела и в ЦК ВЛКСМ.

Жалоба моя оттуда, естественно, была переадресована в Прокуратуру ССР, дело было вновь истребовано в Москву, откуда вскоре поступил очередной отрицательный ответ.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

10399, ГСП, Москва, К-9, Пушкинская, 12-а

24.08.87 № 12/1970/85

123242, Москва
ул. Баррикадная, 8
Московская областная
юридическая консультация
адвокату т. Мове А. П.

Ваша жалоба по делу Середы В.Н., поступившая из ЦК ВЛКСМ, рассмотрена.

Дело изучено в Прокуратуре Союза ССР.

Суд, опровергнув показания Болотина и совокупности с другими материалами дела, обоснованно признал их достоверными и пришел к правильному выводу о виновности Середы в получении взяток.

Утверждение о том, что Болотин оговорил Середу не нашло своего подтверждения.

Показания свидетелей Палеки и Булко, на которые Вы ссылаетесь в жалобе, противоречивы, не соответствуют другим доказательствам и правильно признаны судом недостоверными.

Конфликт между Середой и Болотиным, как установлено по делу, возник потому, что Середка, получив взятку от Болотина в виде бутылки коньяка и продуктов, не выполнил обещание выдать ему новый двигатель.

Не подтвердились и другие доводы жалобы, о чем Вам был направлен 16 апреля 1987 г. мотивированный ответ.

Наказание Середке назначено с учетом содеянного и данных о личности.

Оснований для опротестования приговора руководством Прокуратуры Союза ССР не найдено.

Заместитель начальника управления
по надзору за рассмотрением уголовных
дел в судах

государственный советник
Юстиции 3 класса

В.А. Кобзарь

Попытался я еще раз обратиться в ЦК ВЛКСМ, но эффект был тот же: дело вновь было истребовано в Прокуратуру СССР, после чего поступил новый отрицательный ответ. Подписал его Ю. В. Корневский.

Документ

123242, Москва, улица Варшавская, дом 8
Юридическая консультация
Адвокату Мове А.Л.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

148774, ГСЧ, Москва, М-9, Пушкинская, 15-а

29 12.87 № 12-1977-405

Сообщаю, что по Вашей жалобе о необоснованном осуждении Середы В.Н., поступившей из ЦК ВЛКСМ, вновь истребовано уголовное дело для проверки в порядке надзора.

О результатах рассмотрения Вашей жалобы Вам будет сообщено дополнительно.

Заместитель начальника управления
по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах
государственный советник
всех степеней III класса

Е.В. Корневский

В августе 1987 г. мною было предпринята попытка записаться на личный прием к Заместителю Генерального прокурора СССР. Но здесь случилось то, о чем я уже ранее писал: путь к личному приему, закрыла А. Т. Тернюк (Заместитель начальника приемной Прокуратуры СССР), за подписью которой я получил следующее сообщение.

ПРОКУРАТУРА СССР

Применяя

103783, Москва, К-8, Советский пл., 8

25.08.87 24/16-87

123242, г. Москва,
ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная
юридическая консультация

адвокату Мозе А.Л.

Ваше заявление о личном приеме по уголовному делу Середы В.Н. рассмотрено.

В Прокуратуре СССР Вас по этому делу неоднократно принимали в управлении по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах, в том числе приняты Вы начальником управления.

Дело проверено непосредственно в Прокуратуре СССР.

Руководство Прокуратуры СССР приняло решение об обоснованности приговора суда в отношении Середы В.Н., о чем Вам сообщено 21.08.87 мотивированным письмом.

При таких обстоятельствах Ваша просьба о личном приеме руководством Прокуратуры СССР оставлена без удовлетворения.

Заместитель начальника
государственный советник
юстиции 3 класса

А.Т. Терентев

Какова была цена подобному порядку, установленному в прокуратуре СССР и вытекающим из него своевольных действий Тернюк, хорошо видно на примере этого дела.

В апреле 1988 г. мною была составлена очередная жалоба в адрес Заместителя Генерального прокурора СССР, к которой я приложил публикации из газеты "Правда".

В жалобе я писал...

Из досье адвоката

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР
т. Сорока О. В.

Адвоката Мове А. Л.
Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная
юрконсультация

По делу

Середы Виталия Николаевича,
осужд. по ст. 168 ч. II УК УССР
Черниговским облсудом

Жалоба

Настоящее дело является очередным "творением" не-безызвестного А. Н. Диченко — б. начальника Черниговско-го, а затем Ворошиловоградского Управления КГБ, который в свое время явился организатором незаконного возбуждения уголовного дела и ареста корреспондента газеты "Совет-ский шахтер" В. Берхина (см. газету "Правда" от 4.01.87 г., от 08.01.87 г. и от 15.02.87 г.).

Именно он, Диченко, и в данном случае явился органи-затором возбуждения дела и ареста Середы В. Н. по обви-нению в получении взяток — *двух бутылок коньяка* (см. письмо Диченко А. Н. от 24.11.83 г. на имя прокурора Черниговской области — т. 1 л. д. 4). Почти все факты, изложенные в этом письме, в процессе следствия были *опровергнуты*. Но Середа уже был арестован и арест этот необходимо было как-то оправдать.

Явная искусственность и надуманность обвинения Се-реды очевидны.

Бесспорно установлено, что шофер Болотин, крайне отрицательно характеризующийся по службе, обратился в Управление КГБ с заявлением, в котором сообщил, что с приходом к руководству автобазой Середы и Бальцера, на базе начались безобразия, в результате чего он и Виног-радов вынуждены были давать взятки Бальцеру.

О передаче взяток Серее Болотин в этом заявлении ни словом не обмолвился, хотя, как это видно, Середу он здесь не щадил, а наоборот, всячески поносил (см. заявление без даты — т. 1 л. д. 6).

В дальнейшем, в октябре-ноябре 1983 г., между Болотиным и Середой произошел крупный скандал, который завершился тем, что Середа выгнал Болотина из кабинета, в ответ на что Болотин разразился нецензурной бранью в адрес Середы.

Середа, а вслед за ним и некоторые другие свидетели, говорят, что скандал произошел из-за того, что Болотин, после того как ему было отказано в выдаче нового двигателя, предложил Середе взятку в виде дубленки (см. жалобу — с. 1-6).

Болотин, не признав этот факт, тем не менее вынужден был признать, что такой скандал между ним и Середой был (т. 1 л. д. 28, 136. 138 и прот. суд. засед. — т. 3 л. д. 81) - жалоба, с. 5-6).

Только после этого конфликта Болотин обратился в Управление КГБ с *новым* заявлением, в котором указал, что передавал взятки не только Бальцеру, но и Середе, что всего передал Середе две взятки на общую сумму 120 руб. (т. 1 л. д. 8-13).

В дальнейшем, после многократных допросов на следствии и двух очных ставок с Середой, практически перед самым завершением следствия, Болотин заявил, что давал Середе взятки не два, а *три раза* и в сумме не 120 руб., а 190 руб. (т. 1 л. д. 28).

В судебном заседании Болотин признал:

"С Середой я поругался из-за двигателя"

И далее:

"Я не знаю, пошел бы я заявлять в КГБ, если бы мне дали двигатель" (прот. суд. завед. — т. 3, л. д. 88-об., 96).

Допустимо ли на подобных показаниях Болотина, абсолютно голословных и противоречивых, появившихся в деле после серьезного конфликта с Середой, строить обвинение?

Этот, один из основных доводов жалобы, зам. начальника Управления т. Кобзарь В. А. опровергает тем, что, дескать:

"Конфликт между Середой и Болотиным... возник потому, что Середа, получив взятку от Болотина в виде бутылки конька и продуктов, не выполнил обещание выдать ему новый двигатель".

И это при том, что показания Болотина в этой части абсолютно *голословны*.

При том, что не только в своем заявлении в КГБ (т. 1, л. д. 6), но и на *неоднократных* допросах в процессе следствия, на *двух очных ставках* (т. 1 л. д. 8-13, 14-19, 21-25, 138) Болотин ничего подобного *не говорил* и "вспомнил" об этом только 18 января 1984 г., т. е. *через два месяца* после обращения в КГБ, после того как он был уличен в покушении на передачу Серее *взятки* (дубленки) — т. 1 л. д. 28-28-об.

Нельзя не обратить внимание и на следующее:

Не соглашаясь с показаниями Середы о том, что одной из причин оговора являлись его приказы о закреплении за машинами "Шкода" не одного, а *двух водителей*, что повлекло значительное снижение заработка водителей, суд в приговоре ссылается на то, что на необходимость издания подобных приказов указал городской комитет народного контроля 19 февраля 1982 г. (копия приговора, с. 5).

Между тем, из прилагаемых копий приказов Середы от 7 июля 1981 г. и 7 января 1982 г. усматривается, что еще до Постановления комитета народного контроля (19.02.82 г.) на базе было внедрено закрепление за автомашинами "Шкода" не одного, а *двух водителей* (копии приказов прилагаются).

О том, что инициатива введения подобного порядка исходила не от комитета народного контроля, а от Середы, хорошо знал Болотин, о чем он с возмущением писал в своем заявлении в КГБ (т. 1 л. д. 6) и показывал при допросах на следствии и в суде (т. 1 л. д. 8, 14; т. 3 л. д. 91-об.).

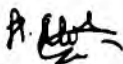
Более подробно несостоятельность судебного приговора освещена в жалобах, находящихся в Прокуратуре СССР.

По изложенным соображениям прошу ранее принятое решение *пересмотреть*.

Приложение:

1. Копия приказов от 7.07.81 г. и 7.01.82 г. на 2 л.
2. Статьи из газеты "Правда" от 4 и 8 января 1987 г. и 15 февраля 1987 г. на 3 л.

Адвокат
28 апреля 1988 г.

 А. Л. Мове

Вот одна из публикаций в газете "Правда" от 8.01.87 г. "За последней чертой", которую я приобрел к своей жалобе.

"За последней чертой"

В связи с публикацией в "Правде" 4 января 1987 г. статьи "За последней чертой" сообщаем о принятых Комитетом госбезопасности СССР мерах в отношении сотрудников УКГБ УССР по Ворошиловградской области, причастных к нарушениям социалистической законности по делу заведующего корреспондентским пунктом журнала "Советский шахтер" В. Берхина.

Проведенной ранее проверкой установлено, что А. Диченко, будучи начальником Управления КГБ УССР, в нарушение уголовно-процессуального законодательства, способствовал необоснованному возбуждению органами милиции уголовного дела и аресту В. Берхина. Своими указаниями Диченко вовлек некоторых подчиненных ему сотрудников УКГБ в противоправные действия в отношении В. Берхина и других граждан.

За совершение указанных действий, дискредитирующих высокое звание советского офицера, Диченко отстранен от занимаемой должности и уволен из органов КГБ.

Председателю КГБ Украинской ССР поручено привлечь к дисциплинарной ответственности других сотрудников УКГБ УССР по Ворошиловградской области, допустивших противоправные действия.

Комитетом госбезопасности СССР принимаются дополнительные меры к строгому соблюдению законодательства в деятельности органов государственной безопасности.

◀ ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ПРАВДЫ»

«За последней чертой»

В связи с опубликованием в «Правде» 4 января 1987 года статьи «За последней чертой» Комитетом госбезопасности СССР приняты меры в отношении сотрудников УКГБ УССР по Ворошиловградской области, причастных к нарушениям социалистической законности по делу заведующего корреспондентским пунктом журнала «Советский шахтер» В. Берхина.

Проведенной ранее проверкой установлено, что А. Диченко, будучи начальником Управления КГБ УССР, в нарушение уголовно-процессуального законодательства, способствовал необоснованному возбуждению органами милиции уголовного дела и аресту В. Берхина. Своими указаниями Диченко вовлек некоторых подчиненных ему сотрудников УКГБ УССР по Ворошиловградской области, допустивших противоправные действия.

В. ЧЕБРИКОВ,
Председатель Комитета
государственной безопасности СССР.

...

С этими материалами, минуя Тернюк, я все-таки был на личном приеме у Заместителя Генерального прокурора СССР, откуда затем поступил следующий ответ.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

103791 ГСП, Москва, К-9, Пушкинская, 15-а

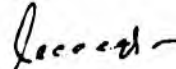
1. 07.88 № 12-1970-86

123242, Москва
ул. Баррикадная, д. 8
Юридическая консультация
адвокату Мове А.И.

Сообщая, что в связи с Вашей жалобой на личном приеме дело Середы В.Н. повторно проверено в Прокуратуре Союза ССР.

Состоявшиеся судебные решения в отношении Середы мною опротестованы в Пленум Верховного Суда Украинской ССР.

Заместитель Генерального
прокурора СССР
государственный советник
второй степени I класса

О.В. Сорока

Так было разрешено дело Виталия Николаевича Середы.

Есть ли смысл комментировать происшедшее? Есть ли надобность давать оценку действиям Тернюк?

Должен оговориться. Конечно многие дела правильно разрешались и справедливость по ним восстанавливалась благодаря вмешательству местных надзорных судебно-прокурорских инстанций.

Немало тому примеров и в моих книгах. Однако были дела (и таких тоже немало, о них я тоже пишу), по которым ошибочные судебные приговоры и решения исправлялись и справедливость восстанавливалась исключительно благодаря вмешательству высших надзорных судебно-прокурорских инстанций СССР, ликвидация которых нанесла огромный ущерб правосудию, тяжело сказалась на судьбах многих и многих наших граждан.

Неожиданный бросок: Зугдиди — Советск. Дело Ивана Агеенко

Казалось бы, что может быть общего между г. Советск (б. Тильзит) Калининградской области и далекой горной Мингрелией с ее столицей — г. Зугдиди? Но бывает так в жизни, а в особенности, нашей адвокатской, когда судьба соединяет вроде бы и несоединяемое, связывает события, разделенные расстояниями в тысячи и даже десятки тысяч километров.

Есть у меня в Зугдиди один из немногих оставшихся в живых моих однополчан, человек, с которым мы еще до войны служили в г. Калуге в 18 танковой дивизии, а затем вместе воевали. Каждый мой приезд в Зугдиди был для него и всей его чудесной семьи настоящим праздником, и принимали меня всегда очень сердечно, радушно, с присущим грузинским гостеприимством. И разве могли мы, друзья-однополчане, отказать в чем-нибудь друг другу? Так случилось и на этот раз. “Дорогой Абрам, — обратился ко мне однажды мой друг Григорий Шервашидзе, — очень прошу тебя, помоги. Есть у нас на комбинате (а работал он юрисконсультom Ингирского бумкомбината) одна женщина, русская, которая в большом горе. Осудили в г. Советске ее младшего брата и вот уже несколько лет никак не может она добиться его освобождения. Очень прошу, помоги!” Посмотрел я судебный приговор, некоторые другие документы, и особого воодушевления они у меня не вызвали. Хотя, впрочем, одна вещь в приговоре заронила некоторое сомнение в его обоснованности. Но как в действительности все это выглядит в деле, как отражено в документах дела? Для того, чтобы ответить на эти вопросы надо знакомиться с делом, а оно находится в суде, а суд — в далеком Советске. Но разве можно отказать фронтовому другу, не уважить его просьбу? И вот я уже по пути в Советск, в этот старинный немецкий городок с конусообразными красночерепичными крышами его домов... Помню, когда знакомился в канцелярии суда с делом, проходивший мимо судья, выносивший приговор, подивился: “Это вы дело Агеенко изучаете? Бесплезная история, он у нас не исправим, судим непрерывно...” А я все читал и читал, и чем больше вникал в существо случившегося, тем все более и более проникался убеждением в бесосновательности приговора. Впрочем, все, что я думал об этом деле и судьбе Ивана Агеенко, я изложил в жалобе, адресованной Председателю Калининградского областного суда.

Из досье адвоката

Председателю Калининградского облсуда

Адвоката Мове А. Л., г. Москва,
ул. Баррикадная, д. 8, Москов-
ская областная юрконсультация

По делу

Агеенко Ивана Ивановича,
осужд. приговором Советского
горнарсуда Калининградской
обл. от 29/IV-72 г. по ст. 198-2
УК на 2 года лишения свободы

В кассационном порядке приго-
вор обжалован не был

Жалоба в порядке надзора

В 1967 г., в 16-летнем возрасте, *несовершеннолетний* Ваня Агеенко совершил преступление, за которое он был осужден по ст. 206 ч. II УК (злостное хулиганство) на 2 года лишения свободы.

С той поры прошло 5 лет. За это время Агеенко никаких других преступлений не совершал, к уголовной и административной ответственности за нарушение общественного порядка никогда не привлекался и, однако, до сего времени (с небольшими перерывами) он содержится в местах лишения свободы.

Не спорим: в лагере Агеенко, который по заключению психиатрической экспертизы, проведенной в 1970 г., когда он привлекался к ответственности по ст. 206 УК, характеризуется как "личность *примитивная*, с ограниченным кругозором" (л. д. 146), вел себя не совсем хорошо, порой нарушал режим. Это не делает ему чести.

Но бесспорно и другое: только по одному этому *искусственно* увеличивать ему срок содержания в лагере с 2 до 5 лет — было бы неправильно и несправедливо.

В июле 1971 г., освободившись из заключения, Агеенко познакомился с гр. Половинской А., с которой он находился в близких интимных отношениях.

По отношению к этой женщине, у которой имелся от первого брака 4-летний ребенок, у Агеенко были самые серьезные намерения. Однако обстоятельства так сложились, что реализовать их сразу он никак не мог. У Половинской не было развода, к тому же и жить им практически было негде: сам Агеенко проживал у матери, где в 2

комнатах общей площадью 30 кв. м проживало 7 человек, прописаться в квартире Половинской также нельзя было, т. к. дом ее подлежал сносу (см. справки — прилагаются).

“Мы не могли зарегистрировать брак, — показала на допросе Половинская А. (теперь она — Агеенко), — так как у меня не было развода с первым мужем. И поэтому я не могла прописать Агеенко у себя. В январе 1972 г. я взяла развод, и мы хотели зарегистрировать брак, подали заявление в ЗАГС” (л. д7 38).

Об этом же говорил и Агеенко:

“Мы договорились с Половинской, что как только она получит новую квартиру (ее дом шел на слом), мы поженимся. Она получила новую квартиру, и мы подали заявление на регистрацию брака. Сейчас она ждет от меня ребенка” (л. д. 27).

Эти объяснения Агеенко и Половинской подтверщаются прилагаемой копией свидетельства о расторжении брака между гр. Половинской А. и Половинским А. И., справкой о том, что еще 25 февраля 1972 г. Агеенко и Половинская подали в ЗАГС заявление о регистрации брака (документы прилагаются).

Этим, и только этим, объясняется то, что Агеенко иногда отлучался из дому, находился в квартире у своей будущей жены.

При этом, конечно, следует учитывать, что в то время гр. Половинская уже была в положении, в феврале-марте 1972 г. она находилась на 7-8 месяце беременности (л. д. 42), и оставить ее, не бывать у нее, Агеенко просто не мог.

16/X-71 г. и 10/II-72 г., как явствует из объяснений Агеенко и из приговора суда, Агеенко был на квартире гр. Половинской (см. приговор).

Там же он находился и 17/III-72 г., что подтвердили свид. Агеенко Н. И. и Агеенко Алевтина (л. д. 38 и протокол суд. заседания).

При оценке поведения Агеенко И. И. нельзя не учитывать так же и того, что он постоянно работал (л. д. 40, 41), систематически проходил установленную регистрацию в отделении милиции (см. Регистрационный лист, л. д. 8).

В процессе расследования дела Агеенко зарегистрировал брак с гр. Половинской, в апреле 1972 г. у них родился ребенок.

Полагаю, что при таких обстоятельствах, даже если допустить, что Агеенко нарушил правила административного надзора (об этом см. ниже), у следственных органов и суда не было никаких оснований к тому, чтобы утверждать о злостном

нарушении этих правил, т. е. о совершении Агеенко уголовного преступления, предусмотренного ст. 198-2 УК.

В данном случае можно было бы говорить лишь о *формальном*, а не о злостном нарушении правил с целью *уклонения от надзора*, о чем гласит ст. 198-2 УК.

Таковой цели, как это видно из всего поведения Агеенко, он перед собой не ставил.

— Но можно ли в данном случае говорить о *формальном* нарушении правил административного надзора?

— Нарушил ли вообще Агеенко эти правила?

Сейчас трудно судить о том, что имел в виду инспектор отдела уголовного розыска лейтенант милиции Борков, когда он выносил свое Постановление об установлении административного надзора за Агеенко.

Впоследствии, уже при расследовании дела, следователь Борков (тот самый, который выносил указанное Постановление), истолковал его по-своему, и это дало ему основание для привлечения Агеенко к уголовной ответственности.

Однако в своем Постановлении, если говорить строго формально, т. Борков никогда не запрещал Агеенко “выходить из дому с 20 до 7 часов утра”.

Этим постановлением Агеенко запрещалось, с одной стороны, выезжать из г. Советска без разрешения органов милиции (п. 1), и запрещалось, с другой стороны, “находиться в городе после 20 час. до 7 час. утра” (?) — п. 2 — л. д. 3.

Каким образом, по мнению т. Борокова, должен был Агеенко в одно и то же время “и быть и не быть” в городе — судить трудно, равно, как и невозможно понять, что вкладывалось им в ограничение “находиться в городе после 20 час. до 7 час. утра”: вообще находиться в г. Советске, появляться на улицах города, выходить из дома и пр.

Закон, “Положение об административном надзоре”, предусматривает исчерпывающий перечень ограничений, которые могут применяться к лицам, в отношении которых устанавливается административный надзор.

Не составляет большого труда убедиться в том, что подобного ограничения — “запрещения находиться в городе” — это Положение не предусматривает (см. п. 3 Положения).

Между тем, это *незаконное* ограничение в отношении Агеенко было применено и понято им оно было не так, что ему запрещается уходить из дома с 20 ч. до 7 ч. утра, а буквально так, как значится в Постановлении.

Не случайно на всех допросах в процессе следствия и в суде Агеенко говорит о том, что ему “запрещалось нахо-

даться в городе после 20 ч. до 7 ч. утра" (л. д. 25, 36, Протокол суд. заседания, л. д. 54). Кстати, на улицах города после 20 ч. до 7 ч. утра Агеенко никогда не появлялся и там не задерживался.

Таким образом, в данном случае нельзя говорить не только о злостном нарушении правил административного надзора с целью уклонения от надзора, но и о *формальном* нарушении этих правил, поскольку ограничение, установленное в отношении Агеенко, являлось незаконным, не предусмотренным "Положением об административном надзоре".

— " —

И. И. Агеенко сейчас 22 года. На его иждивении находится двое несовершеннолетних детей в возрасте 5 лет и 6 месяцев (справка прилагается).

— " —

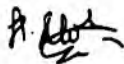
В силу изложенного прошу Вас истребовать настоящее дело и внести протест на предмет отмены приговора суда и прекращения в отношении Агеенко Ивана Ивановича в уголовном порядке дела производством за отсутствием в его действиях состава преступления.

Приложение:

1. Копия приговора Народного суда на 3 л.
2. Копия свидетельства о браке.
3. справка ЗАГСа от 29.09.72 г.
4. Свидетельство о расторжении брака (копия).
5. справка ЖКО (2 шт.)

Справка: Агеенко И. И. отбывает наказание по адресу: Архангельская обл., Плесецкий р-н, ЕЛС — Озеро, п/я МК 401/22.

Адвокат
"12" октября 1972 г.
г. Москва

А. Л. Мове

С этой жалобой я был на личном приеме у Заместителя председателя Калининградского облсуда, после чего получил следующие ответы, говорящие сами за себя.

Документ

РСФСР

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ

Калининградский
ОБЛАСТНОЙ СУД

г. 12. декабря 1972 г.
№ 44-У-87

Калининград, ул. Коммунальная,
дом № 1, тел. 3-33-8

АДВОКАТУ МОСКОВСКОЙ ПРАВИТЕЛЬНОЙ
КОНСУЛЬТАЦИИ

тов.Мове А.И.

г.Москва, ул.Баррикадная
8.

Сообщая, что по Вашей жалобе на приговор Со-
ветского городского народного суда от 29 апреля 1972 года в отноше-
нии Агеенко И.И. председателем Калининградского областного суда при-
несен протест в порядке надзора, который будет рассматриваться на
ближайшем заседании.

ЗАВ.КАНЦЕЛЯРИИ КАЛИНИГРАДСКОГО
ОБЛАСТНОГО СУДА

Документ

РСФСР

Министерство юстиции
Калининградский

ОБЛАСТНОЙ СУД

20 XII 1972 г.
№ 44-У-87

Калининград (обл.)
Коммунальная, 2

Гр-ну (им) АДВОКАТУ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ПРОКОНСУЛЬТАЦИИ т.Мове А.И.

г.Москва, ул. Баррикадная 8

Сообщаю, что по протесту председателя Калининградского
областного суда ~~Совевского~~ ^{Совевского}

районного (городского) народного суда _____
от 29 апреля 1972 г. в отношении Агеенко И.И.

Поставленным

Приказом Калининградского областного суда от 15 декабря 1972 г.
отменен и дано направлено в тот же суд для рассмотрения
в новом составе судей со стадии предварительного следствия
через прокурора области.

Зав. канцелярии Калининградского
областного суда

Вкл. 1972

...

В феврале 1973 года, в процессе дополнительного расследования,
уголовное дело в отношении Ивана Агеенко было производством пре-
кращено за отсутствием в его действиях состава уголовного преступ-
ления.

Дело Литвинова К. И. Покушение на убийство или тяжкое телесное повреждение?

Собственно, это был главный вопрос, который надлежало решить в этом деле, по которому обратились ко мне с просьбой о ведении защиты в порядке надзора. Одновременно с копией приговора мать осужденного передала мне многочисленные ответы на свои жалобы, которые она постоянно направляла в различные инстанции — от Верховного суда, Верховного Совета, ЦК КП Азербайджана до Прокуратуры СССР.

Но все было безуспешно.

Судебный приговор настолько лаконичен, что есть, видимо, смысл привести его полностью.

**Документ
Копия**

Дело № 1-569/85 г.

Приговор

**Именем Азербайджанской Советской социалистической
Республики**

Нарсуд Насиминского района в составе

председательствующего	Кузьминой Н. К. и
народных заседателей	Терегулова В. А., Алескеровой И.
с участием прокурора	Азаева А. А.
адвокатов	Гасанова Х., Меликова А.,
общественного защитника	Гюльназарова Г. А.

**25 сентября 1985 г. в г. Баку рассмотрев в открытом
судебном заседании дело по обвинению**

**Литвинова Константина Ивановича, 30 марта
1950 г. рождения, уроженца г. Баку, гражданина
СССР, беспартийного, со средним образовани-
ем, семейного, имеет двух несовершеннолетних
детей, ранее не судимого, работающего столя-
ром мебельной фабрики № 1, проживающего по
адресу: г. Баку, Тбилисский проспект, 60, кв. 20.**

в преступлении, предусмотренном ст. ст. 15, 95, 106 ч. II УК Азерб. ССР,

Установил:

Подсудимый Литвинов К. И. 16 мая 1985 г., примерно в 10 ч. 30 мин., будучи в нетрезвом состоянии, на ул. Таги-заде в 5 микрорайоне г. Баку покушался на умышленное убийство Мкртычян В. А. и причинил легкие телесные повреждения без кратковременного расстройства здоровья Мкртычян А. М. при следующих обстоятельствах:

Подсудимый Литвинов К., будучи в нетрезвом состоянии в помещении пивного зала при гастрономе № 89, расположенного в г. Баку ул. Таги-заде поссорился из-за места в зале с потерпевшими.

Желая отомстить обидчикам, подсудимый Литвинов, переодевшись у себя дома, взял с собой нож и вышел вновь из дома. Увидев идущих потерпевших, подсудимый затеял с ними драку, в ходе которой умышленно причинил Мкртычану А. М. шесть кровоподтеков в области верхней трети левого и средней трети правого плеча нижней трети левого предплечья и на правой боковой поверхности грудной клетки по степени тяжести относящихся к легким телесным повреждениям, не вызвавшим кратковременного расстройства здоровья, а Мкртычяну В. А., имевшимся у него ножом, — проникающую колото-резанную рану грудной клетки справа с ранением сердца, правого легкого и межреберной артерии с полной перерезкой 7 ребра справа, сопровождающуюся шоком, опасную для жизни в момент причинения.

Подсудимый Литвинов К. И. виновным себя в предъявленном ему обвинении признал и показал, что 16 мая 1985 г. в пивном зале магазина № 89 по ул. Таги-заде, будучи в нетрезвом состоянии, он поссорился с потерпевшим, а затем на улице подрался с ним и даже не знает, как ударил имевшимся у него сапожным ножом Мкртычяна В. А., которого убивать не хотел.

Вина подсудимого Литвинова К. И. в инкриминируемых ему преступлениях, кроме его личных признательных показаний, подтверждена в судебном заседании, показаниями потерпевших, свидетелей, заключением судебно-медицинской экспертизы и другими материалами дела.

Так допрошенный в судебном заседании потерпевший Мкртычян В. А. показал, что 16 мая 1985 г., примерно в 20 ч.

30 м., он был вместе с отцом Мкртычян на ул. Таги-заде, где между ним и подсудимым произошел спор из-за места в зале, после чего подсудимый Литвинов ушел, а затем спустя 15-30 м. из пивной вышли и они. По дороге их догнал подсудимый и затеял драку, набросился на них с кулаками, а затем ударил его ножом в область сердца, после чего они все разбежались в разные стороны, а затем он попросил помощи у своего соседа Фарманова Б. А., который отвез его в больницу, где ему своевременно сделали операцию, чем спасли его жизнь.

Потерпевший Мкртычян А. М. и свидетель Фарманов Б. А., подтвердили обстоятельства дела, изложенные потерпевшим Мкртычян В. А.

Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы за № 1172 от 23.05.85 г., потерпевшему Мкртычяну В. А. причинены повреждения; телесные повреждения, полученные Мкртычяном А. М. по степени тяжести относятся к легким, не вызвавшим кратковременного расстройства здоровья (л. д. 31-32).

При таком положении суд считает, что вина подсудимого Литвинова К. И. в умышленном причинении легких телесных повреждений Мкртычяну А. М. и в покушении на умышленное убийство Мкртычяна В. А. полностью доказана и его действия правильно квалифицированы по ст. ст. 106 ч. 2 и 15, 95 УК Азерб. ССР.

При определении меры наказания подсудимому Литвинову К. И. суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенных им преступлений, его личность и обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность.

В силу изложенного и руководствуясь ст. ст. 319, 323-325 УПК Азерб. ССР, суд

Приговорил:

Литвинова Константина Ивановича признать виновным по ст. ст. 106 ч. 2 и 15, 95 УК Азерб. ССР.

По ст. 106 ч. 2 УК Азерб. ССР назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком на шесть месяцев.

По ст. 15, 95 УК Азерб. ССР назначить Литвинову К. И. наказание в виде лишения свободы сроком на десять лет.

На основании ст. 38 УК Азерб. ССР путем поглащения менее строгого наказания более строгим, окончательно

определить Литвинову К. И. наказание в виде лишения свободы на десять лет.

Местом отбытия наказания определить Литвинову К. И. исправительно-трудовую колонию усиленного режима.

Меру пресечения в отношении Литвинова К. И. оставить прежнюю — содержание под стражей. Срок отбытия наказания исчислять с 12 августа 1985 года.

Взыскать с Литвинова Константина Ивановича в доход государства 272 руб., т. е. расходы, связанные с лишением Мкртычяна В. А. из расчета 8 руб. за каждый день нахождения на стационарном лечении с 16 мая 1985 г. по 19 июня 1985 г.

Приговор может быть обжалован и опротестован в УСК Бакгорсуда в течение 7 дней через народный суд Насиминского района г. Баку.

Председательствующий:
Нарзаседатели:

Копия верна:

...

(А. Мове)

На свои многочисленные жалобы мать осужденного получала такие же многочисленные отказы, которые, как это уже понятно, моей задачи не облегчали.

Документ

ССРИ ПРОКУРОРЛУГУ

Азербайжан Совет Социалист Республикаси

ПРОКУРОРЛУГУ

ше'боси

371901, Баку ш. J. Саратову кучеси, № 7.

ПРОКУРАТУРА СССР

ПРОКУРАТУРА

Азербайджанской Советской Социалистической Республики

Отдел

370801, Баку, улица E. Саратовца, № 7.

Б.03.870-12/8209

На № _____ от _____

Гр. Литвиновой Л.К.
г. Баку, пр. Нариманова, 520 кв-л,
дом 21, кв. 4

Ваша жалоба, поступившая из ЦК КПСС о необоснованном осуждении сына Литвинова К.И., рассмотрена.

Изучением материалов уголовного дела установлено, что вина его доказана, он осужден обоснованно. Оснований к опротестованию судебных решений по делу нами не найдено.

Прокурор отдела: *Р. Агаева* Р. Агаева

БАКЫ ШӘФӘР
МӘХКӘМӘСИ

Шәһәр мәhkәмәси, Нәфисҗанлар праспекти, № 57.
Телефон № 12-21-50.

БАКИНСКИЙ
ГОРОДСКОЙ СУД

г. Баку, проспект Нефтяников, № 57.
Телефон № 12-21-50.

№ 0-119

№ 10 - 1987 г. л. 1.

Литвиновой Л. К.

г. Баку, пр. Нариманова,
520 квартал, дом. 21, бл. 4, кв. 4

Ваша жалоба, поступившая из Верховного суда Азерб. ССР на приговор народного суда Насиминского района г. Баку от 25 сентября 1985 г., которым Ваш сын — Литвинов Константин Иванович, осужден по ст. ст. 15, 95 и 106 ч. 2 УК Азерб. ССР, рассмотрена.

Установлено, что Литвинов К. И. был признан виновным и осужден за то, что 16 мая 1985 г., будучи в нетрезвом состоянии, причинил легкие телесные повреждения Мкртычяну А. М. без кратковременного расстройства его здоровья, а также покушался на умышленное убийство Мкртычяна В. А..

Вина Литвинова К. И. в совершении инкриминируемых ему преступлений подтверждается исследованными судом должным образом доказательствами: показаниями самого Литвинова К., в которых он признал себя виновным в том, что 16 мая 1985 г. в пивном зале магазина по ул. Таги-заде, будучи в нетрезвом состоянии, поссорился с Мкртычянами, а затем на улице подрался с ними и ударил имевшимся у него сапожным ножом Мкртычяна В. А., которого убивать не хотел, показаниями потерпевших Мкртычяна В. А., Мкртычяна А. М., свидетеля Фарманова Б. А., заключениями судебно-медицинской экспертизы и другими материалами дела.

Суд дал добытым доказательствам надлежащую юридическую оценку и пришел к обоснованному выводу о наличии в действиях Литвинова состава преступлений, предусмотренных ст. ст. 15, 95 и 106 ч. 2 УК Азерб. ССР.

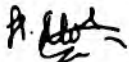
При определении Литвинову К. вида и размера наказания судом учтены требования ст. 35 УК Азерб. ССР "Об общих началах назначения наказания".

В силу изложенного, обжалуемый Вами приговор считаю законным и обоснованным, оснований к его опротестованию не нахожу.

Председатель Бакинского
городского суда

Мустафаев Н. А.

Копия верна:

 (А. Мове)

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР

Верховный суд

370601-ГСП. Баку, улица Самеде Варгуна, 30.

Телефон № 93-73-83

16 марта 1987 г.

Литвиновой Лидии Константиновне,
прож. г. Баку, пр-кт. Нариманова
квар. 520, д. 21, бл. 4, кв. 4

Ваша жалоба, поступившая из Верховного суда СССР проверена.

Установлено, что Ваш сын Литвинов К. И. народным судом Насиминского района 25.09.85 г. осужден по ст. ст. 106 ч. 2, ст. 15, 95 УК Азерб. ССР к 10 годам лишения свободы. Он признан виновным в покушении на убийство Мкртычяна Г., нанесении легких телесных повреждений Мкртычяну А.

В жалобе Вы указываете, что сын не имел умысла на убийство, применение ножа было с целью самообороны.

Ваши доводы необоснованы и опровергаются показаниями потерпевших, признанием Вашего сына, заключением суд. мед. экспертизы и другими материалами дела.

Из приговора суда усматривается, что Литвинов К. после ссоры с Мкртычяном ушел домой, переоделся и с целью отомстить взял нож, и, вновь встретив Мкртычяна, затеял с ним драку, в процессе которой нанес ножевые ранения в жизненно-важные органы Мкртычяна Г. — сердце, грудь.

При таких обстоятельствах действия Вашего сына по указанным выше статьям квалифицированы правильно. Мера наказания ему определена с учетом конкретных обстоятельств, тяжести совершенного преступления.

Осуждение его признано правильным. Оснований для пересмотра судебных решений по делу не имеется.

В силу изложенного Ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

Приложение: на 9 л.

Зам. Председателя
Верховного суда
Азербайджанской ССР

Зейналов А. А.

Копия верна:

(А. Мове)

ПРОКУРАТУРА СОВЕТА ССР

10074, г.С.М., Б-4, Промышлен, 18-а

07.87 № 12-2610-86

370000, гор. Баку, проспект им.На-
риманова, квартал 520, блок №,
кв.№4
Литвиновой Л. К.

Жалоба по делу Литвинова К.И., поданная на личном приеме, рассмотрена.

Вина Литвинова в покушении на умышленное убийство Икртича В.А. доказана показаниями потерпевших Икртича В.А. и Икртича А.М., свидетелей Паршина А., Литвиновой И., частично собственным рассказом Литвинова об обстоятельствах происшедшего, заключенным судебно-медицинской экспертизой, другими данными, проверенными судом.

Довод о том, что Литвинов находился в состоянии необходимой обороны, подтвержденный материалами дела не находят.

Приговор суда признан законным и обоснованным, нарушенный закон, влекущий его отмену, не установлено.

Приложение: на 6 листах

Заместитель начальника управления по
инспектору за рассмотрением уголовных
дел в судах
государственный советник юстиции
3 класса

Е.Н.Моргачев

АЗЕРБАЙДЖАН ССР АЛИ СОВЕТИНИН РЭЈАСӘТ НҖҖ'ӘТИ
ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАҒЫШЛАМА МӘСҖЛҖЛӘРН
ШӘВҖӘСИ

ОТДЕЛ
ПО ВОПРОСАМ ПОМИЛОВАНИЯ

370002, Баку, Нариманов проспект, 1	Тел. 33-87-78	370102, Баку, проспект Нариманова, 1
-------------------------------------	---------------	--------------------------------------

№ 08/9-3063

31 июля 19 87 г.л/л.

Гр.Литвинова Л.К.

В дополнение к ходатайству о помиловании ЛИТВИНОВА,
прошу сообщить полностью имя, отчество осужденного, а также
адрес места отбывания наказания в Президиум Верховного Совета
Азербайджанской ССР.

Заведующий Отделом

Г.Кушев

Вскоре из Президиума Верховного совета Азерб. ССР поступило сообщение об отклонении ходатайства о помиловании. А из надзорных инстанций по-прежнему следовали отрицательные ответы.

Документ

АЗЕРБАЙДЖАН ССР

Али мейкэме

370001-ГСП. Баку, Совет Вуругу етими №.
Телефон № 88-73-82.

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР

Верховный суд

370001-ГСП. Баку, улица Саиды Вургула, №.
Телефон № 88-73-82.

Число верстки документа №-регистрационный лист.

Пре отчете отсылать, на лист №

№ 6-41

" 11 " ноября 1967 г.

На № _____ от _____

Итванов А.К.

г.Баку, пр.Нардманова, 5Ж квартал,
д.41, бл.4, кв.4

Ваша жалоба, поступившая в Верховный суд Азерб.ССР, рассмотрена.

Установлено, что Ваш сын Итванов К.И. приговором народного суда Насиминского района от 29.09.66г. признан виновным по ст.ст.106 ч.2, 15, 86 УК Азерб.ССР и осужден к 10 годам лишения свободы.

В жалобе Вы просите снять назначенное Итванову К.И. наказание, ссылаясь на то, что Ваш сын осознал свою вину.

Как усматривается из решения суда, судом при назначении наказания осужденному были учтены обстоятельства отягчающие и смягчающие его ответственность.

Квалификация деяствия Итванова К.И. по вышеуказанным статьям признана правильной, назначенная назначенная ему соразмерная осуждению им.

Оснований для опротестования состоявшегося судебного решения не имеется, в связи с чем Ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

Первый Зам. Председателя
Верховного суда Азерб.ССР

 Зейналов А.А.

Приняв дело в таком тяжелейшем состоянии, когда почти все инстанции уже были пройдены, составив жалобу, я решил обратиться сразу в Прокуратуру СССР.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СОЮЗА СССР

Адвоката Мове А. Л.
Москва, ул. Баррикадная, д. 8

По делу

Литвинова Константина Ивановича,
осужд. приговором народного
суда Насиминского р-на г. Баку
по ст. 106 ч. II и 15-95 УК Азерб.
ССР на 10 лет лишения свободы.

В кассационном порядке пригово-
р обжалован не был.

Жалоба в порядке надзора

Приговор суда, которым *столяр* мебельной фабрики № 1 г. Баку Литвинов К. И. признан виновным по ст. 15-95 УК Азерб. ССР и осужден к лишению свободы на длительный срок, представляется *явно* неправильным и подлежащим изменению.

Общеизвестно, что покушение на убийство может быть совершено только с *прямым* умыслом (см. п. 5 руководящего постановления Пленума Верховного Суда СССР № 4 от 27.06.75 г. "О судебной практике по делам об умышленном убийстве").

Между тем:

1. Допрошенный на следствии и в суде обвиняемый Литвинов свою вину в покушении на убийство не признавал и объяснял, что убивать Мкртычяна В. А. *не хотел*.

"Меня стали избивать трое. Я стал махать ножом перед собой и кричать, чтобы они не подходили, — пояснил Литвинов 11.08.85 г."

"Парень, с которым я поспорил пошел на меня и я наотмашь ударил его ножом в бок с *правой* стороны на уровне грудной клетки" (л. д. 50).

На вопрос следователя о том, какую цель он преследовал, нанеся удар ножом, Литвинов на допросе 12 августа 1985 года ответил:

“Цель самообороны. Убивать пьяного не хотел”
(л. д. 58-об.).

Об этом же говорил Литвинов на допросе 14 августа 1985 г.:

“Лишать его жизни я желания не имел”. (л. д. 66)

К этому же сводились показания Литвинова и на допросе 28 августа 1985 г. (л. д. 91), и в судебном заседании (л. д. 144).

2. Ничего не говорил об угрозе убийством и потерпевший Мкртычян В. А. (см. показания — л. д. 4, 19-21, 60 и протокол суд. засед. — л. д. 144-145).

3. Не говорил об угрозе убийством и другой потерпевший — Мкртычян А. М. (см. его показания — л. д. 6, 7-8, 16-18, 61 и протокол суд. заседания — л. д. 146).

4. Через три месяца после случившегося, 22 августа 1985 г., в протоколах допросов потерпевших (протоколы оформлены следователем Азимовым) появилась ссылка на то, что якобы во время драки Литвинов угрожал Мкртычяну В. А. убийством (л. д. 77, 80), в связи с этим обвинение Литвинову было препредъявлено, и вместо ст. 102 ч. 1 УК (л. д. 65) было предъявлено обвинение по ст. 15-95 УК Азерб. ССР (л. д. 87, 90).

В особых комментариях все это не нуждается, поскольку вышеуказанные “показания” потерпевших появились в деле через три месяца после случившегося и, судя по всему, не без помощи следователя.

Ни на одном из других допросов в процессе следствия, на очных ставках с Литвиновым (л. д. 60, 61), в судебном заседании (л. д. 144-145, 146) ничего подобного потерпевшие не говорили.

Отсутствует ссылка на угрозу убийством и в судебном приговоре.

Нельзя не обратить внимание и на то, что в своих первоначальных показаниях отец Мкртычяна В. — Мкртычян А. М. вообще скрывал свое присутствие на месте происшествия и участие в драке (л. д. 6, 8-об.).

5. Из имеющегося в деле заключения суд, мед. эксперта усматривается, что удар ножом был нанесен не в сердце, а в правую часть грудной клетки. Каким образом колото-резанная рана размеров 3 x 1,5 см в области "7 межреберья справа по сосковой линии ближе к реберной дуге" привела к ранению сердца — понять из заключения эксперта невозможно (л. д. 26).

6. Вывод суда о квалификации действий Литвинова ст. 15-95 УК совершенно *не мотивирован* (нарушение требований ст. 334 УПК Азерб. ССР и п. 6 руководящего Постановления Пленума Верховного суда СССР № 4 от 30 июня 1969 г. "О судебном приговоре").

Против предъявленного ему обвинения по ст. 15-95 УК, Литвинов, как указывалось, категорически возражал, в связи с чем до слушания дела в суде направил жалобу Генеральному прокурору СССР (л. д. 164).

В дальнейшем однако, по причинам, изложенным им в прилагаемом письме, от подачи кассационной жалобы Литвинов отказался.

Литвинов К. И. 1950 г. рождения. Выходец из простой рабочей семьи. По окончании средней школы постоянно занимался общественно-полезным трудом. С 1977 г. по день ареста работал в качестве столяра на мебельной фабрике № 1 г. Баку. По работе зарекомендовал себя, как исключительно добросовестный, честный, исполнительный труженик. "Являлся членом цехового комитета. Ударник X и XI пятилеток, член совета бригады столяров-станочников. Производственный план выполнял на 115% (см. характеристику и протокол общего собрания коллектива цеха — л. д. 64, 134).

Отец Литвинова — Литвинов И. Г. являлся заслуженным участником Великой Отечественной войны. Дед — Гурьев К. И. — б. красный партизан (справки прилагаются). Мать — Литвинова Л. К. — тяжело больна (гипертоническая болезнь III ст., постинфарктный кардиосклероз, 23 ноября 1987 г. перенесла острый *инфаркт миокарда* — см. прилагаемую справку).

В прошлом Литвинов *не судим*.

На иждивении осужденного находятся двое несовершеннолетних детей (см. справку, л. д. 72).

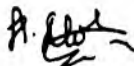
По изложенным соображениям прошу Вас *истребовать* настоящее дело и внести *протест* на предмет переквалификации действий Литвинова со ст. 15-95 на ст. 102 ч. 1 УК Азерб. ССР с определением ему наказания в пределах фактически отбытого и освобождением его из-под стражи.

Приложение:

1. Копия приговора суда на 1 л.
2. Справка Центрального Госархива от 13.09.85 г. № Л-5.
3. Справка Центрального архива Министерства обороны СССР от 6.06.84 г. № 4/100912.
4. Справка Центральной клинической больницы от 12.04.88 г.
5. Препроводительное письмо администрации Учреждения УА 38/6 от 06.04.88 г. и письмо осужденного Литвинова от 29.03.88 г. на 2 л. 6. Ордер юрконсультации.

Справка: Литвинов К. И. отбывает наказание по адресу: 370029, г. Баку, Азерб. ССР, Учреждение п/я УА 38/6

Адвокат

А. Л. Мове

"18" июня 1988 г.

Обратившись с жалобой где-то в июне-июле 1988 г., я достаточно скоро получил на нее отрицательный ответ.

Как бывший работник системы кадров А. С. Побежимов, со свойственной ему безапелляционностью, отвечал твердо, уверенно, без малейших колебаний...

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

103703, ГСП, Москва, К-9, Пушкинская, 15-а

19.07.88 № 12/2616-86

123242, г. Москва,
ул. Баррикадная,
д. 8вЮридическая консультация
адвокату т. Мове А.Л.

Ваша жалоба по делу Литвинова К.И. рассмотрена. За покушение на убийство Мкртчана В.А. Литвинов осужден обоснованно. Его вина доказана показаниями потерпевшего, свидетелей Паранкина, Мкртчана А.М., Пурдари, заключением судебно-медицинской экспертизы и другими данными.

Доводы о неправильности квалификации действий осужденного являются необоснованными.

Установлено, что Литвинов, находясь в нетрезвом состоянии, учинил соприкосновение с потерпевшим, а затем, взяв дома нож, нанес колющее ранение Мкртчану В.А.

Литвинов, как показал Мкртчан В., угрожал ему убийством. Ранения Мкртчану нанесены в жизненно важные органы.

Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы причинены проникающая колото-резаная рана грудной клетки справа с ранением сердца, правого легкого, межреберной артерии с полной перерезкой 7 ребра справа. Повреждения относятся к тяжким телесным, опасным для жизни в момент причинения.

При таких обстоятельствах квалификация действий Литвинова как покушение на убийство является правильной.

Наказание назначено в соответствии с законом.

Для опротестования приговора Насыминского районного народного суда г. Баку от 25 сентября 1985 г. по делу Литвинова К.И. оснований не имеется.

Приложение: на 6 л.

Заместитель Генерального
прокурора СССР
Государственный советник
Юстиции I класса

А.С. Побежимов

Этот ответ т. Побежимова, как явно необоснованный, я, естественно, просто вынужден был обжаловать Генеральному прокурору.

Генеральному прокурору СССР

Адвоката А. Л. Мове
(Мособлюрконсультация)

По делу

Литвинова Константина Ивановича,
осужд. по ст. 106 ч. II п., 15-95
УК Азерб. ССР нарсудом Наси-
минского р-на г. Баку 25/IX-85 г.

Жалоба

На жалобу, поданную в Прокуратуру СССР, мною получен отрицательный ответ за подписью Зам. Генерального прокурора СССР т. А. С. Побежимова со ссылкой на то, что действия Литвинова правильно квалифицированы ст. 15-95 УК Азерб. ССР, поскольку "Литвинов, как показал Мкртычян В., угрожал ему убийством" и так как Литвинов причинил Мкртычяну *тяжкие телесные повреждения* (Ваш № 12/2616-86 от 15/VII-88 г.).

Между тем:

1. В приговоре вывод суда о квалификации действий Литвинова ст. 15-95 УК абсолютно *не мотивирован*. Только по одному этому приговор, как вынесенный с серьезным нарушением требований ст. 334 УК Азерб. ССР и п. 6 руководящего Постановления Пленума Верховного суда СССР № 4 от 30/VI-69 г. "О судебном приговоре", *не может быть оставлен в силе*.

2. Отсутствует в приговоре и ссылка на то, что Литвинов якобы "угрожал Мкртычяну убийством" (см. Приговор).

В судебном заседании ни Мкртычян В., ни Мкртычян А. М. (отец) ничего об этом *не говорили* (см. Протокол суд. заседания). Детальный анализ их показаний на следствии приведен в основной жалобе (п. 4 стр. 2-3) и никак не оспаривается в полученном ответе.

3. Потерпевшему, Мкртычяну В., действительно были причинены *тяжкие телесные повреждения*, однако само по себе это не может свидетельствовать о наличии *прямого умысла* на убийство, который необходим для квалификации

действий Литвинова К. И. ст. 15-95 УК Азерб. ССР (покушение на убийство).

Тем более что удар ножом был нанесен не в сердце, а в правую часть грудной клетки (см. Заключение суд. мед. эксперта).

Более подробно мотивы необоснованности судебного приговора освещены в жалобе, находящейся в Прокуратуре СССР.

По изложенным соображениям прошу принятое решение *пересмотреть*.

Адвокат

А. Л. Мове

Через некоторое время я получил следующие ответы.

Документ

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
18117, г.С.-П., И-9, Пушкинская, 13-а
ИЗ. 88 № 12/2616-86

123242, Москва, ул. Баррикадная, д. 8в.
Юридическая консультация
Адвокату Мове А.Л.

Разрешение жалобы по делу Литвинова К.И., поданной на личном приеме, задерживается в связи с рассмотрением руководством прокуратуры Азербайджанской ССР по поручению, направленному Прокуратурой Союза ССР, вопроса о принесении протеста на постановленный приговор.

О результатах сообщим дополнительно.

Прокурор управления по надзору
за рассмотрением уголовных дел
в судах

С.П.Храпов

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

103770, ГСП, Москва, К-9, Промышленка, 15-а

№ 12.88

12/2616-86

123242, Москва, ул. Баррикадная, д. 8в.

Юридическая консультация.

Адвокату Мове А.Л.

По делу Литвинова К.И. прокуратурой Азербайджанской ССР принесен протест в Президиум Бакинского городского суда, где Вы можете узнать о результатах.

Прокурор управления по надзору
за рассмотрением уголовных дел
в судах

С.П. Храпов

А уже в самом начале нового, 1989 г., я получил копию Постановления Президиума Бакинского Горсуда от 30/ХІІ-88 г.

Документ

Дело № Пр. 4-259/88

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиума Бакинского городского суда

гор. Баку

30 декабря 1988 г.

Президиум Бакинского городского суда
в составе председательствующего Керимова И. Г.
и членов

Абдурахманова А. Р.,
Кобыленковой А. И.,
Петросян Е., Гасанова И. М.

с участием (и. о.)
прокурора г. Баку
по докладу

Алиева А. А.
Сеидова М. М.

рассмотрев в порядке судебного надзора в заседании
протест зам. прокурора Азерб. ССР

Установил:

Литвинов Константин Иванович, 1950 года рождения, уроженец г. Баку, беспартийный, со средним образованием, семейный, на иждивении 2

несовершеннолетних детей, ранее не судимый, работающий столяром мебельной фабрики № 1 г. Баку, прож. г. Баку, Тбилисский пр., д. 60, кв. 20.

осужден приговором нарсуда Насиминского р-на г. Баку от 25 сентября 1985 г. по ст. ст. 106 ч. 2 и 15-95 УК Азерб. ССР, по совокупности наказания осужден по ст. 38 УК Азерб. ССР к 10 годам лишения свободы.

Приговор в кассационном порядке не обжалован.

Приговором суда Литвинов К. И. признан виновным в том, что он 16 мая 1985 г., примерно в 20 час. 30 мин., будучи в нетрезвом состоянии на ул. Таги-заде в 5 микрорайоне г. Баку, покушался на умышленное убийство Мкртычяна В. А. и причинил легкие телесные повреждения, без кратковременного расстройств здоровья, Мкртычяну А. М. при следующих обстоятельствах:

Литвинов К. И., будучи в нетрезвом состоянии, в помещении пивного зала при гастрономе № 89, расположенного в г. Баку по ул. Таги-заде поссорился из-за места в зале с потерпевшим. Желая отомстить обидчикам, Литвинов К. И., переодевшись дома, взял с собой нож и вышел вновь из дома. Увидев идущих потерпевших, Литвинов затеял с ними драку, в ходе которой умышленно причинил Мкртычяну А. М., 6 кровоподтеков в области верхней трети левого и средней трети правого плеча, нижней трети левого предплечья и на правой боковой поверхности грудной клетки, по степени тяжести относящихся к легким телесным повреждениям, не вызвавшим кратковременного расстройства здоровья, а Мкртычяну В. А. имевшимся у него ножом — проникающую колото-резаную рану грудной клетки справа с ранением сердца, правого легкого и межреберной артерии с полной перерезкой 7 ребра справа, сопровождающуюся шоком, опасную для жизни в момент причинения.

В протесте оспаривается вина Литвинова в совершенном им преступлении, отмечается, что действия его по ст. ст. 15-95 УК Азерб. ССР квалифицированы неправильно, поэтому просят приговор в отношении Литвинова изменить, действие его со ст. ст. 15-95 УК переqualифицировать на ст. 102 ч. 1 УК Азерб. ССР и назначенное ему наказание снизить до 8 лет лишения свободы.

Протест мотивирован тем, что по делу не установлено, что умысел Литвинова был направлен на умышленное убийство Мкртычяна, что в этой части судом не дана соответствующая оценка собранным по делу доказательствам, в связи с чем по ст. ст. 15-95 УК он осужден необоснованно.

Рассмотрев материалы дела, заслушав докладчика, выступления прокурора, поддержавшего протест, Президиум

находит, что протест является обоснованным, подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Так, во всех своих показаниях, как на предварительном следствии, так и на суде, Литвинов К. И., не отрицая нанесение им побоев в обоюдной драке, а также нанесение им ножевого ранения Мкртычану В. А., утверждал, что не хотел убивать Мкртычяна, был сильно пьян, сам не знает, как получилось, что он ударил Мкртычян В. А. ножом.

В судебном заседании ни Мкртычян В. А., ни Мкртычян А. М. не говорили о том, что Литвинов К. И. угрожал им убийством, не следует это и из анализа показаний Мкртычян В. А. и Мкртычян А. М. на предварительном следствии.

Материалами дела установлено, что действительно Мкртычану В. А. причинены тяжкие телесные повреждения, однако само по себе это не может свидетельствовать о наличии *прямого* умысла на убийство, который необходим для квалификации действий Литвинова К. И. по ст. 15-95 УК Азерб. ССР. Тем более что удар ножом был нанесен не в сердце, а в правую часть грудной клетки.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 30 июля 1969 г. № 4 "О судебном приговоре" для вынесения приговора необходимо всестороннее, полное и объективное расследование обстоятельства дела, суд должен основывать свой приговор на тех доказательствах, которые были рассмотрены и непосредственно исследованы в судебном заседании.

В приговоре вывод суда о квалификации действий Литвинова К. И. по ст. ст. 15-95 УК Азерб. ССР абсолютно не мотивирован. Только по одному этому приговор, как вынесенный с серьезным нарушением требований ст. 334 УПК Азерб. ССР и п. 6 вышеуказанного постановления Пленума Верховного суда СССР, не может быть оставлен в силе.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 27 июня 1975 г. № 4 "О судебной практике" по делам об умышленном убийстве "Неправильное ... установление субъективной стороны преступления, в частности, умысла виновного, мотивов и целей убийства, приводит к тому, что суды не отграничивают умышленное убийство от причинения тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего, от других составов преступления — причинения телесных повреждений и др".

По данному уголовному делу нельзя признать установленным умысел Литвинова К. И. на умышленное убийство Мкртычяна В. А. Судом не учтена вся совокупность обстоятельств, в частности то, что нанесено ранение Мкртычану В. А. и имея к продолжению своих действий все условия,

Литвинов никаких действий далее не предпринимал, добровольно удалился с места происшествия.

Поэтому приговор суда подлежит изменению, с переквалификацией действий Литвинова со ст. ст. 15-95 на ст. 102 ч. 1 УК Азерб. ССР, с назначением ему по этой статье наказания в виде 8 (восьми) лет лишения свободы.

В силу изложенного, руководствуясь ст. ст. 409-411 УПК Азерб. ССР, президиум Бакгорсуда

постановил:

Протест удовлетворить.

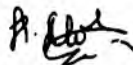
Приговор народного суда Насиминского района г. Баку от 25 сентября 1985 г. в отношении Литвинова Константина Ивановича изменить, переквалифицировать его действия со ст. 15-95 УК Азерб. ССР на ст. 102 ч. 1 УК Азерб. ССР и назначить ему наказание в виде 8 лет лишения свободы. На основании ст. 38 УК Азерб. ССР, путем поглощения менее строгого наказания более строгим, окончательно определить Литвинову К. И. 8 лет лишения свободы с отбыванием наказания в ИТК усиленного режима. В остальной части приговор оставить без изменения.

Председательствующий

Нарсудья:

Секретарь:

Копия верна:

(А. Мове)

Казалось бы, пустяк — два года. Но не надо забывать, что это целых два года лишения свободы в условиях лагеря усиленного режима. К тому же по статье 95 УК Аз.ССР применяется более льготный режим условно-досрочного освобождения от наказания, нежели по статье 102 УК (убийство).

Так что фактически все это, с учетом того, что Литвинов уже 4 год находился под стражей и 2/3 отбытого наказания были не так уж далеки — означало для осужденного большое смягчение приговора, о чем и он, и его мать не один раз писали в своих благодарственных письмах адвокату.

Дело Гвасалия Гиви Силовановича. Мсть за разоблачение

За злоупотребление служебным положением, повлекшим тяжкие последствия, по ст. 186 ч. II УК, Верховным судом ГССР Гвасалия был осужден казалось бы очень нестрого — штраф в размере 300 руб..

Но если учесть, что сама по себе судимость по этой статье УК влекла не только исключение из членов КПСС (что по тем временам закрывало ему дорогу на любую руководящую должность), что судимость эта автоматически включала увольнение его с занимаемой высокой должности и дискредитировала его, как бухгалтера-ревизора, станет понятным, как важна была для Гвасалия Г. С. реабилитация.

Собственно, эта цель и преследовалась при составлении жалобы в адрес Председателя Верховного суда Грузинской ССР, с которой я был на личном приеме у Заместителя Председателя Верховного суда ГССР Георгия Николаевича Колбая. Очень грамотный юрист, кандидат юридических наук, Г. Колбая к тому же отличался исключительной объективностью и справедливостью в разрешении дел.

Выслушан я был самым внимательным образом и вскоре на свою жалобу получил следующий ответ.

ВЕРХОВНЫЙ СУД СССР

заказ № г. Убалик, ул. Атарбешки № 22

25.10.89 г. № 2 М - 3028 - 85

[]

г. Москва 123247

ул. Баррикадная, д-8-в

Моссобщикоокультация

Адвокату Мовве А. Л.

Сообщаем, что на основании Вашей жалобы, нами в порядке надзора проверяется законность приговора Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Г. Гвасалия.

Об окончательных результатах проверки Вам будет сообщено дополнительно.

Заместитель Председателя

Верховного суда СССР

Г. Колбани

В дальнейшем по протесту Заместителя Председателя Верховного суда СССР Президиум Верховного суда СССР 27/III-89 г. внес в приговор изменение, и переквалифицировав действия Гвасалия на ч. I ст. 186 УК, определил ему наказание в виде отстранения от должности.

— Могло ли устроить подобное решение Гвасалия?

— Конечно, нет. Ведь оно практически ничего не меняло в его судьбе.

И поэтому последовала новая моя жалоба, на сей раз в Верховный суд СССР.

Из досье адвоката

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

Адвоката Мовве А. Л.

Москва, ул. Баррикадная, д. 8

Московская областная юрконсультация

По делу

Гвасалия Гиви Силовановича, осужденного приговором коллегии Верховного Суда Грузинской ССР от 26 февраля 1985 г. по ст. 186 ч. II УК СССР к штрафу в сумме 300 рублей.

Постановлением Президиума Верховного Суда СССР от 27 марта 1989 г. действия Гвасалия переклассифицированы на ч. I ст. 186 УК с определением наказания в виде *отстранения от должности*.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

С самого начала считаю необходимым обратить внимание на следующее:

Хищение гос. имущества в особо крупных размерах, совершенное группой Вартанова Р. Б. — Гоциридзе Г. И., было вскрыто прежде всего благодаря усилиям Контрольно-ревизионного Управления Министерства местной промышленности СССР, возглавляемого Гвасалия Г. С.

Именно поэтому, из чувства *мести* к Гвасалия за вскрытие им преступления, Вартанов Р. Б., Гоциридзе Г. И. и некоторые другие участники хищения встали на путь *оговора* Гвасалия, заявив, что он, Гвасалия Г. С., злоупотребляя служебным положением, *совместно* с ревизором Хубаевым пытались скрыть выявленную при ревизии в Тетрицкаройском швейном цехе крупную недостачу и излишки товароматериальных ценностей.

В результате следственными органами Гвасалия был привлечен к уголовной ответственности за злоупотребление служебным положением, повлекшее особо тяжкие последствия, по ч. II ст. 188 УК СССР, и предан суду *совместно* с лицами, которых он *изобличил* в совершении тяжких преступлений (см. обвинительное заключение).

С явно надуманным и противоречащим элементарной логике обвинением Гвасалия суд не согласился и в своем приговоре записал (дословно):

“Защитник подсудимого Гвасалия представил суду копию протокола заседания координационной комиссии по укреплению дисциплины и профилактике правонарушений Министерства местной промышленности СССР от 30 августа 1984 г., которой подтверждено, что на указанном заседании Гвасалия Г. и Хубаевым В. был внесен вопрос о выявлении недостачи готовой продукции в крупных размерах в Тетрицкаройском пошивочном цехе и было принято решение о направлении работников Министерства в г. Алдани для выяснения этого вопроса”. (см. копию приговора в переводе на русский язык — л. 65)

И далее:

“Из представленной копии протокола подтверждается также, что на заседании присутствовали

и приняли участие в рассмотрении указанного вопроса ответственные руководящие работники Министерства. Кроме того, допрошенный в качестве свидетеля Меладзе Н. подтвердил, что на счет недостачи готовой продукции, выявленной в пошивочном цехе, он вместе с Гвасалия доложил и ввел в курс дела первого секретаря Тетрицкарройского р-на" (там же).

По указанным основаниям суд исключил из обвинения Гвасалия ссылку на то, что якобы он совместно с Зубаевым умышленно скрыл недостачу-излишки, выявленные в Тетрицкарройском пошивочном цехе и с этой целью не передал материалы в следственные органы (там же, л. 66).

Признав показания Роберта Варганова *оговором*, исключил суд из обвинения Гвасалия и ссылку на то, что якобы он требовал у Варганова, чтобы продукцию, изготовленную в Тамарисском пошивочном цехе, Варганов, в покрытие недостачи, завез в Тетрицкарройский пошивочный цех (там же, л. 66-67).

"Исходя из всего вышеизложенного, — значитса в судебном приговоре, — из обвинения, предъявленного Гвасалия и Хубаеву, коллегия не признает подтвержденным, что они якобы умышленно скрыли следы выявленных в Тетрицкарройском пошивочном цехе излишек-недостач и с этой целью умышленно не передали материалы Прокуратуре и следственным органам, умышленно не выяснили причину возникновения в Тетрицкарройском пошивочном цехе излишек 4174 кг кусков бумажных тканей по размерам и весу, требовали, чтобы Р. Варганов заготовленной в Тамарисси продукцией покрыл недостачу Тетрицкарройского пошивочного цеха, *незаконно опечатали* подсобные помещения Тамарисского пошивочного цеха, ввиду чего там продукцию не выпускали..." (копия приговора — л. 69).

— В чем же тогда суд усмотрел противоправность действий Гвасалия?

— На каком основании квалифицировал его действия, как преступную халатность, повлекшую особо тяжкие последствия?

Из приговора суда можно понять, что действия Гвасалия квалифицированы ч. II -ст. 186 УК ГССР в связи с тем, что он после обнаружения недостачи-излишков в пошивочном цехе Тетрицкарройского райпромкомбината, не обеспечив передачу материальных ценностей другому лицу, дал ука-

зание Хубаеву открыть пошивочный цех с целью реализации скопившейся там продукции, а потом оставили его неопечатанным, что повлекло за собой особо тяжкие последствия (там же, л. 70-71).

С таким выводом суда согласиться невозможно:

Из объяснений Гвасалия усматривается, что он действительно дал указание Хубаеву распломбировать пошивочный цех Тетрицкаройского РПК, поскольку там скопилось очень много продукции, нуждавшейся в реализации с целью выполнения плана РПК. Никакого нарушения в этом он не усматривает, поскольку обнаруженные в цехе излишки-недостача уже были соответствующим образом зафиксированы, составлена надлежаще оформленная, подписанная материальноответственными лицами сличительная ведомость (см. любые показания Гвасалия и копию приговора, л. 70).

Правомерность и целесообразность подобных действий Гвасалия представляется очевидной. Достаточно сказать, что тогда, когда во время затянувшейся ревизии по указанию Гвасалия был на длительное время опечатан Тамарисский цех Марнеульского РПК, это было поставлено в вину Гвасалия, за это он был привлечен к уголовной ответственности по ст. 188 УК ГССР, поскольку в течение этого периода цех не выпускал готовых изделий (см. обвинительное заключение — 14-б, 176, копию приговора — л. 69 и прилагаемые письма директора комбината т. Урушадзе Н. К.).

Но главное состоит, разумеется, не в этом, не в формальном соблюдении, или нарушении инструкции, а в том, что подобные действия Гвасалия не могли быть квалифицированы ч. II ст. 186 УК ГССР, поскольку никакого ущерба государству, никаких особо тяжких последствий в результате этих действий Гвасалия не наступило.

Установлено, что Вартанов и Гоциридзе действительно перевезли из Томарисси в Тетрицкаро товаро-материальные ценности на 121 тыс. руб. и из Тетрицкаро в Томарисси лоскуты х/б (мерные и весовые), но в результате этих перевозок никакого ущерба для государства не наступило и скрыть этим самым установленную ревизией недостачу и излишки они не могли, что и подтверждено обвинительным заключением и приговором.

После того как товаро-материальные ценности были описаны ревизорами на местах их первоначального хранения, при составлении окончательного акта ревизии Тетрицкаройского РПК и Тамарисского цеха все эти ценности были бы отнесены по назначению, что и было сделано в дальнейшем ревизорами и бухгалтерской экспертизой (см. обвинительное заключение и приговор).

Мало того.

Хотя по ряду объективных причин, которые отмечены в приговоре, ревизия КРУ действительно растянулась, однако, как это видно, в течение этого периода за деятельностью Вартанова был установлен строгий контроль, в результате чего ему не удалось:

а) Продолжить выпуск продукции с отклонением от стандартов и тем самым покрыть недостачу, образовавшуюся в результате ранее проданных текстильных материалов;

б) Распорядиться по своему усмотрению крепдешиновой тканью на 67 тыс. руб., похищенной во время бытности мастером Тетрицкаройского цеха и перевезенной в Тамарисси без документального оформления;

в) Кроме того, директор Тетрицкаройского РПК Меладзе (как это он показал в суде), посоветовавшись с Гвасалия, запретил Гоциридзе и Вартанову, давно уже не работавшему в Тетрицкаройской РПК, выпуск технических салфеток из шелковой ткани. Осуществлением этой преступной операции была бы скрыта недостача по заранее проданным шелковым тканям на 134 тыс. руб. и не были бы изъяты у преступников 58,3 тыс. руб.

Таким образом, в результате действий Гвасалия, не только не наступило никаких особо тяжких последствий, а, наоборот, была предотвращена дальнейшая преступная деятельность Вартанова и он вынужден был частично покрыть недостачу (67 тыс. руб.) ранее похищенными им материальными ценностями.

Представляется, что при таких обстоятельствах у суда не было решительно никаких оснований для квалификации действий Гвасалия не только часть II, но и частью I ст. 186 УК.

— * —

Гвасалия Г. С. 1930 г. рождения. По завершению учебы в средней школе учился в Ростовском финансово-экономическом институте, а затем — на заочном отделении экономического факультета Тбилисского госуниверситета, который окончил в 1957 г.

В течение 10 лет, с 1973 по 1982 г., работал управляющим Руставским отделением Госбанка, а с декабря 1982 г. — начальником ГРУ Министерства местной промышленности Грузинской ССР. С 1956 г. являлся членом КПСС (исключен в связи с настоящим делом).

По службе зарекомендовал себя исключительно положительно. Неоднократно избирался председателем ревизионной комиссии Руставской городской парторганизации, являлся депутатом и председателем планово-бюджетной комиссии Руставского горсовета.

В ноябре 1981 г. Гвасалия Г. С. было присвоено звание "Заслуженный экономист ГССР", "Отличник Госбанка СССР" с 1971 г.

В прошлом не судим.

По изложенным соображениям прошу Вас *истребовать* настоящее дело и внести *протест* на предмет *отмены* приговора суда и *прекращения* в отношении Гвасалия Г. С. в уголовном порядке дела производством в связи с *отсутствием* в его действиях *состава преступления*.

Приложение:

1. Копия приговора суда (в переводе на русский язык).
2. Письма директора комбината местной промышленности т. Урушадзе Н. К. (копия) на 3 л.
3. Копия Постановления Президиума Верховного Суда ГССР — на 8 л.
4. Ордер юрконсультации.

Адвокат

"23" ноября 1989 г.

 А. Л. Мове

На эту жалобу достаточно быстро поступил ответ.

Документ

ВЕРХОВНЫЙ СУД СССР

111280, г. Москва, ул. Верховного, 11

14.04.90 № 02Д-220-88

На № _____

123242, г. Москва,
ул. Баррикадная, д.8
Мособлюрконсультация

Адвокату тов. Мове А.Л.

На Ваше заявление сообщено, что постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 28 марта 1990 года приговор Судебной коллегии Верховного Суда Грузинской ССР от 26 февраля 1986 года и постановление Президиума Верховного Суда Грузинской ССР от 27 марта 1989 года в отношении Гвасалия Гиви Сикванашвильи отменены и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Справка о реабилитации гр. Гвасалия Г.С. выслана.

Зав. Секретариатом Пленума

А.Т.Мавалов

Только теперь можно было, наконец, свободно вздохнуть и со спокойной совестью сказать: работа завершена. Это ли не высшая награда для адвоката?

Явка с повинной. Кто же убийца?

Почти 25-ть лет прошло с той поры, а это дело до сих пор не дает мне покоя. Осталось горькое чувство неудовлетворенности, сознание того, что все же не смог (хотя и не по своей вине) доказать невиновность незаслуженно осужденного человека.

Судебный процесс продолжался несколько месяцев и завершился приговором, осуждающим Киселева Владимира Викторовича к 13-ти годам лишения свободы за убийство.

Этот приговор кассационная инстанция оставила без изменения, отклонив принесенную защитой кассационную жалобу.

Теперь оставалось уповать на надзорные инстанции, и потому, составив соответствующую жалобу, отправился я на прием в Прокуратуру СССР.

Документ

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

Адвоката МОВЕ А. Л.
г. Москва, ул. Баррикадная д. 8
Московская областная юридическая консультация

По делу

КИСЕЛЕВА Владимира Викторовича, осужд. приговором коллегии Мособлсуда от 28/III-77г. по ст. 146 ч. II п. "а", "б", "в" и ст. 102 п. "а" и "г" УК на 13-ть лет лишения свободы в колонии строгого режима.

Определением коллегии Верхсуда РСФСР от 12/VII-77 г. приговор оставлен без изменения.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Около часа ночи 8-го мая 1976 г. в отделение милиции г. Раменское явился 60-ти летний ЛЮКШИН Николай Дмит-

риевич и заявил, что несколько часов назад он, один, в своем доме убил человека. (т. 1 л. д. 21, т. 3 л. д. 67-68)

Это свое заявление Люкшин подтвердил на допросе в присутствии прокурора (т. 1 л. д. 22), на этом он настаивал на многочисленных допросах в процессе следствия, на протяжении 9-ти месяцев, вплоть до его окончания.

Причастность Люкшина к убийству не вызвала никакого сомнения, поскольку *руки у него были в крови*, на одежде и обуви имелось множество пятен крови. следы пальцев его рук были обнаружены на бутылке, которой избивали погибшего и пр. (см. Приговор , л. 6-7)

Естественно, возникли вопросы:

— *Если Люкшин был причастен к убийству, то почему он решил вдруг заявить об этом в милицию?*

— *Почему он заявил об этом не сразу, а спустя несколько часов?*

— *Где он был, что делал в течение этих 4-5 часов (ведь судя по приговору, убийство произошло в 19-20 часов)?*

К сожалению, на все эти вопросы и Обвинительное заключение, и Приговор либо вовсе не отвечают, либо дают ответы, согласиться с которыми очень трудно.

Между тем, в создавшейся ситуации естественным было предположить одно из двух;

Либо — Люкшин, совершив убийство один, решил добровольно заявить об этом в милицию, т. е., что это была самая настоящая явка с повинной.

Либо — Люкшин, совершив убийство не один, в группе лиц, решил взять всю вину на себя, спасая тем самым родных и очень близких ему людей.

Забегая вперед, скажем, что как одна, так и другая версия надлежащим образом в процессе следствия и в суде исследованы не были, хотя в материалах дела содержится немало данных, говорящих как об убийстве КОЛОБОВА одним Люкшиным, так и о возможной причастности к этому его близких родственников — дочери ПЧЕЛКИНОЙ Тамары, ее сожителя, ШУМОВА Владимира, дочери — БАЗВАНОВОЙ Татьяны и других (об этом см. ниже).

Отвергнув обе эти версии, следственные органы (а за ними и суд) сочли возможным избрать совершенно иную

версию, противоречащую здравому смыслу, не укладывающуюся ни в какие рамки логики и сводящуюся к тому, что Люкшин сделал заявление об убийстве и настаивал в течение 9-ти месяцев на том, что совершил убийство один, спасая КИСЕЛЕВА и ВОЛЬНОВУ — людей, которых он очень мало знал (а Киселева, по его объяснениям, он и вовсе не знал) и с которыми никогда не находился в близких, дружеских отношениях.

Искусственность и надуманность этой версии прослеживается особенно наглядно при анализе тех доказательств, которые положил суд в основу обвинения Киселева.

1. О ПОКАЗАНИЯХ ЛЮКШИНА

В приговоре суд ссылается на доказанность вины Киселева показаниями Люкшина:

а) *"На предварительном следствии (т. 3 л. д. 192-194), из которых видно, что Киселев был на месте происшествия, участвовал в разбое и убийстве Колобова". (Копия приговора, л. 7).*

б) *"Показаниями Люкшина в судебном заседании, появившегося, что КИСЕЛЕВ был в его доме, когда произошло убийство" (там же, л. 7).*

в) *Показаниями Люкшина в суде о том, что "На его, Люкшина, предложение взять вину на себя, заявить в милицию, КИСЕЛЕВ согласился". (Там же, л. 7)*

г) *Показаниями Люкшина в суде о том, что "как вести себя на следствии его учил Киселев. В дальнейшем он действовал по указке Киселева, выдвинул версию об изнасиловании Вольновой". (Там же, л.8)*

При оценке показаний Люкшина в процессе следствия и в судебном заседании суд не учел следующего:

1. О ПОКАЗАНИЯХ ЛЮКШИНА НА СЛЕДСТВИИ

а) Ни на одном из допросов в процессе следствия Люкшин не уличал Киселева в убийстве.

Вопреки утверждению суда в Приговоре (л. 7), не уличал Люкшин Киселева в убийстве и на последнем допросе в процессе следствия, 28/1-77 г. (т. 3 л. д. 192-194). Правда, в протоколе допроса (в самом начале) имеется запись рукой следователя о том, что якобы Люкшин показал, что убийство Колобова совершили Киселев и Вольнова (л. д.

193), однако из самого содержания показаний Люшкина вытекает, что эта запись *не соответствует его показаниям*.

Сославшись на то, что Киселев совместно с Вольновой были у него в доме вечером 7/V, распивали вино, что они на кухне избили Колобова, Люшкин далее объяснил:

"... Когда потерпевший лежал, то Киселев и Вольнова убежали. Потом КОЛОБОВ встал и пытался зажечь свет, который почему-то не горел." (т. 3 л. д. 194)

И далее:

"Колобов вдруг набросился на меня и стал бить меня, как я ранее показывал. Затем снова пришла Вольнова в тот момент, когда я лежал на полу и притворился мертвым. Дальше все было так, как я показывал, т. е. он потащил ее на кровать..."

И далее:

"Она закричала, просила о помощи. Я стал ее защищать, т. е. стал избивать Колобова сначала бутылкой, потом табуреткой и будильником, в результате чего убил его" (там же, л. д. 194-194-об.)

И далее:

"Дело было все так, как я показывал ранее. Кто и при каких обстоятельствах взял деньги и часы у Колобова, я не знаю" (л. д. 194-об.)

— Допустимо ли при таких обстоятельствах ссылаться в приговоре на то, что в своих показаниях на следствии (т. 3 л. д. 192-194), Люшкин уличал Киселева в убийстве Колобова?

— Допустимо ли утверждать, что из этих показаний Люшкина следует, что Киселев участвовал в разбойном нападении на Колобова?

б) При оценке показаний Люшкина на следствии нельзя не учитывать следующего:

Буквально через несколько часов после убийства, около часу ночи 8/V-76 г., Люшкин явился в Раменское отделение милиции, весь в крови, и заявил, что он убил человека.

"Мы с ним распивали у меня дома, — объяснил здесь Люшкин, — после чего он говорит, что я пришел из тюрьмы тебя убивать, обесточил свет..."

Чем-то меня оглушил, я упал, он стал меня избивать, я притворился мертвым" (т. 1 л. д. 21).

И далее:

"Примерно в 8-9 часов вечера пришла соседка Корягина Люба (Вольнова), спросила дочь Таню... Этот гражданин скомандовал ей ложись, потащил ее на кровать, залез на нее. Она закричала дядя Толя помоги..."

И далее:

"Я схватил бутылку и нанес ею ему несколько ударов по голове, он стал сопротивляться. Тогда я сел на него, и т. д." (т. 1 л. д. 21).

Это свое заявление Люкшин подтвердил на допросе 8/V-76 г. в присутствии прокурора, где он уточнил:

"Он стал говорить, что был в заключении, что якобы я кого-то продал и что он пришел меня убивать..."

И далее:

"Я поднялся, нащупал около печки бутылку 0,75 л. темного цвета и ударил его, Колобова, по голове, он свалился на пол. Когда он стал подниматься, я еще несколько раз ударил его бутылкой по голове. Бутылка разбилась..."

И далее:

"Потом он пополз, тогда я снова навалился на него, сел на спину... около печки я нащупал еще одну бутылку и нанес ему еще несколько ударов по голове...."

И далее:

"Бутылка разбилась, и я наносил ему удары оставшимся горлышком... Затем я схватил будильник и нанес ему несколько ударов будильником. Потом я схватил табурет и им нанес несколько ударов по голове". (т. 1 л. д. 22-25)

После допроса Люкшин попросил внести в свои показания уточнения:

**"Когда я около кровати бил Владимира большой бутылкой, Любка (Вольнова) убежала из дома".
(там же, л. д. 26)**

И далее:

"Убийство Владимира я совершил потому, что он свалил Любку на кровать, вероятно, хотел ее изнасиловать. Потому я убил его" (там же, л. д. 27-об.).

Аналогичные показания дал Люкшин и на следующем допросе 18/V-76 г.:

" Владимир сказал, что якобы я продал их в лагере. Я ответил, что он ошибается, я в лагере не сидел и никого не продавал. (т. 1 л. д. 118-об.)

"Я предложил ему разобраться, но он сказал, что он специально приехал из лагеря, чтобы меня уничтожить." (там же, л. д. 118-об.)

И далее:

"Я, лежа, ногами нащупал пустую бутылку и ударил его этой бутылкой по голове... Потом я сел на него верхом и продолжал бить этой бутылкой по голове сзади... Он сопротивлялся, а я все сидел на нем и ударял по голове, отчего бутылка разбилась... Потом бил табуреткой, будильником, пока он не перестал шевелиться, т. е. убил его я". (там же, л. д. 119)

И далее:

"Кроме меня Владимира никто не бивал, т. к. в доме никого не было." (там же, л. д. 119)

И далее:

"Муж Любы (Киселев) в этот день к нам не приходил" (там же, л. д. 120-об.).

И далее:

**"Я утверждаю, что Владимира убил я один. Никто в этом преступлении больше не участвовал".
(там же, л. д. 121-121-об.)**

21/V-76 г. ЛЮКШИНУ было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст. 146 и 102 УК (т. 1 л. д. 149), и в тот же день он был допрошен в качестве обвиняемого.

На допросе он заявил, что по ст. 146 УК (разбой) виновным себя *не признает*, а по ст. 102 УК (убийство) — признает себя виновным *частично*, и пояснил:

"Колобова убил я один за то, что он сначала меня бил, потом потащил на кровать Вольнову". (т. 1 л. д. 153)

И далее:

"Он сказал, что якобы я продал их в лагере и что он специально приехал из заключения, чтобы расправиться со мной и т. д." (там же, л. д. 153-об. -157)

И далее:

"Киселева Владимира, сожителя Вольновой, я знаю, но он в этот день к нам не приходил... В убийстве он не участвовал". (там же, л. д. 154-об.)

И далее:

Это убийство я совершил один, и никто в нем больше не участвовал". (л. д. 157-об.)

Эти свои показания Люкшин подтвердил и на допросе 24/IX-76 г., т. е. *через 5-ть месяцев* после убийства:

"...Дело было так, как я показывал. Колобова я убил при обстоятельствах, о которых ранее показывал. У себя дома видел только Вольнову". (т. 3 л. д. 18-об.)

И далее:

"Убил Колобова я один, но денег у него не брал, а кто их взял, не знаю, (там же, л. д. 18-об. -19)

9/XI-75 г. Люкшин был направлен на стационарную суд. психиатрическую экспертизу в институт им. Сербского, где он находился *свыше месяца*, т. е. до 14/XII-76 г. (л. д. 174-176 т. 2).

И здесь на расспросы *мед. персонала* Люкшин объяснил то же, что рассказывал он на допросах следователю, т. е. что Колобова убил он *один* (т. 2 л. д. 174-об.).

Это же заявил он и *комиссии врачей* при его обследовании (т. 2 л. д. 175-об.).

Подтвердил свои показания Люкшин и на допросе 26/I-77 г., т. е. *через 9-ть месяцев* после случившегося:

"Убивал я его один, за то, что он потащил Вольнову на кровать. Деньги я у него не похищал. Убил я его примерно в 20-ть часов". (т. 3 л. д. 177-об.)

И далее:

"Во время убийства и после, а также до этого, ко мне в дом никто не заходил ..." (там же, л. д. 178-об.)

Об этом же сказал Люкшин и на допросе после предъявления ему обвинения 27/1-77 г.:

"Время было около 20-ти часов ..." (т. 3 л. д. 184)

И далее:

"Убил Колобова я один. Больше никто в этом убийстве не участвовал. Киселева там не было." (там же, л. д. 189-об.)

Показания Люкшина, которые он давал на протяжении 9-ти месяцев следствия, подтвердила на следствии и в суде обв. Вольнова.

Хотя она была 7/V изрядно пьяна и многое запомнила, хотя она пыталась утаить, что в доме Люкшина ее пытались изнасиловать, т. к. Киселев всегда категорически был против ее дружбы с Пчелкиной и посещения этого дома (см. ее показания — т. 1 л. д. 90, т. 3 л. д. 167, Протокол суд. засед., т. 4 л. д. 61), однако, она подтвердила главное:

1. Что она действительно пошла к Пчелкиной, в дом Люкшина, отдать сапоги, примерно в 21 час вечера.

2. Что пошла туда одна, Киселев с ней не ходил, он спал дома.

3. Что в доме Люкшина, когда она пришла туда, света не было.

4. Что дома находился Люкшин и незнакомый мужчина. Киселева там не было.

5. Что Люкшин сказал ей, что "срезал свет тюремщик", который хотел его убить.

6. Что она каким-то образом оказалась на кровати.

7. Что незнакомый мужчина оказался на ней.

8. Что затем вбежал Люкшин, сказал, что ее хотели изнасиловать.

9. Что она видела, как Люкшин бил бутылкой по голове этого мужчину.

10. Что она затем видела труп мужчины и Люкшин сказал, что он его убил.

11. Что Люкшин предлагал сбросить труп в подполье.

12. Что она видела отверстие в полу, где одна доска была вынута.

13. Что она отказалась от этого и убежала.

Все это отражено в многочисленных протоколах допросов Вольновой в процессе следствия и в суде (см. ее показания — т. 1 л. д. 31-32, 51-53, 89-91, 143-147, т. 3 л. д. 74-78, 165-172 и Протокол суд. засед., т. 4 л. д. 54-61).

Показания Люкшина на следствии подтверждены и целым рядом других доказательств, на которые обоснованно сослался суд в приговоре: наличие отпечатков его пальцев на горлышке бутылки, заключение суд. мед. экспертизы о том, что повреждение Колобову могли быть причинены бутылкой и горлышком от разбитой бутылки, показания свид. Мозжухина, Дубовицкого, Комарова, Шумова и др. (см. копию Приговора, стр. 6-7).

— Допустимо ли при таких обстоятельствах утверждать, что Люкшин на следствии уличал Киселева в убийстве?

— Допустимо ли предавать все эти показания Люкшина забвению и исходить лишь из тех показаний, которые дал Люкшин в суде?

2. О ПОКАЗАНИЯХ ЛЮКШИНА В СУДЕ

Нетрудно понять, что если бы в создавшейся ситуации Люкшин и дал в суде показания о причастности к убийству Киселева, то и в этом случае у суда не было оснований к тому, чтобы на основании подобных показаний, появившихся только в суде, почти через год после случившегося, строить обвинения Киселева.

Но в данном случае, при вынесении приговора и этого в распоряжении суда не было.

Ссылка суда на то, что Люкшин в судебном заседании уличал Киселева в убийстве (приговор, л. 7-8), не соответствует действительности.

Встав на путь *отрицания* своей вины, *отказавшись* полностью от своих многочисленных показаний на следствии, где он *признавал*, что *лично убил Колобова*, Люкшин в судебном заседании не дошел до того, чтобы обвинять в этом убийстве Киселева.

В судебном заседании появился, по сути, *третий вариант* показаний Люкшина.

Если *вначале* он объяснял (в течение 9-ти месяцев), что Киселева *7/V в доме у него не было* и убил Колобова он один, а на допросе 28/1-77 г. пояснил, что *Киселев был у него в доме*, избивал накануне убийства Колобова, но затем ушел, и *убил Колобова лично он*, Люкшин (т. 3 л. д. 192-194), то теперь, в *судебном заседании*, появился *третий вариант* показаний Люкшина, который сводится к следующему:

"Киселев 7/V-76 г. был у меня в доме вместе с Вольновой. После выпивки я уснул. Кто убивал Колобова мне неизвестно.

Он так буквально и заявил суду:

"7/V я спал у себя дома. Проснувшись около 22 часов, увидел Киселева. Он оторвал половицу и сказал, что надо убрать труп". (Протокол суд. засед., т. 4 л. д. 37-37-об.)

И далее:

"Киселев сказал, что убивал не он". (там же, л. д. 37-об.)

И далее:

"Как у меня оказался труп, я не знал" (там же, л. д. 42).

И далее:

"Виновным себя в убийстве не признаю". (Там же, л. д. 43)

После оглашения его показаний в т. 1 л. д. 21, Люкшин заявил:

"Этого не было. Взял это из головы" (там же, л. д. 41-об.)

А после оглашения показаний в т. 3 л. д. 192-194, Люкшин показал:

"Эти показания я не давал, их выдумал следователь" (там же, л. д. 42).

Не составляет большого труда заметить что суд *не поверил ни одной из трех версий*, выдвинутых Люкшиным:

а) Суд *не поверил* показаниям Люкшина на протяжении 9-ти месяцев следствия о том, что убил Колобова он один.

б) Суд *не поверил* показаниям Люкшина от 28/1-77 г. (т. 3 л. д. 192-194), хотя и ссылается на них в приговоре, о том, что Люкшин убил Колобова один, а до этого — Киселев и Вольнова избивали Колобова.

в) Наконец, *не поверил* суд и показаниям Люкшина в суде о том, что он *не причастен* к убийству и ему *неизвестно*, кто именно убивал Колобова.

Вместо всего этого в судебном приговоре появилось обвинение, абсолютно *не основанное ни на одном из вариантов* показаний Люкшина, и сводящееся к тому, что Колобов был убит Люкшиным *совместно* с Киселевым (см. Приговор).

Суммируя изложенное, следует признать, что ссылка суда в приговоре на доказанность вины Киселева показаниями Люкшина, является необоснованной.

Ни на следствии, ни в суде Люкшин никогда не уличал Киселева в убийстве.

3. О ДРУГИХ ПОКАЗАНИЯХ ЛЮКШИНА В СУДЕ

Как указывалось, через несколько часов после убийства, Люкшин явился в милицию с *явкой с повинной* (т. 1 л. д. 21), а затем, на протяжении 9-ти месяцев, на многочисленных допросах подтверждал, что убил Колобова он один.

Эти показания Люкшина подтвердила Вольнова, подтверждены они и другими доказательствами.

Однако после того как в суде Люкшин от своих показаний отказался, суд без дополнительной проверки счел возможным указать в приговоре, что Люкшин на следствии себя *оговорил*, что он взял всю вину на себя с *согласия* Киселева, что с согласия Киселева он пошел в отделение милиции, что как вести себя на следствии, его *научил* Киселев, что, наконец, по указке Киселева он выдвинул версию об изнасиловании Вольновой (приговор, стр. 7-8).

Со всеми этими доводами суда согласиться нельзя:

а) Прежде всего, суд в данном случае исходил из абсолютно *голословных* показаний Люкшина в *судебном* заседании, из показаний *впервые* появившихся почти через год после случившегося.

б) Ни на одном из допросов в процессе *следствия*, в том числе и на последнем допросе 28/1-77 г., на который ссылается суд в приговоре (т. 3 л. д. 192-194), *ничего подобного Люкшин не говорил*.

в) Никакими *доказательствами* указанные показания Люкшина не подтверждены.

г) Ссылка Люкшина на то, что он *взял всю вину на себя*, так как

“... *пожалел* Киселева и Вольнову. Они *молодые*, у Вольновой имеется ребенок”. (Протокол суд. заседания, л. д. 43-об.),

является *надуманной*:

1. Из показаний Люкшина в суде видно, что он *не знал*, кто убил Колобова. Уже по одному этому ему *незачем* было оговаривать себя, *спасая* Киселева и Вольнову.

Вольно или невольно, но получается так, что Люкшин оговаривал себя в убийстве, *спасая неизвестно кого*.

2. И Вольнова, и Киселев — лица для Люкшина *посторонние*. Он не связан с ними *узами родства и дружбы* (Люкшину — 60 лет, Киселеву и Вольновой — соответственно 26 и 29-ть лет). Вряд ли мыслимо, что бы Люкшин принес себя в жертву во имя спасения малознакомых ему людей.

3. Из показаний свид. Базвановой, тех самых, на которые ссылается суд в приговоре (л. 8), явствует, что Люкшин

“*недолюбливал* Вольнову и Киселева. 6/V (за день до убийства) он *выгнал* их из квартиры”. (т. 1 л. д. 237-об.)

— Во имя чего же, Люкшин вдруг стал бы спасать этих людей, жертвовать собою?

4. В суде Люкшин подтвердил, что Киселев *не угрожал* ему, когда просил его *взять вину на себя*. (Протокол суд. засед., т. 4, л. д. 43-об.)

д) Из показаний Люкшина в суде явствует, что он *не только явился инициатором* самоговора (Киселев на это

лишь согласился), но и принимал активные меры к созданию против себя искусственных улик в убийстве.

“Я сказал Киселеву, что заявлю в милицию и возьму все на себя, — показал Люкшин в суде. (Протокол суд. засед., т. 4 л. д. 37-об.)

И далее:

“До будильника я дотрагивался, чтобы были отпечатки пальцев”. (Там же, л. д. 39-об.)

И далее:

“До будильника я дотрагивался, когда потерпевший был мертв”. (Там же, л. д. 42-об.)

И далее:

“Оставлял отпечатки, чтобы создать доказательства на себя”. (там же, л. д. 44)

И это все при том, что Люкшин, по его заявлению, не знал, кто убийца, при том, что Киселев и Вольнова ему абсолютно чужие люди!

Защита считает необходимым особо остановиться на всех этих обстоятельствах, особо подчеркнуть полную несостоятельность заявления Люкшина и того доверия, которое безосновательно было ему оказано судом, ибо очевидно, что признание Люкшиным своей вины на следствии, признание им того, что он лично, один, убил Колобова — полностью исключает вину в убийстве Киселева.

II. О ПРИЗНАНИИ КИСЕЛЕВЫМ СВОЕЙ ВИНЫ НА СЛЕДСТВИИ

Известно, что признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его совокупностью всех других доказательств (ст. 77 УК).

Между тем, из вышеизложенного нетрудно понять, что в данном случае все обвинение Киселева целиком и полностью зиждется на единственном доказательстве — признании им своей вины на следствии, ничем не подтвержденном, от которого не только в суде, но еще и на следствии Киселев категорически отказался, объяснив причину самооговора.

Не соглашаясь с объяснениями Киселева, суд в приговоре (л. 8-9) привел целый ряд аргументов, согласиться с которыми невозможно.

Так:

1. Суд в приговоре ссылается на то, что свои показания, в которых он признавал вину, Киселев писал *собственно-ручно*, на имя *Прокурора* и следователя (т. 1 л. д. 105-110), что частично он подтвердил показания суд. мед. эксперту при его освидетельствовании (копия приговора, л. 8).

Эта аргументация суда не может не вызывать возражения, поскольку известно, что закон, требуя подтверждения признания обвиняемого другими доказательствами, не ставит это требование в зависимость от того, кому было сделано это признание и *собственно-ручно* или не *собственно-ручно* оно было изложено.

Это утверждение суда вряд ли может быть признано и *логичным*, поскольку этим же приговором суд *отверг* показания Люкшина, в которых он признавал, что *один* убил Колобова, отверг невзирая на то, что Люкшин признавался в этом не на *одном* допросе (как это было у Киселева), а на многочисленных допросах, в том числе и в *присутствии прокурора* (т. 1 л. д. 22), и при обследовании его в институте им. Сербского (т. 2 л. д. 174-176).

2. Несостоятельной является и ссылка суда на то, что Киселев по-разному объяснил *причину* самооговора (Приговор, л. 9), поскольку и данное обстоятельство закон не связывает с требованием подтверждения признания обвиняемого другими доказательствами.

Объяснения Киселева о причинах самооговора таким доказательством не являются.

Признав *однажды* на следствии свою вину, на допросе 16/V-76 г. (т. 1 л. д. 106), Киселев 21/V-76 г. написал заявление, в котором *полностью отказался* от этих показаний и объяснил, что

“ ... показания эти основаны на отдельных *слухах* и на *подсказках* и намеках *работников милиции*”.
(т. 1 л. д. 159)

Киселев далее объяснил, что в момент дачи показаний он находился в *подавленном состоянии*, в связи со своим арестом и арестом Вольновой и *обвинениями в убийстве* (т. 1 л. д. 159, 164, т. 3 л. д. 136, 159).

В судебном заседании Киселев уточнил, что определенное *влияние* на его признание оказал *арест Вольновой*:

“Потом я узнал, что Вольнову тоже арестовали и решил все *взять на себя* и признаться”. (Протокол суд. засед., т. 4 л. д. 49-об.)

Во всех этих объяснениях Киселева, вопреки утверждению суда, *никаких противоречий нет*, поскольку все эти причины, *вместе взятые* (подавленное состояние, желание помочь Вольновой, слухи и подсказки работников милиции), по объяснениям Киселева, и толкнули его на *самооговор*.

Нельзя не обратить внимание на то, что суд признал обоснованным заявление Люкшина *о мотивах* самооговора, о том, что он оговорил себя во имя спасения *малознакомой* ему Вольновой, и отверг объяснения Киселева, сославшись на то, что его самооговор был вызван стремлением спасти свою *жену*.

Представляется, что в подобном утверждении суда вряд ли есть логика.

3. Необоснованной является ссылка суда на то, что Киселев в указанных показаниях описал одежду Колобова, его возраст (копия Приговора, л. 8).

Как указывалось, Киселев объяснял, что давал свои показания по доходившим до него слухам (арестован он был только через 4 дня после убийства) и подсказкам работников милиции.

Очевидно, что при таких обстоятельствах Киселев вполне мог правильно указать возраст потерпевшего и во что он был одет.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что на этом допросе Киселев *не смог описать одежды Люкшина*.

Он так и заявил:

“В чем был одет Люкшин, я не помню”. (т. 1 л. д. 109-об.)

Никакой оценки этому заявлению Киселева суд в приговоре не дал.

4. Вопреки утверждению суда, нельзя согласиться с тем, что в указанных показаниях Киселев правильно сослался на применение при убийстве *ножа* (Приговор, стр. 8).

Как известно, суд. мед. экспертиза *не могла дать категорического заключения* о нанесении Колобову ранений ножом, а лишь не исключила такой возможности.

В экспертном заключении значится:

"Раны нанесены каким-то режущим предметом, которым могли быть края разбитых бутылок, нож и др.". (т. 2 л. д. 23)

Нельзя не отметить и того, что ни на одном из допросов в процессе следствия и в суде Люкшин *не ссылаясь* на применение при убийстве ножа (см. его показания).

5. Ссылаясь на *вероятное* заключение суд. мед. экспертизы о том, что обнаруженные на руках Колобова повреждения, могли образоваться при защите, суд делает вывод о соответствии показаний Киселева данным суд. мед. исследования трупа (Приговор, л. 8)

Между тем, из показаний Люкшина на следствии видно, что Колобов, после нанесения ему нескольких ударов бутылками по голове, упал на пол, *ползал* раненый по полу (т. 1 л. д. 22-25, 119, 149 и др.).

А в протоколе осмотра места происшествия указано:

"В комнате обнаружены *две доски от табуретки* со следами крови, на них *торчат* гвозди".

И далее:

"На полу множество *бутылочного стекла (осколки)* со следами крови" (т. 2 л. д. 115).

— Допустимо ли при таких обстоятельствах ссылаться на соответствие показаний Киселева заключению суд. мед. экспертизы?

6. Ссылаясь на *вероятное* заключение суд. мед. экспертизы о том, что бледно-розовый рубец на левом предплечье Киселева *мог* образоваться от воздействия какого-либо острорежущего предмета и что *не исключена* возможность его образования 7-8/V-76 г. (т. 2 л. д. 178-179), суд в приговоре делает далеко идущие выводы и утверждает:

"Указанное доказательство подтверждает показания Киселева и Люкшина о том, что потерпевшего избивали горлышками от бутылок и при этом он сопротивлялся, оказывал сопротивление". (Приговор, стр. 9)

Этот вывод суда является принципиально неправильным, т. к. известно, что *вероятное заключение экспертизы не может быть положено в основу обвинения* (п. 14 Руко-

водящего Постановления Пленума Верховного суда СССР № 1 от 16/III-71 г. "О судебной экспертизе по уголовным делам").

7. Несостоятельным является утверждение суда о том, что Киселев в своих показаниях указывал на обстоятельство, о которых *не рассказали* на следствии Люкшин и Вольнова, что Киселев указывал факты, которые *не были известны* и следователю (приговор, стр. 9- 10).

Что имел в виду в данном случае суд, о каких фактах и обстоятельствах здесь идет речь — *понять из приговора невозможно*.

Абсолютно необоснованной является ссылка суда на то, что "правильность признательных показаний Киселева подтверждается и тем, что он *первый* рассказал, что они с Вольновой сожгли ее окровавленную одежду. Это затем подтвердила Вольнова". (Приговор, стр. 10)

О сожжении одежды Киселев рассказал не в своих т.н. признательных показаниях от 16/V-76 г., как это утверждает суд, а в показаниях на допросе 15/V-76 г., где он вину свою в убийстве *отрицал*.

На этом допросе Киселев не увязывал сожжения одежды со своей виной, или виной Вольновой, в убийстве, и объяснил, почему это было сделано (см. т. 1 л. д. 94).

От этих своих показаний Киселев, так же, как и Вольнова, никогда *не отказывался*, подтвердил он их и в суде (см. Протокол суд. заседания).

Эти показания Киселева и Вольновой ничем *не опровергнуты*.

— Можно ли при таких условиях говорить, что данные показания Киселева подтверждают правильность его признания в убийстве?

9. Наконец, совершенно несостоятельной является ссылка суда на то, что в своих т. н. признательных показаниях "Киселев подробно рассказал о *мотиве* совершенного преступления, что впоследствии нашло подтверждение в материалах дела". (Приговор, стр. 8)

Действительно, на допросе 16/V-76 г. Киселев заявил, что "убийство Колобова было совершено в целях ограбления, завладения его *деньгами*" (т. 1 л. д. 105-110).

Однако это заявление Киселева, от которого он на следующем допросе отказался, никакого подтверждения в материалах дела не нашло.

Так:

а) Ни на одном из допросов в процессе следствия и в суде Люкшин никогда не говорил о том, что при убийстве Колобова преследовалась цель *ограбления*. Более того, Люкшин всегда утверждал, что *денег и часов он у потерпевшего не видел*. (см. его показания, т. 1 л. д. 117-об., 153-об., 194-об. и др.)

б) Никогда не показывала об ограблении Колобова и обв. Вольнова. (см. ее показания)

в) Как на следствии, так и в суде, никогда не говорил об этом *ни один* из допрошенных *свидетелей*.

г) Даже из т. н. признательных показаний Киселева явствует, что *часов он у потерпевшего не видел, денег у него тоже не оказалось*. (т. 1 л. д. 105-110).

д) В процессе расследования дела *часы и деньги потерпевшего обнаружены не были*.

— Кто же сказал, что у потерпевшего были часы и деньги?

— Кто подтвердил, что они у него были похищены?

В подтверждение *ограбления* Колобова суд в приговоре вообще *не ссылается* на доказательства (см. Приговор). Что же касается наличия у потерпевшего *часов и денег*, то Приговор ссылается на показание *единственного* свидетеля — Мурашовой, которая якобы *опознала* часы и браслет, указав, что именно такие часы и браслет *“были на руке Колобова, когда он был в магазине с Люшкиным”*. (Приговор, стр. 7)

При оценке этих показаний Мурашовой (и производных от них показаний свид. Растопчиной) суд не учел *следующего*:

1) Установлено, что Колобов заходил с Люшкиным в магазин *задолго до убийства* (в 12-15 часов), был пьян (см. показания Мурашовой — т. 3 л. д. 118-об.).

Даже если допустить, что у него действительно были часы, совершенно не исключено, что он их мог потерять или где-либо оставить.

Во всяком случае, *при отсутствии* каких бы то ни было *доказательств изъятия часов и денег* у Колобова (а об этом не говорил даже Киселев в своих т. н. признательных показаниях) у суда не было оснований для признания подсудимых виновными по ст. 146 УК.

2) Мурашова была *впервые* допрошена на следствии спустя более чем через 8-мь месяцев после случившегося, т. е. 20/1-77 г. (т. 3 л. д. 118).

Ранее Колобова она *не знала, опознание трупа ею не производилось* и, таким образом, о каком гражданине идет речь она в своих показаниях — понять невозможно.

Показания Мурашовой об *опознании* (через 8-мь месяцев!) часов и браслета явно надуманные, как и надуманными являются показания о том, что она смогла определить, не заглядывая в кошелек покупателя, что у него было 400-450 руб. и даже перечислить купюры денег.

3) Свидетели Софьина, Столбов и Алексеева, близко знавшие потерпевшего, подтвердили на следствии и в суде, что *часов у него не было*.

Они показали:

АЛЕКСЕЕВА:

"У него перед маем *часов не было*" (Протокол суд. засед., т. 4, л. д. 139).

СОФЬИНА:

"*Часов у него последнее время не было*". (т. 1 л. д. 70)

И далее:

"Я задавала ему вопрос, *есть ли у него часы*, он сказал, что нет. (т. 4 л. д. 103)

СТОЛБОВ:

"*В последнее время часов у него не было*". (т. 1 л. д. 72)

Никакой *оценки* показаниям указанных свидетелей суд *в приговоре не дал*.

4) Ссылка суда в приговоре на то, что после убийства Люкшин и Вольнова обыскали Колобова и изъяли у него часы и деньги (л. 2) *опровергается* протоколом осмотра одежды Колобова в судебном заседании, в котором отражено, что

"следов крови в местах расположения карманов нет".

И далее:

*"Нет следов крови и на документах Колобова".
(т. 4 л. д. 143, 153- об.)*

Между тем, и из показаний Люкшина, и из показаний свид. Мозжухина (т. 4 л. д. 110-об,-111, т. 3 л. д. 67-об.) видно, что *руки* у Люкшина после убийства были *в крови*, и если бы он действительно *обыскивал* Колобова, то не мог не оставить следов крови на одежде Колобова, в местах расположения карманов и на документах, находящихся в *кармане*.

Никакой оценки этим доказательствам суд в приговоре так же не дал.

Суммируя изложенное, следует прийти к выводу, что обвинение в *разбойном нападении* на Колобова, в изъятии у него часов и денег абсолютно *не доказано*.

В свете изложенного становится очевидной и несостоятельность ссылки на *соответствие* т. н. признательных показаний Киселева (в части *мотива* совершения преступления) установленным впоследствии фактам (ограбление Колобова).

Таким образом, подводя итог всему сказанному, нельзя не признавать, что, вопреки утверждению суда в Приговоре, т. н. признательные показания Киселева не находят никакого подтверждения в материалах дела.

Наоборот, ряд *бесспорно* установленных материалами дела фактов находится в явном противоречии с теми показаниями, которые дал Киселев на допросе 16/V-76 г.

Так:

1. *Бесспорно* установлено, что в квартире Люкшина было устроено *подполье*, в которое сметался мусор. Для этого *одна* доска в полу комнаты *свободно* вынималась.

По этому поводу на допросе 8/V-76 г. Люкшин объяснил:

"Я решил спрятать труп под пол. С этой целью я поднял одну доску в полу, которая не была прибита, а просто была вставлена..." (т. 1 л. д. 25-об.)

Об этом же говорил Люкшин и на допросе 18/V-76 г.:

“Через некоторое время я встал и *вынул доску* в полу комнаты... *Доска просто вынималась, топором я ее не открывал*”. (т. 1 л. д. 120-об)

Говорил об этом Люкшин и на допросе 27/1-77 г.:

“Потом я *вытащил одну доску* в полу комнаты и т. д.” (т. 3 л. д. 189-об.)

Подтверждено данное обстоятельство и *протоколом осмотра* места происшествия, в котором отмечается:

“При входе в комнату справа от входа оторвана доска пола длиной 1,5 метра, шириной 20 см и т. д. (т. 1 л. д. 6-об.)

Между тем, Киселев, не будучи в квартире Люкшина и не участвуя в убийстве, а зная о случившемся по наслышке, в своих т. н. признательных показаниях заявил:

“Люкшин посоветовал закопать труп под пол. Он принес *топор* и мы стали *отрывать доски...*” (т. 1 л. д. 105- об.)

И далее:

“Люкшин *принес топор*, и мы с ним стали отрывать дооки в полу... Оторвали *две доски*”. (т. 1 л. д. 107-об. -108)

2. Бесспорно установлено, что Колобову было нанесено множество ударов *горлышком* от разбитой бутылки.

Не зная об этом, Киселев на допросе 16/V-76 г. показал:

“Били ли мы потерпевшего *горлышками* от бутылок, а так же будильником, я *не помню*”. (т. 1 л. д. 109-109-об.)

Характерно, что в своих т. н. признательных показаниях, описывая в подробностях детали убийства, Киселев в то же время показал:

“Одет он (Колобов) был в пальто, какое *не помню...*” (т. 1 л. д. 106)

“*В чем был одет Люкшин я не помню*”. (т. 1 л. д. 110)

Хотя Колобову 35 лет (а Киселеву — 26-ть), называет он Колобова в своих показаниях “*молодым человеком*” и при этом не говорит о том, что Колобов имел заметный физический недостаток — был *горбат* (см. показания Киселева — т. 1 л. д. 105-110).

Никакой оценки всему этому несоответствию показаний Киселева бесспорно установленным фактам суд в приговоре не дал.

III. О ДРУГИХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ. ПОЛОЖЕННЫХ В ОСНОВУ ПРИГОВОРА

1. О ПЯТНЕ КРОВИ НА МАЙКЕ КИСЕЛЕВА

Ссылка суда в приговоре на то, что вина Киселева подтверждается заключением *биологической экспертизы*, установившей, что на изъятой у него майке имеется *кровь человека* (приговор, стр. 11), является несостоятельной.

а) Прежде всего, в деле *отсутствует* заключение биологической экспертизы.

В т. 2 л. д. 193, на который сослался суд в приговоре, находится не заключение экспертизы, а *Постановление* следователя о назначении биологической экспертизы, на котором имеется пометка эксперта о том, что вещи осмотрены под *микроскопом* и возвращены следователю, в т. ч. и майка, так как на ней обнаружена кровь "в количестве, *недостаточном* для определения группы" (т. 2 л. д. 193).

Из этой записи эксперта явствует, что биологическая экспертиза (а только она в состоянии определить принадлежность крови человеку) в данном случае не проводилась и, таким образом, у суда не было оснований для подобных утверждений.

б) Как указывалось (а об этом пишет и суд в Приговоре) на левом предплечье Киселева имелся след телесного повреждения.

Видимо, нет ничего удивительного в том, если в результате этого телесного повреждения на майке Киселева появилось пятно крови.

в) Наконец, еще одно обстоятельство.

Изъятие указанной майки на квартире Вольновой было произведено с серьезным нарушением требований ст. 84 и 171 УПК. В деле *отсутствует* протокол осмотра и описания майки, в связи с чем невозможно судить, имелось ли на ней при изъятии пятно крови.

Майка *не была* надлежащим образом упакована и опечатана (т. 1 л. д. 39-60).

Все это в настоящее время приобретает важное значение, т. к. при направлении на экспертизу вещей Колобова из пакета *исчезла майка*, о чем в заключении эксперта от 16/VII-76 г. значится:

"Указанной на свертке *майки* среди вещей *не оказалось*". (т. 2 л. д. 105)

Если учесть, что вещи Колобова были направлены на экспертизу в июле 1976 г. (к этому времени майка уже исчезла), а вещи Киселева (майка) была направлена на экспертизу 22/II-76 г., станет понятным, что установить, чью *майку* (Колобова или Киселева) направил следователь на биологическую экспертизу 22/XII-76 г., в настоящее время *невозможно*. Следовательно, невозможно и судить о том, на чьей майке имелось пятно крови.

2. О ЗАКЛЮЧЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.

Без всяких к тому оснований ссылается суд в приговоре на то, что якобы указанная экспертиза установила, что на одежде Киселева обнаружены волокна одежды Колобова (Приговор, стр. 10).

а) Криминалистическая экспертиза *не могла дать категорического заключения* о наличии на одежде Киселева волокон одежды Колобова и утверждала лишь о наличии на одежде Киселева единичных волокон общей *групповой* (а в другом случае — *родовой*) принадлежности с волокнами, входящими в состав ткани одежды Колобова (п. 1 Заключения — т. 2 л. д. 108).

б) Учитывая те нарушения, которые были допущены при направлении на экспертизу одежды Колобова, эксперты в своем заключении отметили:

"Вопрос о конкретном взаимодействии может быть решен при условии наличия *взаимопереходящих* волокон.

Невозможность исследования одежды потерпевшего... *исключает* возможность решения вопроса о *контактном взаимодействии* одежды обвиняемых с одеждой потерпевшего". (т. 2 л. д. 105-105-об., 108-об.)

в) В своем заключении эксперты обратили внимание на серьезные нарушения, допущенные при *изъятии, хранении*

и направлении на экспертизу вещественных доказательств.
(т. 2 л. д. 105-105-об)

Это же вытекает и из других материалов дела, что отмечено выше. (т. 1 л. д. 59-60 и др.)

Нетрудно понять, что если вещественные доказательства не имели индивидуальной упаковки, при выемке не были упакованы и опечатаны, они могли находиться в контактном взаимодействии с другими вещественными доказательствами, и поэтому кровь, волокна и пр., конечно, могли переходить с одних вещей на другие.

И как факт, на платье Вольновой, которое не было на ней во время убийства, так же обнаружено волокно, *сходное* с волокном, входящим в состав ткани брюк Колобова. (п. 6 раздел II экспертизы — т. 2 л. д. 108)

Все эти обстоятельства не получили должной оценки в судебном приговоре.

3. ОБ ОТРИЦАНИИ КИСЕЛЕВЫМ ЗНАКОМСТВА С ЛЮКШИНЫМ. (Приговор, стр. 8)

Данный факт, сам по себе, ни в коей мере не уличает Киселева в убийстве.

По вполне понятным *психологическим* соображениям Киселев, естественно, отрицает знакомство с убийцей.

Однако из показаний тех свидетелей, которые, по мнению суда, опровергают показания Киселева в этой части (*дочери* Люкшина — Пчелкина Т. и Базанова) явствует, что отношения между ними были *враждебные*.

Так, свид. ПЧЕЛКИНА Т. в суде показала:

“Мой отец все время *выгонял* Киселева и Вольнову”. (Протокол суд. засед., т. 4 л. д. 80)

Об этом же говорит и Базанова:

“6/V отец *выгонял* Киселева и Вольнову из дома и *выгнал*. Он их *недолюбливал*” (т. 1 л. д. 237)

В свою очередь Вольнова и на следствии, и в суде объясняла, что Киселев был против посещения ею дома Люкшина, ругал ее за это (т. 1 л. д. 90-90-об., т. 39 л. д. 167-об.).

— Стал бы Люкшин при таких условиях *брать на себя чужую* вину, *спасать* Киселева и Вольнову?

4. О ПОКАЗАНИЯХ свид. КОРЯГИНОЙ

Вопреки утверждению суда, показания свид. Корягиной, которой Вольнова рассказала о том, что в доме Люкшина "была драка, летели бутылки, табуретки" (приговор, стр. 9), ни в коей мере не уличают Киселева в убийстве.

а) Об участии Киселева в данной драке Вольнова не рассказывала Корягиной и последняя об этом не говорит.

б) Из показаний Люкшина на протяжении всего следствия явствует, что когда он убивал Колобова (бил его бутылкой, табуреткой и пр.), Вольнова при этом присутствовала (см. его показания).

Частично это подтверждала и Вольнова.

Таким образом, ее рассказ матери о том, что в доме была драка, ни в коей мере не опровергает тех показаний, которые давал на следствии Люкшин.

5. О ЗАПИСКЕ ВОЛЬНОВОЙ

Свой вывод о том, что записка, переданная Вольновой через Забелину, была адресована Киселеву и уличает его в убийстве, суд в приговоре обосновал *голословными* умозаключениями и предположениями. (Приговор, стр. 12).

"Перед этим, — значит в приговоре, — Киселев находился в КПЗ и мог видеться с Самороковым". (Там же, стр. 12)

Как на следствии, так и в суде Вольнова объясняла, что записка была предназначена не Киселеву (см. ее показания).

Показания Вольновой подтвердил и допрошенный в процессе следствия Самороков, который пояснил, что познакомился с Вольновой в КПЗ, что писал ей записку, что затем переписывался с ней.

"КИСЕЛЕВА я не знаю, в КПЗ я с ним не сидел, Вольнова мне о нем ничего не говорила, — показал на допросе Самороков. (т. 1 л. д. 259-260-об.)

Эти показания Саморокова абсолютно ничем не опровергнуты.

Суммируя изложенное следует признать, что те доказательства, на которые ссылается суд в приговоре, не подтверждают причастности Киселева к убийству.

IV. О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ НЕВИНОВНОСТИ КИСЕЛЕВА

В материалах дела не только отсутствуют доказательства вины Киселева в убийстве, но и имеются веские *противоулики*, свидетельствующие о его невинности.

1. ОБ АЛИБИ КИСЕЛЕВА

По мнению следственных органов и суда убийство Колобова было совершено в 19-20 часов 7/V-76 г. (см. Обвинительное заключение — стр. 2, 20, 21, 22 и копию Приговора, стр. 2). Из этих же документов вытекает, что Киселев и Вольнова пришли в дом Люкшина (где уже находились Колобов и Люкшин), в 19-м часу, там они распили бутылку вина.

“Затем они решили еще выпить, и Киселев пошел в магазин”.

“После этого продолжали распивать спиртные напитки на кухне.” (см. Обвинительное заключение, стр. 2, копия Приговора, стр. 2)

Вместе с этим, Обвинительное заключение утверждает, что после убийства Колобова Киселев и Вольнова “пошли к квартиранту Кузнецову... , где в это время собрались его друзья — Бабкин, Киреев, Хлопко и Щербаков” (Обвинительное заключение, стр. 4).

А суд идет еще дальше и говорит о том, что после совершения преступления “Киселев и Вольнова периодически появлялись у Кузнецова ... с целью создания себе алиби и уйти от ответственности”. (Копия приговора, стр. 11)

Между тем:

На самых первых допросах, 12 и 15/V-76 г., обв. Киселев объяснил, что примерно в 18-ть часов 7/V-76 г. он вместе с Вольновой, вдвоем, распили у себя дома бутылку водки, после чего пошли к квартиранту, Кузнецову, проживающему в их доме, где выпивали вместе с его друзьями (6-7 чел.).

“Пробыли там недолго, — пояснял далее Киселев, — после чего ушли домой *спать* ... Примерно в 21 час меня *разбудили* Гулюшкин и Иванов, вместе с которыми я вновь пошел к Кузнецову (Вольновой в это время дома не было), там опять выпивали, я сильно опьянел и т. д.” (т. 1 л. д. 54, 92)

Об этом же говорил Киселев и в судебном заседании (см. Протокол суд. засед., т. 4 л. д. 45-46)

Эти показания Киселева полностью подтвердили допрошенные на следствии и в суде свид. Корягина, Федосеев, Кузнецов, Хлопко, Бабкин, Гуров, Киреев, и Гулюшкин.

Ссылка суда на то, что указанные свидетели "указали разное время появления Киселева и Вольновой у Кузнецова", что они, "говоря о времени, определяют его примерно", что "Киселев и Вольнова появлялись у Кузнецова с целью создания алиби" (Приговор, стр. 11), является несостоятельной и на материалах дела не основана.

Хотя перечисленные свидетели действительно называли примерное время пребывания Киселева и Вольновой в квартире Кузнецова (а иначе и не могло быть, т. к. по вине следователя они были допрошены спустя много месяцев после случившегося), однако все они сходятся в одном: в период с 19-ти до 20-ти часов, т. е. в тот период, в который, по мнению следователя и суда, было совершено убийство, Киселев и Вольнова находились в квартире Кузнецова.

Они показали:

КУЗНЕЦОВ Н. Д.:

"Собрались мы у меня в комнате в начале 19-ти часов. Пили вино, веселились, Киреев принес гитару, Бабкин играл на ней, а мы пели...

Через некоторое время, примерно в 19-ть часов, к нам пришли Вольнова и Киселев. Они выпивали с нами.

Примерно в 20-ть часов они ушли, т. к. Киселев опьянел. Минут через 5-ть Вольнова пришла обратно и сказала, что уложила Киселева спать". (т. 3 л. д. 9)

В связи с неявкой Кузнецова в суд. заседание показания его были судом *оглашены*. (см. Протокол суд. заседания)

ХЛОПКО В. И.:

"Собрались мы у Кузнецова после работы, примерно в 18 ч. 30 мин.

Минут через 40 к нам пришла Люба (Вольнова), а затем, примерно через полчаса, ее муж — Владимир. Они выпивали. Потом, минут через 20-25-ть, он ушел вместе с Любой. Через некоторое время она пришла, танцевала с нами. Это

было в 20-ть часов, начале 21-го часа..." (т. 3 л. д. 62-об.-63)

БАБКИН М. В.:

"Примерно в 18-18ч. 30 мин. ребята нашего цеха собрались на квартире Кузнецова в связи с призывом в армию Щербакова.

С нами был также *работник милиции* — Гуров.

Мы выпивали, пели, играли на гитаре.

Через некоторое время, примерно в 20-ть часов, пришла Люба" и т. д. (т. 3 л. д. 79-об.)

И далее:

"Мы пришли к Кузнецову в 18-18.30 ч., Вольнова пришла через 30-ть минут или через час. Потом пришел Киселев ... Она с ним *плясала, веселились*". (Протокол суд. засед., т. 4 л. д. 93-94)

ГУРОВ В. В. (сотрудник милиции):

"Мы пошли к Кузнецову около 19-ти часов.

Примерно через полчаса туда пришла дочь хозяйки (Вольнова).

Она *свободно вела себя, была веселая*. Примерно через полчаса после ее прихода пришел ее муж. Он посидел с нами минут 10-ть и они ушли... Потом она пришла обратно... Я ушел от Кузнецова примерно в 21 час". (т. 3 л. д. 84-об., 85-об.)

Аналогичные показания дал свид. Гуров и в суде. (Протокол суд. засед. т. 4 л. д. 146)

К этому же сводились показания свид. Корягиной Н. Г. (т. 1 л. д. 61) и Киреева А. В. (т. 3 л. д. 87).

Из показаний всех указанных свидетелей вытекает, что Вольнова и Киселев вели себя в это время свободно, веселились, Вольнова пела, танцевала, *следов крови на их одежде они не видели*.

Если учесть тот бесспорно установленный факт, что одежда Вольновой *после убийства* оказалась обильно испачканной *кровью*, в связи с чем она была на утро *сожжена* (см. Приговор, стр. 11-12), станет понятным, что Вольнова никак *не могла быть в доме Кузнецова после убийства*

Колобова, что *кровь* на ее одежде появилась *не до, а после* посещения ею квартиры Кузнецова.

— *Когда же на одежде Вольновой появилась кровь?*

— *Когда, в какое время, была она в доме Люкшина?*

На этот вопрос следственные органы ответили следующим образом:

“Киселев и Вольнова выпили немного и через некоторое время ушли от Кузнецова домой.

Затем Вольнова опять пошла к Кузнецову. *Через некоторое время (а по показаниям Вольновой — в 21 час — А. М.) она снова пошла в дом Люкшина*”. (Обвинительное заключение, стр. 4)

Именно в это время, по объяснениям Вольновой, было совершено убийство. Именно в это время она испачкала свою одежду кровью потерпевшего (см. ее показания)

Не соглашаясь с указанными показаниями Вольновой, не соглашаясь и с выводами в этой части Обвинительного заключения, суд в приговоре записал:

“...Вольнова показала, что она была в доме Люкшина после 21 часа... Раньше в доме не была. При этом Вольнова сослалась на свидетеля Гулюшкина...

Однако показания Вольновой Гулюшкин не подтвердил... *Не верить ему у Коллегии оснований не имеется...*” (Копия Приговора, стр. 12)

Между тем, тот факт, что *после* посещения квартиры Кузнецова Вольнова пошла в дом Люкшиных, что пошла он туда около 21 часа, без Киселева, *бесспорно установлен* и у суда не было абсолютно никаких данных к тому, чтобы его опровергать.

И если однако суд встал на этот путь, то лишь потому, что признанием этого факта бесспорно устанавливалось алиби Киселева, его непричастность к убийству.

И суд его отверг. Отверг, невзирая на то, что:

а) На самом первом допросе в процессе следствия, 13/V-76 г., свид. Корягина Н. Г. пояснила:

“Вскоре гости стали расходиться от Кузнецова, и Люба *потанцевала* и тоже ушла домой”.

И далее:

“Я пошла домой. Время было около 21 часа. Киселев был дома и спал, а Любы дома не было...”

Вскоре пришли Гулюшкин и Иванов, принесли вино. *Я им сказала, чтобы они не будили Киселева...* Они меня послушались и пошли к квартире”.

И далее:

“Гулюшкин мне сказал, что встретил Вольнову, которая шла к Люкшиным...”.

“Я легла спать. Примерно в 23 часа пришла Люба, я ей открыла дверь. *Она была очень взволнована, плакала, сказала, что у Люкшиных была драка*” и т. д. (т. 1 л. д. 62-63).

б) Эти показания Корягиной подтвердил свид. Кузнецов:

“Через некоторое время мы стали расходиться. *Вольнова сказала, что пойдет к своей подруге Тамаре (Люкшиной)*”.

И далее:

“О том, что Вольнова пошла к Тамаре, я говорю, т. к. она об этом сказала, когда пошла от нас”. (т. 3 л. д. 9-об.)

в) Подтвердил эти показания Корягиной и Вольновой и свид. Бабкин:

“Люба продолжала с нами разговаривать, плясала... Потом Хлопко и Щербаков собрались идти домой. Я и Кузнецов пошли их провожать. В это время я *увидел*, что Люба вышла из своего дома и *пошла* в какой-то дом, расположенный неподалеку от ее дома, *через дорогу*” (т. 3 л. д. 80-об.)

“В это время со стороны станции прошли трое незнакомых мне ребят... Остановливались ли они с Любой в это время, я не заметил”. (Там же)

И далее:

“Проводив Хлопко и Щербакова, я и Кузнецов вернулись обратно и зашли в половину дома, где живет хозяйка и Люба с Владимиром...”

Там находились эти трое ребят, они пригласили нас выпить, потом Кузнецов пригласил их к себе. *В это время Любы не было.* Она ушла в какой-то дом... Хозяйка говорила, что Владимир спит". (там же, л. д. 81-об.)

г) Подтвердил все эти обстоятельства и свид. Гулюшкин, который на первом же допросе, 15/V-76 г., объяснил:

"Я вместе с Ивановым и парнем по имени Валерий зашли к Киселеву, который в это время спал.

Дома была мать его жены (Корягина), *Любы дома не было.* Корягина просила нас *не будить* Владимира... Мы пришли примерно в 21 ч. 30 мин".

И далее:

"В это же время туда пришел квартирант Николай со своим приятелем Михаилом. Мы пятеро распили вино.

Киселева будить не стали, и пока мы выпивали, он спал".

И далее:

"Примерно в 22 часа к Николаю пришел Киселев, был он в одних трусах и майке, в босоножках или тапочках..." (т. 1 л. д. 95-об.)

И далее:

"Когда я пришел к Киселеву, его теща просила меня сходить к подруге Любы, Тамаре (Люкшиной), позвать ее. Я сходил к дому Люкшина, стучал, там было темно". (Там же, л. д. 96-об.)

К этому же сводились показания Гулюшкина и на допросе 12/VIII-76 г. (т. 1 л. д. 220-222).

Эти свои показания Гулюшкин подтвердил в суде, где объяснил:

"Я пришел к Киселеву, он *спал*, потом пришел Иванов, *хотел его разбудить*, но Корягина не разрешила". (Протокол суд. засед., т. 4 л. д. 66-об.)

И далее:

"Когда я пришел к Корягиной, то *Вольновой дома не было.* Корягина послала меня к Люкшиным за ней". (там же, л. д. 67)

И далее:

"Киселева я видел спящим... Через некоторое время он пришел к Кузнецову в трусах и майке. Вид у него был заспанный". (там же, л. д. 67-об., 68)

д) Подтвердил данное обстоятельство и свид. Федосеев Н. Ф.:

"Я вместе с Гулюшкиным и Ивановым был 7/V у Кузнецова".

"Потом туда зашел парень в трусах, стал играть на гитаре. При этом оборвалась струна. У меня создалось впечатление, что он до этого спал". (т. 1 л. д. 243-244)

е) Наконец, нашло все это подтверждение и в показании свид. Иванова Ю. А., который на допросе 16/V-76 г. пояснил:

"Я с Гулюшкиным встретили одного парня (Федосеева), с которым зашли к Киселеву...

Владимир был дома, но спал. Его жены Любы дома не было" (т. 1 л. д. 99)

И далее:

"Гулюшкин пришел к Киселеву раньше нас. Потом он рассказывал, что Киселев спал, Любы дома не было и он по просьбе матери Любы ходил звать ее к дому Люкшина". (Там же, л. д. 101)

Аналогичные показания дал Иванов и на допросе 12/VIII-76 г. (т. 1 л. д. 223-225)

Свои показания Иванов подтвердил в суде, где он объяснил:

"Когда мы пришли в дом Киселевых, я спросил, где Киселев. Гулюшкин сказал, что он спит. Я заглянул и увидел, что он спит. Мы хотели его разбудить, но Корягина не разрешила". (Протокол суд. засед., т. 4 л. д. 70-об.)

И далее:

"Я видел, что он (Киселев) спал дома" (там же, л. д. 72)

Суммируя изложенное, нельзя не признать, что алиби Киселева, вопреки утверждению Приговора, не только ни-

чем не опровергнуто, а, наоборот, *нашло полное подтверждение в материалах дела.*

Равным образом нашли свое подтверждение и показания Вольновой и Люкшина (на следствии) о посещении Вольновой дома Люкшиных после 21 часа, в то время, когда Киселев у себя дома спал.

2. О ДРУГИХ ПРОТИВОУЛИКАХ

а) По мнению следствия и суда потерпевшего избивали бутылками, горлышками от бутылок, столовым ножом, будильником, табуреткой и пр. (копия приговора, стр. 2).

Очевидно, что при таких обстоятельствах не могло не остаться на указанных *окровавленных* предметах отпечатков пальцев убийц.

И действительно: *отпечатки* пальцев ЛЮКШИНА на них были обнаружены. (Копия приговора, стр. 7, заключение дактилоскопической экспертизы — т. 2 л. д. 27-29)

Однако ни на одном из указанных предметов отпечатков пальцев Киселева *не обнаружено*. (См. Заключение дактилоскопической экспертизы)

б) По мнению следствия и суда Киселев не только принимал непосредственное участие в убийстве Колобова, но и обыскивал труп, вместе с Люкшиным пытался спрятать труп в подполье и пр. (Копия приговора, стр. 2, 5)

Очевидно, что при таких обстоятельствах и с учетом того, что пол в доме Люкшина был *обильно полит кровью*, в крови был труп Колобова, обширные следы крови имелись в квартире и на отдельных предметах (см. протоколы осмотра места происшествия и фотографии — т. 1 л. д. 2-11, 12-18, 34-36, 102, 114-115), на теле, одежде и обуви Киселева не могло не остаться следов крови.

Однако, как указывалось, подобных *следов крови*, и в частности на *обуви* Киселева, обнаружено *не было*.

Не было обнаружено следов крови и на *брюках и рубашке* Киселева (см. Заключение экспертиз — т. 2 л. д. 192, 104 и др.).

в) Как на одно из доказательств вины Киселева следственные органы и суд ссылаются на то, что Киселев принимал участие в сожжении окровавленной одежды Вольновой,

о чем он первый рассказал на следствии (копия Приговора, стр. 10).

Между тем, данный факт не только не уличает Киселева в убийстве, а наоборот, свидетельствует о его невинности.

— Почему была уничтожена *только* одежда Вольновой?

— Почему, заметая следы, Киселев не *сжег* свою одежду?

Видимо, потому, что на одежде Киселева *не было* никаких следов крови.

Видимо потому, что Киселев *не опасался* обнаружения следов крови на своей одежде, и в частности на обуви (подошвах).

Видимо, потому, что Киселев, в отличие от Вольновой, *не был в доме* Люкшина, не был причастен к убийству.

И еще одно обстоятельство.

Материалы дела дают основание полагать, что *версия* о возможной причастности к убийству *других лиц*, помимо Люкшина, в процессе следствия надлежащим образом *исследована не была*.

Между тем:

а) При осмотре места происшествия у входной двери кухни, у умывальника, были обнаружены и изъяты две пустые бутылки из-под вина со следами пальцев рук человека (т. 1 л. д. 114-115).

По заключению дактилоскопической экспертизы, "след был оставлен большим пальцем левой руки Шумова Владимира Васильевича". (т. 2 л. д. 87-89)

Вопрос о том, как и при каких обстоятельствах появился след пальца Шумова В. В. на указанной бутылке, в процессе следствия надлежащим образом *не исследовался*, хотя из показаний Шумова явствует, что бутылка эта появилась в доме Люкшиных в день убийства, т. е. 7/V-76 г.

"Кто поставил бутылку у умывальника, — объяснил Шумов, — я не знаю. Я их туда не ставил.

Мы пили 6/V вечером. Какое вино — не помню. Но уходя утром на работу, мы бутылки *обязательно взяли бы в магазин*.

Получается, что эти бутылки появились 7/V-76 г.

И далее:

“Я не могу объяснить, как появились мои отпечатки на бутылке” (т. 3 л. д. 96-об.-97).

Аналогичные показания дала по этому вопросу и Пчелкина Тамара (дочь Люкшина, сожительница Шумова):

“Я не могу сказать, как попали отпечатки пальцев Шумова на бутылку” (т.3 л. д. 104-об.).

б) Из материалов дела усматривается, что Люкшин, поссорившись с женой, ушел от нее и проживал в своем доме вместе с дочерью — Пчелкиной Тамарой и ее сожителем, Шумовым В. В. (см. их показания).

Накануне случившегося, 6/V-76 г., к Пчелкиной Тамаре приходила ее сестра, Базванова Таня, со знакомым, Кудиновым, все они здесь выпивали, после чего Базванова и Кудинов остались у Пчелкиной ночевать (см. их показания — т. 1 л. д. 237, 239, 241, т. 3 л. д. 245 и др.).

По свидетельству Пчелкиной и Шумова вечером 7/V они *должны были находиться дома*, поскольку договорились с Базвановой и Кудиновым, что последние 7/V вновь придут к ним.

По этому поводу, в частности, Шумов показал:

“7/V Таня и Кудимов обещали снова приехать к нам после работы и ночевать. Были ли они 7/V и ночевали ли, не знаю, т. к. нас не было в этот день дома.”

И далее:

“Я еще говорил Тамаре, что, может быть, мы возьмем ее сына Игоря и будем ночевать дома, т. к. договорились с Таней и Кудиновым, что они придут...” (т. 1 л. д. 241-об.)

Однако по странному стечению обстоятельств, вечером 7/V Пчелкина и Шумов (по их объяснениям) прямо из магазина (где работала Пчелкина), *не заходя домой* (хотя дом находился рядом с магазином), поехали ночевать к матери Шумова, а сестра Пчелкиной, Базванова Таня, невзирая на имевшуюся договоренность, не пришла ночевать к Тамаре, хотя и явилась домой, как объяснял ее муж, Базванов М. Е., *поздней ночью*. (т. 3 л. д. 6-7)

— Почему же вдруг Шумов и Пчелкина, не зная об убийстве, не пришли вечером 7/V домой?

— Почему они не ночевали дома, если ничего не ведали об убийстве и узнали об этом только утром 8/V?

— Почему, вопреки договоренности, не пришла вечером 7/V к сестре Базванова Таня?

Вразумительного ответа на все эти вопросы указанные лица дать не могли.

Так:

ПЧЕЛКИНА ТАМАРА и ШУМОВ — сослались на то, что они поехали ночевать к матери Шумова по ее приглашению.

БАЗВАНОВА ТАНЯ — сослалась на то, что договоренности о посещении сестры 7/V — вообще не было (см. их показания).

Однако:

1. Мать Шумова, свид. Шумова А. И., подтвердила, что она *не приглашала* сына с Тamarой 7/V ночевать у себя:

“Я пришла с работы домой, — объяснила она, — около 24-х часов. Когда я пришла, то увидела, что дома были сын, Тамара и Игорь.

Во сколько они пришли к нам, я не знаю”. (т. 3 л. д. 101-101-об.)

И далее:

“Почему они пришли ночевать в этот день, я не знаю... (Там же)

Я их не звала специально” (там же, л. д. 102)

2. Свид. Миронова опровергла показания Пчелкиной о том, что она якобы 7/V в 20 час. закрыла магазин (т. 1 л. д. 206) и объяснила, что Пчелкина и Шумов ушли 7/V из магазина *раньше* (т. 3 л. д. 107- об.).

“Пчелкина говорила, — добавила она, — что отец пошел домой из магазина с Таней, и она была там”. (Там же, л. д. 107-об.)

И далее:

“А до этого говорила, что она спешит домой, т. к. у нее там теперь отец живет”. (Там же, л. д. 107-об.)

3. Еще более определенно показали об этом свид. Несчастнова и Теребилина.

Они объяснили:

НЕСЧАСТНОВА:

"7/V в магазине Пчелкина сказала отцу и Татьяне, чтобы они шли домой, а она сейчас придет".
(т. 3 л. д. 112-об.)

ТЕРЕБИЛИНА:

"В это время в магазин зашла сестра Пчелкиной Татьяна... Пчелкина им обоим сказала: "Идите домой". (т. 3 л. д. 114-115-об.)

Характерно, что если на первичных допросах Пчелкина категорически этот факт *отрицала* и утверждала, что она *"сказала отцу, что мы с Шумовым сегодня ночевать не приходим"* (т. 1 л. д. 205-об., т. 3 л. д. 111), то после показаний свид. Несчастновой и Терехиловой она вынуждена была признать и показала:

"В это время в магазин пришла сестра Базванова. Она была выпивши. Я им сказала обоим, чтобы они шли домой и жарили картошку, что мы с Шумовым приходим вечером после работы" (т. 3 л. д. 116-об)

И далее:

"Отец не хотел почему-то уходить, и Таня сказала ему:

"Пойдем, папаныка, я тебя провожу, и они вместе вышли из магазина и пошли к нашему дому".
(там же, л. д. 116-об.-117)

Признал данный факт и *Люкшин:*

"Когда мы пошли домой, то Тамара мне сказала, чтобы я пожарил картошку к их приходу..." (т. 3 л. д. 18)

4. Из протокола осмотра места происшествия усматривается, что в квартире Люкшина была обнаружена кастрюля с *чищенной картошкой*. (т. 1 л. д. 2-11).

Допрошенный по этому вопросу Люкшин объяснить этот факт никак не мог и показал:

"Когда работники милиции пришли со мной ко мне домой, то я увидел, что одна кастрюля была доверху наполнена чищенной картошкой..."

И далее:

"Ни я, ни тем более Колобов, картошку не чистили. Кто ее начистил, я не знаю.

Наверное, кто-то был в доме и начистил эту картошку, когда я спал". (т. 3 л. д. 18-об.-19)

Аналогичные показания дал Люкшин и в суде (протокол суд. засед., т. 4 л. д. 44-об.).

Никакой критической оценки всему этому следственные органы и суд не дали.

в) Из материалов дела усматривается, что сожитель Пчелкиной — Шумов — длительное время нигде не работал (т. 1 л. д. 210), Пчелкина и Базванова вели разгульный образ жизни, постоянно пьянствовали.

Так, допрошенная на следствии свид. Люкшина Р. И. показала:

"Тамара и младшая дочь Таня ведут разгульный образ жизни, пьют" (т. 1 л. д. 127-об.).

Об этом же говорила и свид. Шумова А. И.:

"Сын и Тамара выпивают, между собой скандалят, дерутся. В доме у них грязь, фактически, притон" (т. 3 л. д. 100-об.).

Это же подтвердила свид. Фелинкина Т. А. (т. 1 л. д. 234).

Представляется, что все указанные факты нуждаются в самой тщательной и серьезной проверке.

Всего этого не учел суд при постановлении Приговора. Не учла этого и коллегия Верховного Суда РСФСР, оставившая без изменения приговор суда.

—""—

В силу изложенного прошу Вас истребовать настоящее дело и внести протест на предмет отмены приговора коллегии Мособлсуда и прекращения в отношении Киселева В. В. в уголовном порядке дела производством за недоказанностью предъявленного ему обвинения.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

1. Копия приговора — на 15-ти листах.
2. Копия Определения коллегии Верховного Суда РСФСР на 5-ти листах.

Справка: Киселев В. В. отбывает наказание по адресу:
г. Сургут, Тюменской обл., п/я ЯЦ 34/17-2.

Адвокат

МОВЕ А. Л.

г. Москва

"18" января 1978 г.

На эту жалобу поступил отрицательный ответ, за подписью Ю. В. Корневского. Пересказывать существо этого ответа нет смысла, поскольку это ясно из моей повторной жалобы, являющейся возражением на доводы сообщения, поступившего из Союзной Прокуратуры.

Из досье адвоката

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

Адвокату МОВЕ А. Л.
г. Москва, ул. Баррикадная д. 8
Московская областная
юрид. консультация

По делу

КИСЕЛЕВА Владимира Викторовича, осужд. 28/III-77г. по ст. 146 ч. II и ст. 102 УК Мособлсудом

ЖАЛОБА

Приговор по данному делу вынесен с серьезным нарушением требований ст. 77 УПК.

Ссылка т. Корневского Ю. В. в ответе от 30/VII-79 г. на жалобу защиты (решение это подтвердил в своем ответе от 30/III-80 г. и Нач. отдела т. Тихомирнов Р. Г.) на то, что "вина Киселева доказана показаниями Люкшина и самого Киселева, данными в ходе следствия", несостоятельна.

1. Ни на одном из допросов в процессе следствия Люкшин *не уличал* Киселева в убийстве. Наоборот, на протяжении всех 9-ти месяцев (в том числе и на последнем допросе, на который ссылается суд в приговоре — т. 3 л. д. 192-194, и при обследовании в Институте им. Сербского) Люкшин утверждал, что убил Колобова он один.

Не уличал Люкшин в убийстве Киселева и в суде.

Все это подробно освещено в разделе 1 жалобы (стр. 2-13).

Если в материалах дела имеются какие-либо другие показания Люкшина — *просьба на них сослаться*.

2. На одном допросе в процессе следствия Киселев действительно признавал свою вину (т. 1 л. д. 106), однако от этих показаний он через несколько дней отказался и *объяснил причину самоговора* (т. 1 л. д. 159).

Ссылка на те объяснения, которые дал Киселев при ознакомлении с заключением криминалистической и суд. мед. экспертизы, не опровергает объяснений Киселева о самоговоре.

Главное здесь, конечно, не в этом, а в том, что *признание* Киселевым своей вины не только абсолютно ни чем не подтверждено, а, наоборот, *противоречит другим объективным данным дела* (см. стр. 15-24 жалобы, раздел II).

3. Утверждение т. Корневского о том, что показания Киселева о применении при убийстве *столового ножа*, подтверждаются заключением судебно-медицинской экспертизы, в котором якобы указано, что *"ряд ранений потерпевшему нанесены представленным на исследование ножом"* — на материалах дела не основано.

Такого заключения *в деле нет*.

В деле имеется лишь *вероятное* заключение экспертизы, в котором значится:

"Раны нанесены каким-то режущим предметом, которым могли быть *края разбитых бутылок*, нож и др." (т. 2 л. д. 28).

Если учесть, что при убийстве действительно использовались разбитые бутылки (и это *признано* судебным *приговором*, стр. 2), станет понятным, что не может быть никакой речи о соответствии показаний Киселева об использовании при убийстве столового ножа — заключению суд. мед. экспертизы (см. более подробно об этом — стр. 17-18 жалобы).

4. Несостоятельно утверждение, что Киселев в своих т. н. признательных показаниях описал одежду потерпевшего, его возраст.

В отношении одежды потерпевшего Киселев показал:

"Он был одет в пальто, *какое не помню*". (т. 1 л. д. 106-об.).

О возрасте потерпевшего Киселев в одном месте сказал, что это был *молодой* мужчина (т. 1 л. д. 105), в другом, что ему лет 30-35 (т. 1 л. д. 106) — самому Киселеву в то время было 24 года.

Одежду Люкшина Киселев описать не смог (т. 1 л. д. 109-об.).

5. Необоснована ссылка и на то, что Люкшин подтвердил в суде показания Киселева о том, что Киселев проинструктировал его, как вести себя в милиции, предложил версию о попытке изнасилования Вольновой.

На всем протяжении следствия, в течение 9-ти месяцев, Люкшин никогда этого не говорил.

Только в судебном заседании, после ознакомления с материалами дела и показаниями Киселева, Люкшин стал давать подобные показания.

Представляется, что при таких обстоятельствах вряд ли допустимо ссылаться на соответствие показаний Киселева показаниям Люкшина, как на доказательство достоверности этих показаний.

6. Свид. Пчелкина и Базванова (дочери Люкшина) действительно подтвердили, что Киселев *ранее* бывал в доме Люкшина, однако этот факт, сам по себе, не уличает Киселева в убийстве.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимание на то, что из показаний этих же свидетелей вытекает, что отношения между Люкшиным и Киселевым были *враждебные*, что отец выгонял Киселева и Вольнову из дому и пр. (т. 1 л. д. 237, т. 4 л. д. 80)

— *Стал бы Люкшин при таких условиях брать на себя чужую вину, спасти Киселева и Вольнову?*

А ведь он, по его объяснениям в суде, не только взял на себя чужую вину, но и умышленно создавал *против себя* улики в убийстве (оставлял отпечатки пальцев на бутылках и пр. — см. его показания в суде — т. 4 л. д. 37-об., 39-об., 42-об., 44) — жалоба, раздел I п. 3, стр. 11-13, 23).

7. Абсолютно *обойдены молчанием* в ответе т. Корневского и многие другие доводы жалобы, и в частности, относящиеся к бесспорному алиби Киселева (стр. 25-31 жалобы), к отсутствию на его одежде и обуви крови и пр. (стр. 31-36 жалобы).

В связи с изложенным *вторично* прошу *истребовать* настоящее дело и дать указание самым тщательным образом проверить обоснованность обвинения Киселева с учетом доводов жалоб, находящихся в Прокуратуре СССР.

Адвокат
"5" февраля 1980 г.

 А. Л. Мове

И на эту жалобу поступил отрицательный ответ, а так как Верховному суду СССР дело это было неподнадзорно, да к тому же еще и умер Люшкин — пришлось признаться в полной дальнейшей бесперспективности дела и проститься со всеми надеждами на его справедливое разрешение.

Увы, бывает и так... Затрачено столько сил, энергии, нервов — и все безрезультатно. Подобные, если так можно выразиться, проигранные дела, уносят зачастую здоровья больше, нежели дела выигранные.

В последнем случае — есть моральное удовлетворение, компенсирующее душевные затраты. А здесь — награда за колоссальный, ка-торжный труд — сплошное разочарование, да долго неунывающая, саднящая боль за собственное бессилие и беспомощность доказать правоту, добиться правды и справедливости.

И во всем этом (не снимая ответственности и с себя) конечно во многом повинны дефекты законов, несовершенный процессуальный порядок разрешения кассационных и надзорных жалоб, о чем я в свое время достаточно много писал (см. книгу "Заметки адвоката", статьи "Жалоба на приговор", "Обжалованию подлежит...", "Теперь медали раздают" и др.).

Дело Владимира Спиркина. Разбой или вымогательство?

Начну, пожалуй, сразу с демонстрации ответов на жалобы и ходатайства:

**Документ
Копия**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ об отказе в удовлетворении ходатайства

г. Москва

13 ноября 1981 г.

Ст. Следователь Следственного отдела Ленинского РУВД г. Москвы Морозова, рассмотрев материалы уголовного дела № 22860,

установил:

Спиркин В. А. по настоящему уголовному делу привлечен в качестве обвиняемого по ст. ст. 148, 146 ч. II п. п. "а", "б" и "в" УК РСФСР (вымогательство и разбой).

При выполнении требований ст. 201 УПК РСФСР по настоящему уголовному делу адвокатом Фликером С. М. и обвиняемым Спиркиным В. А. заявлено ходатайство о переквалификации действий Спиркина В. А. со ст. ст. 148, 146 ч. II п. п. "а", "б" и "в" УК РСФСР на ст. 200 УК РСФСР, а также разъяснить потерпевшему его право обратиться в народный суд по поводу причиненных ему побоев, так как материалами дела установлено, что Спиркин добивался на протяжении нескольких лет у Пучкова возвращения обусловленной расписками денежной суммы: Спиркин неоднократно обращался в милицию с просьбой о возбуждении уголовного дела против Пучкова по признакам мошенничества, в своих объяснениях от 16.09.79 г. (т. 5 л. д. 30), Пучков указывал, что "Спиркин пытался получить с меня 11000 рублей, которые якобы дал мне займы".

Данное ходатайство удовлетворению не подлежит по следующим основаниям.

Материалами дела установлено, что Спиркин В. А. в апреле 1978 г. совершил вымогательство, требуя у Пучкова деньги под угрозой насилия над личностью, а 16-17 мая 1981 г. по предварительному сговору с Сахаровым Г. В., Щербаком В. И. и Цесаренко В. А., группой, с целью завладения личным имуществом гр-на Пучкова, совершил нападение на последнего, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, с применением предметов, используемых в качестве оружия — пассатижей и раскаленного электрического утюга, с умышленным причинением Пучкову тяжких телесных повреждений, носивших характер мучения и истязания.

Заявление Спиркина В. А. о том, что Пучков К. Н. с 1976-1977 года должен ему 11000 рублей, а 1200 рублей у него украл, опровергается собранными по делу доказательствами: показаниями потерпевшего Пучкова, его бывшей жены — Пучковой Л. Б., свидетелей Медведевой, Бердинских, Спиркина А. Г. и другими материалами дела. Оно направлено лишь на то, чтобы уйти от ответственности за содеянное.

Характер, локализация и способ причинения Пучкову К. Н. телесных повреждений во время разбойного нападения на него 16-17 мая 1981 г. свидетельствует об умысле Спиркина В. А. и его соучастников на причинение Пучкову К. Н. тяжких телесных повреждений, опасных для жизни, повлекших за собой потерю органом его функций или иное расстройство здоровья, соединенное со стойкой утратой трудоспособности не менее чем на одну треть, носивших характер мучения и истязания.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 204 УПК РСФСР,

постановил:

Ходатайство адвоката Фликера С. М. и обвиняемого Спиркина В. А., заявленное при выполнении требований ст. 201 УПК РСФСР по настоящему уголовному делу, оставить без удовлетворения.

Ст. Следователь Следственного отдела
Ленинского РУВД г. Москвы

Копия верна:

Морозова

(А. Мове)

После отклонения указанного ходатайства дело было направлено в Ленинский Райнарсуд г. Москвы, по приговору которого от 23 декабря 1981 г. Спиркин был осужден по ст. 14 ч II УК к 12-ти годам лишения свободы. Мосгорсуд оставил приговор без изменения.

Многочисленные жалобы, поданные на этот приговор в порядке надзора, неизменно отклонялись.

Документ

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РСФСР

**МОСКОВСКИЙ
ГОРОДСКОЙ СУД**

129010 Москва, ул. Калининская
д. 43, тел.: 282-19-11

28 мая 1982 г. № 44-212

На № _____ от _____

- гр. Базовой
г. Подольск, Рабочая ул., 16-56
- гр. Шарову БВ
109644 Москва, 6-й рабочий пер,
17-10-74

Сообщая, что по жалобе осужденного Спиркина ВА - гр-на Спиркина АГ, было истребовано и проверено дело по обвинению Спиркина ВА.

Установлено, что Спиркин осужден правильно. Приговор по его делу постановлен в соответствии с имеющимися в деле доказательствами и является законным. Оснований для отмены или изменения приговора в отношении Спиркина не имеется.

Что касается привлечения к уголовной ответственности Пучкова КН, за мошеннические действия, как Вы ходатайствуете в своей жалобе, то этот вопрос следственным отделом Ленинского РУВД г. Москвы в ноябре 1981 г. проверялся и в возбуждении против Пучкова КН уголовного дела по ст.ст. 147 и 144 УК РСФСР, по жалобам граждан, было отказано.

В связи с чем жалоба Ваша оставлена без удовлетворения.

Зам. Председателя
Московского городского суда

В.Г. Ромазов

ПРОКУРАТУРА СССР

ПРОКУРАТУРА
г. МОСКВЫ

117296 г. Москва, ул. Вавилова, 58,
корп. 3, кв. 161

Гр. Спиркиной Т. С.

113154, Москва, ул. Новоспасская, 27

31.08.82 № 9-1083-82

На № _____ от _____

Сообщаю, что Ваша жалоба на приговор Ленинского районного народного суда в отношении сына Спиркина В.А. прокуратурой города Москвы рассмотрена.

Проверкой материалов уголовного дела установлено, что приговор районного суда от 23.12.81г. и определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 23.02.82г. являются правильными.

Вина Спиркина в совершении разбойного нападения установлена показаниями потерпевшего Пучкова, свидетелей Колчина, Тарасовой, Андреева, заключением судебно-медицинской экспертизы, протоколом обыска и другими материалами дела.

Доказательствам по делу судом дана правильная юридическая оценка.

Наказание виновному назначено с учетом характера и степени общественной опасности содеянного и данных о личности.

Оснований к опротестованию судебных решений по делу не имеется.

Заместитель прокурора г.Москвы
старший советник юстиции

Г.И.Скаредов

ВЕРХОВНЫЙ СУД

РСФСР

103-89, Москва, ул. Кудринская, д. 8/7

9/07.82

№ 5-482-419

Спиркина Т.С.

гор. Москва, П7296,
ул. Вавилова, д. 58, кв. 186, корпус 3

Спиркину А.Г.

гор. Москва, П7296,
Ленинский проспект,
д. 69, корпус 3, кв. 362

Сообщено, что Ваша жалоба по делу Спиркина В.А., осужденного 23 декабря 1981 года Ленинским районным народным судом гор. Москвы по ст. 146 ч. 2 п. "а", "б", "в" УК РСФСР, рассмотрена.

Доводы Вашей жалоб о неправильной квалификации действий Спиркина В.А. являются необоснованными и опровергаются собранными по делу доказательствами.

Вина Спиркина в разбойном нападении с целью завладения личным имуществом граждан, соединенным с насильем, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, совершена им по предварительному сговору с Цесаренко и Шеробана полностью доказана и подтверждается показаниями потерпевшего Пучкова К.П., свидетелей Тарасовой, Павлюковского, Андреева, протоколом осмотра, заключением судебно-медицинского эксперта и другими материалами дела.

Ваше утверждение о том, что у Спиркина не было умысла на завладение личным имуществом гр. Пучкова опровергается показаниями осужденных по этому делу Шеробана и Цесаренко, которые показали, что Спиркин им предлагал или завладеть деньгами родителей Пучкова, или похищать ребенка сеестры Пучкова, или потребовать с потерпевшего деньги в сумме 37 000 рублей с процентами.

Суд тщательно проанализировал все доказательства и обоснованно пришел к выводу о виновности Спиркина и квалификации его действий по ст. 146 ч. 2 п. "а", "б" УК РСФСР.

Наказание назначено в соответствии с законом о учете социального, обстоятельств дела и данных о личности виновного.

Оснований для отмены приговора не имеется. Жалоба оставлена без удовлетворения.

Приложение: во второй адрес на 13-х листах.

Член Верховного Суда РСФСР

Г.А. Ерофеев

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
ЛЕНИНСКОГО РАЙОНА

г. Москва
119270, Москва, Фрунзенская наб., д. 38/1

Москва, П7296, ул. Вавилова
д. 58 кор. 3 кв. 161

гр. Спиркиной Т.С.

13

21.05.83 Л-348

На № _____ от _____

Ваш сын признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 146ч.2 п. "а", "б", "в" УК РСФСР и осужден Ленинским районным судом г. Москвы к длительному сроку лишения свободы.

А именно, им совершено разбойное нападение на гр. Пучкова в группе, с применением предметов, используемых в качестве оружия, с причинением потерпевшему тяжких телесных повреждений, с целью завладения деньгами Пучкова.

Данный приговор народного суда кассационными инстанциями оставлен без изменения.

Во время судебного следствия судом были проверены материалы предварительного следствия и установлено, что Ваш сын, на протяжении ряда лет вымогал у гр. Пучкова свыше 10.000 тыс. рублей, для чего неоднократно лезил Пучкова при помощи лиц, ранее судимых, включая последних за деньги, привозил на квартиры и учинял над Пучковым физическое насилие, вымогая деньги. В связи с этим, Пучков обращался неоднократно в органы милиции, в том числе и в 60 з/м, однако своевременных надлежащих мер к Вашему сыну органами милиции принято не было. Судом установлено, что Спиркин, т.е. Ваш сын, с целью избежать уголовной ответственности за совершенные действия в отношении Пучкова, в ответ на заявление Пучкова, искал встречи с заявителем (учитывая, что никаких свидетелей преступной деятельности не имеется) с тем, что Пучков незаконно завладел его деньгами.

Однако, в судебном заседании установлено, что никаких денег Пучков не был должен Вашему сыну и все заявления Спиркина в отделения милиции являются ложными.

Проверочный материал по заявлению Пучкова и заявлению Спиркина за период 1975-76г.г. согласно Инструкции МВД СССР уничтожен, материалы последующих лет находятся в материалах уголовного дела.

Прокурор района
советник юстиции

Спиркин В.И.

ПРОКУРАТУРА СССР

ПРОКУРАТУРА
г. МОСКВЫ

117296, Москва, ул. Бавилова,
д. 58, корп.3, кв. 161
Гр. Спиркина Т.С.

113184, Москва, ул. Новоспасская, 37

10.08.83г. № 12-1047-83

№ № _____ от _____

Ваша жалоба, адресованная в Комитет Государственной
Безопасности, рассмотрена в прокуратуре г.Москвы.

Установлено, что приговором Лекинского районного
народного суда г.Москвы от 21.12.81г. Ваш сын - Спиркин В.А.
признан виновным в совершении разбойного нападения.
Его вина подтверждается показаниями потерпевшего, свидетелей,
заключением судебно-медицинской экспертизы, протоколом осмотра.

Действия Спиркина В.А. судом квалифицированы правильно.

Наказание назначено с учетом тяжести совершенного
преступления и данных о личности осужденного.

Руководством прокуратуры г.Москвы в опротестовании
осостоявшихся по делу судебных решений отказано.

Заместитель начальника отдела
по надзору за рассмотрением в судах
уголовных дел

К.Тиммерман

**Документ
Копия**

**ПРОКУРАТУРА
г. Москвы**

г. Москва, ул. Вавилова, д. 58,
корп. 3, кв. 161 гр. Спиркиной

21-12 № У-1923-82

Сообщаю, что на Ваши жалобы на приговор районного суда в отношении сына Спиркина В. А. рассмотрены прокуратурой г. Москвы и оставлены без удовлетворения.

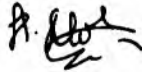
Как видно из материалов уголовного дела суд обоснованно признал Спиркина виновным в совершении разбойного нападения, что подтверждается показаниями потерпевшего Пучкова, свидетелей Колчина, Тарасовой, Андреева и заключением судебно-медицинской экспертизы, протоколам обыска и другими материалами дела.

Преступление квалифицировано правильно, наказание виновному назначено в соответствии с законом.

Оснований к опротестованию судебных решений по данному делу не имеется.

Нач. отдела по надзору за
рассмотрением уголовных дел в судах З. В. Алабина

Копия верна:

(А. Мове)

ПРОКУРАТУРА СССР

ПРОКУРАТУРА
г. МОСКВЫ

ИИ7296, Москва,
улица Вавилова дом 58,
корпус 3, кв.161
гр. Спиркина Т.С.

119184, Москва, ул. Нахимова, 87

20.05.88 17-1047-1

На № _____ от _____

Ваша надзорная жалоба на приговор Ленинского районного народного суда г.Москвы от 21 декабря 1981 г., которым осужден Ваш сын Спиркин Владимир Александрович, прокуратурой гор.Москвы рассмотрена.

Установлено, что в отношении Спиркина В.А. состоялся законный и обоснованный приговор, который оставлен без изменения определенным судебной коллегией по уголовным делам Мосгорсуда.

Вина Спиркина В.А. в совершении преступления, предусмотренного ст.146 ч.2 п.п. "а", "б" УК РСФСР, подтверждена показаниями потерпевшего Пучкова, свидетелей Колчина, Тарасовой, Андреева, заключением судебно-медицинской экспертизы, протоколом осмотра, другими материалами дела.

Действиям Спиркина дана надлежащая правовая оценка.

Наказание осужденному Спиркину В.А. избрано с учетом общественной опасности содеянного им и данных о личности виновного.

Оснований для опротестования судебных решений, постановленных в отношении Спиркина В.А. не имеется.

Заместитель начальника отдела
по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах
В.Д.Тимарев

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
Российской Советской
Федеративной Социалистической
Республики

117296, г. Москва,
ул. Вавилова, 58, кор. 3, кв. 161
гр-ке Спиркиной Т.С.

103760 ГСН. Москва, К-31
13

022190 № 12/9913-15

№ 10

Ваши жалобы по делу Спиркина В.А., в том числе поданная на личном приеме, рассмотрены.

Обсуждение его по ст.146 ч.II пп."а,б" УК РСФСР признано обоснованным.

Доводы жалобы о его невиновности неосновательны и опровергаются показаниями потерпевшего Пучкова на предварительном следствии, подробно рассказанного об обстоятельствах совершенного преступления, показаниями осужденных по этому же делу Песаренко, Шербака, свидетелей Тарасовой, Лавкинского, Андреева, результатами судебно-медицинской и судебно-биологической экспертиз.

Действия Спиркина квалифицированы правильно.

Наказание ему назначено в соответствии с законом.

Оснований для опротестования приговора суда не имеется.

Приложение: на 1 л.

Прокурор управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах

Н.Ф.Прохорова

нв 2 2 2 I 84

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
ПРОКУРАТУРА
г. МОСКВЫ

Москва,
улица Вавилова дом 58,
корпус 3; кв. 161
гр. Спиркиной Т. С.

15 06 83, 12-1047 83

Ваша жалоба на приговор Ленинского районного народного суда г. Москвы, постановленный 23.12.1981 г. в отношении сына Спиркина Владимира Александровича, прокуратурой г. Москвы рассмотрена.

Вина Спиркина В.А. в совершении преступления, предусмотренного ст. 146 ч. II п. п. "а", "б" УК РСФСР, подтверждена показаниями свидетелей Колчина, Тарасовой, Андреева, потерпевшего Пучкова, заключениями судебно-медицинской экспертизы, другими материалами дела.

Действиям Спиркина В.А. дана надлежащая правовая оценка. Наказание Спиркину В.А. определено с учетом характера содеянного, повышенной общественной опасности совершенного преступления, данных о личности виновного.

Оснований для принесения протеста на приговор народного суда, состоявшийся в отношении Спиркина В.А. и его соучастников Щербака и Цесаренко не усматривается.

Заместитель начальника отдела
по надзору за рассмотрением уголовных дел
в судах

З. В. Аласина

ПРОКУРАТУРА СССР
—
ПРОКУРАТУРА
г. МОСКВЫ

117296, Москва, улица Вавилова
дом 58, корпус 3, кв.161
гр.Спиркиной Т.С.

118184, Москва, ул. Никольская, 87

С. П. С. 18-104917

На № _____ от _____

Ваша надворная жалоба, а также жалоба Вашего сына осужденного Спиркина Владимира Александровича, прокуратурой гор.Москвы рассмотрена.

Установлено, что 21 декабря 1961 г. в отношении Спиркина В.А. и его соучастников Щербака и Цесаренко постановлен законный и обоснованный приговор. Определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда приговор суда оставлен без изменения.

Вина Спиркина установлена показаниями потерпевшего Пучкова, свидетелей Колчина, Тарасовой, Андреева, заключениями судебно-медицинской экспертизы, другими материалами дела.

Действиям Спиркина В.А. дана надлежащая правовая оценка.

Наказание Спиркину определено с учетом характера содеянного, повышенной общественной опасности совершенного преступления, всех данных о личности виновного.

Оснований для отмены или изменения судебных решений, состоявшихся в отношении Спиркина В.А. не усматривается.

Заместитель начальника отдела
по надзору за рассмотрением уголовных дел в суде

[Handwritten signature]
И. Д. Тимарев

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
г. МОСКВЫ

ГУВД Мосгорисполкома
Начальнику Управления уголовного
розыска
подполковнику милиции
Котову В.Н.
Копия: Москва, ул. Вавилова, д. 58, корп. 3.
кв. 161

113184, Москва, ул. Новомушкетера, 27 ✓

24.08.83 г. № 16/4629-83 гр-ке Спиркиной Т.С.
№ № _____ от _____

Направляется Вам для проведения проверки и решения вопроса по существу заявление гр-ки Спиркиной Т.С. о мошенничестве Пучкова. Прошу Вас о результатах проверки информировать заявительницу и прокуратуру Москвы.

И.О. Начальника отдела по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел

С.И. Зотов

Вот, собственно, почти вся коллекция отписок. Естественно, встает вопрос: за что же был осужден Спиркин и в чем состояло главное несогласие защиты с судебным приговором?

На все эти вопросы, как мне представляется, дают ответы жалобы адвоката, некоторые из которых считаю возможным привести.

Из адвокатского досье

ПРОКУРОРУ РСФСР

Адвоката А. Л. Мове,
123242, г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная юридическая консультация

По делу

Спиркина Владимира Александровича, осужд. приговором Ленинского Райнарсуда г. Москвы от 23/II-81 г. по ст. 146 ч. II п. "а" и "б" УК на 12 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

Определением коллегии Мосгорсуда от 23/II-82 г. приговор оставлен без изменения

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Приговор Народного суда, которым Спиркин В. А. признан виновным и осужден за разбойное нападение, совершенное *группой* лиц, с применением *оружия*, т. е. по ст. 146 п. п. "а" и "б" УК, к лишению свободы на длительный срок, представляется *явно* неправильным и подлежащим *изменению* по следующим соображениям.

I.

Бесспорно установлено, и это нашло отражение в Обвинительном заключении и судебном приговоре, что осужденные Щербак и Цесаренко не имели умысла на *разбойное* нападение на потерпевшего Пучкова, а по предложению Спиркина и Сахарова оказывали содействие Спиркину (за определенное вознаграждение) в получении с Пучкова *долга* — 11000 руб. и похищенных у него 1200 руб., т. е. всего 12000 руб. (см. Приговор и Обвинительное заключение).

Очевидно, что при таких обстоятельствах действия Цесаренко и Щербака надлежало квалифицировать не ст. 146, а ст. 17-200 УК (*самоуправство*) и дополнительно, в связи с незаконным лишением Пучкова свободы и истязанием — ст. 126 ч. II УК.

Правильная квалификация действий Цесаренко и Щербака имеет прямое отношение к квалификации действий Спиркина, поскольку в этом случае Спиркин не может нести ответственность за *разбойное* нападение, совершенное *группой* лиц, т. е. по ст. 146 ч. II п. "а" УК.

В нарушение требований ст. 314 УПК и Руководящего постановления пленума Верховного суда СССР от 30/VI-69 г. № 4 "О судебном приговоре" (п. 6) свой вывод о квалификации действий Щербака и Цесаренко ст. 146 ч. II УК, суд в приговоре *не мотивировал*.

Полагаю, что только по одним этим основаниям, в связи с явно необоснованной квалификацией действий осужденных Щербака и Цесаренко ст. 146 УК, повлекших ошибочность квалификации действий Спиркина п. "а" ч. II ст. 146 УК, данный приговор не может быть оставлен в силе.

II.

Из материалов дела усматривается, что *угрожая* потерпевшему насилем и *применяя* насиле, осужденные не преследовали цели *немедленного* завладения деньгами потерпевшего (12000) руб., которых, кстати, *при нем и не было*, а лишь понуждали потерпевшего "*написать расписку о возврате 7000 руб. в течение недели*", "*написать расписку*

о том, что он выкрал у Спиркина 1200 руб" (которые должен в будущем возвратить — А. М.), "позвонить своему отцу, чтобы он привез на Таганскую площадь и передал Спиркину 12000 руб." (см. Обвинительное заключение и копию Приговора — стр. 2-3), т. е. преследовали цель не *немедленного* изъятия денег у потерпевшего (как это предполагается при грабеже и разбое), а передачи Спиркину денег *в будущем*.

Нет нужды доказывать, что подобные действия подлежат квалификации не ст. 146, а ст. 148 УК (*вымогательство*) и дополнительно, в связи с незаконным лишением Пучкова свободы и примененным к потерпевшему насилем (*истязанием*) — ст. 126 ч. II УК (см. Комментарий к УК РСФСР, 1980 г., Комментарий к ст. 148 УК, п. 6, 8, 9 — стр. 279).

Следовательно, даже если исходить из того, что осужденные требовали у Пучкова передать Спиркину, в более или менее отдаленном *будущем*, не долг — деньги в сумме 12000 руб., а деньги, принадлежащие *лично* Пучкову, их действия (в том числе и действия Спиркина) надлежало квалифицировать не ст. 146, а ст. 148 и 126 ч. II УК.

III.

На всем протяжении следствия и в судебном заседании подс. Спиркин В. А., категорически *отрицая* свою вину в *разбойном* нападении на Пучкова с целью завладения его деньгами или имуществом, последовательно объяснял, что Пучков в 1976 г. *мошенническим* путем (под предлогом взятия в долг) завладел его деньгами в сумме 11000 руб., на что он выдал расписку.

"Пучков длительное время *долг не возвращал*, писал новые расписки, а затем *вдобавок украл* у меня еще 1200 руб., — показал далее Спиркин.

И далее:

"Я неоднократно обращался в *милицию* с просьбой помочь вернуть деньги, *но ничего не добился*, и тогда сам решил действовать" (см. копию приговора, стр. 3 и показания Спиркина — т. 1 л. д. 141-143, 145-148, 149-150, 187-188; т. 2 л. д. 5-24; т. 5 л. д. 210-213 и протокол суд. засед. — т. 5 л. д. 270-275, 300).

Указанные показания Спиркина суд *отверг*, в результате чего *сформулировал обвинение* Спиркина в приговоре следующим образом:

"Спиркин, *зная*, что Пучков К. Н. *брал взаймы* у многих граждан *крупные* суммы денег под проценты, и имея на руках *расписки* Пучкова на свое

имя, полученные *обманом*, неоднократно *шантажировал* потерпевшего, *требуя денег и т. д.*" (копия приговора, стр. 1)

Несложно понять, что подобная *формулировка обвинения* Спиркина абсолютно ни на чем не основана, поскольку она *противоречит* не только показаниям Спиркина, но и *показаниям Пучкова*, который на многочисленных допросах в процессе следствия утверждал, что *он стал брать займы* деньги у различных граждан под проценты только *после* того, как выдал Спиркину расписки о получении денег в долг, *для того, чтобы рассчитаться со Спиркиным* (см. показания Пучкова — т. 1 л. д. 27-101 и копию приговора, стр. 5).

В нарушение требований ст. 314 УПК и руководящего постановления Пленума Верховного суда СССР "О судебном приговоре", свое *несогласие с показаниями Пучкова* суд в приговоре *не мотивировал*.

Вся эта путаница и неразбериха в судебном приговоре (в *Обвинительном заключении* обвинение Спиркина сформулировано *по-иному*) являются неслучайными и объясняются тем, что в материалах дела *не только не имеется никаких доказательств, опровергающих показания Спиркина, а, наоборот, имеются данные, полностью их подтверждающие*.

1. О показаниях Пучкова К. Н.

При оценке показаний Пучкова на следствии (от явки в суд он уклонился) о том, что он денег *в долг* у Спиркина *не брал*, что Спиркин получил у него *расписки обманным путем*, что 1200 руб. он у Спиркина *не похищал*, суд не учел следующего:

1. *Бесспорно установлено*, что на протяжении длительного периода времени, *трех лет* (с 1976 по 1979 г.), Пучков нигде не работал, вел антиобщественный, *паразитический* образ жизни, *пьянствовал*, злостно уклонялся от *трудоустройства* (см. характеристики — т. 3 л.д. 57, 60, показания свид. Шарова Б. В. — т. 5 л. д. 285).

2. *Объяснения Пучкова* о том, что он стал одалживать у граждан крупные суммы денег под проценты только *после* того, как Спиркин обманным путем получил у него в 1976 г. долговые расписки и стал настаивать на возврате долга, опровергли допрошенные по делу свидетели Шаров Б. В. и Сьянов С. Ю., которые подтвердили, что еще в 1974-75 гг. Пучков неоднократно брал у них в долг крупные суммы денег и не отдавал.

Они показали:

Сьянов С. Ю.:

“В течение 1974-75 гг. Пучков Костя брал у меня займы неоднократно деньги разными суммами, но *не отдавал*... Так у него накопился долг 700 руб. (т. 3 л. д. 185-об.)

Затем:

“Потом в счет долга он отдал приемник “Юность”, стоимостью 200 руб., а 500 руб. остался должен, говорил, что пока отдать не может... Как-то в 1975 г. я сказал отцу Пучкова, что Костя должен мне 500 руб. Отец обещал отдать деньги за сына... (т. 3 л. д. 186-об.). Не помню точно в каком году я все-таки еще раз позвонил отцу Пучкова и он мне сказал, что Костя *столько денег в долг набрал*, что они не знают, как расплачиваться. Я понял, что деньги мне свои *не получить* и оставил Пучковых в покое”. (там же, л. д. 187-об.)

Шаров Б. В.:

“С 1975 г. по апрель 1976 г. я дал Пучкову в долг 2500 руб. (1 т. + 500 + 1 т. руб), он написал расписку, обещал вернуть, но не вернул. Я стал звонить отцу, но он не знал, где сын... Примерно весной 1978 г. (после вызова в милицию — А. М.) мне домой позвонил отец Пучкова и сказал, что со всеми долгами Кости он будет рассчитываться сам, чтоб никакого дела в милиции не возбуждать, что он все долги возместит (т. 3 л. д. 114-122).

Впоследствии отец Пучкова возместил Шарову 1600 руб., а 900 руб. не возвратил, в связи с чем Шаров вынужден был обратиться в суд с иском, который был разрешен уже после осуждения Спиркина (см. показания Шарова — т. 5 л. д. 284-285, прилагаемые заявления Шарова в Прокуратуру РСФСР от 25/V-83 г. и Решение Куйбышевского Райнарсуда г. Москвы от 12/IX-83 г.).

Опровергаются показания Пучкова в этой части и тем, что он обманным путем заполучил у различных граждан значительно большую сумму денег (свыше 20.000 руб.), нежели он должен был возвратить Спиркину (12.000 руб.) — см. ниже.

3. *О том, какие изощренные способы использовал Пучков в своих мошеннических действиях, направленных на завладение крупными суммами денег граждан, подробно рассказали на следствии и в суде свидетели Бердинских, Янушкин, Шаров, Сьянов, Медведева, Макаров и другие.*

Так, свид. Бердинских В. П. (шофер) показал:

“Как-то в разговоре Пучков мне сказал, что у него есть *машина* “Запорожец” и он может мне ее продать, если я сразу дам ему в долг 2.000 руб. Я хотел приобрести машину..., тем более, что Костя меня заверил, что машина прямо на следующий день будет. Костя мне сказал, что может написать расписку на 5 т. руб., как гарантию того, что он мне машину отдаст. Я согласился, занял везде, где мог, деньги и отдал Пучкову 2.000 руб.” (т. 3 л. д. 190-об.)

И далее:

“Прошли день, два — Костя машину не пригонял, говорил, что она где-то за городом, не заводится, уверял, что уже все документы на машину оформляются, что мне машину пригонят к подъезду уже со всеми документами...” (там же, л. д. 191-об.).

“В конце концов я понял, что Пучков с машиной меня обманывает и мы с ним поругались... Потом Пучков уехал, *его не было несколько месяцев*... Костя появился и сказал, что с машиной у него ничего не получается и он деньги вернет”. (там же, л. д. 194)

Затем:

“Через несколько дней после того, как меня вызвали в милицию (1978 г.), мне позвонил отец Пучкова и пригласил к себе. Когда я ему рассказал, что Пучков обещал мне продать свою машину, отец только посмеялся, сказал, что у *него никогда никакой машины не было*, была машина “Запорожец” у приятеля отца и просто он иногда ее ставил у их дома... Отец возвратил мне 600-700 руб., а остальные выплачивал частями...” (там же, т. 3 л. д. 194-об., 195-об.).

Тот факт, что он не собирался продавать машину Бердинских, Пучков признал и на допросе объяснил:

“... 2.000 руб. я просил у Бердинских в долг на мои личные нужды, т. к. в тот период я срочно должен был отдать деньги в сумме 3.500 руб. *Раскину*”.

“Сейчас точно вспомнить, кому в какой период я был должен, мне трудно, но деньги занимал только на то, чтобы расплатиться с предыдущими долгами”. (т. 3 л. д. 199-200-об.).

В этих мошеннических действиях Пучкова работники 60 отделения милиции г. Москвы, как это ни странно, ничего криминального не усмотрели.

Аналогичные показания дал по этому вопросу свид. Янушкин И. Л., который пояснил, что по просьбе Пучкова дал ему взаймы в мае-июне 1977 г. 650 руб., предупредив, что деньги у него *отложены на отпуск* и к июлю-августу их надо ему возвратить.

“Однако Пучков денег мне не вернул, — показал далее Янушкин. — Через некоторое время я получил от Пучкова письмо, где он писал, что пока деньги вернуть не может... Потом меня вызвали в 60 отделение милиции (1978 г.), где я рассказал все, как было, и мать Пучкова возвратила мне деньги” (т. 3 л. д. 234-235).

Точно таким же *мошенническим* способом завладел Пучков деньгами гр. Макарова в сумме 5.000 руб.

По этому поводу в Постановлении о прекращении уголовного дела от 20/IX-79 г. значится:

“В июне 1977 г. Пучков согласился помочь Макарову *приобрести автомашину*. В это же время он попросил у Макарова 5.000 руб., обещав *внести* эту сумму при *покупке автомашины* 1/VII-77 г. (т. 3 л. д. 88).

Никакой автомашины для Макарова Пучков, естественно, покупать не собирался и при допросе по этому вопросу показал, что

“...ему нужны были деньги, чтобы погасить долг. Он занял деньги у Макарова... вернуть не смог ввиду отсутствия денег” (см. там же, л. д. 88).

Невзирая на то, что к моменту проверки в следственном отделе РУВД заявления Макарова (1979 г.), т. е. через два года, Пучков с Макаровым не рассчитался (в присутствии следователя мать Пучкова 5/IX-79 г. возвратила Макарову 2.000 руб., а долг в сумме 3.000 руб. был возвращен Макарову только через четыре года, т. е. в июне 1981 г. — см. расписки — т. 3 л. д. 82, 83, 84, 80), следователь счел возможным прекратить возбужденное против Пучкова дело по ч. III ст. 147 УК на основании ст. 6 УПК — “ввиду того, что деяние Пучкова *потеряло характер общественно-опасного*” (см. Постановление — т. 3 л. д. 88-89).

И это при том, что в процессе расследования дела, буквально накануне его прекращения, в августе 1979 г., Пучков мошенническим путем завладел деньгами гр. Смир-

нова Г. А. (1.500 руб.), а в мае-июне 1979 г. таким же образом получил 150 руб. у гр. Чубаровой П. Д. (см. Решение Куйбышевского Райнарсуда г. Москвы и заявления гр. Чубаровой П. Д. — прилагаются).

Всего Пучков мошенническим путем завладел деньгами гр. Смирнова Г. А. (1.500 руб.), Медведевой З. А. (2.800 руб.), Чубаровой (150 руб.) и других, на общую сумму свыше 20.000 руб. (см. прилагаемые копии решений Нарсудов и заявления гр. Чубаровой, Гольфедер Н. А. и др.).

4. При оценке показаний Пучкова не учел суд и его поведения, которое с очевидностью свидетельствует о том, что Пучков понимал преступный характер своих действий, боялся привлечения к уголовной ответственности, скрывался от следствия и суда.

Так, в 1978 г. Спиркин и другие граждане — кредиторы Пучкова обратились в 60 отделение милиции с заявлениями о привлечении Пучкова к уголовной ответственности за мошенничество.

“Родители мне сказали, — показал по этому поводу Пучков, — что Спиркин поднял шум, организует всех моих кредиторов, утверждает, что я скрываюсь, что я мошенник... Я испугался, поэтому боялся сразу вернуться домой, все думал, что же мне делать. Мы с женой уехали на юг, где пробыли до ноября месяца (три месяца — А. М.). Потом поехали в г. Тулу, где находились около месяца и т. д.” (т. 2 л. д. 29-об. -30).

В общей сложности Пучков с женой отсутствовали в Москве 9 месяцев (см. показания Пучковых и копию Решения нарсуда — т. 3 л. д. 172).

5. Отрицая получение в долг у Спиркина 11.000 руб. (точно таким же образом Пучков отрицает получение в долг денег у Смирнова, Медведевой и других — см. прилагаемые Решения судов), Пучков на следствии пояснил, что расписку о займе 5.000 руб. (т. 2 л. д. 182) Спиркин получил у него обманным путем:

“Спиркин при разводе с женой обещал оставить ей свою комнату, но за это не возвращать долг ее матери в сумме 2.000 руб... Спиркин затем стал говорить, что за комнату надо уплатить еще 5.000 руб. Согласившись со Спиркиным, я по его просьбе написал расписку на якобы полученные в долг 5.000 руб.”, — показал Пучков на допросах.

Данные показания Пучкова суд положил в основу приговора (копия приговора, стр. 5).

Между тем:

а) Бывшая жена Спиркина и Пучкова — гр. Пучкова Л. Б. (Колчина), подтвердив тот факт, что у нее действительно при разводе была договоренность со Спиркиным об оставлении ей комнаты, за что мать должна "простить" ему долг — 2.000 руб., категорически заявила:

"О том, что Спиркин просит *увеличить плату за комнату, Пучков мне не говорил*" (т. 3 л. д. 155-об.).

И далее:

"Однажды Пучков сказал, что он взял по маминой расписке 2.000 руб. у Спиркина" (т. 5 л. д. 294)

б) В своих первоначальных показаниях от 17/V-81 г. Пучков, вопреки всем своим другим голословным показаниям, положенным в основу приговора, совершенно *по-иному* объяснял происхождение расписки на 5.000 руб.

"Примерно два года тому назад меня Спиркин избил и вместе с каким-то знакомым увез с себе на квартиру, где *силой заставили меня написать расписку в получении 5.000 руб.* Прошлый раз мне удалось убежать от них". (т. 1 л. д. 27-об.)

6. Из показаний Пучковой Л. Б. усматривается, что ее бывший муж — Пучков К., скрываясь от кредиторов, длительное время совместно с ней жил на юге, на Черноморском побережье, а затем — в г. Туле (у ее отца).

"Пучков боялся ехать в Москву... На юге он *выкрал мой паспорт* и выменял на деньги...", — показания в суде Пучковой Л. Б. (т. 5 л. д. 289-289-об.)

7. Из материалов дела усматривается, что в марте м-це 1978 г. Спиркин обратился в суд с иском о признании Пучковой Л. Б. утратившей право на жилплощадь. Этот иск решением Нарсуда от 13/IV-78 г. был удовлетворен. До этого Пучкова в течение 9 месяцев (с июня 1977 г. по февраль 1978 г.) в Москве не проживала (см. копию Решения Нарсуда — т. 3 л. д. 172).

Данный факт начисто опровергает показания Пучкова о том, что он в 1978 и 1979 гг. выдавал долговые расписки Спиркину в связи с тем, что последний обещал оставить квартиру Пучковой Л. Б., что он в 1978-79 гг. одалживал деньги у различных граждан и частично передал их Спиркину с этой же целью и т. п.

8. Беря в долг деньги у Спиркина, Пучков ссылаясь на то, что вкладывает эти деньги в какое-то большое "дело", которое должно принести ему огромный доход, после чего он сможет возратить Спиркину крупную сумму денег. В

подтверждение своих заверений Пучков обменял все расписки, данные Спиркину, на одну — в 50000 руб. (т. 2 л. д. 183 — см. об этом ниже).

Хорошо понимая, что указанная расписка о получении в долг от Спиркина 50000 руб. полностью *изобличает его в мошенничестве*, Пучков категорически, на протяжении всего следствия, отрицал факт составления и выдачи Спиркину данной расписки.

Даже после предъявления ему *комиссионного заключения повторной почерковедческой экспертизы*, установившей, что текст расписки написан Пучковым, последний заявил:

“Я не знаю, чем объяснить такое повторное заключение, но я по-прежнему утверждаю, что *расписки* этой на 50000 руб. *я не писал* и, откуда она взялась у Спиркина, я не знаю”. (т. 5 л. д. 94-об.).

Никакой критической оценки указанным показаниям Пучкова и факту выдачи им Спиркину долговой расписки на 50000 руб. как следственные органы, так и суд не дали (см. Обвинительное заключение и приговор суда).

— Допустимо ли на подобных показаниях Пучкова, систематически занимавшегося *мошенничеством* с причинением значительного ущерба потерпевшим, строить обвинение Спиркина в *разбойном нападении*?

— Допустимо ли подобными показаниями Пучкова, прямо заинтересованного в исходе дела, путанными и противоречивыми, абсолютно голословными и противоречащими бесспорно установленным фактам, опровергать показания Спиркина — человека, в прошлом ничем себя не запятнавшего?

II. О показаниях Спиркина В. А.

Показания Спиркина, который на всем протяжении следствия и в судебном заседании утверждал, что умысла на *ограбление* Пучкова он *не имел*, что он преследовал цель забрать у потерпевшего *свои деньги* (11000 руб.), данные в долг, и 1.200 руб., похищенные Пучковым у него, не только *ничем не опровергнуты*, а, наоборот, нашли полное *подтверждение* в материалах дела:

1. Показания Спиркина подтверждаются *характеристикой потерпевшего* Пучкова, который, ведя паразитический, антиобщественный образ жизни (длительное время не работал, пьянствовал), *аналогичным способом*, путем мошенничества, завладел не только деньгами Спиркина, но и деньгами многих других граждан.

2. Допрошенный в процессе следствия свид. Сахаров Г. В. подтвердил показания Спиркина и объяснил, что Спиркин просил оказать содействие и помощь в возврате долга — 12.000 руб. (т. 1 л. д. 174, 182-183).

3. Подтвердили показания Спиркина и допрошенные на следствии и в суде осужденные Щербак В. И. и Цесаренко В. А., все показания которых сводились к тому, что Спиркин вел речь об оказании содействия *в возврате долга* (см. показания — т. 2 л. д. 1-4, 226-229; т. 3 л. д. 1-9, 47-50; т. 5 л. д. 114-119, 152-153, 261-265; т. 2 л. д. 230-233; т. 3 л. д. 10-21, 38-46; т. 5 л. д. 123-126, 157-158, 266-269).

Ссылка суда в приговоре на то, что умысел Спиркина был направлен на завладение личным имуществом Пучкова, поскольку он *«вначале предлагал Щербаку и Цесаренко В. потребовать у потерпевшего 37.000 руб. с процентами»* (стр. 7), является несостоятельной, поскольку:

а) Установлено, что Спиркин, так же как Щербак и Цесаренко, от совершения данного преступления *добровольно отказались*.

б) Из показаний Спиркина усматривается, что он вел речь не о завладении 37.000 руб., а

«хотел, чтобы он (Пучков) признался, что украл у меня 1.200 руб. и обманом получил расписки на 37.000 руб.» (т. 3 л. д. 43-об.-44 и др.).

в) Показания Спиркина в этой части подтвердил подс. Щербак В. И., который объяснил:

«Спиркин заставил Пучкова написать расписку на 7.000 руб., а затем стал заставлять Пучкова написать признание в том, что он у него украл деньги и отобрал расписки на 37.000 руб.» (т. 5 л. д. 115-об.).

Затем:

«Спиркин говорил Пучкову, чтобы он написал расписку о какой-то краже денег и расписок». (т. 5 л. д. 262-об.)

К этому же сводились показания подс. Цесаренко В. А. (т. 3 л. д. 14; т. 5 л. д. 267-об., 269).

4. Как в процессе следствия, так и в суде подтвердили показания Спиркина многочисленные свидетели: Андреев Н. Н., Тарасова И. И., Морозова Г. А., Вихрова Н. Д., Геровкян К. А., Спиркин А. Г., Спиркина Т. С., Воронцова С. И., Власов А. К., Кученский В. И., Голынский А. С., Пучкова Л. Б., Михеева Н. А., Мурашов В. А., Шаров Б. В. и другие.

В частности, свид. Мурашов В. А. (доцент ВЗПИ) на следствии показал:

"Примерно в 1978 г. я как-то был у Спиркина и он мне жаловался, что один его знакомый — в то время муж его бывшей жены, взял у него в *долг на покупку автомашины...* что-то 10 или 12 т. руб., точно сумму я сейчас припомнить не могу.

Спиркин говорил мне, что этот его знакомый деньги ему не отдает уже в течение длительного времени. Спиркин показывал мне расписки этого человека". (т. 2 л. д. 50-об., 51).

И далее:

"Спиркин спрашивал меня, не могу ли я помочь ему получить долг, поговорить с его знакомым...

Спиркин просил меня помочь получить долг, говорил, что если он будет официально обращаться в суд, то это будет долго и ему будет возвращены деньги частями. Поэтому он хотел, чтобы с его должником кто-нибудь поговорил". (там же, л. д. 51, 52-об.)

К этому же сводились показания свид. Власова А. К. (редактор ТАСС):

"В 1981 г. Спиркин как-то вскользь упомянул, что один его знакомый уже пять лет не отдает ему крупную сумму денег... Спиркин говорил, что этому знакомому один раз даже "морду бил", *в милицию также обращался*, но ему не помогли. Спиркин спросил меня, не могу ли я поговорить с юристами относительно этого дела... Я ему сказал, что узнаю..." (т. 4 л. д. 142-об., 143).

Аналогичные показания дала по этому вопросу свид. Воронцова С. И.:

"Я слышала, что Пучков должен Спиркину крупную сумму денег... Спиркин обращался ко мне за помощью, за содействием. Я знаю о долге в течение последних трех лет..." (т. 5 л. д. 282-об., 283).

Об этом же говорил свид. Голынский А. С.:

"В 1978 г. Спиркин мне сказал, что Пучков якобы должен ему крупную сумму денег. Он сказал сколько-то тысяч... Спиркин сказал, что Пучков ему деньги не отдает и он пойдет и "набьет ему морду..." (т. 3 л. д. 97-об.).

Такие же показания дали и другие свидетели.

Они показали:

Михеева Н. А. (сестра Спиркина):

"...Примерно в течение пяти лет Спиркин мне часто говорил, что он дает взаймы деньги Пучкову Косте... Потом, уже года три, брат мне говорил, что Костя его обманул, деньги не возвращает. Брат обращался во все инстанции, но ему нигде не помогли..." (т. 4 л. д. 38-об., 39-об., 40)

Кучинский В. И.:

"Еще в 1979 г. мне Спиркин показывал расписку на 40 т. руб.... Я тогда узнал, что ему должен какой-то Костя 10 т. руб., а расписку дал на 40.000 руб." (т. 2 л. д. 92-об.-93).

Геворкян К. А. (ассистент режиссера студии "Мосфильм"):

"Я знал, что Спиркин давал Пучкову деньги, приличную сумму. За проданную машину Спиркин получил деньги, которые выдал Пучкову.

И далее:

"Я знал, что Спиркин дал деньги в долг. Спиркин добрый, хороший человек, я не знаю ни одного факта непорядочности. Думаю, что он не способен на обман и ложь". (т. 5 л. д. 276-об.)

Вихрова Н. Д.

"Еще осенью 1976 г. у нас с Володей зашел разговор о том, где у него деньги, которые он получил от продажи автомашины. Он признался мне, что деньги те отдал Пучкову в долг... Спиркин мне сказал, что Пучков отдаст ему деньги весной 1977 г." (т. 2 л. д. 203-об.)

Затем:

"Примерно в мае 1977 г. Пучковы вдруг уехали, как-то скоропалительно... Я знаю, что Спиркин их потом разыскивал, звонил им, но их нигде не было. Спиркин неоднократно жаловался, что Пучков ему деньги не отдает (там же, л. д. 204).

И далее:

"Я знаю о долге на протяжении пяти лет. От продажи машины Спиркин отдал деньги Пучкову. Это мне сказал Спиркин". (т. 5 л. д. 285-об.)

Морозова Г. А.:

"...Когда Пучковы жили у нас в квартире, Спиркин мне говорил, что он дал Пучкову взаймы

какую-то сумму денег, но какую именно не говорил... Когда супруги Пучковы уехали, Спиркин стал говорить, что Пучков не отдает ему деньги, которые должен, говорил о каких-то расписках Пучкова..." (т. 2 л. д. 106).

Затем:

"Я знаю, что Пучков взял несколько тысяч рублей в долг у Спиркина и не возвращал". (т. 5 л. д. 283-об.)

К этому же сводились показания свид. Андреева К. Н., Тарасовой Н. И., Шарова Б. В., Спиркиной Т. С., Спиркина А. Г. и других (т. 1 л. д. 196-197, 198-219; т. 1 л. д. 151-154, 155-170; т. 3 л. д. 114-125; т. 5 л. д. 284-285; т. 4 л. д. 1-14; т. 5 л. д. 290-291, 276-277-об.).

5. В процессе следствия и в судебном заседании, говоря о причине появления долговой расписки на 50.000 руб., Спиркин В. А. объяснил, что Пучков, обращаясь к нему с просьбами дать займы деньги, убеждал его в том, что деньги ему нужны, "чтобы вложить в какое-то "дело" со своим знакомым Зурабом, который живет где-то под Тбилиси". (т. 5 л. д. 12-об.)

"Он с этим Зурабом договорился, — пояснял далее Спиркин, — что вложит в дело 11.000 руб., а он потом вдвойне ему отдаст". (там же)

Затем:

"Когда я ему сказал, чтобы он вернул деньги, то он мне сказал, что вернет чуть позже. Он сказал, что *дела его идут хорошо*, скоро он мне все вернет, а пока может увеличить сумму процентов..., потом он удвоил сумму и в конце концов выдал мне расписку на 47.000 руб. ... Но я хотел получить только свои деньги..." (т. 5 л. д. 14-об.).

Затем:

"Пучков потом мне сказал, что я зря волнуюсь, у него все в порядке, Зураб здесь, деньги ему отдаст..." (там же, л. д. 16)

"За то, что он долго мне не отдавал долг, он мне сможет отдать 100.000 руб. и забрал у меня расписку на 47.000 руб., а отдал мне две расписки, каждая из которых была на 50.000 руб." (там же, л. д. 17-об.)

Спиркин далее пояснил, что в апреле 1978 г. Пучков приехал к нему домой, сказал, что "дело" принесло ему доход в 100.000 руб., из которых 50.000 руб. он сможет отдать ему.

но деньги пока находятся у одного человека, остановившегося в гостинице "Украина", и туда надо подъехать.

"Чтобы не делить деньги при получении, — показал Спиркин, — Пучков дал мне расписку на 50.000 руб., получив взамен все свои расписки, кроме одной — на 5.000 руб. Однако по дороге в гостиницу Пучков от меня скрылся... Вернувшись домой, я обнаружил, что из денег, лежавших в шкафу, пропало 1.200 руб. Эти деньги перед отъездом в гостиницу я показывал Пучкову, которого после этого, по его просьбе, оставлял одного в комнате". О случившейся краже и мошенничестве Пучкова я заявил в 60 отделение милиции" и т. д. (см. показания Спиркина и Обвинительное заключение, стр. 4-5).

Данные показания Спиркина, равно, как выдачу ему долговой расписки на 50.000 руб., Пучков на протяжении всего следствия категорически отрицал.

Между тем:

а) Допрошенная на следствии свид. Морозова Г. А. (соседка по квартире, младший научный сотрудник) показала:

"Я помню, что зимой 1978 г., возможно ранней весной, к Спиркину приехал Пучков, Спиркин ждал приезда Кости, говорил мне, что сейчас Костя приедет и они поведут куда-то за деньгами, очень большую сумму получают... Он готовил большую спортивную сумку". (т. 2 л. д. 106-об.)

И далее:

"Они уехали. Потом Спиркин приехал. Он был буквально взбешен, бегал по квартире, сказал мне, что Костя его обманул, украл какие-то расписки и деньги, которые лежали в его комнате в книжке. Спиркин говорил, что украл Костя 1 т. руб. с чем-то". (там же, л. д. 107-об.)

Эти свои показания свид. Морозова подтвердила в суде, где она уточнила:

"Спиркин мне сообщил, что Пучков собирается отдавать деньги... Кто-то должен был отдать деньги Пучкову, а тот — Спиркину. Спиркин зашел ко мне и попросил не выходить в коридор... Вечером Спиркин сообщил мне, что у него украли деньги... Я сделала вывод, что украл Пучков". (т. 5 л. д. 283-об.)

б) Подтвердила данный факт и свид. Вихрова Н. Д., которая в процессе следствия объяснила:

“Спиркин мне сказал, что Пучков его обманул, что он пришел к нему в дом, они говорили, а потом он попросил его выйти из комнаты, отвлечь соседку, чтобы она не подслушала телефонный разговор... Потом они поехали к какому-то человеку... Пучков сказал, что *денег будет много*, чтобы Володя взял *сумку побольше*”.

Затем:

“Я решила, что можно будет доказать эту кражу и убедила Спиркина пойти в милицию”. (т. 2 л. д. 205-об., 208)

Аналогичные показания дала Вихрова И. Д. и в суде (т. 5 л. д. 285-об.-287-об.).

в) Подтвердил показания Спиркина в этой части и свид. Шаров Б. В.

На следствии он показал:

“Весной 1978 г. мне на работу позвонил Спиркин и сказал, чтобы я ехал в 60 отделение милиции, что Костя уже там и что все его кредиторы тоже там, милиция будет разбираться все, как было... Спиркин в это время тоже был в отделении милиции и он все *настаивал*, чтобы возбудили уголовное дело, вели *следствие* на Пучкова, как на *мошенника*”. (т. 3 л. д. 119-об.)

Говорил об этом свид. Шаров и в суде:

“Он (Пучков) говорил, что должен Спиркину 10.000 руб. Пучков говорил, что украл у Вас (Спиркина) 700 и 1.700 руб. ... Был разговор у Спиркина, что Пучков украл деньги”. (т. 5 л. д. 285)

г) Подтвердила показания Спиркина и свид. Пучкова Л. Б., которая показала:

“Мне звонила мать Спиркина и выговаривала, почему Костя не отдает долг Спиркину...” (т. 3 л. д. 159-об.).

“Пучков мне сказал, что занял деньги для одного человека, который обещал ему с процентами отдать, и тогда он имел бы крупную сумму... Он сказал, что этот человек его обманул, деньги не отдает и он оказался в долгах”. (там же, т. 3 л. д. 162-об.)

Затем:

"Спиркин мне сказал, что он подозревает Пучкова в краже денег, сумму не помню..." "Об этом я слышала от Спиркина еще и раньше, когда он заявлял в милицию на Пучкова. Он тогда говорил, что Пучков украл у него 1 т. или 1.200 руб." (т. 3 л. д. 178-об.-179)

Затем:

"В апреле 1981 г..., когда мои деньги пропали в доме Пучковых, я сказала Пучкову, что может он их взял, как и деньги Спиркина. Пучков мне тогда ответил: "Да, взял". (там же, л. д. 179)

К этому же сводились показания Пучковой Л. Б. в суде, где она пояснила:

"Пучков пугал меня, что его могут посадить. Я боялась, т. к. была рядом... Он мне говорил, что вкладывал деньги в какое-то "дело", но там у него что-то не получилось..." (т. 5 л. д. 289-об.)

д) Подтверждаются показания Спиркина и имеющейся в деле долговой распиской Пучкова на 50.000 руб. (т. 2 л. д. 183). Свою причастность к выдаче этой расписки, невзирая на заключения почерковедческих экспертиз (т. 3 л. д. 242) Пучков категорически отрицал.

6. Показания Спиркина об отсутствии умысла на завладение деньгами Пучкова, о том, что он преследовал цель понудить Пучкова возратить свои деньги, взятые Пучковым у него в долг и похищенные им у него, свидетельствует и все поведение Спиркина.

Бессспорно установлено, что:

а) Спиркин в апреле 1978 г. обращался в 60 отделение милиции г. Москвы с заявлением о хищении у него денег Пучковым, настаивал на расследовании дела и привлечении Пучкова к уголовной ответственности за мошенничество и хищение денег. В этом ему было отказано (см. показания Спиркина, свид. Вихровой, Шарова и др.). Официально заявление Спиркина в отделении милиции зарегистрировано не было (см. показания свид. Калябина А. А. (т. 5 л. д. 4-7).

б) Спиркин в апреле 1978 г. совместно с другими лицами, потерпевшими, понесшими ущерб в результате мошенничества Пучкова, повторно обращался с заявлением в 60 отделение милиции г. Москвы.

Свыше года материал находился в 60 отделении милиции и лишь 23/V-79 г. был направлен в Прокуратуру Ленинского р-на г. Москвы, где в отношении Пучкова было воз-

буждено уголовное дело по ст. 147 ч. III УК, которое было передано в следственный отдел Ленинградского РУВД.

19/IX-79 г. указанное дело (по факту мошеннического завладения деньгами гр. Макарова) было производством прекращено (по ст. 6 УПК), а весь материал, касающийся обвинения Пучкова по другим эпизодам (в том числе и в отношении Спиркина) *утерян* (см. показания свид. Калябина А. А. — т. 5 л. д. 4-7, Постановление о прекращении дела — т. 3 л. д. 88-89, сообщение Нач. СО Ленинского РУВД от 23/IX-81 г. № Р-16/сл/22860 от 23/IX-81 г.

в) 3/VII-80 г. Спиркин вновь обратился в 65 отделение милиции г. Москвы с заявлением о привлечении Пучкова к уголовной ответственности и об оказании ему содействия в получении с Пучкова денег. Заявление было переадресовано в 60 отделение милиции, где было *утеряно* (см. показания свид. Калябина А. А. — т. 5 л. д. 4-7 и сообщение нач. 65 отд. милиции — т. 5 л. д. 43).

г) В ноябре 1980 г. с аналогичным заявлением Спиркин обратился в Прокуратуру Ленинского р-на г. Москвы. Указанное заявление было направлено в 65 отделение милиции, а оттуда — в 60 отделение милиции, где и было *утеряно* (см. показания свид. Калябина — т. 5 л. д. 4-7 и сообщение Нач. 65 отд. милиции — т. 5 л. д. 43).

д) Потеряв всякую надежду на получение с Пучкова денег законным путем, Спиркин в мае 1981 г. по договоренности с Сахаровым, Цесаренко и Щербаком попытался *самоуправно* получить свои деньги с Пучкова (см. показания Спиркина, Цесаренко, Щербак, Сахарова).

До этого, Спиркин, по договоренности с Яблоновским и Пушным, так же пытался самоуправно понудить Пучкова возвратить ему свои деньги (см. показания Спиркина, Пушного и Яблоновского и приговор суда).

Представляется, что с учетом всех вышеуказанных обстоятельств у суда не было решительно никаких оснований к тому, чтобы не доверять показаниям Спиркина и начисто их отвергать.

В заключение считаю необходимым обратить внимание на следующее:

Уверовав в полную безнаказанность за свои мошеннические действия, Пучков, избежав ответственности уголовной, в настоящее время (после осуждения Спиркина), не без содействия своих родителей, стремится уклониться и от ответственности материальной, от возмещения ущерба потерпевшим.

С этой целью Пучков обратился в суд с иском о взыскании со своей бывшей жены, Колчиной Л. Б., 2.752 руб., ссылаясь на то, что "супруги должны солидарно отвечать по своим обязательствам перед кредиторами". (см. копию искового заявления — прилагается).

С этой же целью родители Пучкова (Пучков Н. М. и Пучкова М. А.) обратились в суд с иском к своему сыну — Пучкову К. Н. и Колчиной Л. Б., настаивая на взыскании с них 5.000 руб., поскольку "по долгам сына они уплатили 10.000 руб." (оба дела находятся в производстве Фрунзенского Нарсуда г. Москвы).

Комментарии, думается, излишни.

— "" —

Сpirкин В. А. 1946 г. рождения. Рос и воспитывался в честной трудовой семье (отец — Член-корреспондент АН СССР, мать — заслуженный ветеран Великой Отечественной войны).

С 1969 по 1974 г. учился в Московском Государственном заочном пединституте, совмещая учебу с работой.

В прошлом Сpirкин не судим. В местах лишения свободы зарекомендовал себя исключительно положительно.

— "" —

По изложенным соображениям прошу Вас *истребовать* настоящее дело и внести *протест* на предмет внесения в приговор суда *изменения*: переквалификации действий Сpirкина В. А. со ст. 146 ч. II п "а" и "б" УК на ст. 200 и ч. II ст. 126 УК, с определением ему наказания в пределах фактически отбытого.

Приложение:

1. Копия приговора Народного суда.
2. Копия Определения коллегии Мосгорсуда.
3. Копия Решения Куйбышевского Райнарсуда г. Москвы от 18/II-80 г. на 1 л.
4. Копия Решения Куйбышевского Райнарсуда от 12/IX-80 г.
5. Заявление гр. Чубаровой Г. Д. на 1 л.
6. Заявление гр. Гольдфедер И. А. на 1 л.
7. Заявление гр. Шарова Б. В. на 4 л.

8. Копия искового заявления от 14/Х-83 г. по иску Пучкова К. Н. и Колчиной Л. Б. на 1 л.

9. Копия искового заявления от 14/Х-83 г. по иску Пучковых Н. М. и М. А. к Пучкову К. Н. и Колчиной Л. Б. на 2 л.

10. Ордер юрконсультации на ведение дела.

Справка: Спиркин В. А. отбывает наказание по адресу: 301670, г. Новомосковск, Тульской обл., Учреждение п/я УЮ 400/6 "з".

Адвокат

"12" октября 1984 г.

А. Л. Мове

На эту и последующие жалобы в Прокуратуру РСФСР поступили, увы, отрицательные ответы.

Документ

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
Российский Советский
Федеративный Социалистический
Республикан

103748 ГСП, Москва, К-31
Кутузовский мост, 11

123242, Москва, ул. Баррикадная,
8
адвокату Мове Н.Л.

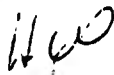
211284 № 12/9313-83

№ № _____

Ваша жалоба по делу Спиркина В.А. рассмотрена. Осуждение его признано обоснованным. Вина Спиркина в совершенном преступлении установлена доказательствами, подробно изложенными в приговоре. Суд дал правильную юридическую оценку действиям Спиркина. Наказание назначено ему в соответствии с законом. Оснований к принятию протеста по делу не имеется. Приложения: на 26 листах.

Прокурор управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах

от 2 2020 1284

Н.Ф.Прохорова

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
Российский Советский
Федеративный Социалистический
Республиканский

123242, г. Москва,
ул. Баррикадная, 18
Мособлпроконсультации
адвокату Мозе А.А.

103760 ГСП, Москва, М-31
Кузнецкий мост, 13

№ 123242/82

На № _____

В связи с Вашей жалобой, поданной на прижизн. Прокуратурой РСФСР в порядке надзора проверено уголовное дело по обвинению Спиркина В.А.

Обвинение его за разбойное нападение признано обоснованным. Доводы жалобы о неправильной квалификации действий Спиркина неосновательны и опровергаются материалами дела.

Вина Спиркина в совершении преступления установлена показанными потерпевшего Пучкова, подробно рассказавшего об обстоятельствах совершенного преступления.

Его показания объективно подтверждены показаниями осужденных по тому же делу Щербака и Цесаренко, свидетелем Кочкиной, Лавинского, Андреева, Тарасовой и других, заключениями судебно-медицинской, судебно-биологической экспертизы, другими доказательственными, нестелованными судом.

Нарушений норм уголовно-процессуального закона по делу не допущено.

Судом дана правильная юридическая оценка действиям Спиркина.

Наказание Спиркину назначено в соответствии с законом.

Оснований к применению протеста по делу не имеется.

Приложение : на 25 листах.

Заместитель Прокурора РСФСР)
государственный советник юстиции
3 класса

Н.С. Трубин

Н.С. Трубин

После этого я вынужден был обратиться с жалобой в Прокуратуру СССР. Но и оттуда, как из рога изобилия, посыпались безрадостные ответы.

123242, г. Москва,
ул. Баррикадная, 6
Московская областная юриди-
ческая консультация
адвокату Мове А.И.

Документы

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

101791, Москва, К-9, Пушкинская, 15-а

18.12.85 № 12/3441-81

Ваша жалоба по делу Спиркина В.А. рассмотрена с проверкой дела в Прокуратуре Союза ССР.

С доводами в это необоснованном осуждении оспариваться нельзя. Фактические обстоятельства судом установлены правильно. Действиям осужденных дана надлежащая юридическая оценка. Наказание назначено Спиркину в соответствии с требованиями закона.

Для опротестования приговора оснований не имеется.

Приложение: на 27 л.

Заместитель начальника управления
по надзору за рассмотрением уго-
ловных дел в судах

государственный советник юстиции
3 класса

В.Д. Коваловский
В.Д. Коваловский

123242, г. Москва,
ул. Баррикадная, д.6
Московская областная юриди-
ческая консультация
адвокату Мове А.И.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

101791, ГСП, Москва, К-9, Пушкинская, 15-а

19.05.86 № 12/3441-85

Ваша повторная жалоба по делу Спиркина В.А., поданная на приеме, в которой ставится вопрос о переквалификации его преступных действий, рассмотрена.

Материалами дела установлено, что потерпевший Пучков никогда никаких денег в долг у Спиркина не брал. Фактивные расписки послужили им в результате махинации со стороны Спиркина, они не являются доказательством фактических долговых обязательств.

Поскольку Пучков ничего не был должен Спиркину, требование последнего уплатить конкретных денежных сумм, оспорованное потерпевшим Пучковым, суд правильно расценил как умышлен на задержание деньгами потерпевшего и квалифицировал это как разбойное нападение.

Приговор является законным и обоснованным. Оснований для его опротестования не имеется.

Приложение: копии судебных решений, переписка на 26 л.

Начальник управления по надзору
за рассмотрением уголовных дел
в судах

государственный советник юстиции
2 класса

И.Н. Шадрин

И.Н. Шадрин

На каждый из полученных ответов адвокату, естественно, приходилось писать возражения. Вот, например, возражение, написанное на ответы, поступившие из Прокуратуры СССР, за подписью Зам. начальника Управления В. Д. Козловского и Нач. Управления Ю. Н. Шадрина.

Из досье адвоката

Генеральному прокурору ССР

№ 12/3441-81

Адвоката Мове А. Л.
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная
юрконсультация

По делу

Спиркина Владимира Александровича, осужд. Ленинским Райнарсудом г. Москвы по ст. 146 ч. 2 УК РСФСР

Жалоба

Общеизвестно, что в отличие от грабежа и разбоя, умысел виновного при вымогательстве направлен не на *немедленное* завладение имуществом потерпевшего, а на завладение этим имуществом *в будущем*.

При этом, применение вымогателем насилия, т. е. реализация угрозы, не превращает вымогательство в разбой, а лишь требует дополнительной квалификации действий виновного по соответствующим статьям преступлений против личности (см. Комментарий к ст. 95 и 148 УК, п. 9 — Комментированный кодекс, стр. 225, 297).

Именно поэтому, не оспаривая доказанности вины Спиркина, в жалобе, поданной в Прокуратуру СССР, содержался единственный довод — о явно необоснованной *квалификации* действий Спиркина ст. 146 УК РСФСР.

На этот, единственный, довод защиты не содержится надлежащего мотивированного ответа в сообщениях, поступивших из Прокуратуры СССР и подписанных Зам. Нач. Управления т. В. Д. Козловским и Нач. Управления Ю. Н. Шадринным.

По изложенным соображениям прошу принятые решения пересмотреть.

Приложение:

1. Копия приговора народного суда на 8 л.
2. Копия определения коллегии Мосгорсуда на 5 л.
3. Копия решений Куйбышевского райнарсуда г. Москвы от

18/II-80 г. на 1 л.

4. Копия решения райнарсуда от 12/IX-80 г. на 2 л.

5. Заявление гр. Чубаровой Г. Д. на 1 л.

6. Заявление гр. Гольдфедер И. А. на 1 л.

7. Заявление гр. Шарова Б. В. на 4 л.

8. Копия искового заявления от 14 октября 1983 г. по иску Пучковых Н. М. и М. А. к Пучкову К. Н. и Колчиной Л. Б. на 2 л.

9. Копия искового заявления от 14 октября 1983 г. по иску Пучкова К. Н. к Колчиной Л. Б. на 1 л.

10. Ордер юрконсультации на ведение дела.

Адвокат
"8" сентября 1986 г.

А. Л. Мове

На эту жалобу вскоре поступил ответ за подписью Зам. Генерального прокурора СССР Найденова В. В.

Документ

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

123774, ГСП, Москва, К-9, Пущинская, 18-а

1001.87 № 12/3441-85

123242, г. Москва,
ул. Баррикадная, д. 8
Юрконсультации
адвокату Мове А. Л.

Ваша повторная жалоба по делу Спиркина В. А. о переквалификации его преступных действий рассмотрена.

Как установлено материалами предварительного судебного следствия, Пучков не был должником Спиркина. Из показаний участников Спиркина — Цесаренко и Чербака, а также потерпевшего Пучкова видно, что Спиркин требовал у Пучкова немедленной передачи ему денег, причем эти требования сопровождалось нотацией потерпевшего и применением к нему насилия опасного для жизни и здоровья.

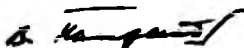
С учетом этого действия Спиркина обоснованно квалифицированы как разбойное нападение.

Согласно Спиркина на то, чтобы Пучков передал требуемые деньги в последующем, написав предварительное записку и позволив отцу с просьбой дать необходимую сумму, на квалификацию его действий не влияет.

Мера наказания назначена осужденному в соответствии с законом.

Оснований для опротестования приговора не имеется.

Заместитель Генерального
прокурора СССР
государственный советник
юстиции I класса

В. В. Найденов

А вот возражение на ответ за подписью Заместителя Генерального прокурора СССР Найденова В. В.

Из досье адвоката

Генеральному Прокурору СССР

Адвоката Мове А. Л.
Москва ул. Баррикадная, д. 8
Мособлюрконсультация

№ 12/3441-81

По делу

Спиркина Владимира Александровича, осужденного Ленинским райнарсудом г. Москвы по ст. 146 ч. II УК РСФСР 23 декабря 1981 г.

ЖАЛОБА

Не оспаривая доказанности вины Спиркина, в жалобе, поданной в Прокуратуру СССР, содержался *единственный довод* — о явно необоснованной квалификации действий Спиркина ст. 146 УК РСФСР.

На этот, единственный довод защиты, не содержится надлежащего мотивированного ответа в сообщениях, поступивших из Прокуратуры СССР, и в частности в ответе, подписанном Заместителем Генерального прокурора СССР т. Найденовым В. В.

Так:

1. Известно, что вымогательство (ст. 148 УК) заключается в требовании передачи виновному не своего, а чужого личного имущества.

Таким образом, тот факт, что Пучков не являлся должником Спиркина (как на этом настаивает т. Найденов), не может влиять на юридическую квалификацию действий Спиркина ст. 146 УК РСФСР.

2. Вопреки утверждению т. Найденова, Спиркин, Цесаренко и Щербак никак не могли требовать у Пучкова *немедленной* передачи денег, поскольку таковых при нем не было.

3. Ссылка на то, что "согласие Спиркина, чтобы Пучков передал требуемые деньги в *последующем*, написав предварительно записку и позвонив отцу с просьбой дать необходимую сумму, на квалификацию его действий не влияет", является несостоятельной.

В Руководящем постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 11 от 5 сентября 1986 г. "О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности граждан" значится:

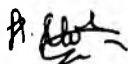
"п. 13. При отграничении вымогательства (ст. 148 УК РСФСР) от грабежа или разбоя судам следует иметь в виду, что при вымогательстве угроза насилем направлена на получение имущества *в будущем*, а не в момент применения угрозы. Если угроза была приведена *в исполнение*, содеянное подлежит квалификации по статьям УК о вымогательстве и, при наличии оснований, по статье, предусматривающей ответственность за действия, которые совершены при реализации угрозы".

Данное указание пленума Верховного Суда СССР имеет непосредственное отношение к правильному разрешению дела Спиркина В. А., что, к сожалению, не было принято во внимание при проверке обоснованности поданной на *приме* жалобы.

По изложенным соображениям прошу принятые решения *пересмотреть*.

Адвокат

22 февраля 1987 г.

А. Л. Мове

Через несколько месяцев я получил очень лаконичный ответ и на эту свою жалобу.

Документ

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

121794 ГСП, Москва, К-9, Пущинская, 15-а

05-87 № 12//3441-85

123242, г. Москва,
ул. Баррикадная, д. 8
Юрконсультация
Адвокату Мове А.Л.

Ваша жалоба по делу Спиркина В.А. рассмотрена и оставлена без удовлетворения.

Руководством Прокуратуры Союза ССР оснований для опротестования приговора не усмотрено.

Мотивы такого решения Вам сообщались неоднократно.

Прокурор управления по надзору за
рассмотрением уголовных дел в судах
советник юстиции

О. Т. Алюдинов

гм 2 28.05.87

Время шло, а воз, как говорится, оставался и ныне там. Спиркин к этому времени уже отбывал 7-й год, назначенного ему судом наказания.

И он, и его родители уже потеряли всякую надежду на благоприятный исход дела. И только адвокат продолжал писать свои жалобы и ходить по инстанциям.

Лишь в октябре 1987 г. я, наконец, получил из Прокуратуры СССР обнадеживающее сообщение.

Документ

117296, г. Москва,
ул. Павлова, д. 58,
корп. 3, кв. 161

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

103793, ГСП, Москва, К-9, Пушкинская, 13-а

21 10.87 № 12/3441-85

123242, г. Москва,
✓ ул. Баррикадная, д. 8-в,
...особл. консуль. г. г. г.
адвокату Мово А. Л.

Ваши жалобы с конкретным поручением направлены в прокуратуру г. Москвы, откуда Вам сообщат о принятом решении.
Исполнение поручения контролируется.

Прокурор управления по надзору
за рассмотрением уголовных
дел в судах
советник юстиции

О. Т. Анкудинов

ав 3 23.10.87

А еще через месяц пришло сообщение Прокуратуры г. Москвы.

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
г. Москва

118184, Москва, ул. Новокузнецкая, 27

123242, г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8-в
Московская областная юридическая
консультация
адвокату Мове А. Л.

№ 11.87 от 12-3244/87

На № _____ от _____

Сообщая Вам, что прокуратурой города Москвы внесен протест в Президиум Московского городского суда об изменении судебных решений в отношении Спиркина В.А. и переквалификации его действий на ст.ст. 148 в ИЗ УК РСФСР.

Начальник отдела по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах _____ И.А. Кудрявцев

3074-15000-1987

Только под самый Новый, 1988 год, Владимир Спиркин обрел долгожданную свободу, излишне просидев в лагере 3,5 года. *С кого за них взыскивать?* Впрочем, будем рады и этому.

Документ
Выписка

Постановление Президиума
Московского Городского Суда
По делу № 44у-733

4 декабря 1987 г. г. Москва

Президиум Московского городского суда в составе:

Председателя Президиума
и членов Президиума

Кузина А. Г.
Антипова А. Ф.,
Архиповой Л. А.,
Космарской Л. Ф.,
Макаровой И. В.,
Гусевой Р. А.

С участием
Зам. прокурора г. Москвы

Чернова А. В.

Рассмотрел в заседании по докладу члена суда Вострой А. И. уголовное дело по протесту прокурора г. Москвы

на приговор Ленинского районного Народного суда г. Москвы от 23 декабря 1981 года, которым

Сpirкин Владимир Александрович, 27/VIII-1946 года рождения, уроженец Ивановской области, русский, беспартийный, с высшим образованием, работавший уборщиком в СГПТУ-87, ранее не судимый, осужден по ст. 146 ч. II п. п. "а", "б" УК РСФСР к двенадцати годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима, с конфискацией имущества, без ссылки.

По ст. 148 УК РСФСР Spirкин оправдан. Срок наказания исчислен ему с 17 мая 1981 г.

Щербак Виктор Иванович, 22/X-1944 года рождения, уроженец г. Харькова, украинец, работавший грузчиком на заводе "Харгпластмасс", судимый 19 сентября 1968 г. по ст. 206 ч. II УК РСФСР к двум годам шести месяцам лишения свободы и 23 декабря 1977 года тем же судом по ст. 101 ч. I УК РСФСР условно с обязательным привлечением к труду (судимости погашены).

Осужден по ст. 146 ч. II п. п. "а", "б" УК РСФСР к восьми годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима, без конфискации имущества, без ссылки. Срок наказания исчислен Щербаку В. И. 20 мая 1981 г.

Цесаренко Виктор Александрович, 1950 года рождения, уроженец Харьковской области, украинец, работавший рабочим на спецкомбинате предприятий коммунально-бытового обслуживания, ранее не судимый.

Осужден по ст. 146 ч. II п. п. "а", "б" УК РСФСР к шести годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима, без конфискации имущества, без ссылки. Срок наказания Цесаренко В. Н. исчислен с 20 мая 1981 года.

Взыскано солидарно со Spirкина, Щербака и Цесаренко в доход государства 104 руб. за стационарное лечение потерпевшего.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 23 февраля 1982 года приговор оставлен без изменения.

Спиркин, Щербак и Цесаренко признаны виновными в нападении на Пучкова с целью завладения его имуществом, соединенным с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, совершенным по предварительному сговору группой лиц, с применением предметов, используемых в качестве оружия.

Спиркин, как указано в приговоре, зная, что Пучков одалживал у многих граждан крупные суммы денег, и имея у себя расписки потерпевшего на свое имя, полученные от Пучкова обманным путем, неоднократно шантажировал потерпевшего, требуя передачи ему денежных сумм.

Предполагая, что у Пучкова имеется крупная сумма денег, Спиркин в мае 1981 года, имея умысел на завладение деньгами потерпевшего в сумме 12.000 руб. путем применения к нему опасного для жизни и здоровья насилия, вступил в сговор с лицом, дело в отношении которого выделено в отдельное производство. Согласно договоренности это лицо обязано было подыскать Спиркину двух помощников, а тот, в свою очередь, уплатить за это 6.000 руб.

16 мая 1981 года по распоряжению указанного лица к Спиркину приехали Щербак и Цесаренко. Совместно с ними он обсудил план нападения, при этом Спиркин предлагал завладеть деньгами родителей Пучкова или с этой же целью похитить ребенка его сестры, либо взять не 12.000 руб., а 37.000 руб. Однако сообщники от этого предложения отказались, решив заниматься только самим Пучковым. В этих целях примерно в 23 часа 16 мая 1981 года они втроем, а также Тарасова, которая об указанных обстоятельствах не знала, приехали на автомашине "Волга" под управлением Андреева, также не знавшего о замысле осужденных, на квартиру потерпевшего Пучкова.

Тарасова по просьбе Спиркина вызвала Пучкова на лестничную клетку, где его схватили Щербак и Цесаренко и усадили в машину.

Привезя Пучкова к себе в квартиру, Спиркин, чтобы не вызвать подозрений у присутствовавших Тарасовой и Андреева, стал утверждать, что потерпевший должен вернуть ему долг в сумме 7 тыс. рублей и стал в связи с этим требовать от него расписку о возврате денег в течение недели.

Когда Пучков под диктовку Спиркина написал такую расписку, Андреев и Тарасова, считая конфликт исчерпанным, ушли.

После их ухода, Спиркин стал требовать у Пучкова немедленного возврата денег, зная, что при себе он их не имеет, а займет, заставил его написать, что якобы потерпевший украл у него 1.200 рублей.

После того как Пучков выполнил это требование, заявив однако, что такого он не совершал, Спиркин, Щербаков и Цесаренко избили его, нанося удары кулаками и ногами по лицу и телу...

На следующее утро, заставив Пучкова выучить текст того, что он должен сказать отцу, его перевезли на квартиру Маланичевой, проживавшей в г. Москве, ул. Кропоткинская, д. 40, кв. 21. Там Пучкова заставили позвонить отцу и сказать, что если тот хочет видеть сына живым, то необходимо срочно к 12-ти часам дня привезти к Драмтеатру на Таганке 12.000 руб...

Обсудив протест, выслушав заместителя прокурора г. Москвы Чернова В. по доводам протеста, проверив материалы дела, Президиум Московского Городского суда находит протест подлежащим удовлетворению.

Фактические обстоятельства судом установлены правильно, однако действиям осужденных дана неверная юридическая оценка.

Квалифицируя совершенные Спиркиным, Щербаком и Цесаренко действия по ст. 146 ч. II п. п. "а", "б" УК РСФСР, суд исходит из того, что потерпевший Пучков не являлся должником Спиркина, а поскольку осужденные пытались завладеть личным имуществом Пучкова, применили насилие, расценил их действия, как разбойное нападение.

Вместе с тем, Народный суд не принял во внимание то, что, похищая потерпевшего из квартиры, осужденные сознавали об отсутствии у Пучкова наличных денег и понимали, что их требования о выдаче значительных денежных сумм не могут быть реализованы немедленно, а лишь спустя определенное время.

Разбой предполагает непосредственное изъятие имущества у потерпевшего с помощью насилия или угрозы его применения, а осужденные применяли насилие для получения денег в будущем.

При таких обстоятельствах действия осужденных были направлены на вымогательство личного имущества Пучкова и были сопряжены с его истязаниями.

Пленум Верховного суда СССР в Постановлении от 5 сентября 1986 г. "О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности" в п. 13 разъяснил, что при отграничении вымогательства от грабежа или разбоя следует иметь в виду, что при вымогательстве угроза насилия направлена на получение имущества в будущем, а не в момент применения угрозы. Если угроза была приведена в исполнение, содеянное подлежит квалификации как вымогательство и, при наличии оснований, по статье предусматривающей ответственность за действия, которые совершены при реализации угрозы.

Таким образом, в протесте правильно поставлен вопрос о переквалификации действий всех осужденных по приговору со ст. 146 ч. II п. п. "а", "б" УК РСФСР на ст. ст. 148 и 113 УК РСФСР.

В силу изложенного, руководствуясь ст. 378 п. 5 УК РСФСР, президиум Московского городского суда

постановил:

Приговор Ленинского районного народного суда г. Москва от 23 декабря 1981 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 23 февраля 1982 года в отношении Спиркина Владимира Александровича, Щербака Виктора Ивановича, Цесаренко Виктора Александровича изменить. Переквалифицировать их действия со ст. 148 ч. II п. п. "а", "б" УК РСФСР на ст. ст. 148, 113 УК РСФСР.

Назначить Спиркину Владимиру Александровичу по ст. 148 УК РСФСР два года шесть месяцев лишения свободы, по ст. 113 УК РСФСР три года лишения свободы. На основании ст. 40 УК РСФСР окончательно определить наказание в виде лишения свободы сроком на три года и в связи с отбытием срока наказания *из-под стражи освободить*.

Назначить Щербаку Виктору Ивановичу по ст. 148 УК РСФСР два года шесть месяцев лишения свободы, по ст. 113 УК РСФСР три года лишения свободы. На основании ст. 40 УК РСФСР окончательно определить наказание в виде лишения свободы сроком на три года и в связи с отбытием наказания *из-под стражи освободить*.

Назначить Цесаренко Виктору Александровичу по ст. 148 УК РСФСР два года шесть месяцев лишения свободы, по ст. 113 УК РСФСР три года лишения свободы. На

основании ст. 40 УК РСФСР окончательно определить наказание в виде лишения свободы сроком на три года, наказание считать отбытым.

В остальной части судебное решение оставить без изменения.

Председатель Президиума
Московского Городского суда

Кузин А. Г.

Выписка верна:

(А. Мове)

Надеюсь, читатель меня правильно поймет, если скажу, что это был самый дорогой новогодний подарок, который я смог преподнести не только своему подзащитному и его родителям, но и самому себе. Таковы наши адвокатские радости, и такой ценой они порой нам в жизни даются.

Дело Вафо Хамрокулова. Предрешенная смертная казнь

Писать об этом деле, завершившимся смертной казнью, невзирая на то, что с той поры прошло уже около 15 лет, безумно тяжело. Очень хорошо помню несчастную мать и отца приговоренного к смерти, его родную сестру, жену и, конечно же, его самого — молодого, энергичного, умного, успешно окончившего в 1973 году ветеринарный факультет Самаркандского сельхозинститута, а затем и аспирантуру Таджикского научно-исследовательского ветеринарного института.

Все это было как будто вчера... Я собирался в командировку в Среднюю Азию, в г. Бухару по своим надзорным делам, когда в юридическую консультацию пришли с просьбой принять его защиту по первой инстанции в Верховном суде Таджикской ССР его сестра с мужем. Может быть поэтому я так легко и взялся за это дело, полагая, что все это будет попутно и не очень меня обременит. Правда, при всем этом от меня скрыли одно обстоятельство, зная которое, очень задумался бы я над тем, следует ли мне ввязываться в эту заранее обреченную на погибель историю.

Я имею в виду газету “Коммунист Таджикистана”, с некрологом по поводу трагической гибели потерпевшего, Пустового Ивана Федоровича. Тем самым некрологом, который был подписан *первым секретарем ЦК КП Таджикистана Д. Р. Расуловым* и другими руководящими работниками ЦК КП, Верховного совета и правительства Таджикистана.

Собственного, это решало все, и совершенно ясно было, что ни на какую объективность,

**ПУСТОВОЙ
Иван Федорович**

11 декабря 1941 года, во время службы в рядах Таджикского государственного ветеринарного института, Иван Федорович Иван Пустовой, кандидат ветеринарных наук, окончил Таджикский государственный университет имени Абдулгани Якуба Таджикской ССР, член КПСС с 1962 года. Иван Федорович Пустовой.

Пустовой И. Ф. родился 13 декабря 1944 года в селе Коммунарское Дашаузского района. С 1949 по 1949 год обучался в школе Советской Азии, затем в школе № 10 города Душанбе.

Пустовой Иван Федорович окончил в 1973 году Таджикский государственный ветеринарный институт имени Абдулгани Якуба Таджикской ССР, кандидат ветеринарных наук, кандидат ветеринарных наук. В настоящее время работает в Таджикском научно-исследовательском ветеринарном институте.

В детстве Иван Пустовой был очень активным и любил играть в футбол.

снисхождение или смягчение наказания рассчитывать в этом процессе нельзя, и изречение: “Оставь надежду всяк сюда входящий” — можно было смело написать над входом в зал судебного заседания.

Но, повторяю, что в Москве, принимая дело, я всего этого не знал, а в Таджикистане, когда узнал, отказываться уже было поздно. Тем более, что сами обстоятельства случившегося были довольно непростые и вселяли все-таки надежду, что жизнь сохранить подсудимому удастся. Целый месяц шел этот изнурительный, до предела наэлектризованный процесс, в ходе которого по ходатайству защиты были проведены и судебно-психологическая, и судебно-психиатрическая экспертизы, порой казалось даже, что чаша весов склонялась в сторону “жизни”, но в конечном итоге, увы, все завершилось так, как и было предопределено с самого начала. В этом я не ошибся.

**Документ
Копия**

Приговор

именем Таджикской Советской Социалистической
Республики

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Таджикской ССР в составе: председательствующего члена Верховного Суда Бабиева У. Н. и народных заседателей Верховного суда Комиссаровой Л. А. и Назарова Х. Н., при секретаре Широковой О., с участием зам. прокурора Таджикской ССР Шарапова Г. Ш., общественного обвинителя Нарзинулова М. И. и адвоката Мове А. Л. рассмотрела в открытом судебном заседании в г. Душанбе 24 марта 1982 г. дело по обвинению

Хамрокулова Вафо Мамадиевича, 30 января 1949 года рождения, уроженца г. Самарканда Узбекской ССР, таджика, беспартийного, с высшим образованием, семейного, имеющего одного ребенка, несудимого, работавшего младшим научным сотрудником Таджикского научно-исследовательского ветеринарного института, проживающего в г. Душанбе, ул. Хосилот, дом № 1,

в совершении преступления, предусмотренного пунктами “в” и “г” ст. 104 УК Таджикской ССР, —

установила:

Хамрокулов после окончания в 1973 году ветеринарного факультета Самаркандского сельскохозяйственного института работал вначале лаборантом, а затем, с 1974 года, младшим научным сотрудником научно-исследовательского ветеринарного института Министерства сельского хозяйства Таджикской ССР.

С 1963 года Пустовой Иван Федорович работал директором НИВИ, являясь к тому же профессором, доктором ветеринарных наук и член-корреспондентом АН ТССР.

Хамрокулов в период работы часто нарушал трудовую дисциплину, за что директор названного института Пустовой и его заместитель Хасанов И. 29 октября, 12 ноября 1976 года, 18 мая 1977 года и 21 марта 1979 года подвергали его дисциплинарному наказанию, и кроме того к нему применялись меры общественного воздействия.

Однако из этих мер Хамрокулов не только не сделал должных выводов для своего исправления, а наоборот, в последнее время стал вести себя по отношению к директору Пустовому вызывающе дерзко. Хамрокулов, считая, что Пустовой поступает в отношении него несправедливо, стал игнорировать его указания, а 26 и 27 ноября 1981 года объявил для себя днями отгула, за дни нахождения на сборе хлопка, к тому без соответствующего разрешения руководства названного института. Хамрокулов, заведомо зная о том, что за указанное нарушение трудовой дисциплины будет очередной раз наказан, и полагая, что это может в определенной мере повлиять на предстоящую защиту им кандидатской диссертации, с целью мести решил убить Пустового.

Для осуществления этого преступного замысла Хамрокулов утром 27 ноября 1981 года взял с собой из дома кухонный нож и, придя в приемную директора НИВИ Пустового, настойчиво требовал у секретаря приемной Егоровой Л. Ф. пропустить его в кабинет директора. Однако Егорова, сославшись на занятость Пустового, о чем он незадолго до того предупредил ее, не разрешила Хамрокулову зайти к Пустовому. Воспользовавшись временным отсутствием Егоровой, Хамрокулов проник в кабинет Пустового без всякого разрешения и стал требовать у Пустового, находившегося при исполнении своих обязанностей, принять его. Когда Пустовой отказал Хамрокулову в приеме, с учетом крайней занятости по составлению доклада для Министерства сельского хозяйства Республики, он с целью убийства с причинением Пустовому особых мучений и страданий

нанес ему множество ножевых ранений в область живота, левого плечевого сустава, шеи и другие части тела.

Всего Пустовому были нанесены 11 ножевых ранений и он в результате ранения в области живота с повреждением желудка и поджелудочной железы 11 декабря 1981 года в больнице скончался.

Подсудимый Хамрокулов в судебном заседании, признавая себя виновным в нанесении Пустовому ножевых ударов и убийстве, в частности объяснил, что он не желал наступления смерти Пустового и в тот день зашел к нему в кабинет в намерении выяснить свои отношения. Он имел намерение узнать о количестве дней отгула за время сбора хлопка в выходные дни и выяснить причину указания в таблице прогула 26 и 27 ноября 1981 года.

Однако Пустовой, не желая принять его и выслушать, предлагал при этом явиться к нему во второй половине дня. В это время, увидев на рабочем столе Пустового черновики приказа об объявлении ему очередного выговора за нарушение трудовой дисциплины, он еще больше разозлился. Считая себя обиженным и что указанная мера может серьезно повлиять на защиту диссертации, смутно помнит, что ударил ножом, имевшимся в заднем кармане брюк, Пустового, но сколько раз и в какие части тела, подробно не может объяснить. После этого во дворе института встретил заместителя директора по общим вопросам Андреева, которому отдал окровавленный нож, как вещественное доказательство. Придя домой, сообщил жене о том, что не сдержался и ударил директора ножом и, возможно, убил его.

По объяснению Хамрокулова в суде, нож, которым он наносил ранения Пустовому, был подточенным и целым, и каким образом его клинок отломился, не знает.

Виновность Хамрокулова в совершении убийства при двух отягчающих обстоятельствах в судебном заседании полностью установлена. Кроме его частичного признания, показаниями потерпевших Пустовой Л. Ф., Пустового И. Ф., свидетелей: Андреева Н. А., Егоровой Л. Ф., Аркадьевой О. И., Жанпенсовой Ж. А., Исаева С., Шадыблаевой Р. Х., Долгова В. В., Дильмана П. Н., Шодиева У. и других, а также заключениями судебно-медицинской, судебно-биологической, судебно-физико-технической экспертиз, вещественными доказательствами и другими объективными данными, собранными и исследованными всесторонне, как органами следствия, так и судебной коллегией.

Свидетель Егорова Л. Ф. на предварительном следствии и в судебном заседании показала о том, что она утром

27 ноября 1981 года, как обычно, сидела и работала в приемной директора НИВИ Пустового, который через некоторое время предложил ей никому не разрешать заходить к нему, ввиду крайней занятости по выполнению своих служебных обязанностей. Вскоре после этого в приемную зашел Хамрокулов и стал настойчиво требовать разрешения на прием к директору. Однако она, выполняя указания директора, не разрешила Хамрокулову зайти в кабинет. Тут же она по вопросам службы отлучилась примерно на 2 минуты и, возвращаясь в приемную, увидела, как оттуда, сцепившись друг в друга, вышли в коридор Хамрокулов и Пустовой. Для нее этот случай был абсолютно неожиданным, и поэтому она вначале считала, что они дерутся. В это время она услышала вопрос Пустового "Как ты вошел?" Подбежав к ним, увидела в руках Хамрокулова окровавленный кухонный нож. Пустовой обратно зашел в свой кабинет, куда она вскоре вошла и увидела брызги крови на рабочих столах и во многих местах кабинета.

Свидетель Сиротенко З. П. пояснила суду о том, что примерно в 11 часов 27 ноября 1981 г. она, находясь в своем рабочем кабинете, через приоткрытую дверь увидела вошедшего в приемную директора Хамрокулова, который почему-то на этот раз не поздоровался с ней и, подойдя к Егоровой, о чем-то с ней разговаривал примерно в течение 10 минут. Вскоре Егорова, перед уходом куда-то, закрыла дверь ее кабинета и поэтому она не видела каким образом Хамрокулов оказался в кабинете директора Пустового. Но вскоре услышала шум, напоминающий возню. Вдруг открылась дверь кабинета Пустового, откуда молча, но в необычной позе, вышли Хамрокулов и Пустовой, причем последний наваливался на Хамрокулова. В таком положении Хамрокулов и Пустовой вышли в коридор, где Хамрокулов спокойно и гордо отошел, держа в руках окровавленный кухонный нож. Пустовой в это время стоял почти у порога, руками зажимая живот и вдруг, увидев ее, задал вопрос "как он мог зайти?" Потом Пустовой попросил вызвать скорую помощь, зашел сам потихоньку в свой кабинет, где упал и потерял сознание. На столах служебного кабинета и в других местах были брызги крови, а дверь книжного шкафа была оторвана и валялась на полу.

Свидетели Андреев Н. А. и Исоев С. пояснили суду о том, что они 27 ноября 1981 года, услышав крик женщины "помогите", прибежали к месту происшествия, где увидели Хамрокулова, направляющегося к главному выходу. На предложение Исоева "брось нож", Хамрокулов, не обратив внимания, стал следовать в сторону улицы. Андреев кроме

того подтвердил, что Хамрокулов во дворе института держал в руке окровавленный нож пытаясь его выпрямить. Потом Хамрокулов спокойно отдал ему нож, как вещественное доказательство, заявив ему при этом: "я зарезал директора, но не думай, что совсем, он 5 или 6 дней еще проживет". Хамрокулов сообщил ему также о том, что он пойдет домой и попросится с женой и с родственниками. После этого тяжело раненный Пустовой был доставлен в больницу и в пути следования он спросил у них "как это случилось и где у него ранения".

Аналогичные показания в части доставления Пустового в больницу дал в суде и свидетель Рютлингер М. Я.

По показанию свидетеля Долгова В. В., днем 27 ноября 1981 г. Хамрокулов шел по территории названного института, держа в руке окровавленный нож, лезвие которого вытирал об ладони. Хамрокулов тогда ему сообщил, что "Ивана Федоровича хорошенько два раза ударил".

Показания Долгова в этой части подтвердил в суде свидетель Дильман П. Н.

Свидетель Жанпеисова Ж. А. — жена Хамрокулова показала, что он в тот день ушел на работу, взяв с собой кухонный нож, намереваясь поточить его в мастерской указанного института, и вскоре, вернувшись домой с окровавленной рукой и манжетной частью рубашки, сообщил ей о том, что он не сдержался и "кажется, убил директора".

Из показаний потерпевшего Пустового И. Ф., данного им 1 декабря 1981 г. на предварительном следствии в условиях больницы, видно, что Хамрокулов примерно в 11 часов 27 ноября 1981 г. зашел к нему в служебный кабинет и, не обращая внимания на его объяснения по поводу занятости и приема его после обеда, заявил, что "сейчас хочет поговорить, а потом ему некогда будет". После такого заявления Хамрокулов вскочил на стол и, взяв из правого кармана нож, ударил в живот. Потом ударил в область шеи и в другие части тела. Каким-то образом он схватил нож и потащил Хамрокулова в коридор, где сотрудники увидели и услышали о происшедшем.

Свидетель Шадыбаева Х. Р. показала, что Хамрокулов после возвращения 23 ноября 1981 года со сбора хлопка, заявил ей как зав. лаборатории НИВИ о том, что он отгуляет 4 дня и явится на работу 30 ноября. Он отгулял 24, 25 и 26 ноября 1981 года и она, узнав от Пустового о разрешении Хамрокулову 2-х дней отгула, сообщила ему об этом, отметив при этом в табеле прогул 26 и 27

ноября. Утром 27 ноября он явился к ней, и с обидой пошел к Пустовому выяснять этот вопрос. Через 1 час она узнала о случившемся.

Из заключений судебно-медицинской экспертизы от 3 и 12 декабря 1981 г., судебно-физико-технической экспертизы от 23 марта 1982 года усматривается, что смерть Пустового насильственная и наступила от проникающего колото-резаного ранения живота с повреждением желудка и поджелудочной железы. Всего Пустовому нанесено 11 ножевых ранений: из них одно — в область живота, четыре — в область левого плечевого сустава с повреждением подкрыльцевой артерии. При нанесении Пустовому ранений клинок ножа был целым.

Заключениями судебно-психиатрической экспертизы от 11 декабря 1981 года, 13 января 1982 года Хамрокулов признан вменяемым.

Таким образом, вышеприведенные доказательства свидетельствуют о том, что Хамрокулов *с особой жестокостью и в связи с выполнением потерпевшим своего служебного долга* совершил убийство Пустового.

Это выражается в том, что Хамрокулов в процессе нанесения Пустовому ножевых ударов, преследовал цель причинить ему особые мучения и страдания.

Он совершил это убийство всвязи с выполнением Пустовым своего служебного долга из-за мести, будучи на него обиженным по работе.

Из показаний допрошенных свидетелей видно, что Хамрокулов по характеру вспыльчив, несдержан, обидчив, лживый, высокомерный, мстительный, и эти отрицательные черты характера послужили поводом для мести, имея при этом ввиду заявления Хамрокулова о том, что Пустовой мог повлиять на защиту диссертации, налагая на него очередное взыскание.

Направленность умысла Хамрокулова на убийство Пустового при вышеуказанных двух отягчающих обстоятельствах характеризуется еще и тем, что он вскоре после убийства цинично заявил Долгову, Андрееву о чем выше подробно указано.

Исходя из вышеуказанных данных, Судебная коллегия преступные действия Хамрокулова по ст. 104 п. п. "в" и "г" УК Таджикской ССР считает квалифицированными правильно.

В основном Хамрокулов характеризуется положительно, но, как выше указано, отмечались отдельные отрицательные черты характера.

Потерпевший Пустовой характеризуется положительно.

При назначении Хамрокулову меры наказания Судебная коллегия учитывает особую тяжесть совершенного им преступления, т. е. убийство ни в чем неповинного заслуженного и высокоавторитетного должностного лица и ученого, именно в его служебном кабинете. Учитывается и то, что Хамрокулов, как лицо, совершившее это тяжкое преступление, представляет определенную опасность для общества. С учетом всех исключительных обстоятельств дела и личности Хамрокулова, Судебная коллегия считает необходимым применить к нему смертную казнь.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 302-322 УПК Таджикской ССР, Судебная коллегия —

приговорила

Хамрокулова Вафо Мамадиевича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного п. п. "г" и "в" ст. 104 УК Таджикской ССР — убийства с особой жестокостью и в связи с выполнением потерпевшим своего служебного долга назначить ему смертную казнь — расстрел.

Вещественные доказательства — одежду потерпевшего и нож уничтожить.

Приговор окончательный, обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежит.

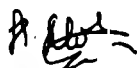
Председательствующий
Народные заседатели:

У. Набиев
Л. Комиссарова,
Х. Назаров

Верно: Член Верховного
суда Таджикской ССР

У. Н. Набиев

Копия верна:

 (А. Мове)

Приговор Верховного суда Республики кассационному обжалованию не подлежал, а поэтому мною было составлено ходатайство о помиловании от осужденного, его жены и родителей и одновременно подана жалоба в порядке надзора в адрес Прокуратуры ТССР. Впоследствии аналогичные жалобы были поданы в Прокуратуру и Верховный суд СССР.

Из досье адвоката

Прокурору Таджикской ССР

Адвоката А. Л. Мове г. Москва,
ул. Баррикадная, д. 8 Москов-
ская областная юрконсультация

По делу

Хамрокулова Вафо Мамедиевича,
осужд. Приговором коллегии
Верховного суда Тадж. ССР от
24/III-82 г. по ст. 104 п. п. "в" и
"г" УК к высшей мере наказания
— смертной казни

Жалоба в порядке надзора

Приговор коллегии Верховного суда Тадж.ССР пред-
ставляется неправильным и явно несправедливым по сле-
дующим основаниям:

1. О применении смертной казни

1. В своем руководящем Постановлении № 3 от 29/VI-79 г.
"О практике применения судами общих начал назначения
наказания" Пленум Верховного суда СССР, обращая внима-
ние судов на то, что смертная казнь является *исключитель-*
ной мерой наказания, указал:

*"В предусмотренных законом случаях смертная
казнь может применяться лишь тогда, когда не-
обходимость ее обуславливается особыми об-
стоятельствами, отягчающими ответственность,
и наряду с этим исключительной опасностью
лица, совершившего особо тяжкое преступление
(п. 7 Постановления).*

Это указание Пленума Верховного Суда СССР суд в
приговоре *игнорировал*.

Не имея никаких оснований для отнесения Хамрокулова
к категории *лиц*, представляющих *исключительную опас-*
ность, признав тот бесспорный факт, что Хамрокулов, как
личность, в "основном *характеризуется положительно*" (см.
приговор), суд вместе с тем, исходя лишь из особой тяже-
сти преступления, счел возможным определить ему вы-
сшую меру наказания.

Представляется, что только по одним этим соображениям, данный приговор, как вынесенный с *серьезным нарушением* ст. 22 Основ уголовного законодательства и требований п. 7 Руководящего Постановления Пленума Верховного суда СССР № 3 от 29/VI-79 г. *не может быть оставлен в силе.*

2. Хамрокулову В. М. 33 года. Рос и воспитывался в честной трудовой семье. Отец Хамрокулова, Хамрокулов М. — ветеран *Великой Отечественной войны*, инвалид II группы, пенсионер. Мать — Кулькова Таисия Евграфовна — пенсионерка.

С 1957 по 1968 г. Хамрокулов В. учился в средней школе, где зарекомендовал себя *исключительно положительно.*

“Занимался с большим желанием и интересом, — значитсЯ в характеристиках школы и Комитета ВЛКСМ. — Особенно увлекался физикой, химией и математикой. Был самым активным участником физического и химического кружка. Много читает, знает и любит литературу. Участвуя в трех турах физической Олимпиады, Хамрокулов получил *бронзовую медаль* за III место по Республике. Активно участвовал в общественной жизни. Во время сбора хлопка был в числе лучших сборщиков” (см. характеристики — т. 1 л. д. 107, 108, Почетную грамоту — т. 1 л. д. 100, документы — т. 1 л. д. 102, 106 и др.

Как наиболее *одаренного учащегося* Республики, комитет Олимпиады *рекомендовал* Хамрокулова для поступления в высшее учебное заведение (см. рекомендацию — т. 1 л. д. 111).

С 1968 по 1973 год Хамрокулов учился в Самаркандском Сельско-Хозяйственном институте (ветеринарный факультет), где также зарекомендовал себя положительно, принимал активное участие в общественной жизни института, в работе Совета молодых ученых (т. 1 л. д. 100, 102).

По окончании института, с 1974 г., Хамрокулов работал ст. лаборантом, мл. научным сотрудником Таджикского научно-исследовательского ветеринарного института (НИВИ), затем — служил в Советской армии, а после демобилизации — с 1975 по 1978 г. — учился в очной аспирантуре при НИВИ. По окончании аспирантуры Хамрокулов работал мл.

научным сотрудником лаборатории вирусологии, а затем — лаборатории лейкозов НИВИ. (т. 1 л. д. 44)

Из имеющихся в деле документов усматривается, что практически, в течение всех лет работы и учебы в НИВИ (7-8 лет) Хамрокулов упорно работал над диссертацией "Бешенство животных в Тадж. ССР", отдавая этой работе все свои силы, время, энергию и знания.

"Выполненные Хамрокуловым исследования, — отметил в своем отзыве на диссертацию один из крупнейших советских ученых, доктор ветеринарных наук, Лауреат государственной премии, профессор К. Н. Бучнев, — обогащают историю и теорию бешенства в стране, способствуют внедрению в практику ветеринарной службы современных методов диагностики болезни.

И далее:

"Некоторая задержка с оформлением диссертации объясняется сложностью темы, необходимостью создания особых условий при работе... Хамрокулов проявил *трудолюбие и целеустремленность* в освоении и внедрении в практику современных методов диагностики болезни, показал себя серьезным исследователем". (т. 2 л. д. 21, 47).

К концу 1980 г. Хамрокулов завершил работу над диссертацией и 4/XII-80 г. она явилась предметом обсуждения кафедры эпизоотологии Алма-Атинского зооветеринарного института, которая одобрила ее и рекомендовала к защите, указав в своем решении, что "автор *впервые* дал научное обоснование к планированию и осуществлению мер борьбы с бешенством животных в Республике". (т. 2 л. д. 37-43).

"Хамрокулов показал себя *вдумчивым*, грамотным и вполне подготовленным для самостоятельной деятельности работником. Ему свойственно чувство коллективизма, *чуткости, отзывчивости*. Пользуется *уважением* в коллективе", — отмечается в указанном решении (т. 2 л. д. 43).

Аналогичный отзыв о Хамрокулове и его кандидатской диссертации содержится и в протоколе заседания сотрудников лаборатории вирусологии Таджикского НИВИ от 26/V-81 г.:

"Хамрокулов политически грамотен, морально устойчив. Ему свойственно чувство *коллективизма, высокой ответственности* за порученное дело, большое *трудолюбие*. Отзывчив, с товарищами по работе поддерживает хорошие отношения и *пользуется авторитетом* в коллективе".

Затем:

"Хамрокулов *серьезный* и хорошо подготовленный *исследователь*, который способен самостоятельно ставить и на высоком уровне выполнять научные вопросы. Диссертация Хамрокулова является законченной научно-исследовательской работой, содержит решение актуальной научно-практической задачи по сокращению заболеваемости животных бешенством". (т. 2 л. д. 29-36)

Все эти данные, с *исчерпывающей полнотой характеризующие подсудимого*, суд в нарушение требований закона и п. 7 Руководящего постановления Пленума Верховного суда СССР № 3 от 29/VI-79 г. не принял во внимание при определении наказания Хамрокулову.

Не учел при этом суд и того, что Хамрокулов в прошлом не судим, что он недавно женился (жена преподаватель Мед. института, учится в заочной аспирантуре), что на иждивении Хамрокулова находятся престарелые родители пенсионеры и *малолетний ребенок*, сын Улугбек, которому едва исполнился *один год* (9/XII-81 г.) — см. свидетельство о рождении ребенка — приобщено судом к делу.

Представляется, что по этим соображениям, в связи с тем, что мера наказания Хамрокулову определена без учета данных, *характеризующих его личность и семейное положение*, данный приговор не может быть оставлен в силе.

3. *Игнорировав* при назначении наказания обстоятельства, перечисленные в п. 1 и 2 настоящей жалобы, суд в приговоре, обосновывая применение смертной казни, сослался на то, что Хамрокулов в 1976-79 гг. подвергался административным взысканиям и что по характеру он человек "вспыльчивый, мнительный, несдержанный и т. д." (см. Приговор).

Между тем:

а) Все административные взыскания, наложенные ранее на Хамрокулова (последнее — в марте 1979 г. — т. 1 л.

д. 56) с него сняты и он по закону (ст. 137 КЗоТ) считается не подвергавшимся дисциплинарным взысканиям.

— Вправе ли суд при определении наказания (а тем более — смертной казни) ссылаться на административные взыскания, погашенные законом?

Очевидно, что не вправе, т. к. не только на взыскания, но даже на *прошлую судимость*, снятую или *погашенную законом*, суд при этом ссылаться не вправе (см. п. 6 Руководящего Постановления Пленума Верховного суда СССР № 3 от 29/IV-79 г.).

б) Признавая Хамрокулова *психопатической личностью*, судебно-психиатрическая экспертиза действительно обосновала этот вывод *свойственными Хамрокулову характерологическими особенностями*: "повышенной раздражительностью, вспыльчивостью, несдержанностью и т. п." (т. 2 л. д. 149-об., 157).

Известно вместе с тем, что психопатии — это паталогические, т. е. *болезненные* состояния, являющиеся результатом *врожденной или рано приобретенной неполноценности высшей нервной деятельности* (см. "Судебная психиатрия", юридическая литература, Москва, 1967 г. стр. 348-349).

— Допустимо ли относить к обстоятельствам, отягчающим вину, *болезнь подсудимого*?

— Допустимо ли в судебном приговоре, провозглашаемом именем Республики, обосновывать применение смертной казни ссылкой на *характерологические особенности личности обвиняемого, являющиеся следствием патологии, болезни*?

Суммируя изложенное, нельзя не признать, что мера наказания, определенная Хамрокулову, является *явно несправедливой*. Высшая мера наказания — смертная казнь — назначена Хамрокулову без надлежащего обоснования, по существу — *безмотивно*.

II. Об убийстве с заранее обдуманном намерением

По версии следственных органов и суда, Хамрокулов совершил убийство Пустового И. Ф. из *мест*.

"Хамрокулов часто нарушал трудовую дисциплину, — значит в Обвинительном заключении и

приговоре,— за что в 1976 и 1979 гг. наказывался в дисциплинарном порядке.

Однако принятые меры *положительного результата не дали*, Хамрокулов стал вести себя вызывающе дерзко с директором института... начал игнорировать его указания и 26-27/XI-81 г. не вышел на работу, за что заслужил дисциплинарное взыскание.

Зная, что он будет наказан и предполагая, что это наказание отрицательно повлияет на предстоящую защиту кандидатской диссертации... Хамрокулов, с целью мщения Пустовому, решил убить его.

С этой целью 27/XI-81 г. Хамрокулов взял из дома кухонный нож и явился в служебный кабинет Пустового и т. д."

В нарушение требований п. 3 и 4 Руководящего Постановления Пленума Верховного суда СССР № 4 от 30/VI-69 г. "О судебном приговоре" суд не сослался в приговоре на конкретные доказательства, подтверждающие вышеуказанные обстоятельства.

Все это далеко не случайно и объясняется тем, что в материалах дела не только нет никаких доказательств, подтверждающих указанную абсолютно *голословную* версию суда, а, наоборот, имеются *веские* доказательства, *опровергающие* эту версию.

Так:

1. Установлено, что *после* наложенного на него *взыскания* в марте 1979 г. Хамрокулов, вопреки утверждению суда, *сделал соответствующие выводы* и в течение 2,5 лет (до ноября 1981 г.) *никаких нарушений дисциплины не допускал*.

2. 27/XI-81 г., вопреки утверждению суда, Хамрокулов *на работу вышел*.

Что касается 26/XI, то в этот день Хамрокулов не вышел на работу не потому, что он *не был осведомлен* о необходимости явки на работу.

По этому поводу и на следствии, и в суде Хамрокулов объяснял, что с 13 по 23/XI-81 г. он находился на сборе хлопка, работал там и в *выходные дни* (4 дня), за что ему были обещаны *отгулы*.

По приезде в Душанбе, объяснял далее Хамрокулов, он доложил обо всем своему непосредственному начальнику — Зав. лабораторией Шадыбаевой, просил ее согласовать вопрос об отгулах с Пустовым и сообщить о его решении ему (Хамрокулов проживает рядом с местом работы — см. показания Таджикиева — т. 4 л. д. 58 и Хамрокулова — т. 4 л. д. 101-124 и Шадыбаевой — т. 4 л. д. 61-63).

Днем 26/ХІ Хамрокулов с женой и ребенком был в гостях у брата и сестры, а когда возвратился (около 23 час.) лаборант Таджикиев сообщил ему, что его вызывали на работу. Именно поэтому утром 27/ХІ Хамрокулов и вышел на работу (см. показания Хамрокулова — т. 1 л. д. 22, 160 и Протокол суд. заседания).

Показания Хамрокулова свид. *Шадыбаева Р. Х.* подтвердила и на следствии показала:

“Хамрокулов возвратился с хлопка 23/ХІ и сказал мне, что представитель Райкома разрешил отдыхать четыре дня. Я ответила, что это надо выяснить у директора. Хамрокулов *попросил* меня выяснить этот вопрос самой” (т. 2 л. д. 5).

К этому же сводились показания Шадыбаевой и в суде. (т. 4 л. д. 61).

Случилось, однако, так, что Шадыбаева *забыла* о просьбе Хамрокулова и *вспомнила* о ней только около 12 часов дня 26/ХІ, когда она и позвонила директору института, — Пустовому.

“Он мне ответил, — объяснила далее Шадыбаева, — что разрешил отдыхать только два дня (24 и 25/ХІ) и сказал, чтобы я *направила* кого-нибудь за Хамрокуловым *домой* и предупредила, чтобы он вышел на работу, и *если не выйдет*, то поставить в табеле два дня прогула (?). Я *направила* за Хамрокуловым лаборанта Таджикиева. Он ушел, и я его в этот день не видела и поэтому *не знаю, предупреждал ли он Хамрокулова или нет*. Ответ он мне не дал”. (т. 2 л. д. 5 и Протокол суд. заседания, т. 4 л. д. 61-62-об.)

Подтвердил показания Хамрокулова и свид. *Таджиев Х.*, который объяснил, что по просьбе Шадыбаевой ходил домой к Хамрокулову, но Хамрокулова с женой дома не застал.

“Хамрокулов с женой пришли *поздно вечером* и я сказал Хамрокулову, что его просили выйти на работу”. (т. 1 л. д. 187-об. и Протокол суд. заседания, т. 4 л. д. 51-об.)

Подтвердил показания Хамрокулова и свид. *Абдуллаев М.*, который, в частности, в суде пояснил, что он тоже работал вместе с Хамрокуловым на хлопке, проработал там не 10 дней, как Хамрокулов, а только 5 дней (из них два выходных дня).

“По приезде с хлопка 23/XI-81 г. по моей просьбе зам. секретаря парт. бюро Бакаев звонил Пустовому об отгулах, — показал далее *Абдуллаев*, — Пустовой сказал, что нам разрешается два дня, а тем, которые работали 10 дней (в том числе 4 выходных) *два дня*, а дальше *посмотрим*, об этом надо подумать”. Я так и передал Хамрокулову: “Вам разрешили два дня, а дальше посмотрят, об этом надо подумать”. См. протокол судебного заседания, т. 4 л. д. 84-86-об.)

Подтвердили показания Хамрокулова и свид. *Жанпеисова Ж.* (жена) и *Ажураева А.* (сестра), пояснившие, что весь день 26/XI Хамрокулов с женой был в гостях и возвратился домой поздним вечером (см. их показания).

В нарушение требований закона и п. 4 Постановления Пленума Верховного суда СССР “О судебном приговоре” суд не дал никакой оценки показаниям Хамрокулова и всех вышеуказанных свидетелей.

Из судебного приговора невозможно понять, почему и на каком основании суд *отверг* показания свид. *Шадыбаевой*, *Абдуллаева*, *Таджиева*, *Жанпеисовой* и *Ажураевой*.

3. Утром 27/XI, *до прихода на работу*, у Хамрокулова *никак не мог созреть умысел* на убийство Пустового и он, вопреки утверждению суда, *никак не мог* с целью осуществления своего намерения *специально* взять с собой на работу *кухонный нож*, поскольку бесспорно установлено, что в это время Хамрокулов *еще ничего не знал* о проставленных ему в табеле *прогулах* и о грозящем за это *наказании*.

По этому поводу свид. *Шадыбаева Р. Х.* и на следствии, и в суде *объяснила*, что *проставила* она в табеле *прогулы* только в конце рабочего дня 26/XI-81 г., когда она и передала табель в бухгалтерию (см. ее показания на следствии и в суде). *Ничего не знал и не мог знать* об этих прогулах

и свид. *Таджиев*, к которому обращалась *Шадыбаева* с просьбой *днем 26/XI*. Именно поэтому *Таджиев не говорил и не мог говорить* *Хамрокулову* о проставленных ему *прогулах* (см. показания *Таджиева*).

Только утром *27/XI*, *придя на работу*, *Хамрокулов* узнал со слов лаборантов об этом, в связи с чем он и обратился к *Шадыбаевой* (см. показания *Шадыбаевой* и *Хамрокулова*, т. 4 л. д. 62, 101-124).

Никакой оценки всем этим обстоятельствам суд в приговоре не дал.

4. На всем протяжении следствия и в судебном заседании *Хамрокулов* объяснял, что взял из дому на работу кухонный нож по просьбе жены, *поточить* (т. 1 л. д. 22, Протокол суд. заседания).

Эти показания *Хамрокулова* подтвердила его жена, свид. *Жанпеисова*, и свид. *Таджиев*, который слышал, как жена *просила* *Хамрокулова* *поточить* нож (см. их показания — т. 1 л. д. 27, 187-об. и протокол суд. заседания, т. 4 л. д. 51-об., 76-об.).

Косвенно подтвердили показания *Хамрокулова* свид. *Хасанов Я.* и *Мехальчук В. Ф.*, объяснившие, что в мастерской Института действительно имеется *точильный станок*, на котором сотрудники часто точили ножи (см. их показания — т. 1 л. д. 203, т. 2 л. д. 68 и Протокол суд. заседания).

На каком основании суд *отверг* объяснения *Хамрокулова* и показания всех указанных свидетелей — понять из приговора *невозможно*. (Нарушение требований п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда СССР "О судебном приговоре").

5. О том, что у *Хамрокулова* утром *27/XI*, *до того*, как он зашел в кабинет *Пустового*, *не было умысла на убийство*, свидетельствует поведение *Хамрокулова*, который в это время звонил своим рецензентам, *Иванову* и *Алимову*, и *договаривался* с ними о *встрече на следующий день*, т. е. *28/XI*.

По этому поводу свид. *Иванов В. Ф.* на следствии показал:

"*27/XI* в 10 часу утра *Хамрокулов* позвонил мне на работу по поводу своей диссертации. Я ему сказал, чтобы он приехал ко мне и взял перепечатать рецензию, т. к. она была написана от

руки. Хамрокулов согласился и мы договорились встретиться 28/XI утром...".

И далее:

"По разговору с Хамрокуловым я не заметил, чтобы он был чем-то взволнован... Во второй половине дня я узнал, что Хамрокулов нанес ножевые ранения. Я очень удивился, т. к. только утром мы разговаривали с Хамрокуловым. Разговаривал он вежливо, здраво, без каких-либо срывов". (т. 2 л. д. 82-об.)

К этому же сводились показания Иванова В. Ф. в суде (см. протокол суд. заседания, т. 4 л. д. 72-об., 74).

Аналогичные показания дал по этому вопросу и свид. Алимов Л. М. (т. 1 л. д. 219).

6. Об отсутствии умысла на убийство свидетельствует и поведение Хамрокулова в приемной Пустового И. Ф. за несколько минут до того, как он зашел в кабинет директора.

Допрошенная по этому вопросу свид. Егорова Л. Ф. показала, что Хамрокулов при разговоре с ней был спокоен, разговаривал нормально, шутил (т. 1 л. д. 190 и Протокол суд. заседания).

К этому же сводились и показания свид. Ритлингера М. Я., с которым Хамрокулов встретился у приемной директора.

Свид. Ритлингер на следствии показал:

"27/XI в 10 часу утра мы с Долговым встретились с Хамрокуловым.

Хамрокулов поздоровался с нами, начал шутить, настроение у него было веселое. Спросил у нас о здоровье, как идет работа и т. д. Мы поговорили немного на отвлеченные темы и разошлись" (т. 2 л. д. 187).

Такие же объяснения дал свид. Ритленгер и в суде (т. 4 л. д. 88).

Говорил об этом на следствии и в суде и свид. Долгов В. В. (т. 1 л. д. 236 и Протокол суд. заседания, т. 4 л. д. 48).

7. Наконец, об отсутствии умысла на убийство свидетельствует и тот факт, что Хамрокулов пригласил в гости на вечер 28/XI брата, что им были приглашены в гости на день

рождения сына (9/XII) родственники из Алма-Аты и Самарканда (см. показания Хамрокулова, Жанпеисовой, Ажураевой).

Все вышеуказанные обстоятельства, прямо опровергающие версию следствия и суда об убийстве с заранее обдуманым намерением, не получили никакой оценки в судебном приговоре. Они просто обойдены судом молчанием.

III. О физиологическом аффекте.

27/XI-81 г., буквально через несколько часов после случившегося, Хамрокулов был допрошен и на допросе дал объяснения, бесспорно свидетельствующие о том, что убийство было им совершено в состоянии *внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего* (т. 1 л. д. 19-24).

Аналогичные показания дал Хамрокулов и в суде, где он в частности объяснил:

“Я зашел в кабинет к Пустовому, поздоровался с ним, извинился за беспокойство. Сказал, что у меня вопрос о хлопке и об отгуле. Иван Федорович не поздоровался со мной, не дал договорить, сразу сказал, что я ему мешаю работать. Я еще раз просил выслушать мою просьбу. Пустовой повторил, что я ему мешаю...”

И далее:

“В это время я увидел на столе лежащий боком приказ. Что там было написано я не знаю, всю суть этого приказа я ухватить не мог, но мне бросилось в глаза фамилия “Хамрокулов” и “строгий выговор”.

У меня сразу же в глазах потемнело. Я начал говорить, что наказание в виде выговора накануне защиты диссертации ломает мою жизнь... Он мне сказал выйти из кабинета. Сказал: “Вы мне надоели”. Смысл того, что он говорил сводился к тому, что никого не интересует и не волнует моя жизнь, моя судьба... Он стал легонько выталкивать меня... Во мне вскипела обида и за свою диссертацию, которую я не смогу защитить, хотя я отдал ей 7 лет жизни, и за несправедливость этого выговора, за безразличие, равнодушие, хотя у меня такая нелегкая жизнь с

женой и ребенком. За что? За что меня наказывают? В моей голове *все смешалось...* Все это *заговорило* во мне сразу внезапно и одновременно. Я уже *не помню*, как в моих руках оказался *нож*, который я принес поточить.

Как я нанес удары — помню очень смутно. У меня было такое ощущение, как во сне. Хотя глаза мои были открыты — я ничего не видел. Куда я его бил и сколько раз ударил — сказать не могу. Голова моя была, как в тумане..." (см. Протокол суд. заседания, т. 4 л. д. 101-124)

В нарушение требований УПК и п. п. 3 и 4 Руководящего Постановления пленума Верховного суда СССР "О судебном приговоре" Суд, при постановлении приговора, *не дал никакой оценки* показаниям Хамрокулова на следствии и в суде.

Из приговора *невозможно* понять *почему*, в силу каких причин суд *отверг* показания осужденного Хамрокулова, признал их *недостовверными*.

Все это далеко не случайно и объясняется тем, что в материалах дела не только нет никаких доказательств, опровергающих указанные показания Хамрокулова, а, наоборот, имеются *бесспорные* доказательства, подтверждающие их.

Так:

1. Установлено, что накануне случившегося (буквально за несколько минут) Хамрокулов был *абсолютно спокоен*, в хорошем настроении, *смеялся и шутил* (показания свид. Иванова, Алимова, Долгова, Егоровой, Ритлингера и др.).

Все это, как указывалось, начисто опровергает версию о *заранее обдуманном* убийстве.

2. Общеизвестно, что "*после аффективной вспышки наступает успокоение и некоторая усталость, иногда — разбитость, упадок сил, безразличие ко всему и т. д.*" (см. "Судебную психиатрию" и заключение в суде эксперта-психолога — т. 3).

Именно *в таком состоянии*, как объяснили свидетели, находился *после* содеяного Хамрокулов. В частности, свид. *Аркадьева О. И.* на следствии и в суде показала:

"Вскоре после криков мимо окна бухгалтерии прошел Хамрокулов. Он был *очень спокоен*, шел с *гордо поднятой* головой. Это его обычная по-

ходка (т. 1 л. д. 208 и Протокол суд. заседания, т. 4 л. д. 32, 34).

Об этом же говорила и свид. *Сиротенко З. П.*:

“Обе руки и нож у Хамрокулова были в крови. Он стоял спокойно и ничего не говорил”. (т. 2 л. д. 17 и Протокол суд. заседания, т. 4 л. д. 58)

Подтвердила это и свид. *Егорова Л. Ф.*:

“Я увидела у него в руках окровавленный нож. Хамрокулов прошел *спокойно*, как обычно с гордо поднятой головой”. (т. 1 л. д. 192 и Протокол суд. заседания — т. 4 л. д. 28, 30).

Об *автоматизме* в поведении Хамрокулова и *запоминании* им отдельных существенных *деталей* происшедшего, показали на следствии и в суде свидетели Долгов, Дильман, Исоев, Андреев.

Они объяснили:

Исоев С.:

“В руках у Хамрокулова я заметил какой-то предмет, подумал, что это ножницы, и схватил его за руки. Потом увидел, что это нож. Я сказал Хамрокулову, чтобы он бросил нож, но он *ничего не отвечал* и направился к выходу...” (т. 2 л. д. 161 и Протокол суд. засед., т. 4 л. д. 38-об.).

Долгов В. В.:

“Он стоял весь в крови. *Нож в крови* Хамрокулов *вытирал о ладонь* и говорил: “Хорошо я сейчас Ивана Федоровича *два раза ударил*” (в действительности Хамрокулов нанес потерпевшему 11-18 ударов ножом) — т. 1 л. д. 236 и Протокол суд. заседания, т. 4 л. д. 46-48).

Дильман П. Я.:

“Когда Долгов спросил у Хамрокулова: “Ты что?” — Хамрокулов ответил: “Хорошо я Пустового *два раза стукнул или порезал. Лезвие ножа он вытирал о ладонь*”. (т. 2 л. д. 89, т. 4 л. д. 60)

Андреев Н. А.:

“Хамрокулов отдал мне нож и сказал: “Пойду прощаюсь с женой и пойду в милицию. Внешне

он был *спокойным*". (т. 1 л. д. 183 и Протокол суд. заседания)

Об аффекте свидетельствует и то состояние, в котором находился Хамрокулов через *некоторое время* после случившегося, когда он, придя *домой*, на вопрос жены объяснил, что пошел к директору, а тот грубо отказал ему в приеме.

"Когда я спросила: как же это так, ты о сыне не подумал? — показала далее свид. Жанпеисова, — он сказал: "Я не хотел, а не сдержался. Кажется, я его убил, я плохо помню. Руки и губы и *него дрожали, у него был бледный растерянный вид. Сказал, что пришел проститься и пойдет в милицию*". (т. 1 л. д. 27, 167 и Протокол суд. заседания)

3. Показания Хамрокулова косвенно подтверждаются черновиком *приказа*, обнаруженным на столе Пустового. (т. 2 л. д. 135)

4. Не противоречат показания Хамрокулова и показаниям Пустового И. Ф., хотя при оценке этих показаний нельзя не учитывать того, что:

а) Допрос Пустового длился 20 мин. (с 15 ч. 40 м. до 16 ч.) и носил весьма *поверхностный* характер. (см. т. 1 л. д. 40)

б) Во время допроса Пустовой находился в *крайне тяжелом* состоянии, был *заторможен* (см. историю болезни — состояние на 15ч. 30 м. 1/XII-81 г.).

В связи с этими обстоятельствами показания Пустового в некоторой части не соответствуют объективно установленным данным (например, при осмотре места происшествия на письменном столе Пустового не было обнаружено следов обуви — см. т. 1 л. д. 3-4).

5. Ссылка суда в приговоре на показания свид. Егоровой о том, что она якобы отлучалась из приемной только на две минуты (копия приговора, стр. 4), откуда делается предположение, что никакого конфликта между Хамрокуловым и Пустовым не было и что Хамрокулов сразу же, зайдя в кабинет, набросился с ножом на Пустового, является несостоятельной.

а) Прежде всего, ничем и никем не доказано, что тот конфликт, о котором рассказал Хамрокулов, не мог произойти в течение 2 минут, что для этого необходимо было более длительное время.

б) Егоровой было приказано никого не впускать в кабинет Пустового. Это распоряжение она *нарушила*, отлучилась из приемной. Естественно, что оправдывая себя, Егорова заинтересована в том, чтобы сокращать время отлучки. К этим показаниям Егоровой надлежит относиться критически.

в) В судебном заседании свид. Аркадьева объяснила, что

“Этот случай произошел в течение не более 1,5-2 мин. пока инспектор (Егорова) находилась в бухгалтерии” (т. 4 л. д. 34).

И далее:

“Говоря 2 минуты, я имею в виду время в течение которого Егорова пришла к нам в бухгалтерию, говорила с Андреевым... Получив ответ, Егорова ушла, закрыв дверь бухгалтерии и в этот момент слышался ее крик”. (т. 4 л. д. 35)

Если учесть, что до захода в бухгалтерию, Егорова выходила из приемной на улицу (30 сек.), разговаривала с шофером Исоевым (30 сек), после чего прошла с улицы в бухгалтерию (30 сек.), станет понятным, что со времени отлучки из приемной до случившегося прошло не 2 мин. (как говорит Егорова), а как минимум — 3,5-4 минуты (30 сек. + 30 сек. + 30 сек. + 2 мин.).

Изложенное подтверждается не только показаниями Аркадьевой, но и показаниями на следствии и в суде свид. Исоева (т. 2 л. д. 161, т. 4 л. д. 37, 38-об.), свид. Андреева (т. 4 л. д. 22-25), Сиротенко (т. 4 л. д. 57).

б. С учетом объяснений Хамрокулова, его состояния до случившегося и *после* содеянного, *судебно-психиатрическая экспертиза* пришла к выводу, что в данном случае *“можно предположить наличие аффекта”*. Одновременно эксперт-психолог дал заключение о том, что присущие Хамрокулову характерологические черты (вспыльчивость, резкость и т. д.) оказывают определенное воздействие на возникновение аффекта.

“Эти особенности, конечно, способствуют возникновению аффектов”, — значит в заключении психологической экспертизы (т. 3).

Очевидно, что при таких обстоятельствах и с учетом *неправомjernости* поведения потерпевшего (об этом ниже), действия Хамрокулова надлежало квалифицировать не ст.

104, а ст. 107 УК, как убийство в состоянии внезапно возникшего *сильного душевного волнения*.

Никакой критической оценки все вышеуказанные доказательства в судебном приговоре не получили (нарушение требований п. п. 3 и 4 Постановления Пленума Верховного Суда СССР "О судебном приговоре").

IV. Об особой жестокости убийства

Квалификацию действий Хамрокулова п. "г" ст. 104 УК суд в приговоре *не мотивировал*.

Между тем известно, что сама по себе *множественность* ранений не является условием, которое во всех случаях следует рассматривать, как свидетельство совершения преступления с особой жестокостью, т. к. данный признак связывается не только со способом, но и с *умыслом*, направленным на совершение преступления с особой жестокостью (см. п. 9 Руководящего Постановления Пленума Верховного Суда СССР № 4 от 27/VI-75 г. "О судебной практике по делам об умышленном убийстве").

Ссылку суда в приговоре на показания свид. Андреева, которому якобы Хамрокулов сказал, что он "убил директора, но не совсем. Он еще дней 5-6 проживет" (см. Приговор), вряд ли можно считать достаточной для вывода о намерении Хамрокулова причинить Пустовому особые страдания, т. к. бесспорно установлено, что во время разговора с Андреевым Хамрокулов еще только *выходил* из состояния *аффекта*, был *заторможен* и даже *запомнил* сколько вообще ударов ножом он нанес Пустовому (см. показания свид. Долгова и Дильмана).

Помимо этого, нельзя не учитывать и того, что убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего аффекта, хотя бы и содержащее такие признаки особой жестокости, как причинение большого количества телесных повреждений, подлежит квалификации не по ст. 104, а по ст. 107 УК (п. 9 Постановления Пленума Верховного суда СССР № 4 от 27/VI-75 г.).

V. О неправомерных действиях потерпевшего

При оценке показаний Хамрокулова о *причинах*, приведших его в состояние сильного душевного волнения, нельзя не учитывать *неправомерность действий* Пустового И. Ф.,

которые, по объяснениям Хамрокулова, могли повлечь тяжкие для него последствия:

1. Установлено, что, работая директором НИВИ Пустовой И. Ф., порой *не считался с нормами трудового законодательства* и допускал грубые отступления от них.

а) Допрошенный по этому поводу свид. *Абдуллаев М.* рассказал, например, как после окончания целевой аспирантуры он был направлен на работу в НИВИ, однако, по вине Пустового И. Ф. он своевременно на работу оформлен не был, в результате чего у него был *прерван общий трудовой стаж* (см. Протокол суд. заседания, т. 4 л. д. 83-83-об.).

б) Об этом же рассказала свид. *Деревянко К. И.*, которой после окончания аспирантуры и успешной защиты диссертации не оказалось места в НИВИ, невзирая на то, что на ее иждивении находилось двое несовершеннолетних детей (т. 2 л. д. 94, 99 и Протокол суд. заседания). —

"Мои показания характеризуют Пустового, — пишет в своем заявлении, адресованном Прокурору Тад. ССР, Деревянко К. И., — как человека, который заботится прежде всего о собственном благополучии.

На работу он принимал, как в собственное учреждение, по личной симпатии... Пустовые никогда ничего не забывают и никогда ничего не прощают, а преследуют своего недруга методично и упорно" (т. 2 л. д. 94-96).

Об этом же говорила Деревянко и в суде (т. 4 л. д. 94-96-об.).

Объяснения Деревянко подтвердила свид. *Мальцева Т. Я.* (т. 2 л. д. 103 и протокол суд. заседания, т. 4 л. д. 89-90)

в) К этому же сводились показания свид. *Андреевой Р. Х.*, которая прямо заявила:

"Справедливости у нас не было. Пустовой прислушивался к кляузам Ковалева. Я как-то позвонила Пустовому, сказала, что надо выяснить один вопрос. Он сказал, что нечего здесь выяснять. Я сказала, что поеду в Министерство. Он ответил, что можете ехать хоть к Зам. министра". (т. 1 л. д. 226 и Протокол суд. заседания, т. 4 л. д. 80-82)

г) О том, что Пустовой игнорировал действующее трудовое законодательство свидетельствует и история с увольнением зав. лабораторией вирусологии Носова И. И., за что Зам. министра Сельского хозяйства Тад. ССР Кваша И. А. на Пустового было наложено два строгих дисциплинарных *взыскания* и возложена обязанность *возместить* выплаченную Носову зарплату (см. письмо Зам министра т. Каракулова и копии жалоб Пустового на имя Министра сельского хозяйства Тад. ССР т. Заирова М. З. — т. 3, приобщены к делу судом).

д) Об этом же свидетельствует и факт наложения на Хамрокулова в 1976 г. сразу *двух* взысканий за *один* и тот же проступок (по устному разрешению зав. лабораторией он уехал в г. Самарканд на *похороны* жены брата, гр. Парамоновой И. И. — см. документы — т. 3, приобщены к делу судом и копии приказов — т. 1 л. д. 80).

2. Установлено, что в *ноябре* 1981 г., когда Хамрокулов обратился к Пустовому с просьбой уехать в *праздничные* дни (7 и 8/XI) в г. Самарканд, где праздновалась *золотая* свадьба его родителей, Пустовой *беспричинно* ему в этом отказал, чем *искусственно* поставил его в положение *провинившегося*.

Нельзя не обратить внимание на то, что Хамрокулов подыскал себе *замену* — лаборанта Таджикиева, который согласился поехать вместо него на сбор хлопка 8/XI, однако Пустовой и на это не согласился (см. показания Хамрокулова и Таджикиева, т. 4 л. д. 52-об., 101-124).

По данному вопросу Хамрокулов вынужден был обратиться к зав. лабораторией *Шадыбаевой Р. Х.* и просить ее лично позвонить Пустовому.

“Я позвонила Пустовому и спросила, можно ли *заменить* Хамрокулова, — показала на следствии и в суде свид. Шадыбаева. — Он ответил, что сейчас уже изменить ничего нельзя...”

И далее:

“Считаю, что, конечно, Хамрокулова обязательно надо было отпустить на юбилей родителей”. (т. 2 л. д. 4 и Протокол суд. заседания, т. 4 л. д. 65, 68 и др.)

Искусственно созданный конфликт Пустовой, как установлено, пытался использовать для привлечения Хамрокулова к дисциплинарной ответственности, что не могло не

сказаться на предстоящей в декабре 1981 года защите им диссертации.

Невольный свидетель разговора Пустового с Хамрокуловым — Абдуллаев М. по этому поводу показал:

“После собрания Хамрокулов пошел к Пустовому в кабинет. За закрытой дверью кабинета я услышал, как Пустовой говорил: “Вафо, много на себя берешь. Пока не защитился, и будешь ли защищаться или нет, неизвестно”. (т. 1 л. д. 206 и Протокол суд. заседания — т. 4 л. д. 85-об.)

Об этом же говорили и свид. Хасанов и Шадыбаева, которые подтвердили, что на заседании Местного комитета 11/XI-81 г. где обсуждался проступок Хамрокулова, Пустовой вел речь о предстоящем сокращении штатов, о том, чтобы при этом были уволены те, у кого имеются дисциплинарные взыскания (см. их показания).

3. Из материалов дела усматривается, что с 13 по 23/XI-81 г. Хамрокулов находился на сборе хлопка, где возглавлял бригаду численностью около 50 человек.

“Хамрокулов на хлопке показал себя *очень хорошим, серьезным организатором*, — показал на следствии и в суде свид. Бурханов Ш. (представитель Райкома партии). — *Это была самая показательная, передовая бригада*. Мы говорили, что будем ходатайствовать о вынесении этой бригаде благодарности, о награждении ее Почетной грамотой. Хамрокулов лично подавал пример”. (т. 1 л. д. 223 и Протокол суд. заседания, т. 4 л. д. 36).

Это же засвидетельствовал и Абдуллаев М. (см. его показания, т. 4 л. д. 84).

Из показаний этих лиц, а также свидетелей, Аслемураева А. А. и Ян Г. А. видно, что Хамрокулов и его бригада во время сбора хлопка работали и в выходные дни, т. е. отработали четыре выходных дня, за что им были положены отгулы (Аслемурзаев и Ян впоследствии и отгуляли 4 дня) — см. их показания — т. 1 л. д. 213, 216, т. 4 л. д. 91-93.

В свете изложенного становится очевидной не только противозаконность, но и явная несправедливость того приказа, который был подготовлен 27/XI-81 г. Пустовым и которым Хамрокулову объявлялся строгий выговор и он

предупреждался о том, что при повторном нарушении к нему будут приняты более *строгие меры* (т. 2 л. д. 135).

Указанное взыскание было наложено на Хамрокулова с грубым нарушением требований ст. 136 КЗоТ, предусматривающей, что до наложения взыскания с нарушителя дисциплины обязательно должно быть *затребовано объяснение*.

Не соответствовал данный приказ и требованиям ст. 64 и 116 КЗоТ, дающим право трудящимся на *отгул* за работу в выходные дни в течение ближайших двух недель. При этом дни отгулов должны быть обозначены заранее, т. е. до работы.

Видимо поэтому свид. Шадыбаева (зав. лабораторией) в суде объяснила:

"Я не думала писать докладную о наказании Хамрокулова" (Протокол суд. засед. т. 4 л. д. 69).

Не думал и не помышлял, разумеется, и Хамрокулов, что по возвращении с уборки хлопка, вместо благодарности и Почетной грамоты, ему будет объявлен строгий выговор. И именно поэтому сообщение Шадыбаевой о проставленных ему прогулах он воспринял спокойно, как результат *недоразумения*.

"После разговора с Шадыбаевой я духом не упал, — показал об этом Хамрокулов, — считая, что позвоню Ивану Федоровичу, расскажу ему как мы работали, об обещанных благодарностях и грамотах, и все станет на свои места. Но до директора я не дозвонился..." (т. 1 л. д. 19, 159 и Протокол суд. заседания, т. 4 л. д. 101-124)

Именно поэтому явно необоснованный и несправедливый приказ Пустового, тот прием, который ему был оказан, произвели на Хамрокулова такое ошеломляющее впечатление, что у него *"потемнело в глазах"*.

Это взыскание, как явствует далее из объяснений Хамрокулова, грозило ему *тяжкими последствиями*, поскольку закрывало путь к предстоящей защите диссертации, которой он посвятил *семь лет* своей жизни.

Представляется, что при таких обстоятельствах и с учетом того, что ст. 104 п. "в" УК предусматривает ответственность за убийство с целью воспрепятствования *правомерной* деятельности потерпевшего, действия Хамроку-

лова, явившиеся реакцией на *неправомерное* поведение Пустового, необоснованно квалифицированы этой статьей закона.

Квалификация действий Хамрокулова ст. 104 п. "в" не соотнобразуется с разъяснениями, содержащимися в п. 8 постановления пленума Верховного суда СССР № 4 от 27/VI-75 г. "О судебной практике по делам об умышленном убийстве".

С учетом конкретных обстоятельств случившегося действия Хамрокулова надлежало квалифицировать не ст. 104 п "в", а ст. 107 УК.

VI. О судебно-психологической экспертизе.

1. Как указывалось, проведенная в суде психологическая экспертиза дала заключение о том, что у Хамрокулова *"можно предположить наличие аффекта"* (т. 3). Если учесть, что по закону *всякое сомнение должно толковаться в пользу обвиняемого*, станет понятным, что суд, исключая наличие у Хамрокулова аффекта, обязан был свое несогласие с указанным заключением экспертизы в приговоре соответствующим образом *мотивировать* (ст. 73 УПК).

Этого, однако, суд не сделал.

Представляется, что и по этим соображениям Приговор суда, которым *безмотивно отвергнуто* заключение судебно-психологической экспертизы, не может быть оставлен в силе.

2. В своем заключении эксперт-психолог кандидат психологических наук Николаева Э. Ф. дала ответы только на вопросы № 1 и № 2, а от ответов на другие вопросы, утвержденные судом, *отказалась*, сославшись на то, что она *"не компетентна* дать характеристику личности и поведения Хамрокулова, как *психопатической личности"* (см. заключение эксперта — т. 3).

В связи с указанным заключением эксперта защитой было заявлено ходатайство о назначении и проведении *повторной* судебно-психологической экспертизы с участием других, *компетентных* экспертов (возможно — пато-психологов). Данное ходатайство защиты суд необоснованно отклонил.

Между тем, ст. 76 УПК предусматривает, что эксперт не может принимать участие в деле и подлежит отводу *"в случае обнаружившейся его некомпетентности"* (п. 4). В этом случае в соответствии с требованиями ст. 74, 298 УПК

должна быть назначена *повторная* экспертиза с участием других — компетентных экспертов.

Нельзя не признать, таким образом, что Определение суда об отклонении ходатайства защиты о назначении и проведении *повторной* судебно-психологической экспертизы, вынесено с серьезным нарушением требований ст. 76, 74 и 298 УПК Тад. ССР, что в свою очередь привело к нарушению требований закона о *полном, всестороннем и объективном* исследовании обстоятельств дела в судебном заседании.

— " —

По изложенным соображениям *прошу* Вас *истребовать* настоящее дело и внести *протест* на предмет отмены судебного приговора и *возвращения* дела на новое судебное разбирательство с обязательным назначением и проведением *повторной судебно-психологической экспертизы*.

Исполнение приговора прошу приостановить.

Приложение:

1. Копия приговора Коллегии Верховсуда Тадж. ССР на 7 л.

Справка: Хамрокулов В. М. содержится под стражей по адресу: г. Душанбе, Тадж. ССР, учреждение п/я ЯТ-9/1.

Адвокат
"30" марта 1982 г.

...

А. Л. Мове

На эту и другие жалобы, направленные в высшие судебно-прокурорские инстанции, были получены отрицательные ответы. Оставалась надежда на помилование, о чем было подано ходатайство в Президиум Верховного совета ТССР. Однако, по убеждению родственников Хамрокулова, в создавшейся ситуации, связанной с публикацией вышеуказанного некролога, ходатайство о помиловании вряд ли будет удовлетворено, если им не удастся до этого попасть на прием к Расулову Д. и убедить его в несправедливости приговора. Такого же мнения был и я.. Помню, как приехавшая в Москву, убитая горем мать Вафо, со слезами на глазах, рассказывала, как она с Жанной (женой осужденного) в течение нескольких дней и даже ночей тщательно пытались попасть на прием к Расулову, умоляли принять их и выслушать.

Расулов их не принял. Спустя некоторое время из Президиума Верховного Совета Таджикистана поступило сообщение об отклонении ходатайства о помиловании.

А далее стало приходить нечто совершенно непостижимое.

Через несколько дней в газетах появился некролог, извещающий о том, что 4 апреля 1982 г. на 69 году жизни *скоростижно* скончался Д. Расулов.

Вафо Хамрокулов в это время еще продолжал жить.. Оставалась надежда на помилование Президиума Верховного Совета СССР, Председателем которого являлся

Л. И. Брежнев. В начале ноября 1982 г. и оттуда поступило сообщение об отклонении ходатайства о помиловании и замене смертной казни.

А буквально через несколько дней после этого в газетах появился некролог (все эти траурные сообщения хранятся в моем досье), извещающий о том, что 10-го ноября 1982 г. *скоростижно* скончался Л. И. Брежнев.

Вафо Хамрокулов в это время все еще продолжал жить и, таким образом, пережил тех, кто не вынул его мольбам о сохранении ему жизни.

Я человек не суеверный, но может быть и взаправду есть на небе Бог, который все видит и все знает, который и милует и карает? Как бы там ни было, но получалось так, что *мертвые* отказали в жизни *живому*.

В заключение хочу написать еще вот о чем (хотя, может быть, об этом и писать не следовало бы).

Дело в том, что жена Вафо — Жанна Жанпеисова являлась племянницей Первого секретаря ЦК КП Казахстана — Кунаева. И, естественно, среди родственников возникала мысль о том, что, может быть, ей следует попробовать лично или через родителей, с учетом очевидной несправедливости приговора, с учетом того, что у нее имеется малолетний ребенок, обратиться за помощью к дяде, с тем, чтобы он оказал содействие в правильном и объективном разрешении дела.

Увы, невзирая на то, что решался вопрос о жизни и смерти мужа, отца ее ребенка, ни она, ни родители ее с подобной просьбой к своему высокому родственнику не обратились. Возможно, они знали его лучше нас с вами, а возможно (был такой слушок) тесть Вафо (отец его жены) опасался за свою карьеру — в то время он работал секретарем одного из Райкомов партии в Казахстане.

Как-то сложилась *теперь* его судьба, судьба его дочери и внука — сына казненного Вафо?

**Рисунок убийцы-маньяка Ф., приговоренного к расстрелу.
Бутырская тюрьма, 1984 г.**

**Рисунок убийцы-маньяка Ф., приговоренного к расстрелу.
Бутырская тюрьма, 1984 г.**

Кого они защищают? Двадцать лет спустя

Под таким заголовком в одной из книг этого цикла ("Дела давно минувших лет") был опубликован мой очерк, прочитанный по Ярославскому радио в 1955 г.

Прошло двадцать лет... Я уже давно покинул Ярославль, переехал в Москву. И вот однажды, это было где-то в конце 1974 года, в нашу Московскую областную юридическую консультацию, что на ул. Баррикадной, пришла совсем уже немолодая женщина и попросила секретаря провести ее ко мне. "Я приехала из Ярославля, — сказала она мне, волнуясь и заметно окая. — Я жена Сахарова Владимира Сергеевича, Володи Сахарова, которого Вы в свое время защищали и о реабилитации которого рассказывали по радио. Это было очень давно, и Вы, наверное, уже забыли о том деле. Но с Володей опять беда, он снова в тюрьме, ему дали 5 лет. Работал он электромехаником в Ярославле, и их с бригадой отправили в командировку в г. Архангельск на какую-то срочную работу. Работу они выполнили, за что получили премии и благодарности, а затем, уже после возвращения в Ярославль, против них возбудили уголовное дело, которое, как видите, вот так закончилось. Мать Володи, и так больная старушка, сейчас совсем занемогла и все только твердит: "Поезжай в Москву, разыщи Абрама Львовича, акромя него нам никто не поможет. Так что уж очень просим Вас, помогите..."

Что оставалось делать? В это время в Московском городском суде слушалось довольно большое групповое дело, в котором был занят и я, и единственное, что я мог обещать — это при первой возможности, как только в процессе появится длительный перерыв (а такое бывает в подобных делах нередко) выехать в Архангельск и попробовать на месте разобраться в новой Володиной истории. Отказать в помощи, как всем, вероятно, понятно, этим людям я, конечно, не мог.

Вот так зимой 1974 -75 г. я оказался в Архангельске, в одном из промерзших, с заиндевевшими стенами, номеров местной гостиницы.

Все остальное, что было предпринято по этому делу, читатель сможет узнать из той жалобы, которая была написана мною после изучения дела в суде и с которой я через несколько дней был на приеме у Председателя Архангельского областного суда.

Из досье адвоката

Председателю Архангельского областного суда

Адвоката Мове А. Л., г. Москва,
ул. Баррикадная, д. 8 Мособлюр-
консультация

По делу

Сахарова Владимира Сергеевича,
осужденного приговором Октябрь-
ского Райнарсуда г. Архангельска
от 10/IX-74 г. по ст. 92 ч. III и ст.
17-175 УК на 5 лет лишения сво-
боды.

Определением коллегии Архан-
гельского облсуда от 29/XI-74 г.
приговор оставлен без изменения.

Жалоба в порядке надзора

То, что случилось в настоящем деле, настолько *невероятно*, настолько *возмутительно*, что писать спокойно об этом, видимо, нельзя.

В июле месяце 1973 года в связи с необходимостью *срочно* сдать в эксплуатацию автоматическую телефонную станцию ст. Архангельск руководством Управления Северной ж/дороги была командирована в Архангельск для монтажа станции бригада специалистов нескольких дистанций сигнализации и связи, в состав которой вошли лучшие специалисты дороги, и в том числе *электромеханик* Ярославской дистанции сигнализации и связи Сахаров В. С.

Приступив к работе 20/VII-73 г., указанная бригада совместно с местными рабочими (бригадой Бирцевой) через 4,5 месяца, невзирая на тяжелейшие условия работы (жили в холодных ж/дорожных вагонах и пр.), *досрочно*, 25/XI-73 г., завершила монтаж АТС и сдала его в эксплуатацию с оценкой "хорошо" (см. акт приемки объекта и заключение технической экспертизы — т. 3 л. д. 162).

За досрочное завершение строительства и высокое качество работы командированным (в том числе и Сахарову) руководством дороги были объявлены благодарности, выданы денежные премии...

А через некоторое время многих из них привлекли к уголовной ответственности, они *вынуждены* были возвратить деньги, полученные за свой труд по монтажу АТС, а троих — Сахарова, Теплякова и Евдокимова отправили за тюремную решетку.

Оказывается, по мнению следственных органов и суда, все они были причастны к выписке фиктивных нарядов на общую сумму 5.877 руб., по которым (как признано Приговором) было похищено 4.801 руб. 12 коп. — см. Приговор и копию определения коллегии облсуда — стр. 13.

С подобным выводом следственных органов и суда согласиться невозможно:

I.

На всем протяжении следствия и в двух судебных заседаниях, не отрицая самого факта составления т. н. фиктивных нарядов (куда для упрощения начислений были включены совершенно произвольные объемы работ), все осужденные в то же время заявляли, что *умысла на хищение гос. средств они не имели*, что преследовали при этом цель получения всеми командированными вознаграждения за свой труд по монтажу АТС (см. их показания).

Совершенно очевидно, что для того, чтобы правильно оценить данные показания обвиняемых и судить о направленности их умысла, следственным органам и суду надлежало сопоставить тот объем работы, который был выполнен командированными, с той заработной платой, которую они фактически получили за эту работу.

К сожалению, ничего этого ни на следствии, ни в суде сделано не было.

Между тем, из имеющихся в деле документов усматривается, что за все время командировок всеми лицами (около 20 человек), работавшими по монтажу АТС, была получена заработная плата (за счет сохранения среднемесячной зарплаты по основному месту работы) в сумме 6.281 руб., из которых 1.809 руб. получили Сахаров, Тепляков и др. лица, командированные из Ярославля, и 4.472 руб. получили командированные из других дистанций сигнализации связи (см. справку, т. 1 л. д. 299, телеграммы — т. 1 л. д. 310-308 и Акт ревизии т. 1 л. д. 294).

Из этих документов, в частности усматривается, что Сахаров за 62 дня работы в командировке получил зарплату в сумме около 300 руб., Тепляков — за 92 дня работы — около 400 руб., и т. д.

В то же время из заключения Технической экспертизы на следствии и суде усматривается, что всего по монтажу АТС был выполнен большой объем работ, за которые надлежало выплатить зарплату в сумме 18.621 руб. (т. 3 л. д. 158; т. 4 л. д. 61).

При этом эксперты подчеркнули два обстоятельства:

1) Помимо тех объемов работ, которые были обсчитаны экспертизой, монтажниками был выполнен целый ряд других работ, *не предусмотренных проектом, которые экспертиза не в состоянии была учесть* (см. Заключение экспертов в суде, т. 4 л. д. 59 и Перечень указанных работ).

*“Стоимость фактически выполненных работ, не предусмотренных проектом и не включенных в наряды и акты приемки выполненных работ, — заключили эксперты, — расценить не представляется возможным, но эта сумма значительно **перекроет сумму переплат по нарядам**”* (т. 4 л. д. 60).

Отсюда следует, что за проделанную работу монтажникам надлежало выплатить зарплату не 18 тыс. руб., а примерно 23 тыс. руб. (18 + 5 = 23).

2) *Основная работа по монтажу АТС (примерно 80%) была выполнена силами командированных специалистов.*

Что касается местных рабочих (бригада Бирцевой), то еще на следствии эксперты пришли к заключению:

*“Учитывая, что бригада Бирцевой до начала монтажа по узлу в июле 1973 г. фактически ничего не сделала, и то, что полученные позднее стойки МСС-1- 6-6, РСДТ-4 и др. до настоящего времени не подключены, несмотря на то, что весь монтаж для них был сделан бригадой монтажников, можно сделать вывод, что **бригада Бирцевой аппаратуры не знает и могла выполнить только валовые и вспомогательные работы, а основные и дорогостоящие работы по монтажу, проверке и тренировке аппаратуры выполняли специалисты, командированные из других дистанций**”* (т. 3 л. д. 159).

Это же подтвердили эксперты и в суде:

“Всего бригада Бирцевой сделала 10-15% объема работ, не больше, и работы низкооплачиваемые” (т. 4 л. д. 181-об.)

К сожалению, за неимением времени, эксперты не смогли представить суду расчет с выделением работ, требующих малоквалифицированного и высококвалифицированного труда.

Этот расчет экспертом Даниловой был направлен в облсуд лишь 3/Х-74 г., и из него усматривается, что *малоквалифицированным* рабочим (бригада Бирцевой) надлежало оплатить зарплату в сумме 3.053 руб. (без коэффициента 1,2), т. е. 19,7%, а *высококвалифицированным* рабочим надлежало выплатить за монтаж — 12.464 руб. (без коэффициента 1,2) или примерно 14.500 руб. с коэффициентом 1,2 т. е. 80,3% всей причитающейся за монтаж АТС зарплаты (т. 4 л. д. 354-355).

Разумеется, все это без учета тех дополнительных работ (на сумму около 5 тыс. руб.), которые экспертизой не были расценены (т. 4 л. д. 60).

Суммируя изложенное, следует признать, что:

а) Всем командированным специалистам, работавшим по монтажу АТС, была выплачена заработная плата (6.281 руб.), которая примерно в 2-3 раза менее той, которая причиталась им за фактически выполненную работу (14,5 - 19,5 тыс. руб.).

Если к этому учесть, что значительная часть работы была выполнена ими *сверхурочно* (в выходные дни, в сверхурочное время — об этом ниже), то следует, что обсчет рабочих был еще большим.

Все это подтверждается объяснениями осужденных об отсутствии у них умысла на хищение гос. средств и о том, что они преследовали единственную цель: получение за свои труд той заработной платы, которая им причиталась.

Подобные действия неосновательно квалифицированы ст. 92 ч. III УК.

б) Тот фонд заработной платы, который был спущен Исакогорской дистанции сигнализации и связи на монтаж АТС ст. Архангельск, был израсходован ею неправильно.

Не израсходовав ни единого рубля на оплату труда монтажников, руководство Исакогорской дистанции в то же время оплатило работу бригады Бирцевой не по нарядам, в соответствии с объемом выполненных ими работ, а по установленным каждому работнику бригады ставкам (окладам), в результате чего этой бригаде было выплачено вместо причитающихся 3.750 руб. (т. 4 л. д. 355) — 13.422 руб., т. е. примерно на 10.000 руб. более (т. 1 л. д. 300 и Акты ревизий — т. 1 л. д. 288, 296).

При этом за счет фонда заработной платы, отпущенной на монтаж АТС, была выплачена зар. плата рабочим бригады Бирцевой в сумме 2.005 руб. за декабрь 1973 года (тогда как объект был сдан 25 ноября), 3.348 руб. выплачено этой бригаде до июля 1973 года, т. е. до начала монтажа и т. д. (т. 1 л. д. 300).

Этим, и только этим, может быть объясним тот факт, что израсходовав средства, отпущенные на монтаж Архангельской АТС и не имея фонда зарплаты, руководство Исакогорской ШЧ-9 вынуждено было заключить договор с ССМП-394 с тем, чтобы хоть в какой-то мере компенсировать труд тех, кто непосредственно занимался монтажом их объекта.

Чем же мотивировали свое несогласие с объяснениями обвиняемых следственные органы и суд?

На чем зиждется обвинение в хищении?

Довод здесь один:

“Поскольку согласно ст. 4 Постановления СНК СССР от 19/VI-47 г. за время нахождения в командировке за работниками сохраняется заработная плата по месту постоянной работы, то они не имеют права на получение заработной платы по месту командировки” (см. Обвинительное заключение и приговор).

Этот довод является глубоко ошибочным:

1. Прежде всего, общеизвестно, что на основании Конституции СССР и ст. 77 КЗоТ РСФСР всякий труд подлежит оплате в соответствии с его количеством и качеством.

Именно поэтому “при выполнении командированным каких-либо работ в месте командировки, оплачиваемых по сдельной или сдельно-премиальной системе, заработная

плата выплачивается в соответствии с выполненной работой по нормам и расценкам места командировки, без сохранения среднего заработка по месту основной работы" (см. "Комментарий к законодательству о труде" 1967 г., стр. 250).

Очевидно, что уже по одному этому все лица, командированные в г. Архангельск для монтажа АТС и фактически выполнившие эту работу, вправе были претендовать на оплату их труда не по среднемесячной зарплате, а в соответствии с фактическим объемом выполненных ими работ (т. е. по нарядам).

В этом случае, повторяем, им надлежало оплатить в 2-3 раза более того, чем им было выплачено по месту их основной работы.

2). В данном конкретном случае тем более следовало руководствоваться этим общепринятым положением, т. к. установлено, что все специалисты были направлены в командировку для выполнения *монтажных и наладочных работ* (это обстоятельство признано следственными органами и судом — см. Обвинительное заключение и Приговор — стр. 1).

А оплата труда работников, командируемых для выполнения монтажных и наладочных работ, регламентируется не только Постановлением СНК СССР от 19/VI-47 г., но и Инструкцией "Об изменении порядка выплаты 50% надбавки взамен суточных работникам, командированным для выполнения монтажных и наладочных работ", утвержденной Постановлением Государственного Комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы 22/VII-1959 г.

П. 12 указанной инструкции прямо предусматривает, что *заработная плата* указанным работникам выплачивается не по месту основной работы, а *по месту командировки*, за счет фондов зарплаты той организации, в план которой включен объект монтажа, т. е. *в соответствии с объемом фактически выполненной работы* (см. Комментарий к законодательству о труде, 1967 г., стр. 266).

Комментарии, думается, излишни.

Что же касается ссылки следствия и суда на показания подсудимых на следствии, в которых они признавали свою вину, то по этому поводу все они в судебном заседании пояснили, как и при каких условиях они *вынуждены* были это сделать (см. Протокол суд. заседания).

Думается, что на вопрос о том, в результате чего и при каких обстоятельствах все обвиняемые, не совершившие преступления, признали на следствии свою вину, мог бы еще лучше ответить *следователь*, которому удалось добиться этого признания.

II.

В связи с изложенным становится очевидным, что защита вообще могла бы не освещать вопроса о сверхурочной работе, выполненной командированными, т. к. и без того ясно, что и *без учета сверхурочных работ, выполненных ими, они недополучили значительную часть своей заработной платы.*

Поэтому очень кратко:

1) Тот факт, что определенная часть работ была выполнена командированными в выходные дни и в сверхурочное время, подтвердили на следствии и в суде все обвиняемые (см. их показания).

2) Подтвердили данное обстоятельство и целый ряд свидетелей: Салов, Головин, Политов, Забытов, Сидоров, Проценко, Бирцева: Молчанов, Купоров, Дудин, Захаров и многие другие (см. их показания на следствии и Протокол суд. заседания — т. 4 л. д. 119-об.-123, 124-126, 127-129, 129-130, 131-134, 136-137, 143-об.-144, 146-об., 162, 163, 172, 173).

Смысл показаний всех этих свидетелей сводился к тому, что командированные почти ежедневно работали сверхурочно, работали по 10-12 часов в день, перерабатывали по 4-5 часов, работали в субботу и воскресенье.

Все они также подтвердили показания подсудимых о том, что руководство просило их в срок завершить монтаж, просило работать сверхурочно, обещая эту работу оплатить.

3) Допрошенные на следствии и в суде свидетели Семилетов (Зам. нач. службы Сев. ж. дороги), Елсаков (Нач. Исакогорской дистанции) подтвердили, что действительно они просили всех командированных работать сверхурочно и обещали, что работа эта будет оплачена (см. их показания — т. 2 л. д. 467-об., т. 2 л. д. 469, т. 4 л. д. 138-об.-142-об., л. д. 164-167, 169-171).

4) Тот факт, что часть работ по монтажу была выполнена в сверхурочное время, признали следственные органы и суд (см. Обвинительное заключение и Приговор).

5) Наконец, из заключения *технической экспертизы* на следствии и в суде явствует, что так как все работы были выполнены за 4,5 месяца (24.209,41 человекочаса), то, исходя из средней нормы рабочего времени в месяц на 1 человека — 173,1 часа), *сверхурочные работы имели место* (т. 3 л. д. 160).

“Для того, чтобы выполнить весь объем работ за 4,5 месяца, — заключили эксперты, — необходимо было, чтобы ежедневно работали 31 человек. Так как командированных и местных работало ежедневно не более 15 человек, необходимы были сверхурочные работы” (т. 3 л. д. 160 и т. 4 л. д. 60).

Из этого заключения вытекает, что примерно *половина* работы (на которые была начислена зарплата в сумме 9 тыс. руб., т. е. 18:2) была выполнена в сверхурочное время, и таким образом эта работа подлежала оплате по *двойному* тарифу, т. е. следовало оплатить не 9 тыс. руб., а 18 тыс. рублей.

Всего, следовательно, (с учетом сверхурочных работ) надлежало выплатить зарплату за монтаж АТС не 18 тыс. руб., а 9 + 18, т. е. 27 тыс. руб.

Все это лишний раз свидетельствует о том, что осужденные преследовали не цель хищения, а получения компенсации за свой труд.

— *Чем же следственные органы и суд опровергли все эти доказательства?*

— *На чем зиждится утверждение суда о том, что работники, командированные на монтаж АТС, не вправе были получать вознаграждение за свой труд?*

Не составляет большого труда убедиться в том, что те выводы, которыми оперирует суд в приговоре, не выдерживают никакой критики.

Так:

1) *“Несмотря на то, что командированные работали какое-то время сверхурочно, — утверждает суд в приговоре, — однако сверхурочные работы, выполненные в местах командировки, оплате не подлежат”* (см. Копию приговора — стр. 6).

Это утверждение, как указывалось, является ошибочным, ибо этот порядок не распространяется на лиц, выполняющих в местах командировки *сдельную* работу, и тем более, на командированных на монтажные работы.

2) По тем же основаниям является несостоятельной ссылка суда на то, что Сахаров, Тепляков и др. являлись лицами с *ненормированным рабочим днем* и поэтому они не имели права на оплату сверхурочных работ.

Установлено, что все эти лица были направлены в командировку не для выполнения работ, входящих в их обязанности, а на монтажные работы, в качестве простых рабочих-монтажников.

Очевидно, что при таких обстоятельствах все они вправе были претендовать на оплату сверхурочных работ, тем более, что подобная оплата была им обещана руководством.

3) Тот факт, что производство сверхурочных работ было оформлено ненадлежащим образом, не может быть поставлен в вину осужденным, ибо, в частности Сахаров, Тепляков, Евдокимов являлись рядовыми рабочими-монтажниками, и обязанность все это оформлять надлежащим образом лежала не на них, а на администрации предприятия, куда они были командированы.

4) Нельзя не обратить внимания еще на одно обстоятельство. В противоположность тем выводам, к которым пришел по данному вопросу суд в приговоре, Исакогорский районный народный суд в своем определении от 8/V-74 г. о возвращении дела на дополнительное расследование вполне обоснованно признал за командированными право на получение зарплаты за сверхурочную работу.

При этом суд указал в определении:

“Как видно из материалов дела и как установлено в суде, подсудимые действительно сверх нормального рабочего времени производили работы по монтажу узла...”

И далее:

“Однако ни в судебном заседании, ни на предварительном следствии не установлено, какой же объем работ был им в нарядах завышен, в связи с чем не представляется возможным определить и размер похищенной ими суммы...”

Необходимо точно установить объем работ, выполненных в совмещенное время, и определить их стоимость" (т. 2 л. д. 481).

К сожалению, определение суда в этой части следственными органами выполнено не было, без чего однако Октябрьский нарсуд счел возможным заслушать дело, сославшись на то, что *невозможно определить объем работ, выполненных сверхурочно* (см. определение суда — т. 4 л. д. 63).

Между тем очевидно, что не обвиняемые, а следственные органы обязаны были определить объем сверхурочных работ, т. к. без этого, как правильно указал в своем определении Исакогорский нарсуд, обвинение в хищении не может быть признано обоснованным.

Суммируя изложенное, следует признать, что у суда не было решительно никаких оснований к тому, чтобы, не признав за обвиняемыми права на получение компенсации за сверхурочные работы, делать вывод о хищении ими гос. средств.

И еще одно соображение.

И на следствии, и в суде Тепляков, Сахаров, Евдокимов утверждали, что передали Иванову деньги (Сахаров передал ему 30 руб.) в связи с тем, что Иванов принимал участие в работах по монтажу АТС, при этом выполнял ряд работ, не входящих в его служебные обязанности (см. их показания и показания Иванова).

Показания подсудимых подтвердили свидетели Политов — т. 4 л. д. 125; Забытов — т. 4 л. д. 127; Салов — т. 4 л. д. 129-об.; Сидоров — т. 4 л. д. 135-об. и другие.

Полагаю, что при таких обстоятельствах и с учетом того, что Сахаров и др. лица передали Иванову деньги (за его труд) *из своей зарплаты*, не причинив никакого ущерба предприятию, в их действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 175 и 92 УК.

III.

Считаю необходимым обратить внимание на те серьезные процессуальные нарушения, которые были допущены при рассмотрении данного дела:

1. Ст. 288 УПК предусматривает, что по выяснению всех обстоятельств, имеющих значение для дачи экспертами

заклучения, председательствующий обязан *предложить* сторонам представить в *письменном виде* вопросы экспертам, которые суд должен рассмотреть и утвердить своим определением. Только после этого эксперты приступают к составлению своего заключения.

На необходимость строгого соблюдения указанного порядка особо обратил внимание и Пленум Верховного суда СССР в п. 9 и 10 Руководящего постановления № 1 от 16/III-71 г. "О судебной экспертизе по уголовным делам" (см. Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1974 г., стр. 594).

Ничего этого судом сделано не было. Из протокола судебного заседания усматривается, что *сторонам не предлагалось* сформулировать в письменном виде вопросы экспертам (и таковые в деле отсутствуют), нет в деле и определения суда о постановке вопросов экспертам.

Таким образом, *почему и на какие вопросы отвечали эксперты* в своем заключении в суде — понять из материалов дела невозможно.

2. Известно, что в соответствии со ст. 294 УПК *судебное следствие* по делу может быть закончено лишь *после рассмотрения всех доказательств*. Только после этого, выслушав прения сторон и последние слова подсудимых, суд вправе удалиться в *совещательную комнату для постановления приговора* (ст. 299 УПК).

На необходимость строгого соблюдения норм УПК при постановлении приговора и на то, что при постановлении приговора *должны получить оценку все доказательства, рассмотренные в судебном заседании*, особо обратил внимание и Пленум Верховного Суда СССР в п. 3 и 4 своего Руководящего Постановления № 4 от 30/VI-69 г. "О судебном приговоре" ("Сборник постановлений пленума Верховного Суда СССР, 1974 г. стр. 582).

И это требование закона по данному делу было нарушено.

Уже после провозглашения приговора, 3/X-74 г. в суд поступила "Сводная ведомость № 4" — приложение к акту технической экспертизы (т. 4 л. д. 355), по поводу которого в сопроводительном письме в суд эксперт, в частности, указал (*дословно*):

"Прошу считать настоящее "приложение" неотъемлемой частью заключения, данного в судебном заседании.

И далее:

"Представить настоящее приложение в период суд. заседания было невозможно, т. к. не было достаточного времени для выборки и подсчета работ..." (т. 4 л. д. 354).

Очевидно, что при таких обстоятельствах, *не получив полного заключения экспертов, суд не вправе был закрывать судебное следствие и выносить приговор, а кассационная коллегия обязана была подобный приговор отменить, как вынесенный с грубым нарушением ст. 294, 299, 301 УПК и Руководящего Постановления Пленума Верховного Суда СССР № 4 "О судебном приговоре".*

Нельзя при этом не заметить, что указанное Приложение № 4 к акту экспертизы полностью опровергает довод суда в приговоре о том, что *"сомнительно, что 85% всех фактически выполненных работ выполнены командированными"* (см. копию приговора, стр. 5).

Полагаю, что только по одним этим соображениям и с учетом того, что заключение экспертов по данному делу является одним из важнейших доказательств, данный приговор не может быть оставлен в силе.

3. Известно, что указания суда в Определении о доследовании являются обязательными для следователя и подлежат безусловному исполнению (ст. 358 УПК).

Между тем, определение Исакогорского нарсуда от 8/V-74 г. о необходимости *точно установить объем работ, выполненных монтажниками, и определить их стоимость, без чего, как признал суд, не представляется возможным определить размер похищенного* (т. 2 л. д. 481), следственными органами не было выполнено.

В связи с этим адвокаты т. Малков, Зенин и Коврежников совершенно правильно заявили в суде ходатайство об обращении дела к доследованию (т. 4 л. д. 76-об.-78).

Это обоснованное ходатайство адвокатов суд оставил без рассмотрения (т. 4 л. д. 63) и в дальнейшем так и не разрешил. В конце судебного следствия суд лишь отклонил новое ходатайство адвоката Малкова в части назначения

бухгалтерской экспертизы — т. 4 л. д. 183-об. и совершенно не решил вопроса о ходатайствах адвокатов Малкова, Зенина и Коврежникова о доследовании.

Таким образом суд, по сути, игнорировал ходатайство адвокатов, чем допустил существенное нарушение ст. 276 УПК, что в конечном итоге привело к *ущемлению права на защиту*, предоставленного обвиняемым.

4. В процессе следствия, 4/VII-74 г., Сахарову было предъявлено обвинение в причастности к хищению 4.931 руб., из которых он лично присвоил 390 руб. (т. 3 л. д. 146).

В дальнейшем, 10/VII-74 г., следователь вынес Постановление, которым исключил из обвинения Сахарова причастность к хищению по наряду от 31/VII-73 г. в сумме 945 руб. 60 коп., из которых Сахаров присвоил 129 руб. (т. 3 л. д. 279).

Очевидно, что при таких обстоятельствах следовало вменять Сахарову причастность к хищению в сумме 3.996 руб. ($4.931 - 935 = 3.996$), из которых личное присвоение должно составлять 261 руб. ($390 - 129 = 261$).

Однако, невзирая на свое собственное Постановление от 10/VII-73 г., следователь в Обвинительном заключении вменил в вину Сахарову участие в хищении 4.931 руб., из которых он лично присвоил 390 руб. (т. 3 л. д. 324).

По этой формулировке обвинения Сахаров был предан суду и, в нарушение ст. 254 УПК, осужден. Ошибку, допущенную следственными органами и судом, кассационная коллегия не устранила.

Полагаю, что и по этим соображениям, *в связи с целым рядом существенных нарушений норм УПК, допущенных следствием и судом, данный приговор не может быть оставлен в силе.*

— " —

Сахаров В. С., 1937 г. рождения, в 16-летнем возрасте пошел работать. В течение 10 лет работал на Ярославском центральном телеграфе, где зарекомендовал себя исключительно положительно (см. Выписку из трудовой книжки — т. 4 л. д. 387).

С 1963 года по день ареста работал электромехаником Ярославской дистанции сигнализации и связи.

"Добросовестный, честный, трудолюбивый работник, Ударник коммунистического труда, неод-

нократно избирался профоргом цеха, пользовался уважением в коллективе", — значится в его характеристике, имеющейся в деле (т. 2 л. д. 304).

Это же отмечено в многочисленных письмах рабочих, поступивших в суд (т. 4 л. д. 352 и др.).

Сахаров серьезно болен (у него удалена левая почка — см. справки — прилагаются).

На иждивении Сахарова находится 10-летний ребенок (см. Обвинительное заключение).

— " —

На основании изложенного прошу Вас *истребовать* настоящее дело и внести *протест* на предмет отмены указанного приговора нарсуда и определения коллегии облсуда и возвращения дела на *дополнительное расследование*.

Учитывая состояние здоровья Сахарова, его характеристику, семейное положение и *явную необоснованность* предъявленного ему обвинения, прошу поставить вопрос об изменении избранной меры пресечения на *подписку о невыезде* (в процессе следствия Сахаров находился на свободе).

Приложение:

1. Копия приговора нарсуда.
2. Копия определения коллегии Архангельского облсуда на 15 л.
3. Выписка из истории болезни и справка — на 2 л.

Справка: Сахаров В. С. отбывает наказание по адресу:
г. Ярославль, ЮН-83/4.

Адвокат
г. Москва
"12" января 1975 г.

 А. Л. Мове

По протесту А. Яшкина — председателя Архангельского облсуда 26 марта 1975 г. это дело слушалось на Президиуме Архангельского облсуда, который приговор Народного суда и Определение коллегии по уголовным делам Архангельского облсуда отменил и дело направил на дополнительное расследование, о чем я получил соответствующее извещение.

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РСФСР

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СУД

Адрес: г. Архангельск, пр. Дзержинский, 20^б

Телефон 4-01-10

44-У-34

28 марта

1975 г.

Адвокату Московской юридической
консультациитов. МОВЕ А.Д.

Москва, ул. Баррикадная, дом 8

Адвокату Сономбьевской юридической
консультациитов. ЧЕРКОВЫ Е.Н.

Архангельск, Сокобеле

Адвокату Вязьгорской юридической
консультациитов. МАДКОВУ В.С.

г. Архангельск

Сообщая, что дело по обвинению Иванова К.П.,
Теплякова М.А., Ефимовича В.А. и Сахарова В.С., осужденных
по ст. 92 ч. II УК РСФСР Октябрьским районным народным судом,
рассмотрено 26 марта 1975 года на презициуме Архангельского
областного суда.

Приговор и определение судебной коллегии отме-
нено и дело направлено на дополнительное расследование в проку-
ратуру области.

Председатель:
Архангельского областного
суда -

А. А. ЯШКИН.

В процессе очень недолгого дополнительного расследования уго-
ловное дело в отношении Сахарова Владимира Сергеевича было пре-
кращено, он был полностью реабилитирован и из-под стражи освобожден.

Согласитесь, что случай не столь уж частый в нашей адвокатской
практике — подзащитный, дважды реабилитированный по разным делам!

С той поры прошло почти двадцать лет. За это время с новыми
просьбами о защите Сахарова В. С. ко мне никто более не обращался.
Так что надеюсь, что защищать Владимира Сергеевича Сахарова от
необоснованных обвинений в третий раз мне не придется.

Три оправдательных приговора Василия Штарева

Общеизвестно, что в течение многих лет из нашей практики фактически начисто исчезли оправдательные приговоры.

Как же случилось, что по делу Василия Штарева разными судами последовательно были вынесены целых три оправдательных приговора? Соглашмся, что для этого должны были существовать сверхважные обстоятельства, сверхнеобыкновенные причины. И они, и это будет видно из дальнейшего повествования, действительно существовали.

Студент 3-го курса геологического факультета Башкирского Гос. университета — Василий Штарев в июле м-це 1982 г. был привлечен к уголовной ответственности по статье 117 ч. II УК, по обвинению в изнасиловании, сопряженном с угрозой убийства, сокурсницы, дочери члена Верховного суда БАССР Команенко Т. (фамилии изменены).

В связи с тем, что отец потерпевшей активно вмешивался в расследование дела, по ходатайству адвоката Михаила Александровича Гофштейна и его настоянию (а именно он первоначально осуществлял защиту Штарева), руководством Верховного суда РСФСР дело было направлено на рассмотрение в суды Татарской АССР. После того, как последовательно Бугульминским горнарсудом (12 марта 1982 г.) и Лениногорским Горнарсудом ТАССР (8 сентября 1982 г.) были вынесены в отношении Штарева оправдательные приговоры (оба приговора последовательно были отменены кассационной инстанцией Верховного суда ТАССР) по просьбе адвоката Гофштейна поручение на защиту Штарева было принято мною. Собственно, состояние Михаила Александровича, нервное потрясение вызванное отменой двух оправдательных приговоров, мне было очень понятно.

Подобные дела не проходят бесследно для адвоката, они обязательно оставляют тяжкие рубцы, если не телесные, то душевные непременно. “Ты понимаешь, — обратился он ко мне, — я абсолютно выведен из строя, потрясен, руки после всего этого в бессилии опускаются. Попробуй ты, может быть, с новыми силами ты сумеешь достичь большего...” Так, не без “помощи”, адвоката Гофштейна, на сей раз уже я оказался вовлеченным в это крайне одиозное дело и в декабре м-це 1982 г. выехал в г. Казань.

27 декабря 1982 г. в Верховном суде ТАССР началось третье по счету слушание этого дела по первой инстанции и началось оно сразу, как и ожидалось, с острых осложнений.

В первый же день процесса, невзирая на неявку в судебное заседание потерпевшей, суд счел возможным начать дело слушанием. И начал его с вынесения Определения о назначении повторной комиссионной судебно-медицинской экспертизы, проведение которой по явно надуманному предлогу было поручено республиканскому бюро суд. мед. экспертиз Башкирской АССР, что явилось для подсудимого и его защитника полной неожиданностью.

В связи с этим, после ознакомления с протоколом судебного заседания, на него были принесены следующие замечания на протокол, которые мы ходатайствовали рассмотреть в нашем присутствии.

**Из досье адвоката
Копия**

В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА ТАССР

Адвоката А. Л. Мове,
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Мособлюрконсультация

и

Штарева Василия Александровича.

ЗАМЕЧАНИЯ на протокол судебного заседания.

Ознакомившись с разрешения суда 3.01.83 г. с протоколом судебного заседания, считаем необходимым на основании ст. 265 УПК просить внести в Протокол следующие дополнения:

В судебном заседании, после оглашения судом Определения о назначении повторной комиссионной суд. мед. экспертизы, адвокатом т. Мове А. Л. в присутствии всего состава суда, секретаря суд. заседания, прокурора и подс. Штарева, было сделано заявление об отводе экспертов, которое не отражено в протоколе суд. заседания.

Адвокат т. Мове А. Л. сделал следующее заявление:

“Решение суда о проведении повторной суд. мед. экспертизы в республиканском бюро суд. мед. экспертизы Башкирской АССР явилось для нас полной неожиданно-

стью, так как вопрос этот предварительно судом не обсуждался и мнение защиты и обвиняемого по этому вопросу не было заслушано.

Защита категорически *возражает* против проведения экспертизы в Башкирской АССР, поскольку отец потерпевшей является членом Верховного суда БАССР и, как это видно из имеющихся в деле многочисленных заявлений, оказывал определенное влияние на ведение расследования по настоящему делу.

Именно поэтому по указанию руководства Верховного суда РСФСР данное дело было изъято из производства судебных органов БАССР и передано на рассмотрение в ТАССР.

Представляется, что только по одним этим соображениям проведение суд. мед. экспертизы в экспертном учреждении БАССР, которое, кстати, расположено в одном здании с Верховным судом БАССР, следует признать недопустимым. Подобное решение по сути представляет собой ревизию предписания руководства Верховного суда РСФСР и попытку возвращения дела в БАССР, откуда, во избежание местных влияний, оно было изъято.

Помимо этого, по данному делу первичная суд. мед. экспертиза проводилась Зав. отделом по освидетельствованию живых лиц бюро суд. мед. экспертизы БАССР т. Касьяновой А. П. (т. 1 л. д. 11-12, т. 2 л. д. 38).

Это заключение было признано *сомнительным*, что нашло отражение как в судебном приговоре, так и в Определении Верховного суда ТАССР. Собственно, именно поэтому было принято решение о проведении повторной экспертизы.

Представляется, что и по этим соображениям проведение повторной комиссионной экспертизы в бюро суд. мед. экспертиз БАССР следует признать неправильным. Надлежащая объективность здесь не может быть обеспечена, поскольку экспертиза будет проводиться лицами, подчиненными по службе т. Касьяновой, либо теми, кому она подчиняется и кто визировал и утверждал ее необоснованное заключение.

Считаем совершенно недопустимым обследование потерпевшей экспертами через 1,5 года после случившегося и выяснение у нее при экспертизе каких-либо обстоятельств. Официальное ходатайство экспертов об этом в деле отсутствует.

Если у экспертов возникает в этом необходимость, то они должны в судебном заседании, в установленном законом порядке, ходатайствовать об этом перед судом и только в судебном заседании, с разрешения суда, задать необходимые вопросы потерпевшей и другим лицам.

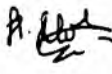
Никаких медицинских документов, подтверждающих болезненность потерпевшей и ее состояние здоровья, препятствующее явке в суд, в распоряжении суда не имеется.

В данном случае суд идет на поводу голословных заявлений потерпевшей, стремящейся навязать суду проведенные экспертизы в БАССР, откуда, как указывалось, дело уже было изъято.

Поскольку, как стало известно, эксперты ТАССР от проведения экспертизы отказались, просим поручить проведение повторной комиссионной экспертизы бюро Главной суд. мед. экспертизы при Министерстве Здравоохранения РСФСР (г. Москва)".

Указанное дополнение просим внести в протокол судебного заседания. На основании ст. 266 УПК просим рассмотреть данные замечания на протокол в нашем присутствии.

Адвокат
Подсудимый
"3" января 1983 г.

 А. Л. Мове
В. А. Штарев

...

Пользуясь тем, что указанные замечания на протокол судебного заседания рассматривались в нашем присутствии, мною, после оглашения судом Определения об отклонении принесенных Замечаний, был заявлен *отвод* Верховному суду Татарской АССР.

Из досье адвоката
Копия

В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА ТАТАРСКОЙ АССР

Адвоката А. Л. МОВЕ По делу
Штарева Василия Александровича,
обв. по ст. 117 ч. II УК

ХОДАТАЙСТВО ОБ ОТВОДЕ СУДА

Не имея никаких оснований сомневаться в беспристрастности и объективности Народных судов ТАССР, считаю вместе с тем необходимым заявить *отвод* Верховному суду ТАССР.

И не только потому, что Верховным судом ТАССР по весьма сомнительным основаниям были дважды отменены *оправдательные* приговоры, вынесенные по данному делу Бугульминским горнарсудом ТАССР (21/III-82 г.) и Лениногорским горнарсудом ТАССР (8/IX-82 г.), но и потому, что, приняв дело к своему производству, Верхсуд ТАССР предпринял определенные меры к тому, чтобы провести повторную комиссионную экспертизу в экспертном учреждении Башкирской АССР, откуда, во избежание местных влияний (отец потерпевшей является членом Верхсуда БАССР), дело было изъято по указанию руководства Верховного суда РСФСР.

Решение о проведении повторной экспертизы в Башкирской АССР было принято Верховным судом ТАССР с серьезным *ущемлением права обвиняемого на защиту*, с лишением подсудимого его законного права на *отвод* экспертов и включение в состав комиссии других экспертов.

Предвзятость и необъективность коллегии Верхсуда ТАССР выразилась и в том, что не имея никаких медицинских документов о беременности потерпевшей и ее болезни, препятствующей явке в судебное заседание, суд признал, что потерпевшая не явилась в суд по уважительным причинам (см. протокол суд. заседания), что явилось одним из главных оснований для проведения экспертизы в Башкирской АССР, т. е. по месту жительства Команенко Т. Л., под явно надуманным предлогом необходимости освидетельствования экспертами потерпевшей. И все это при том, что первичная экспертиза по делу была проведена в г. Уфе *зав. отделом по освидетельствованию живых лиц* бюро суд. мед. экспертизы БАССР т. Касьяновой, при том, что экспертное заключение т. Касьяновой было признано *сомнительным*, в связи с чем и было предложено провести повторную экспертизу (см. Определение коллегии Верхсуда ТАССР от 12/XI-82 г.).

Необъективность суда выразилась и в том, что он, не вызвав в судебное заседание экспертов и не имея в своем распоряжении их ходатайства о необходимости освидетельствования потерпевшей (через 1,5 года после случившегося), не заслушав мнения сторон по этому вопросу, счел возможным по собственной инициативе решить вопрос об освидетельствовании экспертами потерпевшей и выяснении у нее экспертами (вне судебного заседания)

ряда вопросов, касающихся обстоятельств происшедшего (нарушение требований ст. 288-290 УПК).

По изложенным соображениям и на основании ст. 59 п. 3 УПК заявляю *отвод* коллегии Верховного суда ТАССР и прошу о передаче дела на рассмотрение в народный суд другой республики.

Адвокат
"3" января 1983 г.

 А. Л. Мове

...

После отклонения заявленного отвода защитой (через Верховный суд ТАССР) была подана *Частная жалоба* на вынесенное судом Определение о назначении и проведении повторной судебно-медицинской экспертизы.

**Из досье адвоката
Копия**

**В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР**

Адвоката А. Л. Мове,
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Мособлюрконсультация

На Определение коллегии Верховного
суда Татарской АССР от 27.12.82 г.

По делу

Штарева Василия Александровича,
обв. по ст. 117 ч. II УК.

ЧАСТНАЯ ЖАЛОБА

27.12.82 г. в судебном заседании по указанному делу коллегия Верховного суда ТАССР вынесла Определение о назначении и проведении повторной комиссионной суд. мед. экспертизы в республиканском бюро СМЭ Башкирской АССР.

Указанное Определение суда является неправильным и незаконным по следующим соображениям:

1. Известно, что законом обвиняемому (подсудимому) представляются определенные права, в том числе и *право* при назначении экспертизы заявлять *отвод* экспертам, *ходатайствовать* о включении в состав экспертной комиссии *других экспертов* и пр. (ст. ст. 46, 184-185- УПК).

Осуществление подсудимым указанных прав суд при рассмотрении данного дела не обеспечил.

Имея намерение назначить в соответствии со ст. 290 УПК повторную экспертизу, суд не поставил в известность участников процесса (в том числе и подсудимого) о намерении поручить проведение экспертизы в экспертном учреждении Башкирской АССР и не заслушал их мнения по этому вопросу, их предложения о составе экспертной комиссии.

После оглашения Определения о назначении суд. мед. экспертизы в бюро экспертиз БАССР суд лишил возможности подсудимого его законного права на отвод указанных экспертов, *оставил без рассмотрения* законное заявление защиты об *отводе* экспертов и проведении экспертизы в бюро суд. мед. экспертиз при Министерстве Здравоохранения РСФСР (г. Москва).

Представляется, что только по одним этим соображениям данное Определение суда не может быть оставлено в силе.

2. Закон устанавливает, что назначению экспертизы обязательно *предшествует* выяснение судом всех обстоятельств, имеющих значение для дачи заключения (ст. ст. 288, 290 УПК).

Вопреки этому, не заслушав объяснений потерпевшей, не выслушав ходатайств экспертов и их вопросов к потерпевшей и свидетелям, суд назначил проведение экспертизы, указав о необходимости освидетельствования потерпевшей экспертами (через 1,5 года после случившегося) и выяснения у нее, вне судебного заседания, отдельных вопросов, касающихся конкретных обстоятельств случившегося. Подобное решение суда является незаконным.

Очевидно, что и по этим соображениям данное Определение суда, как противоречащее требованиям ст. 290 УПК, не может быть оставлено в силе.

3. Из материалов дела усматривается, что первичная суд. мед. экспертиза проводилась Зав. отделом по освидетельствованию живых лиц бюро суд. мед. экспертизы БАССР т. Касьяновой А. П. (т. 1 л. д. 11-12, т. 2 л. д. 38). Это заключение было признано сомнительным, что нашло отражение как в судебном приговоре, так и в Определении Верховного суда ТАССР от 12.11.82 г.

Очевидно, что и по этим соображениям проведение повторной комиссионной экспертизы в бюро суд. мед. экспертизы БАССР следует признать неправильным. Необходимая объективность здесь не может быть обеспечена, поскольку экспертиза будет проводиться лицами, подчиненными по службе т. Касьяновой (отдел по освидетельствованию живых лиц бюро суд. мед. экспертизы) либо теми, кому подчиняется т. Касьянова и кто визировал и утверждал ее необоснованное заключение.

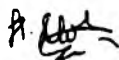
4. Невзирая на то, что никаких медицинских документов, подтверждающих беременность потерпевшей и ее состояние здоровья, препятствующее явке в судебное заседание в распоряжении суда не имелось, суд признал неявку в суд потерпевшей уважительной и на этом основании, под явно надуманным предлогом необходимости освидетельствования экспертами потерпевшей, вынес решение о проведении экспертизы в Башкирской АССР, в г. Уфе, т. е. по месту жительства Команенко Т. Л.

В данном случае суд пошел на поводу голословных заявлений потерпевшей, стремившейся навязать суду проведение экспертизы в БАССР, откуда, как указывалось, во избежание местных влияний, дело по указанию руководства Верховного суда РСФСР было изъято.

Законное ходатайство защиты о проведении повторной экспертизы в бюро суд. мед. экспертизы при Министерстве Здравоохранения РСФСР суд, как указано выше, оставил без рассмотрения.

По изложенным соображениям и на основании ст. ст. 331, 342 УПК прошу указанное Определение суда отменить и возвратить дело на новое рассмотрение в тот же суд, в ином составе судей, предложив решить вопрос о назначении и проведении повторной экспертизы с соблюдением всех норм УПК, в том числе и законов, обеспечивающих право обвиняемого на защиту.

Адвокат

А. Л. Моев

"3" января 1983 г.

После того, как суд отказал защите в принятии частной жалобы, мною была подана Частная жалоба в Верховный суд РСФСР.

В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР

Адвоката А. Л. Мове,
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Мособлюрконсультация
На отказ в приеме жалобы
По делу
Штарева Василия Александровича,
обв. по ст. 117 ч. II УК

ЧАСТНАЯ ЖАЛОБА

На Определение Верховного суда Татарской АССР от 27.12.82 г. мною была принесена Частная жалоба, которую однако суд отказался принять, со ссылкой на то, что указанное Определение, как вынесенное на основании ст. 288 УПК, обжалованию не подлежит.

С таким решением согласиться невозможно.

В данном случае идет речь о повторной экспертизе, назначение которой регламентируется не ст. 288, а ст. 290 УПК.

Порядок назначения экспертизы, предусмотренный ст. ст. 288 и 290 УПК различен: назначение экспертизы в порядке ст. 288 УПК происходит в присутствии эксперта, которому обвиняемый до назначения экспертизы в установленном законом порядке вправе заявить отвод. В отличие от этого назначение повторной экспертизы может быть произведено в отсутствие экспертов, что лишает обвиняемого и защиту, до вынесения судом Определения о назначении экспертизы, возможности заявить отвод экспертам, ходатайствовать о включении в состав экспертной комиссии других экспертов, т. е., по сути, ущемляет законные права обвиняемого на защиту.

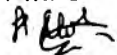
По изложенным соображениям и на основании ст. 331 УПК прошу принятое решение отменить и рассмотреть прилагаемую Частную жалобу по существу.

Приложение:

1. Частная жалоба от 3 января 1983 г. на 3-х листах.

Адвокат

"4" января 1983 г.

 А. Л. Мове

...

В дальнейшем, однако, случилось совершенно непредвиденное, от чего не застрахован ни один человек, и даже адвокат.

Серьезная болезнь, тяжкая хирургическая операция, приковали меня надолго к больничной койке.

Попробовали было мы с Васей Штаревым (он находился на подпiske о невыезде) отложить дело до моего выздоровления, но в ответ на свои заявления получили грозные предостережения.

Документ

Ф. 77-48

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ Бл. № 42	ПЕРЕДАЧА	УВЕДОМЛЕНИЕ ТЕЛЕГРАФОМ
Принят	Передано	УФМ БАШКИРИЯ ТРАНСПОРТНАЯ
КАЗАНЬ 111/103 26 11 1300		50/1 КВАРТИРА 9 ШТАРЕВУ
Служб. ответ:		ВАСИЛИИ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
ДЕЛО ЗА НЕЯВКИ АДВОКАТА МОВЕ НЕ БУДЕТ ОТЛОЖЕНО СЛУЧАЕ ВАШЕЙ НЕЯВКИ АРЕСТ ЗАМПРЕДВЕРХСУДА ТАТАРИИ БАРАНОВ-		
<i>пока не придет ответа</i>		
<i>Григорьев</i>		

Документ

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

СРОЧНАЯ
ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ 11	ПЕРЕДАЧА	СРОЧНАЯ УВЕДОМЛЕНИЕ
709	Передано	ТЕЛЕГРАФОМ МОСКВА 242
СР КАЗАНЬ 111/303 34 11 1302		БАРРИКАДНАЯ 8-В МОСКОВСКАЯ
Служб. ответ:		ОБЛАСТНАЯ ПРОКОНСУЛЬТАЦИЯ МОВЕ
СООБЩАЮ ДЕЛО ШТАРЕВА ОТЛОЖЕНО БЫТЬ НЕ МОЖЕТ СОСТАВ СУДА УЖЕ ВЫЕХАЛ В СЛУЧАЕ ВАШЕЙ НЕЯВКИ БУДЕТ ПРИГЛАШЕН АДВОКАТ ИЗ УФМ ЗАМПРЕДВЕРХСУДА ТАТАРИИ БАРАНОВ-		

— Что оставалось делать? Верховный суд Татарии действительно решил слушать дело в Башкирии в г. Уфе. Откладывать процесс он категорически отказался, вводить в это сложнейшее дело еще одного, нового, адвоката не было никакой возможности, и было принято единственное в этих условиях и совершенно беспрецедентное решение:

Попробовать если не вести защиту заочно, то хотя бы корректировать ее заочно (благо Штарев, как я уже указывал, находился на свободе и имел возможность постоянно по телефону общаться со мной).

В результате, в судебном заседании, проходившем в Уфе в марте м-це 1983 г. Штаревым было заявлено 12-ть ходатайств в письменном виде, в том числе ходатайство об отводе суда, прокурора, суд. мед. эксперта, об отказе от услуг навязанного ему судом адвоката (из Уфы) и т. д.

Кроме того, Штарев категорически отказался от дачи в суде показаний в отсутствие адвоката (Мове А.) и от последнего слова.

По этой ли или по другой причине, но 1-го марта 1983 г. Коллегией Верховного суда ТАССР был вынесен в отношении Штарева оправдательный (третий по счету) приговор.

Просуществовал он, увы, всего два месяца и 17 мая 1983 г., по жалобе потерпевшей, Коллегией Верховного суда РСФСР в кассационном порядке был отменен с направлением дела на новое рассмотрение в Челябинский областной суд.

При новом рассмотрении дела некто, стоящий за его кулисами, наконец, добился своего: коллегия Челябинского облсуда вынесла в отношении Штарева 23 июля 1983 г. обвинительный Приговор, осудив его по ст. 117 ч. II на 5-ть лет лишения свободы. Защиту Штарева осуществлял адвокат Гофштейн, но это уже никак не могло повлиять на исход дела, поскольку, судя по всему, исход его был предрешен. Это хорошо понимали все: оба адвоката и их подзащитный.

На судебный приговор были принесены сразу две кассационных жалобы: адвокатом Гофштейном и адвокатом Мове. Оба адвоката выступали и в кассационной инстанции Верховного суда РСФСР.

При этом, и в кассационных жалобах, и в своих выступлениях в Верховном суде, свои задачи мы отчетливо разграничили, стараясь ни в чем не повторять друг друга. Адвокат Гофштейн свою жалобу и выступление целиком посвятил критике доказательств обвинения (за исключением экспертиз), а я все внимание сосредоточил на анализе имеющихся в деле заключений экспертов.

Не имея, к сожалению, возможности привести очень аргументированную и обстоятельную жалобу адвоката Гофштейна М. А. (она у него, увы, не сохранилась), позволю себе опубликовать копию своей кассационной жалобы.

В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР

№ 48-083-96
(Назначено к слушанию на 15/XI-83 г.)

Адвоката А. Л. МОВЕ,
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная
юрконсультация

По делу ШТАРЕВА Василия Александровича, осужд. по ст. 117 ч. II УК коллегией Челябинского облсуда

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА
(дополнительная)

Бесспорно установлено, и это признано судебным *приговором*:

1. Что на теле *потерпевшей* отсутствуют телесные повреждения, *характерные для изнасилования*. (Копия приговора, стр. 9).

2. Что на теле "*насильника*" не было вообще обнаружено *никаких телесных повреждений*. (Копия приговора, стр. 9).

3. Что потерпевшая *не оказывала* "*насильнику*" *активного сопротивления* и лишь отталкивала его руками. (Копия приговора, стр. 1, 2, 4, 5, 9).

4. Что *одежда потерпевшей* и "*насильника*" *не имела* *никаких повреждений*, хотя, по объяснениям Команенко Штарев *снял с нее трусы*. (См. показания потерпевшей Команенко и протоколы осмотра одежды), в связи с чем суд не ссылается на данное обстоятельство в приговоре (см. копию приговора).

5. Что после происшедшего потерпевшая не только не стремилась *сохранить улики* "*изнасилования*", а наоборот приняла все меры к тому, чтобы их *уничтожить* (выстирала юбку и плавки). (См. показания Команенко — т. 3 л. д. 23 протокола суд. заседания).

6. После случившегося, потерпевшая *не ночевала* в отведенной для *девушек* комнате общежития, а отправилась спать в *одну комнату* с "*насильником*", куда она про-

никла не без помощи Штарева, *через окно* (см. показания Команенко, Штарева, многочисленных свидетелей и копию приговора, стр. 9).

7. Что *на утро* после случившегося, т. е. 30/VI-81 г., Команенко вместе с другими студентами группы ходила на пляж, где она, естественно, находилась в купальнике.

“Целый ряд бывших сокурсников Штарева и Команенко, — пишет суд в приговоре, — Сипилов, Яхин, Латыпова, Фазулина, Сальманова и другие (а так же Федорычев и Зайнетдинов — А. М.) показали, что 30/VI-81 г. видели у потерпевшей след поцелуя — “засоса” (а не ссадину — А. М.). В этот и последующие дни потерпевшая вела себя как обычно и по ее поведению нельзя было сделать вывод о том, что она была изнасилована. В связи с этим все они считают, что Команенко оговорила Штарева” (копия приговора, стр. 6).

Показания всех этих многочисленных свидетелей суд в приговоре отверг по явно надуманным основаниям (Копия приговора, стр. 6-7).

8. Что на *общем собрании* группы, состоявшемся вскоре после случившегося в г. Магнитогорске и посвященном отношению ребят к девушкам, Команенко *выступала* вместе со Штаревым, и ни словом не обмолвилась о недостойном к ней отношении со стороны Штарева. (См. показания Команенко, Штарева, свидетелей Латыповой, Яхина и других).

9. Что в показаниях *потерпевшей* об обстоятельствах ее изнасилования имеется целый ряд серьезных *противоречий* (копия приговора, стр. 8-9).

10. Что, наконец, с *заявлением* об изнасиловании, потерпевшая обратилась в следственные органы только на 7-й день после случившегося и лишь *после того*, как ее сестра — Юксенова, которую она просила не рассказывать ни о чем матери, рассказала о близости Команенко со Штаревым родителям (заявление в институт и в органы следствия отнесла не сама Команенко, а ее мать, — см. показания Команенко Е. С. — т. 2 л. д. 63-об.).

“Я просила сестру *не рассказывать маме о случившемся*”,

— показала в последнем суд. заседании потерпевшая Команенко (протокол суд. заседания — т. 3 л. д. 29-об.).

Об этом же говорила Команенко и на следствии:

“Сестру я просила не рассказывать родителям о том, что произошло между мною и Штаревым, но она рассказала матери и отцу. После этого я заявила в милицию о том, что Штарев меня изнасиловал”. (т.1 л. д. 63-об.)

Показания Команенко подтвердила ее сестра, свид. Юксенова:

“Сестра рассказала, что Вася стал к ней приставать, она отговаривала его и он сделал с ней худшее. Просила, чтобы я не рассказывала маме.

И далее:

“Я рассказала папе, мы все вместе подошли к Тане, и я попросила ее все рассказать...

Я сказала Тане, что Штарев теперь от нее не отстанет (?!)... она говорила, что после Сибая были на практике в Уфе, в лесу,... она боялась, чтобы он снова не совершил с ней половой акт” (т. 1 л. д. 142).

Все это бесспорно установленные факты, свидетельствующие об *отсутствии изнасилования*, суд отверг, сославшись в приговоре на то, что в данном случае имело место изнасилование, сопряженное с *угрозой убийства*, которое выразилось в том, что, как показала Команенко в суде,

“когда подсудимый сдавил ей горло рукой, у нее потемнело в глазах и она, опасаясь за свою жизнь, вынуждена была прекратить активное сопротивление” (копия приговора, стр. 5).

В свете данного, *единственного, довода* суда, которым были, по сути, *перечеркнуты все бесспорные доказательства*, свидетельствующие о *невинности Штарева*, становится очевидным то исключительно важное значение, которое должно быть уделено в настоящем деле *заклучению судебно-медицинской экспертизы*, т. е. *тому единственному доказательству*, которое, по мнению суда, *подкрепляет абсолютно голословные показания потерпевшей* о том, что Штарев душил ее, угрожая убийством.

И здесь нельзя не обратить внимание на следующее:

I. О ЗАКЛЮЧЕНИИ ЭКСПЕРТА КАСЬЯНОВОЙ

Указанное заключение суд счел достоверным, на это заключение содержатся многочисленные ссылки в судебном приговоре.

Между тем:

1. В связи с теми серьезными *противоречиями*, которые содержались в заключении эксперта Касьяновой, коллегия Верховного суда ТАССР, отменяя *первый оправдательный приговор*, в своем Определении от 14/V-82 г. указала:

“Заключение эксперта (Касьяновой)... противоречиво. Для устранения этого противоречия суду необходимо назначить новую экспертизу” (стр. 2 Определения).

Во исполнение этого предписания кассационной инстанции и в связи с серьезными сомнениями в правильности экспертного заключения Касьяновой Лениногорским Горнарсудом ТАССР при новом рассмотрении дела была назначена *повторная* суд. мед. экспертиза, от проведения которой, естественно, *эксперт Касьянова была отстранена*, поскольку в точном соответствии с требованиями ст. 81, 288-290 УПК проведение *повторной* экспертизы должно быть поручено *другим* экспертам.

Повторная экспертиза, проведенная при новом рассмотрении дела суд. мед. экспертом Кузнецовым (т. 2 л. д. 217-219) начисто *опровергла заключение эксперта Касьяновой* и была положена в основу *второго* оправдательного приговора.

Отменяя этот, *второй оправдательный приговор*, коллегия Верхсуда ТАССР в своем Определении от 12/XI-1982 г. еще раз признала, что имеющиеся в деле заключения эксперта Касьяновой *крайне противоречивы* и отметила, что

“...кассационная инстанция, отменяя приговор Бугульминского Горнарсуда ТАССР от 12/III-82 г., *прямо указала на необходимость исследования доказательственного значения заключений суд. мед. экспертизы, предложив суду при новом рассмотрении дела назначить и провести новую суд. мед. экспертизу, устранив имеющиеся противоречия*” (стр. 4 Определения).

Вместе с этим, учитывая определенную противоречивость заключения эксперта Кузнецова, кассационная инстанция сочла необходимым предложить суду при новом рассмотрении дела назначить и провести *комиссионную экспертизу*, устранив все пробелы в имеющихся заключениях суд. мед. экспертиз (стр. 3 Определения).

Во исполнение этого указания кассационной инстанции коллегия Верховного суда ТАССР, принявшая к своему производству для рассмотрения по 1 инстанции данное дело, 27/XII-82 г. вынесла Определение о назначении и проведении *повторной комиссионной суд. мед. экспертизы* в республиканском бюро СМЭ Башкирской АССР.

От участия в проведении данной экспертизы *эксперт Касьянова, равно как и эксперт Кузнецов*, разумеется, были устранены, поскольку, как указывалось, в соответствии с законом (ст. 81, 288- 290 УПК) *повторная экспертиза* должна проводиться *другими экспертами*.

Мало того.

Против проведения экспертизы в бюро суд. мед. экспертизы Башкирской АССР защита категорически возражала, заявила экспертам *отвод*, ссылаясь на то, что отец потерпевшей, являясь членом Верховного суда БАССР, оказывал определенное влияние на ведение расследования, в связи с чем по указанию руководства Верховного суда РСФСР данное дело было изъято из производства судебных органов БАССР и передано на рассмотрение в ТАССР.

В своем ходатайстве об *отводе экспертов* бюро суд. мед. экспертиз БАССР защита помимо этого указывала на то, что первичная суд. мед. экспертиза проводилась т. Касьяновой А. П. — *зав. отделом по освидетельствованию живых лиц бюро суд. мед. экспертизы БАССР*, что заключение Касьяновой судебными органами признано сомнительным и противоречивым, и что в бюро суд. мед. экспертиз БАССР, где экспертиза будет проводиться лицами, подчиненными по службе Касьяновой или теми, кому она подчиняется и кто *визировал и утверждал* ее необоснованное заключение, вряд ли возможно будет обеспечить при проведении экспертизы необходимую объективность и беспристрастность, полностью исключить тенденциозность и предвзятость.

С учетом всех этих обстоятельств защитой было заявлено ходатайство о направлении дела для проведения повторной комиссионной суд. мед. экспертизы в бюро Главной суд. мед.

экспертизы при Министерстве Здравоохранения РСФСР. (См. заявление об отводе и ходатайство — отражены в Замечаниях на протокол суд. заседания — т. 2 л. д. 375-376).

Законное ходатайство адвоката суд по явно надуманным основаниям отклонил, в связи с чем защитой был заявлен суду отвод (т. 2 л. д. 381-382).

После того как заявленный отвод был судом отклонен, адвокатом была подана через суд Частная жалоба в судебную коллегия Верховного суда РСФСР, в которой вновь обращалось внимание на то, что суд не обеспечил осуществление подсудимым предоставленных ему законом прав при назначении экспертизы (право отвода экспертов, включения в состав экспертной комиссии других экспертов и т. д.) и необоснованно назначил проведение комиссионной экспертизы в бюро суд. мед. экспертиз БАССР, т. е. по месту работы эксперта Касьяновой (т. 2 л. д. 378-380).

Принять указанную частную жалобу суд отказался, на что была принесена соответствующая жалоба (т. 2 л. д. 377).

Все изложенное является лишним подтверждением того, что защита категорически, и на законном основании возражала против проведения комиссионной экспертизы в бюро суд. мед. экспертиз БАССР лицами, явно заинтересованными в реабилитации заключения руководящего сотрудника своего учреждения.

Указанная комиссионная экспертиза, возглавленная непосредственным начальником Касьяновой — Нач. бюро суд. мед. экспертиз БАССР т. Р. Т. Иламановым и при участии двух других сослуживцев Касьяновой, была, однако, проведена и заключение ее находится в деле (т. 2 л. д. 390-397).

Забегая вперед, не могу не отметить, что в судебном заседании № 3 подсудимым Штаревым в письменном виде вновь был заявлен отвод экспертам с просьбой направить дело на экспертизу в г. Москву, с включением в состав экспертной комиссии конкретных, названных им ученых (т. 3 л. д. 21).

Аналогичное ходатайство было заявлено в судебном заседании № 4 и адвокатом т. Гофштейном (т. 3 л. д. 102).

Указанные законные ходатайства подсудимого и его защитника были судом отклонены.

Мало того.

Известно, что в соответствии с законом (ст. 43 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик) и требованием п. 15 Руководящего Постановления Пленума Верховного суда СССР № 1 от 16/III-71 г. "О судебной экспертизе по уголовным делам" суд, по делам, по которым проводилась экспертиза, в необходимых случаях обязан вызвать в судебное заседание *того эксперта, который проводил экспертизу* (в данном случае — членов повторной комиссионной экспертизы).

И только в том случае, если эксперта, проводившего экспертизу, *невозможно* вызвать в судебное заседание, в качестве эксперта приглашается другое лицо (см. п. 2 Комментария к ст. 288 УПК — Комментарий к УПК под редакцией А. М. Рекунова и А. К. Орлова, Москва, 1981 г., стр. 348).

Хотя никаких документальных данных о *вызове* в суд экспертов, проводивших комиссионную суд. мед. экспертизу, в деле не имеется, однако, судя по приговору, у суда имелось намерение и необходимость вызвать их в судебное заседание для надлежащей проверки данного ими экспертного заключения.

По этому поводу суд в приговоре пишет:

"В настоящем судебном заседании заслушать эксперта Иламанова либо других экспертов, принимавших участие в даче комиссионного заключения, *не представляется возможным*". (Копия приговора, стр. 8).

На чем основано подобное утверждение суда, понять из приговора невозможно. Известно лишь, что никаких документов, подтверждающих вызов указанных экспертов в суд, равно как и документов, подтверждающих *уважительность их неявки* в судебное заседание, в материалах дела не имеется.

Вопрос о *возможности* слушания дела в отсутствие экспертов — членов комиссионной экспертизы — судом вообще *не обсуждался*, и никакого Определения по этому поводу суд *не выносил*.

Совершенно очевидно, что при таких условиях и в точном соответствии с законом суд *не вправе был привлекать* к участию в деле эксперта т. Касьянову как лицо, которое не принимало никакого участия в проведении комиссионной суд. мед. экспертизы, с учетом того, что вошедшими в законную

силу судебными решениями данное ею на следствие заключение признано сомнительным и противоречивым.

Необоснованное и противозаконное привлечение к делу в качестве эксперта Касьяновой (при отсутствии эксперта Кузнецова, опровергнувшего ее заключение и всех других членов повторной комиссионной экспертизы) привело к тому, что не другие эксперты, а *единолично* сама эксперт Касьянова давала в суде заключение о достоверности и обоснованности своих предыдущих выводов и утверждений.

Этим, и только этим, может быть объясним тот факт, что на основании утверждений эксперта Касьяновой, т. е. лица, явно заинтересованного в отстаивании своих экспертных заключений, в судебном приговоре появились многочисленные ссылки на обоснованность и научную достоверность заключения эксперта Касьяновой, а заключение суд. мед. эксперта Кузнецова признается явно неправильным и необоснованным.

Не вызвав эксперта Кузнецова в судебное заседание, не удосужившись заслушать его мнение и возражения, идя на поводу голословных заявлений Касьяновой, суд в приговоре пишет:

“Изложенное выше, по мнению судебной коллегии, свидетельствует о *некомпетентности* (ни более, ни менее! — А. М.) суд. мед. эксперта Кузнецова и необоснованности его заключения”.
(копия приговора, стр. 8)

— Это ли не пример совершенно недопустимого метода ведения научной дискуссии в отсутствии оппонента?

Вот, оказывается, до чего можно дойти в своем рвении осудить во что бы то ни стало.

Представляется, что только по одним этим соображениям, в связи с явно неправильным и незаконным привлечением к участию в деле в качестве эксперта Касьяновой, на заключении которой практически построено все обвинение Штарева, данный приговор не может быть оставлен в силе.

II. О ЗАКЛЮЧЕНИИ КОМИССИОННОЙ СУД. МЕД. ЭКСПЕРТИЗЫ

То заключение, которое было дано указанной экспертизой и которое *не могло быть* и не было надлежащим образом *проверено* в суде в связи с *устранением* от участия в судебном заседании *всех* членов экспертной комис-

сии, с учетом тех разъяснений, которые были даны председателем экспертной комиссии т. Иламановым в судебном заседании № 3, ни в коей мере не уличает Штарева в изнасиловании. Все это самым подробнейшим образом описано в том *оправдательном* приговоре, третьем по счету, который был вынесен по данному делу 19/III-83 г. коллегией Верховного суда ТАССР.

Не соглашаясь с теми пояснениями, которые были сделаны экспертом Иламановым в судебном заседании № 3 (а на необоснованность их *не ссылается* в своем Определении от 17/III-83 г. и коллегия Верховного суда РСФСР), суд в приговоре мотивирует это тем, что:

1. Объяснение Иламанова противоречит комиссионному заключению экспертов.

2. В связи с тем, что не представилось возможным заслушать эксперта Иламанова в суде, был оглашен ответ Иламанова на запрос представителя потерпевшей, из которого видно, что Иламанов и в судебном заседании полностью подтвердил выводы комиссионного заключения, а его пояснения, которые изложены выше, в протоколе судебного заседания отражены неверно. (т. 3 л. д. 238)

3. Допрос Иламанова в суде был произведен с грубым нарушением требований ст. 261 УПК — не было вынесено Определение о назначении дополнительной экспертизы, перед экспертом не были поставлены вопросы в письменной форме (копия приговора, стр. 8).

При оценке всех этих доводов суда нельзя не учитывать следующее:

1. Вопрос о правильности записей пояснений эксперта Иламанова в протоколе суд. заседания № 3 был решен судом *в отсутствие* Иламанова.

Если учесть, что эксперт Иламанов *с протоколом* судебного заседания *незнакомился* (и по закону не имел права знакомиться с ним), что в *отсутствии* Иламанова суд был лишен возможности *путем его допроса*, выяснить правильность записей его объяснений в протоколе судебного заседания № 3, станет понятным, что все рассуждения суда, сводящиеся к тому, что пояснения Иламанова в протоколе судебного заседания "отражены неверно", являются в корне неправильными и недопустимыми, дискредитирующими работников Верховного суда ТАССР. Тем более, что соот-

ветствующие ссылки на показания свидетеля Иламанова содержатся и в приговоре Верховного суда ТАССР.

2. Тот факт, что пояснения эксперта Иламанова в суде противоречат комиссионному заключению, сам по себе не является подтверждением неправильности записей объяснений эксперта в протоколе судебного заседания. С учетом конкретных сведений, полученных в ходе судебного следствия, эксперт не только вправе, но и обязан вносить соответствующие коррективы в свое заключение.

Кстати, вопреки утверждению суда, эксперт Иламанов в своей т. н. *справке* не исключает возможности образования повреждения на шее потерпевшей не при удушении, а при обстоятельствах, частично вытекающих из объяснений Штарева.

По этому поводу эксперт пишет:

"Мною не исключалась возможность образования ссадины на шее Команенко от *скольжения зубов* при сильном захвате кожи ..." (т. 3 л. д. 238)

Об этом же говорила и эксперт *Касьянова*:

"Ссадина на шее могла образоваться и от сдавливания и скольжения зубов, т. е. от укуса". (т. 1 л. д. 127-128).

3. Совершенно необоснованно утверждение суда о нарушении требования ст. 261 УПК при допросе эксперта в суде.

Невсегда и не во всех случаях перед экспертом ставят вопросы в письменном виде, которые суд должен формулировать в своем Определении.

"Если перед экспертом ставят вопросы для разъяснения или дополнения данного им ранее заключения, — значит в Комментарий к ст. 288 УПК (п. 19), — применяются правила ст. 289 УПК (Комментарий к УПК, стр. 349).

Характерно, что в своем Определении от 17/V-83 г., отменяя оправдательный приговор, коллегия Верховного суда РСФСР не ссылается на какие-либо нарушения, допущенные при допросе и даче заключения экспертом Иламановым в суде.

4. Известно, что закон устанавливает определенные процессуальные нормы принесения замечаний на протокол судебного заседания (ст. 265 УПК).

Хорошо зная закон, представитель потерпевшей — адвокат Кобяков, ознакомившись с протоколом судебного заседания, не принес никаких замечаний на него и, в частности, не оспаривал правильность записи пояснений эксперта Иламанова в протоколе суд. заседания.

Не содержится конкретных возражений на правильность записей пояснений эксперта Иламанова в протоколе суд. заседания и в тех замечаниях на протокол суд. заседания, которые были принесены самой Команенко (хотя и принесенные ею замечания были судом отклонены). Вместо оспаривания правильности протокола судебного заседания в установленном законом порядке, адвокат Кобяков, в своем стремлении опорочить судебный приговор, прибегнул к совершенно недопустимому и противозаконному способу дискредитации протокола судебного заседания, положенного в основу приговора.

В частности, ст. 15 Положения об адвокатуре РСФСР представляет адвокату право запрашивать необходимые справки, характеристики и иные документы. Однако запросы об этом должны быть оформлены только через *юридическую консультацию* и могут быть адресованы только *государственным или общественным организациям*, а никак не частным лицам, и тем более *не участникам процесса* (судьям, прокурору, экспертам и т. д.).

Прекрасно зная об этом, адвокат т. Кобяков, тем не мене, злоупотребляя своим служебным положением, оформил *запрос* в адрес одного из *участников процесса* — эксперта Иламанова — с просьбой прокомментировать судебный приговор и правильность отражения в нем объяснений эксперта в суде.

Запрос этот адвокат Кобяков оформил не от своего имени и *не через юридическую консультацию*, а за подписью Заместителя председателя Президиума коллегии адвокатов т. Кобякова (т. 2 л. д. 236), хотя адвокат Кобяков не мог не знать, что Президиум коллегии адвокатов, и в частности Заместитель председателя Президиума коллегии адвокатов т. Кобяков, не вправе подменять собою *юридическую консультацию* и делать какие-либо запросы, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи гражданам.

Понимая, что как участник процесса — *эксперт*, он не вправе отвечать на подобные запросы *другого участника процесса*, т. Иламанов тем не менее направил в адрес

Заместителя Председателя коллегии адвокатов т. Кобякова (а по существу в адрес адвоката Кобякова) соответствующее разъяснение, порочащее судебный приговор и протокол суд. заседания, и при этом, зная, что как эксперт он не вправе этого делать, оформил этот "документ", как исходящий не от эксперта Иламанова, а от Начальника республиканского бюро суд. мед. экспертизы БАССР Р. Т. Иламанова (т. 3 л. д. 238).

И хотя коллегия Верховсуда РСФСР в своем определении от 17/V-83 г. обошла этот, с позволения сказать, "документ" молчанием, коллегия Челябинского облсуда нашла возможным положить его в основу обвинительного приговора и прошла мимо тех дискредитирующих суд высказываний, которые содержатся в указанном письме Иламанова:

"Мною не были подтверждены *натягиваемые* судьей показания Штарева..., — пишет Иламанов.

Затем:

"Я сомневаюсь в *правильности фиксирования* всего сказанного мною *секретарем суда* и т. д.". (т. 3 л. д. 238).

Вот, оказывается, каким образом можно обойти закон, ст. 265 УПК, и оспорить одно из важнейших доказательств — протокол судебного заседания и основанный на нем судебный приговор.

Комментировать все это, думается, незачем.

Хотя приговор коллегии Верховного суда ТССР отменен, однако, и это общеизвестно, имеющийся в деле протокол судебного заседания № 3 никем не отменен и не изменен, является важнейшим доказательством дела и никакому суду, в том числе и Челябинскому облсуду, без надлежащей проверки не дано право в официальном документе — судебном приговоре — утверждать, что "в протоколе судебного заседания неверно отражены" показания того или иного свидетеля или эксперта.

Судить о правильности заключения эксперта Иламанова без Иламанова невозможно. Выданный им по запросу адвоката "документ" не только не опровергает данных им в суде № 3 пояснений, а, наоборот, подтверждает мнение защиты о необъективности и тенденциозности этого "эксперта", его явной заинтересованности в подтверждении

экспертного заключения Касьяновой — подчиненного ему по службе работника.

Представляется, что строить обвинение на комиссионном заключении экспертизы, проведенной под руководством Иламанова, без надлежащей проверки этого заключения в суде, в присутствии Иламанова, недопустимо.

III. О СУЩЕСТВЕ ЭКСПЕРТНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ

Не считая необходимым подробно анализировать заключения экспертов, считаю тем не менее возможным остановиться на *главном*.

При освидетельствовании потерпевшей 6/VII-81 г., на 7-й день после случившегося, эксперт Касьянова обнаружила на передней поверхности шеи справа *пятно* бледно-розового цвета, размером 3x1,5 см.

Вместо того, чтобы зафиксировать точное место расположения этого пятна, эксперт Касьянова совершенно *бездоказательно* записала, что указанное пятно является следом *ссадины*. (т. 1 л. д. 11)

Все это дало возможность потерпевшей впоследствии утверждать, что Штарев ее *душил* (при обследовании она этого не говорила).

Многочисленные свидетели, допрошенные на следствии и в *четырёх* судебных заседаниях опровергли показания Команенко, объяснили, что видели у нее на шее на следующий день и в последующие дни не *ссадину*, а *кроваподтек* — след поцелуя "взасос".

Показания всех этих свидетелей суд признал недостоверными, необоснованно их отверг (см. Приговор).

— Но что говорила по этому поводу сама Команенко?

— Что говорила об этом ее родная сестра — Юксенова?

Позволю себе сослаться на их показания.

Команенко (на очной ставке с Яхиным):

"Следов от поцелуев не было. Были синяки" (т. 1 л. д. 159).

И далее:

"Штарев пытался меня целовать. Я сомневаюсь, что он поставил засос". (т. 1 л. д. 63)

И далее:

"Когда я 30-го утром осматривала свою шею, то справа видела большой *синяк...*" (т. 1 л. д. 156).
и т. д.

Ни на одном из допросов Команенко не говорила о том, что у нее на шее была ссадина.

Никогда не говорила об этом и свид. ЮКСЕНОВА, которая видела Команенко еще за два дня до освидетельствования, т. е. 4/VII-81 г., хотя, как это видно из показаний Юксеновой, *она хорошо отличает ссадину от кровоподтека.*

"На шее сестры я видела *синяк*, на руках — *синяки и ссадины*" (т. 1 л. д. 173).

Затем:

"Когда Таня рассказала все это и показала, на руках были *синяки* и на шее". (т. 1 л. д. 143).

И далее:

"На руках у нее были *синяки*, на шее у нее было кругленькое *пятно* алого, красного цвета". (т. 3 л. 90 Протокола суд. заседания)

— Почему суд не поверил показаниям свид. Юксеновой?

— Почему отверг указанные показания Команенко?

Понять это из приговора невозможно.

И еще одно соображение.

На шее потерпевшей, по мнению эксперта Касьяновой имелся след ссадины, т. е. *пятно без корочки.*

Не было этой корочки и за два дня до обследования потерпевшей, т. е. 4/VII-81 г. (см. показания Юксеновой).

Между тем, при обследовании потерпевшей 6/VII-81 г. на ладонной поверхности правой руки тоже были обнаружены две маленькие *царапины*, длиной 0,5 см "под *коричневатой* выступающей *корочкой.*" (т. 1 л. д. 11)

— Как же могло случиться, что на таком большом участке шеи (3x1,5 см) корочки на ссадине 4/VII-81 г., т. е. на 5-й день уже не оказалось, там осталось только *пятно* бледно-розового цвета, а на маленьких царапинах (длиной 0,5 см) на ладони, эти корочки оставались даже 6/VII, т. е. на 7-й день после случившегося?

Ни одна из проведенных по делу экспертиз на этот важный вопрос не ответила.

Между тем, сам по себе тот факт, что к 4/VII на шее потерпевшей было обнаружено *пятно* размером 3х1,5 см без характерной для ссадины *корочки*, свидетельствует о явной надуманности показаний потерпевшей и явной необоснованности заключения эксперта Касьяновой о наличии на шее потерпевшей следа ссадины.

Отвергая показания подс. Штарева и признавая достоверными показания потерпевшей Команенко, суд в приговоре необоснованно ссылается на то, что в отличие от показаний Команенко, которые являются последовательными и *стабильными*, показания Штарева отличаются крайней *нестабильностью* (копия приговора, стр. 5, 9).

Хочется верить, что подобные произвольные умозаключения суда никоим образом не повлияют на решение кассационной инстанции и вынесенный коллегией Челябинского облсуда явно необоснованный судебный приговор, не будет отнесен к разряду *стабильных*, а будет, как это и положено по закону, *отменен*.

Изложенное прошу учесть при рассмотрении дела.

Одновременно прошу вынести *Частное определение* и довести до сведения Министерства Здравоохранения СССР о явно незаконных действиях эксперта Иламанова, который, в нарушение существующих законоположений и инструкций, счел возможным после провозглашения судебного приговора, по запросу одного из участников процесса, выдать внепроцессуальный документ, дискредитирующий суд, порочащий судебный приговор, "документ", который оказал определенное влияние на вынесение неправосудного приговора.

Адвокат
14 ноября 1983 г.

 А. Л. МОБЕ

...

Определением коллегии Верховного суда РСФСР в приговор суда было внесено изменение, действия Штарева переквалифицированы на ч. 1 статьи 117 УК и наказание снижено до 3-х лет лишения свободы *условно* с направлением на стройки народного хозяйства.

От дальнейшего обжалования приговора Штарев В. А. категорически отказался. Можно ли винить его за это?

Последнее дело Верховного суда СССР

Случай, о котором я хочу написать, оставил очень горький осадок в моей душе. Простой рабочий, бригадир бригады грузчиков А. Ж. Гичиев совершенно незаслуженно и несправедливо был осужден в группе лиц на 10 лет лишения свободы. Все осложнялось еще и тем, что в лагере он тяжело заболел — туберкулез легких, и его переводили из одной лагерной больницы в другую. Особенно тяжело переживал случившееся его отец — Михаил Иванович Гичиев, человек преклонного возраста, который в результате тоже свалился и тяжело заболел. И вот этим-то делом я занимался в течение нескольких лет, пройдя, и не по одному разу, все возможные и невозможные судебные-прокурорские инстанции. Все осложнялось еще и тем, что в свое время это дело являлось предметом рассмотрения Пленума Верховного суда Казахской ССР, который в своем Постановлении отверг доводы защиты о невинности Гичиева. Такой же точки зрения придерживалась и Прокуратура СССР, куда я обращался многократно.

Итак, оставалась единственная инстанция — Верховный суд СССР, которая еще могла вмешаться в это дело, да и то, в этой инстанции все обстояло непросто, поскольку еще до меня имел неосторожность обратиться туда отец осужденного, который и получил отрицательный ответ за подписью Е. А. Смоленцева.

Не буду описывать с какими сложностями, с каким трудом мне удалось попасть на прием к Председателю Верховного суда СССР Е. А. Смоленцеву по этому делу. Это было где-то в сентябре-октябре 1991 г. Как сейчас помню этот прием, где в присутствии Е. А. Смоленцева, мне пришлось остро полемизировать с консультантом, которая и в прошлый раз (по жалобе отца) изучала дело и готовила отрицательный ответ, который и подписал Смоленцев. И вот теперь, в его присутствии, мне пришлось показать, что консультант ошибался, что в результате и Смоленцев подписал необоснованный отказ. Хорошо помню его реакцию на создавшуюся ситуацию, когда резко оборвав своего сотрудника, он дал команду немедленно вновь истребовать дело в Верховный суд СССР и учинил резолюцию, вселявшую надежду на благополучный исход.

А как был рад осужденный, находившийся в то время в очередной раз в противотуберкулезной больнице, как торжествовал сразу воспрявший духом Михаил Иванович.

И вдруг, это было в канун Нового, 1992 года, я получил из Верховного суда СССР сообщение.

ВЕРХОВНЫЙ СУД СССР

121260, г. Москва, ул. Воровского, 15

№ 12.91 м 02Д-714-86

На № _____

123242, г. Москва,
ул. Баррикадная, д. 8

Московская областная юридическая
консультация

адвокату Мозе А.Л.

В связи с прекращением деятельности Верховного Суда СССР Ваша жалоба по делу Гичиева А.М. с приложенными к ней документами, а также дело последнего направлены на рассмотрение в Верховный Суд Казахской ССР, откуда Вам будет дан ответ о принятом решении.

Председатель Судебной коллегии
по уголовным делам

С.В. Романин
С.В. Романин

2-ас

СПТУ № 3 Зав. 004/80 г. Тир. 15 тыс.

Вот так аукнулся Беловежский сговор на бедном Михаиле Ивановиче и его тяжелобольном сыне.

— Какой Казахстан? Что могли решить по этому делу в Казахстане после состоявшегося там Пленума Верховного суда? Ответ, конечно, был очень скорый и неправый, да, собственно, убитые горем мои клиенты уже другого и не ожидали.

Так завершилось последнее в моей жизни дело в Верховном суде СССР. Можно сказать, что оно умерло вместе со смертью этой самой высокой и высокоавторитетной в стране судебной инстанцией. Убежден, что рухнули при этом надежды и чаяния на возможность добиться справедливости не только у Гичиева, но и у многих тысяч и даже десятков тысяч других людей.

Хочу оговориться. В работе наших высших судебно-прокурорских инстанций — Прокуратуры и Верховного суда СССР имелось немало недостатков: порой добиться здесь торжества истины и справедливости было ой как нелегко, и я об этом достаточно подробно описал в своих книгах. Тема эта далеко не исчерпана и возможно ей следует посвятить особое исследование.

Но имеющиеся в моем распоряжении и в распоряжении многих других адвокатов дела, по которым истина торжествовала исключительно благодаря вмешательству этих высших судебно-прокурорских инстанций Союза, дают полное основание говорить о том невосполнимом ущербе, который был причинен их ликвидацией нашему правосудию.

И опять задаюсь вопросом: неужели так сложно было все это предвидеть в глухой беловежской чаще?

Время, которое нам предстоит еще по достоинству оценить.

Вместо эпилога

Скажу откровенно, я очень долго не решался предать гласности страницы своего адвокатского архива, издаваемого сейчас в пяти книгах под рубрикой “За кулисами защиты”.

В самом деле, казалось мне, кого эти книги могут сейчас интересовать, что поучительного и ценного может найти в них не только широкая читательская аудитория, но даже узкий профессионал-юрист, адвокат, ученый?

И дело не только в том, что некоторые публикуемые материалы покрыты толстым слоем архивной пыли и уносят нас в далекие первые послевоенные годы или годы, отдаленные от сегодняшнего дня на 20-30 лет, но и в том, что последнее десятилетие, так называемые годы перестройки, не только резко изменили всю нашу жизнь, но и в корне изменили наше правосудие, т. е. ту самую среду, в которой мне приходилось жить и работать, и которой, естественно, посвящена подавляющая часть публикуемого материала.

Разрушена единая Держава, а вместе с ней порушены и единая стройная система правосудия, общесоюзное законодательство, высшие судебные-прокурорские инстанции — Прокуратура и Верховный суд СССР. Изменились, если угодно, не только суд и Прокуратура, но и сама адвокатура, в которой мне довелось прожить всю свою жизнь. Многие адвокаты, следуя велению времени, ударились в обслуживающие бизнеса, в работу во вновь образующихся коммерческих структурах, а круг адвокатов-криминалистов, ведущих уголовные дела, резко сузился. В этих условиях, думается, роль судебного ораторского искусства будет неизбежно сведена на нет и число талантливых судебных ораторов, уверен, резко уменьшится.

Очень боюсь, что спустя годы, характеризуя адвокатуру нынешнего времени, кто-нибудь с горечью скажет, перефразируя знаменитого Андриевского, что “тогда кое-где сформировалась крепкая школа дешевой саморекламы и ораторского пустозвонства, а адвокатская трибуна превратилась в торгашескую лавочку”.

Сомнения мои, однако, развеяли мои друзья и коллеги, и в частности такие признанные мастера судебной защиты, как М. А. Гофштейн, И. М. Кисенинский, В. И. Шингарев, С. Л. Ария, В. И. Лившиц, Ю. А. Ефимов и некоторые другие. “Твой архив — явление уникаль-

ное, бесценное, — убеждали они меня, — и было бы непростительно, чтобы он погиб, не увидев света. Ты обязательно должен его опубликовать, ведь помимо большого общественного интереса, который он не может не вызвать, как одна из характеристик прожитой нами эпохи, он представляет еще и чисто профессиональный интерес, внесет неоценимый вклад в дело совершенствования профессионального мастерства наших адвокатов...” И я решился... Решился, в надежде на то, что может быть действительно придет время и многое, в том числе, в области нашего правосудия образуется. Мы часто говорим о необходимости создания единого экономического пространства, единой рублевой зоны и пр. А, может быть, вместе с этим следовало бы ставить вопрос и о создании единого правового пространства, где бы наряду с законами и кодексами суверенных государств существовали бы и единые общие для всего СНГ законы и законодательные органы. Ликвидация, разрушение их нанесло серьезный удар по нашему правосудию, по законным правам и интересам граждан, сломало немало человеческих судеб, о чем в определенной мере говорят публикуемые книги.

М.С. ГОРБАЧЕВ

ГОДЫ ТРУДНЫХ РЕШЕНИЙ

Абраму Соловей -
Вы знаете о
Бизнесе, который
нам предстоит
сделать на Дальнем
Севере.
М.С. Горбачев

Мы живем в великую эпоху перестройки, во время, которое оценить сейчас по-настоящему еще невозможно. “Лицом к лицу — лица не увидать. Большое видится на расстоянии...”, — писал поэт С. Есенин. Ему, как мне кажется, вторит и М. С. Горбачев, который презентуя мне одну из своих последних замечательных книг, снабдил ее таким автографом: “...на память о времени, которое нам предстоит еще по достоинству оценить”.

Убежден, что этот час придет, что это время обязательно настанет! И буду безмерно счастлив, если публикуемое мною хоть на иоту, на какое-то мгновение будет способствовать его приближению.

А. М.

Оглавление

Дело Тины Клементьевны Комахидзе. Вклад на предъявителя	5
Дело пенсионера Лейкина Израиля Абрамовича, осужденного за незаконное получение пенсии	31
Дело врача Кошулиева К. Х.	55
Дело Бориса Колбая. Трагедия в парке на берегу Черного моря	68
Дело Владимира Ильинова. Причастность к убийству в Княжпогостском лагере	113
Дело Виталия Николаевича Середы, обвиняемого во взяточничестве	131
Неожиданный бросок: Зугдиди — Советск. Дело Ивана Агеенко	169
Дело Литвинова К. И. Покушение на убийство или тяжкое телесное повреждение?	175
Дело Гвасалия Гиви Силовановича. Месть за разоблачение	194
Явка с повинной. Кто же убийца?	201
Дело Владимира Спиркина. Разбой или вымогательство?	243
Дело Вафо Хамрокулова. Предрешенная смертная казнь	288
Кого они защищают? Двадцать лет спустя	321
Три оправдательных приговора Василия Штарева	337
Последнее дело Верховного суда СССР	363
Время, которое нам предстоит еще по достоинству оценить. Вместо эпилога	365

А. Л. Мове
За кулисами защиты
Памятные страницы

Редактор Айзикович Ю. И.
Технический редактор Романов Д. С.
Корректор Мишнева Е. О.

Подписано в печать 21.09.93.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,0. Уч.-изд. л. 21,2. Тираж 10000. Заказ № 122

Издательство "Международный Союз (содружество) адвокатов"
г. Москва, Южинский пер., д 1/14, кор. 7.
Лицензия ЛР № 030482 от 25 января 1993г.

Отпечатано с оригинал-макета способом фотоофсет на
Можайском полиграфкомбинате Министерства печати и информации
Российской Федерации.

